

Эрнст Генри
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
АНТИКОММУНИЗМ

Эрнст Генри
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
АНТИКОММУНИЗМ

К истории возникновения

Москва
Издательство
политической
литературы
1981

Под общей редакцией
доктора исторических наук
В. Д. Ежова

Генри Э.

ГЗ4 **Профессиональный антикоммунизм. К истории возникновения.** М.: Политиздат, 1981.— 367 с.

Известный публицист-международник Эрнст Генри разоблачает в своей книге подрывную деятельность международной сети тайных и полусекретных контрреволюционных организаций, созданной реакционными силами в тщетных усилиях остановить победоносное шествие коммунизма.

Книгу с интересом прочтут широкие круги читателей.

Г $\frac{11105-133}{079(02)-81}$ БЗ-97-3-79 0804000000

66.4(08)
327.21

© ПОЛИТИЗДАТ, 1981 г.

ВВЕДЕНИЕ

За сценой

Вашингтон, май 1978 г., зал в отеле «Американа». Заседает ежегодная конференция «Всемирной антикоммунистической лиги». Присутствуют 800 делегатов и «наблюдателей» из разных стран, речи переводятся на английский, испанский и китайский языки. Среди участников — американские сенаторы, депутат бундестага ФРГ, вице-президент Гватемалы, член ЦК правящей на Тайване чанкайшистской партии, несколько лиц в одежде буддийских монахов. Цель конференции — разработать новую «стратегию борьбы против коммунизма».

Проникший на заседание американский журналист Пол Валентайн пишет: «...за речами, за всей помпой, за скрупулезным соблюдением парламентских процедур и ортодоксальными антикоммунистическими заявлениями чувствовались другие силы — силы авторитаризма, неофашизма, расовой иерархии и антисемитизма... Неизвестные многим участникам активисты... завоевывали новые плацдармы среди латиноамериканских и европейских делегатов, заручались негласной денежной помощью» и стремились создать «консорциум из разных элементов крайне правых международных сил»¹.

О каких в точности силах идет речь, американский журналист особо не распространяется, называя из 800 присутствующих только около полутора десятков. Среди них, например, бывший член правительства Муссолини Дж. Альмиранте, ныне главарь неофашистской партии «Итальянское социальное движение», к которой принадлежит 43 сенатора и депутата итальянского парламента.

Тут же — ряд небезызвестных американских фашистов и профашистов: бывший штурмовик, представитель «Американской нацистской партии» Э. Томас, близкий к Ку-клукс-клану и к западногерманским нацистам, уполномоченный некоего бюро «Либерти лобби» в Вашингтоне Р. Бартелл, основатель расистского «Гражданского совета Миссисипи» Э. Гривс, руководитель «Националь-

¹ Washington Post, 31.V 1978.

ного союза» в Арлингтоне У. Пирс и другие. Председательствует на конференции (одиннадцатой по счету) президент некоего таинственного вашингтонского «Совета американских дел», сторонник «нордического или арийского расизма» Р. Пирсон.

Среди делегатов фигурируют посланец расистов из Южно-Африканской Республики А. Бенсон, австралийский «писатель» Э. Батлер, мексиканский профессор Р. Горреро, не названный по имени представитель французской организации «Нувель эколь» и другие деятели правых сил. Все это похоже скорее на тайную сходку «черного интернационала». Но присутствуют и лица, представляющие совсем другие круги капиталистического мира, в частности агенты большого бизнеса разных стран. В числе делегатов — шейх Ахмед Салах Джамджум, бывший министр в правительстве Саудовской Аравии, ныне генеральный директор крупной промышленной компании в этой стране и глава «Ближневосточного регионального совета Всемирной антикоммунистической лиги» (при ней существуют пять других «региональных советов»). Беседуя с журналистами, шейх охотно сообщает, что «отдельные его соотечественники в последние годы внесли немало денег в фонд лиги».

Кого именно представляют на конференции видные «делегаты и наблюдатели» из США и Западной Европы, вашингтонский репортер не сообщает и, возможно, не знает. Он только отмечает, что «в последние годы появляются все новые члены Всемирной антикоммунистической лиги из Европы, Латинской Америки и с Ближнего Востока».

Заседания конференции продолжаются четыре дня. Некоторые встречи устраиваются за закрытыми дверями в другой гостинице. О решениях собравшихся не сообщается ни слова. Широкая американская общественность впервые узнает о существовании лиги.

Уже упоминавшийся американский журналист П. Валентайн называет конференцию «грандиозной». В действительности же все это не более чем эпизод, случайно ставший достоянием гласности. Заседавшая в столице США в мае 1978 г. «Всемирная антикоммунистическая лига» — только один из законспирированных или полусекретных центров, охватывающих в разных странах капиталистического мира десятки организаций и групп. Их подлинные покровители, принадлежащие большей частью к правящим политическим и монополистическим кругам современного Запада и к полицейскому аппарату тех же стран, почти всегда держатся в тени или хотя бы в полутени.

Уяснить себе масштабы операций этих сил в отдельных странах можно на примере их главной агентуры в США, действующей в Чикаго под флагом «общественной» организации «Американский совет безопасности» (АСК).

Либеральный американский журнал «Нейшн» еще в 1962 г. называл этот «совет», возглавлявшийся бывшими сотрудниками американской охраны ФБР Дж. Фишером и Дж. Исоном, «сверхшпионским предприятием, способным погубить карьеру любого человека»¹. Средства для АСК поступают от 3200 американских корпораций. С АСК непосредственно связана также «военная элита».

По другим данным, эта агентура «руководит мириадами антикоммунистических организаций, раскинувшихся по стране»². В «совещательный комитет» при АСК входят уполномоченные американской электромонополии «Дженерал электрик», годовой оборот которой превышает 16 млрд. долл., огромных трестов универмагов «Маршалл Филд» и «Серс рибук», сталелитейного треста «Юнайтед стил» и ряда других крупнейших компаний.

В состав действующего при организации «комитета по национальной стратегии» в 60-х и 70-х годах входили такие известные в прошлом деятели Пентагона, как бывший глава комитета начальников штабов США адмирал А. Рэдфорд, бывший командующий американскими войсками в гоминьдановском Китае генерал А. Ведемейер, сторонник стратегии внезапного «превентивного» удара адмирал Ч. Уорд. В числе тех, кто сотрудничает с АСК в кулуарах конгресса, государственного департамента и Пентагона, еще более важная фигура — «отец американской водородной бомбы» Э. Теллер.

Еще в начале 70-х годов руководитель АСК Фишер выступил со следующим призывом к общественности: «Америка в опасности! Пожалуйста, откликнитесь, пока у нас еще есть время, чтобы спастись!» В таких тонах чикагская агентура ведет свою пропаганду. В миллионах экземпляров публикуются насыщенные злобными антисоветскими вымыслами брошюры, ежедневно (!) по всей стране рассылается до 200 тыс. гектографированных «писем» такого же содержания, в частности с нападками на политику разрядки.

В то же время непрерывно составляются «черные списки» с именами «неблагонадежных» людей в самих Соединенных Штатах. В 60-х годах в такие списки уже было внесено более двух миллионов человек; с тех пор ежемесячно вносятся тысячи новых имен. О каждом даются подробные сведения — об его деятельности, взглядах и связях. В строго секретном документе АСК «Исследование № 60 в области политики на предприятиях», воспроизведенном в свое время в американском профсоюзном журнале «Марч оф лейбур», излагалась разработанная до мельчайших де-

¹ The Nation, 30.VI 1962, p. 592—594.

² The Worker, 1.VI 1961, p. 4.

талей инструкция широкой сети осведомителей, ведущих систематический шпионаж за рабочими и служащими.

На каждом предприятии, в каждом цехе предлагалось завербовать «избранную группу старых и пользующихся доверием работников», поручая им следить за своими товарищами, в особенности за теми, «кто говорит, что в Вашингтоне пришел к власти крупный капитал, кто думает, что мир во всем мире желателен и возможен».

Рекомендовалось записывать, о чем рабочий говорит в гардеробной или на профсоюзном собрании, с кем он встречается в нерабочее время, в какие входит организации и т. д. Судя по всему, на такие цели ассигнуются немалые средства.

Так день за днем действует «Американский совет безопасности». Это далеко не единственная подобная агентура в США. В последние годы там же возникли небольшие организации, созданные специально для подспудной или открытой борьбы против прогрессивных и антивоенных сил в США и вербующие в свой состав старых государственных деятелей, экс-дипломатов, конгрессменов, разведчиков и журналистов. Цель их — насаждение активного антикоммунизма сверху. Таковы, например, основанный в ноябре 1976 г. «Комитет по существующей опасности» в Вашингтоне, «Национальный центр стратегической информации» и «Коалиция за мир с позиции силы» в Нью-Йорке. Хотя число участников таких отборных агентурных центров невелико, их влияние, как оказывается, проникает в окружение самого Белого дома. Все это звенья той же цепи. Но охватом Соединенных Штатов цепь эта далеко не ограничивается.

Такие же оперирующие за кулисами организации, хотя и меньшего размера, чем «Американский совет безопасности», действуют в настоящее время почти в каждой буржуазной стране. Один лишь их список занял бы десятки страниц.

В Великобритании — это так называемая «Экономическая лига», созданная под столь невинным названием еще задолго до войны целой когортой монополистов и также постоянно занимающаяся составлением «черных списков» левых рабочих, фабрично-заводским шпионажем, провокациями в профсоюзах и срывом забастовок. Заведующим ее «отделом печати» еще в предвоенные годы был полковник Дж. Б. Уайт, присутствовавший в 1937 г. в качестве гостя на съезде гитлеровской партии в Нюрнберге¹.

В ФРГ продолжают действовать преемники замаскированной антикоммунистической организации, основанной после войны под названием «Народный союз» старым сотрудником Геббельса по

¹ Facts about Economic League. London, 1959, p. 9.

таким делам Э. Таубертом. В Италии функции филиала «Всемирной антикоммунистической лиги» выполняет неофашистская партия «Итальянское социальное движение», насчитывающая около 300 тыс. членов.

В Японии организованы «Отряды защиты производства», возглавляемые директорами заводов или их заместителями и составленные из специально отобранных мастеров и рабочих, получающих за это определенную мзду. Члены отрядов обязываются «защищать производство от подрывных элементов» и вести антикоммунистическую пропаганду. Здесь, по-видимому, тоже применяется опыт «Американского совета безопасности». В свое время в Токио был создан «Всемирный съезд борцов за окончательную победу над коммунизмом», призвавший «все некоммунистические страны объединиться, чтобы не стать жертвой глобального коммунистического заговора».

В Южно-Африканской Республике действует «Национальный совет по борьбе с коммунизмом», в 60-х годах возглавлявшийся Дж. Форстером, родным братом тогдашнего премьер-министра страны Б. Дж. Форстера. В Пакистане, Индонезии, Таиланде, Южной Корее, Малайзии, на Филиппинах оперируют филиалы «Всемирной антикоммунистической лиги».

В ряде стран такие агентурные центры занимаются открытым терроризмом, действуя самостоятельно либо же в сговоре с боевыми фашистскими организациями. В Чили накануне кровавого переворота Пиночета буйствовали, как известно, специально набранные банды под названием «Патрия и либертад». В Гватемале такими же делами занимается «Белая рука», в Аргентине — «Аргентинский антикоммунистический альянс», в Сальвадоре — «Союз белого воина», в Бразилии — «Эскадрон смерти». Командуют этими бандами, как правило, армейские и полицейские офицеры; террористические операции проводятся под негласным контролем министерств внутренних дел и обороны.

Здесь действия антикоммунистов временами создают обстановку настоящей гражданской войны. Уничтожаются десятки тысяч прогрессивно настроенных людей; в Гватемале, например, свыше 30 тыс. человек, в Аргентине — 25—30 тыс. Такими организациями явно запланирована резня левых в еще более массовых масштабах. То, чего еще не могут себе позволить «Американский совет безопасности» в Чикаго и филиалы «Всемирной антикоммунистической лиги» в Западной Европе, в ряде стран Латинской Америки становится типичным явлением. То же намечается на Ближнем Востоке.

В Турции для проведения террористических актов против левых были сформированы составленные из реакционной молодежи отряды «коммандос». Их члены носили нарукавные повязки с изо-

бражением трех полумесяцев и обучались по эсэсовским образцам. Здесь за такими операциями наблюдает «Общество по борьбе с коммунизмом».

Связи террористических организаций друг с другом через границы государств не подлежат сомнению. Факты свидетельствуют, что многие из них возникают не стихийно и самостоятельно, а в строгом секрете инструктируются, финансируются и координируются международными антикоммунистическими центрами.

В нашей работе мы, разумеется, не пытаемся охватить весь комплекс, всю многообразную, многоликую «систему» современного антикоммунизма. Наша задача — не исследование его идеологии и философии, его общей международной политики, его антисоветских «доктрин». Как уже ясно из сказанного, нас интересует тайный и полусекретный аппарат антикоммунистических сил, возникший в форме международной сети вскоре же после создания Советского государства.

В 70-х годах могло показаться, что воинствующие антикоммунистические организации в связи с широким распространением духа разрядки как будто притихли — по крайней мере в Западной Европе — или хотя бы несколько умилили тон своей пропаганды. Это отнюдь не так. Они не только не приостановили свои махинации, а стали проявлять еще более бешеную активность.

В последнее время они удвоили свою активность, направляя ее в первую очередь именно против политики разрядки. Этому курсу следуют «Американский совет безопасности», «Всемирная антикоммунистическая лига» и все родственные им организации. В буржуазных странах делается все для того, чтобы накалить атмосферу напряженности и тем самым приблизить к власти наиболее воинственные антикоммунистические и антисоветские круги.

Надо учесть, что могущественные военно-промышленные комплексы в странах капиталистического мира и связанные с ними политики на деле никогда не соглашались на подлинно мирное существование: это угрожало извлечению сверхприбылей из производства вооружений. И как только из Вашингтона был дан сигнал к возобновлению «холодной войны», вся система антикоммунистических организаций была немедленно мобилизована на достижение этой цели. Идея антиразрядки вместе с призывами к стовору империалистических держав с маоистским Китаем и к подготовке прямой агрессии против социалистических стран стоит и сейчас на первом месте в программе этих агентур, где бы они ни действовали.

Все они занимались и занимаются одним и только одним делом: тем, что, с точки зрения историка и социолога, можно назвать профессиональным антикоммунизмом.

Как он возник?

От прошлого к настоящему

Люди коммунистического будущего, которые станут изучать историю нашего времени, несомненно остановят свое внимание на том, как силы реакции тщетно пытались помешать человечеству освободиться от социальных оков.

Наши потомки будут удивляться, как удивляемся прошлому и мы, тому, сколько пришлось выдержать человеку в его докоммунистическом прошлом, защищаясь от врагов социального прогресса; сколько миллионов жизней и сколько десятилетий, составлявших каждую жизнь, поглотили схватки с силами, заведомо обреченными, уже умиравшими, но все еще не выпускающими оружия из рук; и как, несмотря ни на что, человек XX в., гордый и бесстрашный, прорывался вперед. Об этом, о жизни и борьбе людей самого тяжелого, самого грозного и самого великого из столетий, никогда не забудут.

Среди препятствий, которые приходится преодолевать новой, коммунистической цивилизации, особое место занимает антигуманистический заговор, называемый заговором антикоммунистов.

Антикоммунизм — антипод коммунизма, всегда следовал за ним по пятам, пытаясь его задержать, остановить, повергнуть. В силу диалектического закона истории, диктующего извечную борьбу противоположностей, старого и нового, он и по сей день атакует коммунизм повсюду, проигрывая одну битву за другой, но не складывая оружия. Антикоммунизм умрет только тогда, когда коммунизм придет к цели, завоевав умы людей во всем мире. Чем сильнее становится коммунизм, чем шире раздвигаются границы его влияния на земле, тем более страшное оружие пытается изобрести против него — а в действительности против всей планеты — антикоммунизм.

От словесной пропаганды антимарксистских идей он переходит к «холодной войне» против победившего социализма, от «обычных» полицейских репрессий — к фашизму, от политики «санитарного кордона» — к водородной бомбе. В 70-х годах антикоммунизм доходит до того, что планирует перенести борьбу с коммунизмом в космос. До этого не мог додуматься в прошлом ни один из авторов фантастических романов. Герберт Уэллс, крупнейший из них, красочно представлял себе «войну миров», нашествие марсиан на Землю. Но даже он не решился допустить мысль, что отчаявшиеся силы прошлого в XX в. попытаются перенести классовую борьбу за пределы земной атмосферы.

Проблема антикоммунизма весьма обширна, многогранна и сложна. К ней можно подойти с самых различных сторон: с позиций философа, историка, политика, писателя, сатирика. У каждого из них есть что сказать о том, как действует современный

антикоммунизм, как он мечется в поисках новых средств, а также о том, как нужно встречать и отражать его удары.

Второе не менее важно, чем первое. Надо не только уметь распознавать и анализировать, но и действовать. Времени терять нельзя. В эпоху, когда враг грозит придать классовой борьбе термоядерный характер, когда старое в борьбе с новым готово идти на риск планетарной катастрофы (вспомним высказывание американо-канского сенатора Голдуотера, смысл которого сводился к следующему: мы скорее отправим весь мир на тот свет, чем оставим его жить при коммунизме), — в такую эпоху дремать, уповая на «объективные законы истории», более опасно, чем когда-либо прежде.

Все в мире в наши дни как бы освещено отблесками великого социального прогресса. Ни одному из прошлых поколений не была знакома такая острота классовой борьбы и такая динамика социальных отношений. Во всех сферах жизни — в политике, в экономике, в области науки, в военном деле — социализм движется вперед такими стремительными шагами, какими никогда не продвигались ни одна идея, ни одно сообщество людей.

Будущие летописцы отметят, что со второй половины нашего века руководителей капиталистического мира начало постепенно охватывать чувство, похожее на панический страх. Мы, современники, можем наблюдать это изо дня в день. Похоже на то, что в столицах противоположного нам мира все время как будто бьют в набат. Отживающая общественная система судорожно ищет новые средства, чтобы попытаться как-нибудь перечеркнуть решение истории, высказавшейся в пользу нового строя общества, или хотя бы замедлить умирание старого мира еще на какой-то отрезок времени, еще на несколько десятилетий. Где найти такие средства?

Экономика отказывает в них капитализму. Производительные силы социалистического общества при плановой системе и отсутствии антагонистических классовых противоречий и кризисов развиваются на прочной основе, и конечный исход состязания в области материального производства предreshен, что вынуждены признать даже многие серьезные буржуазные наблюдатели. Оказываются тщетными попытки империалистических держав добиться военного превосходства, чтобы действовать «с позиции силы», используя военную угрозу.

На международной политической арене жизнь движется в том же направлении. На разбуженных социализмом континентах развивается революционный процесс. В Западной Европе, второй по значению после США цитадели мирового капитализма, крепнут левые и демократические силы. Неустанная борьба за мир, в авангарде которой идут государства социалистического содружества, коммунисты и национально-патриотические силы пробудившихся народов, завоевывает все большее число сторонников. Идеологиче-

ская битва наглядно складывается не так, как желали бы мыслители старого общества.

Мы знаем, все это отнюдь не значит, что капитализм думает о капитуляции. Напротив, ощущение приближающейся развязки ведет к тому, что реакционные деятели этой дряхлеющей системы впадают в своего рода политическое бешенство. Мечась из стороны в сторону в поисках выхода, они нажимают на все кнопки, приводят в движение все пружины общественного механизма и механизма насилия, которыми располагает капитализм. Эти конвульсии отмирающего общества, представляющие при нынешних темпах развития военной техники небывалую угрозу для всего человечества, и порождают то, что называется воинствующим антикоммунизмом. Чем дальше вперед движется история, тем опаснее для мира становится это явление. Политика мировых социалистических и демократических сил, направленная на разрядку и мирное сосуществование, разоблачает и срывает преступные планы международной реакции, империализма.

Формы, которые принимают происки антикоммунизма, самые разные. Некоторые апостолы империализма, изверившиеся в обычных политических, экономических и военных средствах борьбы против коммунизма, считают, что выход — в так называемой «психологической войне». Под этим, однако, подразумевается не просто обычная пропаганда. Имеется в виду создание такой гигантской, невиданной машины психологического воздействия, которая могла бы оглушить и как бы загипнотизировать весь мир, повлиять на ход событий, независимо от того, в каком направлении действуют общие экономические, социальные, политические и военно-стратегические факторы. Это похоже на галлюцинацию. Тем не менее именно такое решение долгое время предлагали некоторые западные специалисты по антикоммунизму и «советологии», и кое-кто из них предлагает его и теперь.

Близкий к вашингтонской разведке, журналист Д. Скотт писал в своей книге о психологической войне вслед за подробным анализом экономического и военного потенциала двух систем: «Запад не обладает превосходством географических, экономических и человеческих сил, необходимых для победы в развернутой войне... Ввиду всех этих обстоятельств начинать войну против Советского Союза было бы, очевидно, безнравственно и глупо... При условии, что на это в наличии будет достаточно времени, политическая война (то есть пропаганда. — Э. Г.) может добиться того, чего никогда не добивались классические (то есть обычные. — Э. Г.) войны»¹. Советник президента США Г. Трумэна по вопросам психологической войны Ч. Джексон повторял ту же мысль: «Мы могли бы выиграть

¹ *Scott J. Political Warfare. New York, 1955, p. 239.*

третью мировую войну, не ведя ее». Называя в качестве стимулов «психологической стратегии» фанатизм и деньги, Джексон выдвигал два правила для тех, кто ее проводит: «ни перед чем не останавливаться» и «не задавать никаких вопросов».

Автор другой вышедшей на Западе книги на ту же тему Л. Марголин писал: «В будущем роль, которую играла артиллерия в подготовке атаки пехоты, будет играть подрывная пропаганда. Ее задача — сокрушить врага психологически до того, как начнут действовать армии». Такая стратегия, продолжал Марголин, «если применять ее правильно, может достичь фантастических результатов». Бывший начальник британского управления пропаганды в годы второй мировой войны, известный разведчик Брюс Локкарт считал, что радиовещание на границу стало потенциально равноценным линейному флоту. Американский профессор А. Шлезингер, который во время президентства Кеннеди был его специальным помощником, ставил целью «психологического наступления» Запада «сбить с толку Кремль, измучить его и уж на этот раз вывести коммунистов из равновесия во всемирной войне силы воли». Консультант Пентагона профессор Лайнбергер подчеркнул, что «психологическая война планируется по краям кошмара», и назвал ее «незаменимой составной частью стратегии обмана»¹.

Бывший администратор «плана Маршалла», а впоследствии руководитель «Фонда Форда» Гофман предложил довести расходы американского правительства по антисоветской и антикоммунистической пропаганде до миллиарда долларов в год. Глава крупнейшей монополии «Рэдио корпорейшн» Сарнов пошел дальше. Предостерегая, что «время для адекватного наступления в «холодной войне» истекает», он предложил «захватить инициативу в психологической войне», выделив на это до 7% военного бюджета США, что теперь составило бы около 10 млрд. долл. в год — почти столько же, сколько такая страна, как Англия, в 1978 г. тратила на покрытие всех своих военных расходов. В случае ассигнования этих сумм можно было бы, по мнению американских специалистов в подобных делах, развернуть мировую антикоммунистическую пропаганду такой потенции, такого напряжения, что человеческое сознание оказалось бы бессильным перед ней. Это, считают они, была бы могущественная армия совершенно нового типа — армия, «хлороформирующая умы».

Разговоры о создании такой антикоммунистической «армии», начавшиеся в период «холодной войны», со страстью велись на Западе годами. В США на это дело действительно были ассигнованы огромные средства и создан мощный пропагандистский ап-

¹ Linebarger P. M. Psychological Warfare. Washington, 1948, p. 1, 36.

парат с тысячами сотрудников и филиалами по всему капиталистическому миру. Результат стал ясен уже два десятилетия спустя. На отдельных, наименее осведомленных и наиболее доверчивых, отсталых людей американская машина антикоммунистической пропаганды в какой-то мере повлияла и влияет. Но оглушить и загипнотизировать человечество антисоветской ложью не удалось.

Но антикоммунизм многолик. Государственными, военными, экономическими, пропагандистскими организациями его силы не исчерпываются. Существуют и другие организации, действующие в глубокой тайне.

В буржуазной печати о них, как правило, не упоминают. В газеты временами просачиваются лишь отрывочные сведения о тех или иных звеньях этого аппарата, охватывающего весь капиталистический мир. Главное внимание таких организаций обращено не столько на пропаганду, сколько на нечто другое: на слежку и провокации против коммунистов во всех странах, на подпольную борьбу против них, в конечном же счете — на подготовку массового антикоммунистического террора. Участники подобных организаций считают, что есть только одно действенное средство борьбы с коммунизмом: «выжечь его с поверхности земли». Другого пути для спасения буржуазного общества они уже не видят.

Это — профессиональные антикоммунисты. О них и говорится в данной работе.

* * *

Свыше полвека назад американский писатель-социалист Джек Лондон, обладавший тонкой политической интуицией, написал фантастический роман «Железная пята». Лондон предсказывал в этой книге возникновение в США тайного сообщества миллиардеров и миллионеров, решивших искоренить революционное рабочее движение с помощью террора. Устраивая чудовищные провокации, истребляя социалистических руководителей и передовую интеллигенцию, организуя массовые побоища рабочих, «Железная пята» приходит к власти. Строй буржуазной демократии сменяется невиданной деспотией кучки богачей, ни перед чем не останавливающихся, подчиняющих себе всю жизнь в стране, удушающих свободную мысль.

В книге красочно описывалось, как «власть Железной пяты» наводилась на человечество». Объявив, что с социалистами «не о чем разговаривать» и что надо показать, «где сила», главы финансовой олигархии отдают приказ устраивать варфоломеевские ночи. Повсюду свирепствовало насилие и кровь лилась рекой. Сначала тайными агентами и черными сотнями провоцировались беспорядки, а затем появлялись войска. По всей сельской Америке буйствовали и бесчинствовали толпы громил. Над горящими городами и селами, над усадьбами и амбарами день и ночь стояли

столбы дыма. В ход пошел и динамит. Какие-то неизвестные взрывали железнодорожные туннели и мосты и пускали под откос поезда... Расправлялись без суда и следствия, пристреливая людей на месте. Предостерегая своих современников, до чего способна дойти взбесившаяся монополистическая буржуазия, Лондон допускал, что «Железная пята» может утвердить свое господство.

Четверть века спустя его предсказания как будто начали оправдываться. Только 12 лет господства фашистской «Железной пяты» в центре Европы стоили человечеству 50 млн. жизней. Можно ли считать, что идеи, подобные тем, о которых писал Джек Лондон и которые по-своему применил Гитлер, исчезли в современном капиталистическом мире? Как далеко от «сто процентного» антикоммунизма некоторых нынешних магнатов капитала до нового фашизма?

Книга Лондона была смелой литературной фантазией. Факты о деятельности тайных и полусекретных антикоммунистических организаций, функционирующих в настоящее время во всех уголках капиталистического мира, говорят о том, что концепция власти «Железной пяты», насильственное уничтожение революционного рабочего движения, — это действительно концепция наиболее ожесточенных империалистических кругов, тех, кто особенно боится разрядки и мирного сосуществования. В таких кругах уже давно вынашивают планы практического осуществления методов «Железной пяты».

Антикоммунисты этого толка подходят к вопросу просто. Пропаганда, как уже отмечалось, интересует их лишь во вторую очередь, во всяком случае только в сочетании с насилием. В их кругах обычно учитывают, что в идеологической борьбе коммунистов не осилить. Как и олигархии из романа Джека Лондона, они считают, что вести с коммунистами идейные споры опасно. Революционное рабочее движение, по их мнению, можно преодолеть только огнем и мечом, путем беспощадных репрессий и преследований, если же ничего не поможет — путем физической расправы с десятками и сотнями тысяч людей по фашистскому образцу.

Ясно, что в современных условиях правящие круги буржуазных государств не могут взять на себя открыто подготовку к выполнению подобной программы. Даже проведение ограничительных антикоммунистических законов повсюду наталкивается на сопротивление общественности. Организация провокаций и террора не включена в круг официальных задач правительственных агентств типа «УМС» (бывшее «ЮСИА») в США, хотя и намечена в планах НАТО и ЦРУ в случае «критических ситуаций». Отсюда и начинается сфера деятельности профессиональных антикоммунистов, связанных во всех буржуазных странах с полицейскими и разведывательными ведомствами.

Создаваемые ими организации ничем другим, как подрывной работой против коммунистических партий и прогрессивных движений, не занимаются. К государственным учреждениям они официально отношения не имеют, средства на свое существование получают из частных источников, которые не называются. В адресах сплошь и рядом указываются подставные бюро или почтовые ящики. Но за сценой, как правило, стоят лица, занимающие видное положение в буржуазном обществе, а кое-где даже в правящих кругах: реакционные политики, крупные промышленники и банкиры, представители военщины, полицейские чины и выслужившиеся бюрократы, журналисты, специализирующиеся на антисоветской пропаганде и травле коммунистов, и т. д. Среди таких лиц фигурируют представители самых различных буржуазных партий, в том числе бывшие фашисты и профашисты. В некоторых случаях оказывается, что те же лица причастны к деятельности государственных антикоммунистических ведомств и даже на довольно влиятельных ролях.

В мире капитала организации профессиональных антикоммунистов выступают под разными названиями, и методы их работы варьируются в зависимости от специфических условий и обстановки. Во всех случаях, однако, можно различить следующие главные виды деятельности этих организаций:

- шпионская слежка за коммунистическими активистами, прогрессивными деятелями рабочего движения, сторонниками движения за мир;

- составление «черных списков» с целью преследования коммунистов и подготовки физической расправы с ними в удобный момент;

- засылка провокаторов в коммунистическое и рабочее движение, в прогрессивные союзы и общественные организации;

- травля коммунистов в профсоюзах, подкуп голосов на профсоюзных выборах, тайный сговор с вожаками правых для проведения антикоммунистических кандидатов на руководящие посты;

- постоянный контакт с полицейскими органами, взаимный обмен информацией, совместная подготовка провокаций;

- сотрудничество с главарями неофашистов для создания антикоммунистических погромных банд и подготовки белого террора;

- слежка за прогрессивно настроенной молодежью в школах и университетах;

- слежка за прогрессивными элементами в государственных учреждениях и в армии;

- содействие в издании антикоммунистической литературы, в организации кампаний в печати и эфире против местной компартии, движения за мир, отдельных прогрессивных деятелей;

активизация антикоммунистических сил в различных сферах и секторах буржуазного общества: в деловом мире, среди интеллигенции, в армии, среди журналистов, деятелей церкви и т. д.;

закулисный сговор с противниками разрядки и сторонниками проведения обостренной «холодной войны», систематическое развязывание клеветнических кампаний против социалистических государств, участие в разведывательных и диверсионных операциях против них;

непосредственное участие в подготовке реакционных заговоров и переворотов, устраиваемых под флагом антикоммунизма.

На таких делах сосредоточивались и сосредоточиваются профессиональные антикоммунисты. В настоящее время их организации в капиталистическом мире насчитываются сотнями. Нет ни одной буржуазной страны и едва ли хоть одного крупного города в таких странах, где бы не действовали их организации или хотя бы опорные пункты этой сети. По существу, речь идет о скрытых оперативных штабах ультрареакционной части монополистической буржуазии для борьбы с коммунизмом.

Факты подтверждают, что деятельность подрывных антикоммунистических организаций координируется в международном масштабе. Антикоммунисты разных стран капиталистического мира сообщаются друг с другом через границы государств, не гнушаясь никакими средствами, совместно плетут нити своих интриг и заговоров, совместно составляют свои планы. Действуют замаскированные «наднациональные» центры, объединяющие, опекающие и даже финансирующие такие организации в отдельных странах. Проводимая в наше время Советским Союзом и другими братскими социалистическими государствами политика разрядки напряженности на мировой арене вызывает бешеное противодействие со стороны таких центров, которые удваивают свои усилия в стремлении отравить международные отношения и толкнуть человечество к третьей мировой войне.

История этих организаций еще не написана. Роль профессиональных антикоммунистов за кулисами современной политики была многими исследователями недостаточно учтена и недостаточно учитывается по сей день. Буржуазная литература изобилует публикациями о всякого рода полицейских организациях и разведках, но тут в ней зияет пробел. Налицо, однако, значительное количество документального материала, позволяющего осветить эту тему.

* * *

Когда возник профессиональный антикоммунизм?

Ошибочно считать, что это произошло лишь вслед за социалистической революцией в России в 1917 г. Многочисленные факты подтверждают, что организации такого рода создавались в капита-

листическом мире значительно раньше. Начало их существования можно отнести еще к середине прошлого века, когда революционное рабочее движение только начинало укрепляться и на арену мировой истории вступили К. Маркс и Ф. Энгельс. Вначале, однако, контрреволюционные дела находились всецело в руках узких полицейских кругов.

Родоначальницей таких организаций можно считать созданную прусской и французской полицией вскоре же после революции 1848 г. и основанная в Лондоне «Союза коммунистов» группу шпионов и провокаторов, попытавшихся опорочить и дезорганизовать возглавлявшееся Марксом и Энгельсом движение. Во главе группы стоял видный прусский полицейский чиновник Вильгельм Штибер, под начальством которого в Париже и Лондоне действовало несколько провокаторов. Во Франции со Штибером сотрудничал префект парижской полиции Пьер Карлье, ставленник Луи Бонапарта, ярый враг революционеров. Агенты Штибера и Карлье проникали в организации «Союза коммунистов», присутствовали на его собраниях, наблюдали за перепиской его членов, фабриковали подложные документы или выкрадывали подлинные.

Результатом их деятельности был напумевший Кельнский процесс коммунистов в октябре — ноябре 1852 г., на котором группе членов Союза было предъявлено обвинение в заговоре, «носящем характер государственной измены». В роли главного «свидетеля» выступил сам Штибер, состав присяжных был подобран, и дело закончилось осуждением семи из одиннадцати обвиняемых. Вся операция была направлена непосредственно против самого Маркса, главы «Союза коммунистов»¹.

Но Кельнским процессом дело не закончилось. Штибер, назначенный позднее шефом всей прусской полиции, стал, можно сказать, родоначальником профессионального антикоммунизма. Именно этим заклятым врагом Маркса была создана первая школа, в которой учили, как преследовать социалистов, следить за ними, внедряться в их организации, совершать подлоги и готовить провокации.

Штибером и его сообщником Вермутом, начальником полиции в Ганновере, также выступившим в роли «свидетеля» на Кельнском процессе, была даже составлена целая книга, выпущенная в двух томах, нечто вроде учебника под названием «Коммунистические заговоры в девятнадцатом столетии», в котором в качестве руководства для полицейских и антисоциалистов излагалась «история» рабочего движения и прилагался длинный «черный список» с биографическими сведениями тех лиц, которые были связаны с движением. Энгельс в 1885 г. назвал эту книгу лживой, изобильную

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 8, с. 423—491.

щей сознательными подлогами стряпней «двух подлеjších полицейских негодяев нашего столетия»¹.

Как оказалось впоследствии, «дела» Штибера произвели сильное впечатление на правительства других европейских стран, их полицейские ведомства стали задумываться над организацией подобных же мероприятий.

В 60-х годах царь Александр II и шеф жандармов князь В. А. Долгоруков поручили тому же Штиберу, в то время уже ушедшему с поста главы прусской полиции, наблюдение за революционерами на западе Российской империи. Штибер и там организовал шпионскую сеть. Денег на это не жалели. III отделение царской канцелярии — будущая охранка — многому научилось у прусского жандарма.

Но операции Штибера, Вермута и Карлье были всего лишь пробными шагами, предпринятыми в ограниченных масштабах. Специальных разветвленных организаций, всецело посвящавших себя борьбе с рабочим движением, еще не было. Для буржуазии в тот период, когда массовых социалистических партий и тем более социалистических государств еще не существовало, было достаточно приводить в движение обычный жандармский, судебный и полицейский аппарат. Тем не менее профессиональный антикоммунизм уже показывал свое лицо. С этого времени он не сходил со сцены. Наследники Штибера дали о себе знать в последующие десятилетия, когда революционное движение в мире начало быстро нарастать.

В 1881 г., вскоре после убийства царя Александра II народо-вольцами, в Петербурге была основана сугубо секретная организация «Священная дружина» для борьбы с революционерами. Конспирация при этом была доведена до того, что о существовании «Священной дружины» было запрещено сообщать даже полиции. Ее членами стали придворные аристократы, великие князья из семьи Романовых, министры и генералы. Организацией руководил комитет во главе с флигель-адъютантом графом П. П. Шуваловым. Была создана разветвленная заграничная агентурная сеть. Высокопоставленные «дружинники» организовывали разгром подпольных революционных типографий, засылали по примеру Штибера провокаторов и издавали в Женеве две газеты. Была предпринята попытка вести провокационные переговоры с народо-вольцами. Однако через полтора года организация распалась.

Оказалось, что знавшие толк в кавалерийских парадах и придворных балах аристократы не сумели по-жандармски взяться за дело. Требовались профессионалы. Действительно, в 1883 г. дела «Священной дружины» были переданы петербургскому департа-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 214.

менту полиции, приступившему к организации своей постоянной «заграничной агентуры».

Некоторое время спустя в Париже появилась на свет организация, назвавшаяся «Лигой спасения русской отчизны». В ее состав вербовались, однако, не русские, а главным образом французы. Сотни специально нанятых босяков расклеивали по улицам воззвания, призывавшие вступить в «лигу», чтобы бороться с революционерами всеми средствами, вплоть до террора. Впоследствии было установлено, что державшимся в тени вдохновителем организации был начальник учрежденной в 1885 г. «Заграничной агентуры» департамента полиции П. К. Рачковский и что средства на организацию «лиги» в Париже были получены от коменданта царского дворца Гессе. В Париже Рачковский находился в постоянном контакте с «Сюрте жeneral» — управлением французской политической полиции.

Его план явно заключался в том, чтобы создать международную боевую — террористическую — организацию против революционеров. Инициатива на этот раз исходила от узкого круга полиции царской России. В то время авантюра Рачковского также провалилась: под воздействием общественности, возмущенной происками царской охранки, французское правительство наемку эmissару петербургского департамента полиции, что «лигу» лучше распустить.

Попыток создать международную антиреволюционную организацию Рачковский все-таки не прекратил. В 1896 г., после убийства анархистами австрийской императрицы Елизаветы, европейские правительства договорились о совместных действиях против анархистов. Инициатива исходила от итальянского правительства, но и на этот раз было очевидно, что за кулисами политической сцены действует царская полиция.

Анархистские организации в России — в отличие от таких стран, как Испания, Франция, Италия, — были слабы, но марксистское движение в ту пору начинало быстро расти. Ленин уже готовился к созданию революционной марксистской партии. «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» был основан им еще в 1895 г., I съезд РСДРП состоялся в 1898 г. Еще раньше, в мае 1895 г., Ленин, находясь в Швейцарии, установил непосредственную связь с Плехановым и его группой «Освобождение труда». Женева считалась центром русской марксистской эмиграции. Рачковский был прекрасно об этом осведомлен: в его обязанности входило заведование агентурой охранки не только в Париже, но и в Женеве. Царское правительство уже ощущало дрожание почвы под ногами. Как мы увидим, усилия его секретного полицейского аппарата были вскоре же направлены прежде всего против партии Ленина.

В последней трети XIX в. марксизм вел наступление по всей Европе. Социалистические партии и организации основывались почти во всех странах.

В 1883 г. не стало в живых Маркса, Энгельс продолжал помогать каждой из этих партий, по-прежнему старался направить их по революционному пути. В первом ряду движения шла тогда германская социал-демократия, перешедшая после отмены введенного Бисмарком «исключительного закона против социалистов» на легальное положение. Под руководством Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля германская социал-демократия занимала прогрессивные позиции. Ленин назвал эти годы героическим периодом немецкой социал-демократии ¹.

Антисоциалисты зорко следили за ростом революционного движения. Но до создания их международной организации дело еще не доходило. В 90-х годах между европейскими правительствами было заключено лишь соглашение о выдаче пойманных анархистов (к ним причисляли большинство революционеров) властям их родины ².

Широкая организация профессиональных антисоциалистов в полном смысле слова возникла только в 1904 г. в кайзеровской Германии. Наследники Штибера взялись теперь за дело «по-настоящему».

Осенью 1904 г., вскоре после того, как из России донеслись первые раскаты грома грядущей революции, а германские социал-демократы на выборах в рейхстаг получили четвертую часть всех голосов и в стране резко усилилось забастовочное движение, в Берлине объявил о своем существовании некий «Имперский союз борьбы против социал-демократии» ³. Уже полгода спустя выяснилось, что в нем числится 38 тыс. человек; в 1909 г. их число превысило 200 тыс. Это была уже организация со всеми типичными чертами профессионального антимарксизма, притом с наличием вполне определенной классовой базы.

Во главе стоял генерал-лейтенант Эдуард фон Либерт, один из руководителей influentialного шовинистского «Пангерманского союза» и империалистического «Германского колониального общества». Свыше трети членов «Комитета основателей» были видные промышленники и их представители, остальные — помещики, влиятельные правительственные чиновники, генералы, правые депутаты, священники. Ядро руководства составляли уполномоченные стальных и угольных магнатов Рура, подлинных хозяев кайзеровского рейха. На их средства в значительной мере и была создана организация.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 145.

² Воспоминания о II съезде РСДРП. М., 1959, с. 61.

³ 10 Jahre Reichsverband. Berlin, 1914.

К числу основателей принадлежал также один из самых влиятельных людей из окружения кайзера — глава имперской канцелярии Фридрих-Вильгельм фон Лебелль, «серый кардинал» при тогдашнем рейхсканцлере князе Бюлове. Впоследствии стало известно, что Лебелль действовал в качестве посредника между антисоциалистическим союзом и самим Бюловым; его осведомляли о каждом шаге организации. Из обнаруженных документов ясно, что Бюлов, как и его преемник на посту рейхсканцлера Бетман-Гольвег, оказывали союзу всяческую поддержку. В декабре 1906 г., например, во время выборов в рейхстаг, Бюлов прямо заявил, что антисоциалистический союз представляет политику его правительства. Судя по всему, кайзер и его клика видели в деятельности этой организации своего рода компенсацию за отмену бисмарковского «закона против социалистов». Как станет очевидно в дальнейшем, теснейшая связь между профессиональными антимарксистами и верхушечным аппаратом рейха не оборвалась и после свержения монархии в Германии.

Чем же на практике занимался «Имперский союз борьбы против социал-демократий» в течение 14 лет своего существования (до конца 1918 г.)? Систематической и поистине неистовой травлей рабочего движения. В ту пору руководимая Бебелем германская социал-демократия еще не скатилась в болото контрреволюционной политики; в числе ее активнейших членов были такие революционные деятели, как Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Клара Цеткин и Франц Меринг. Техника Штибера была превзойдена.

Травля социалистов велась «Союзом» в широких масштабах. Так, например, им было распространено свыше 10 млн. листовок (по тогдашним условиям огромное число) и опубликовано свыше 200 брошюр. Были организованы специальные школы ораторов. На роль преподавателей в них с особым рвением привлекались учителя или директора средних и низших школ — в тогдашней Германии обычно крайне реакционно настроенные люди. Больше всего внимания уделялось вербовке молодежи и домашних хозяек. В документах организации прямо указывалось на необходимость «добиться влияния на мелкий люд и низшие слои», ведя среди них «систематическую постоянную работу». Отдел печати «Союза» обслуживал 1275 газет и газетенок в провинции. Был также основан филиал под названием «Союз патриотических рабочих объединений».

Но вербовкой сторонников в низах дело не ограничивалось. «Имперский союз борьбы против социал-демократии» предпринимал напряженные усилия, чтобы объединить для активной борьбы против социализма все буржуазные партии. Агентурные звенья «Союза», выступавшего как «надпартийная» организация, были

созданы в 69 избирательных округах. В одном из первых воззваний организации говорилось, что ее цель — объединить всех граждан «в городах и селах без различия их партийных и религиозных взглядов для борьбы против социал-демократии». В другом документе подчеркивалась важность «борьбы против революционных стремлений социал-демократов» и необходимость создания для этой цели на местах «крепких организаций».

Германские социалисты называли «Союз» «имперским союзом лжи». Было ясно, однако, что речь шла не только об антисоциалистической пропаганде. В одном из документов организации прямо указывалось, что борьбу с социализмом надлежит вести силами «строго сплоченной организации, действующей «во всех сферах», иначе говоря, всеми средствами. Дело явно велось к тому, чтобы в случае победы социал-демократической партии на выборах и прихода ее к власти развязать с помощью военщины и распропагандированной незрелой молодежи гражданскую войну и приступить к белому террору. Позднее это признал не кто иной, как последний рейхсканцлер Вильгельма II принц Макс Баденский, сравнительно умеренный буржуазный политик. В одном из своих писем кайзеру он прямо заявил, что «Имперский союз борьбы против социал-демократии» занимается «развязыванием гражданской войны».

Ситуация изменилась с началом первой мировой войны. Как известно, правая германская социал-демократия в 1914 г. сразу же перешла на сторону немецких империалистов, а после войны помогла им задушить революцию. Профессиональным антисоциалистам в рейхе пришлось перестраиваться. Нет никаких сомнений, что в послевоенные годы их новая агентура вступила в самый непосредственный, прямой контакт с рядом крайне правых социал-демократических политиков¹. Вместе с тем еще во время войны удесятирилась вражда этих сил к левым в рядах старой социал-демократии — к будущим коммунистам.

Примечательно в этой связи, что руководители «Имперского союза борьбы против социал-демократии» с самого начала его существования обратили особое внимание не только на социалистов в Германии, но и на революционное движение в России. Так, в бюллетене организации от 29 декабря 1905 г. было выдвинуто требование к немецким властям вести «строгое наблюдение за русскими революционерами в рейхе».

Профессиональные антисоциалисты в Германии явно боялись того, что революция в России окажет свое воздействие на рабочее движение в рейхе. В мае 1914 г. Карл Либкнехт, трибун левых в германской социал-демократической партии и будущий вождь гер-

¹ См. главу 19.

манских коммунистов, выступил в берлинской газете «Форвертс» с разоблачениями «Имперского союза борьбы против социал-демократии»¹. Пять лет спустя наследники тех же сил организовали зверское убийство самого Либкнехта и Розы Люксембург.

В стороне от профессионального антисоциализма не оставалась и Америка. Хотя большой социалистической партии там не было, прогрессивные рабочие организации к концу XIX в. уже действовали, порождая тревогу в кругах крупного капитала. Возникавшие в США монополии больше всего боялись, чтобы в Америке не повторилось то, что произошло в Европе: развернулось массовое социалистическое движение.

В 1900 г., еще до создания в Германии «Имперского союза борьбы против социал-демократии», в Чикаго без особого шума было основано бюро под названием «Национальный гражданский союз» (НГС). Учредителями оказались крупнейшие американские бизнесмены, задача же организации сводилась к непрерывной слежке за рабочим движением и попыткам разложить его изнутри.

Выбор Чикаго как центра организации был, разумеется, не случаен. Город этот уже со второй половины XIX в. стал главным очагом рабочего движения в США. Здесь еще в 1870 г. была создана секция I Интернационала, здесь же в 1877, 1884, 1885, 1894 гг. происходили крупные стачки. Позднее в Чикаго возникла боевая профсоюзная организация «Индустриальные рабочие мира» с открытой революционной программой. «Национальный гражданский союз» был задуман как своего рода контрразведка монополий.

До первой мировой войны руководящую роль в организации играли три лица: уполномоченный финансовой династии Рокфеллеров и босс американской республиканской партии Марк Ханна, крупнейший нью-йоркский банкир, представитель дома Ротшильдов в США Август Бельмонт и глава желтых американских профсоюзов Самюэль Гомперс. Ханна и впоследствии Бельмонт были президентами НГС, Гомперс — вице-президентом. Бессменным секретарем НГС уполномоченные финансовой олигархии сделали некоего Ральфа Исли, выдававшего себя за журналиста.

С этого времени чикагское «бюро» стало методически заниматься шпионажем за рабочими на предприятиях, засылкой агентов и провокаторов в профсоюзы, составлением «черных списков» «подозрительных лиц», организацией штрейкбрехерского дела, распространением клеветы на левых руководителей рабочего движения. Еще до первой мировой войны дела такого рода в США велись на «высоком уровне». Одновременно НГС развешивал

¹ Vorwärts, 20.V 1914; 25.V 1914.

пропаганду за чистокровный «американизм», против пацифизма, против введения минимальной заработной платы, против запрещения детского труда, вообще против каких-либо мероприятий, считавшихся уступками рабочим. Издавались антисоциалистические листки, велась злостная кампания против социалистического союза «Индустриальные рабочие мира». Президент НГС Бельмонт откровенно заявил в те годы комиссии конгресса по расследованию промышленных отношений, что «большинство представляемых им компаний возражает против предоставления рабочим права объединяться в профсоюзы и проводит за ними слежку»¹.

Это нисколько не мешало союзнику Бельмонта Гомперсу и его желтой «Американской федерации труда» поддерживать НГС и под видом «сотрудничества между трудом и капиталом» поставлять для него агентов. Как мы увидим, бюро НГС продолжало свои операции и после первой мировой войны, став ядром нового объединения профессиональных антикоммунистов в США.

Позже всех из крупных западных стран ареной деятельности профессиональных антикоммунистов сделалась Англия. Лейбористская партия, оформившаяся не раньше 1900 г., носила чисто реформистский характер и до конца первой мировой войны большой политической роли в стране в противовес двум господствовавшим буржуазным партиям не играла. Тем не менее во входившей в лейбористское движение и основанной еще в 1884 г. Социал-демократической федерации действовало довольно влиятельное марксистское левое крыло, связанное с Ф. Энгельсом и Элеонорой Маркс. В 1907 г. эта организация была преобразована в Социал-демократическую партию, влияние революционного ядра в которой стало усиливаться. И уже год спустя в Лондоне было основано бюро под названием «Антисоциалистический союз».

Целью союза был объявлен «сбор материалов» о рабочем движении, а также подготовка кадров специалистов по антисоциалистической пропаганде. Даже умеренному лейбористскому движению была объявлена война. Основателями организации в этом случае были крайне правые консервативные политики (так называемые «дайхарды»), крупные землевладельцы и желтые журналисты. Душой дела в Лондоне стал известный ультрареакционный адвокат Ф. Е. Смит, впоследствии — лорд Биркенхед, министр юстиции и министр по делам Индии. В числе близких к организации лиц фигурировал Черчилль², в то время министр внутренних дел, прославившийся посылкой войск для подавления забастовки горняков. Другим видным участником был издатель бульварной лондонской газеты «Дейли экспресс» Р. Блуменфельд.

¹ Norman H. Professional Patriots. New York, 1927, p. 134—135.

² Documents politiques, diplomatiques et financiers. Paris, XII. 1932, p. 823, IV. 1933, p. 216.

До первой мировой войны бюро Биркенхеда заметной роли в Англии не играло. Только антикоммунизм влиял впоследствии подлинную воинственную страсть в эту организацию. Пока работа направлялась против лейбористов, дело ограничивалось обычной пропагандой. На средства «Антисоциалистического союза» выпускались специальные брошюры в помощь антилейбористским ораторам, посылавшимся на митинги и предвыборные собрания. В этом отношении, видимо, лондонское бюро заимствовало опыт германского «Имперского союза борьбы против социал-демократии».

Завязаны были отношения и с чикагским «Национальным гражданским союзом». В том же 1908 г., когда в Лондоне был основан «Антисоциалистический союз», НГС пригласил его главного агитатора В. Маллока прочитать в американских университетах курс лекций, чтобы парализовать влияние студентов-социалистов. Изданные под названием «Социализм», эти лекции были затем широко распространены в Америке. Профессиональные антисоциалисты разных стран, таким образом, уже тогда предпринимали попытки объединить свои усилия. В то же время они уже отходили от таких «кустарных» политических провокаций, как аферы Штибера и Рачковского.

И все же это были только цветочки. Деятельность подобных организаций до 1917 г. можно считать лишь предисловием к истории современного профессионального антикоммунизма. Мировое рабочее движение в то время еще не достигло такого подъема, чтобы побудить наиболее реакционные элементы международной буржуазии к срочной генеральной мобилизации сил. Только после Октябрьской революции пышным цветом расцвел профессиональный антикоммунизм, его силы по-настоящему вышли на большую международную арену.

После грозного, небывалого по силе взрыва, потрясшего всю систему мирового капитализма, на сцену вступила новая, на этот раз действительно международная организация профессиональных антикоммунистов — организация людей, для которых антикоммунизм становился не только единственной профессией, но и чем-то вроде мании. Это была организация, созданная в 1920 г. при участии бежавших от справедливого возмездия агентов царской охранки, которые были подобраны и взяты на службу мировой реакцией. Она протянула свои нити к правым политикам во всем капиталистическом мире, через четырнадцать лет ее взяли под покровительство гитлеровцы. Организация занималась преследованием коммунистов, всех прогрессивных сил в капиталистических странах. Но главным для нее стала борьба против первого в мире социалистического государства, ибо сердцевиной антикоммунизма являлся и является патологический антисоветизм.

В данной работе автор поставил целью рассказать о возникновении и истории этой организации вплоть до конца второй мировой войны. Но стоит упомянуть, что послевоенное международное объединение профессиональных антикоммунистов, перешедших с 1945 г. под опеку новых могущественных покровителей, руководилось — по крайней мере вначале — теми же людьми, которые возглавляли его в 30-х и 40-х годах, подчиняясь Гитлеру и Геббельсу, а затем воспитанными в традиционном духе звериного антикоммунизма преемниками, которые проводят в новых условиях прежнюю стратегическую линию и используют многие испытанные средства.

Объединение антикоммунистов продолжает служить самым реакционным империалистическим силам, пытаясь вести подрывную работу против СССР, подорвать и разложить коммунистическое и рабочее движение, запугать и терроризировать прогрессивные организации, не останавливаясь перед физическим уничтожением их деятелей, осложнить отношения между западными государствами и социалистическими странами, сорвать процесс разрядки международной напряженности.

В работе использованы документы и материалы личного архива, собрание которых заняло у автора несколько лет.

Эрнст Генри,
декабрь, 1980

Часть 1

**ВОСКРЕСШАЯ
ОХРАНКА**

Глава первая

«ОСОБЫЙ ОТДЕЛ» ЦАРСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Подробная история царской охраны еще не написана. Между тем это немаловажный фрагмент политической истории.

Можно утверждать, что царская охранка была с конца прошлого века большой, активной и беспощадной полицейской организацией. Сталкиваясь с мощным подъемом революционного движения, борясь за свое существование, загнившее буржуазно-помещичье государство Романовых делало отчаянную ставку на свой огромный аппарат насилия. Французская политическая полиция «Сюртэ женераль», английский «Скотланд ярд», берлинский «Полицейпрезидиум» уступали охране в деле сыска, терроризма, провокаторской работы. Прямая наследница «Третьего отделения канцелярии его императорского величества» при Николае I, охранка во многих делах царской внутренней политики могла считаться вторым, скрытым правительством в стране.

Формально охранный отдел был подчинен начальнику департамента полиции, еще выше — министру внутренних дел. На практике охранка действовала самостоятельно, нередко через голову начальства. Весь аппарат монархии трепетал перед ней. Министры внутренних дел связывали ее непосредственно с императорским двором. В последние два десятилетия царского режима этот министерский пост занимали такие избранники двора и столпы реакции, как неоднократно председатель совета министров И. Л. Горемыкин, организатор карательных экспедиций Д. С. Сипягин, кровавый палач В. К. Плеве, будущий глава правительства П. А. Столыпин, черносотенцы Н. А. Маклаков, Б. В. Штюрмер и другие. Через таких всесильных министров, через корпус жандармов и через свой тайный аппарат охранка цепко держала самые различные нити власти в своих руках.

Самой же охранкой правил ее оперативный центр в Петербурге — так называемый «Особый отдел» департамента полиции. Отдел этот был настолько законспирирован, что чиновники всех остальных отделов департамента не имели права доступа в его помещение на Фонтанке, д. 16. Огромные средства, выделявшиеся в

распоряжение «Особого отдела» для секретных целей, не подлежа-ли государственному контролю.

Отдел ведал политическим розыском, наблюдением за левыми партиями и организациями, секретной агентурой, то есть провокаторами, «черными кабинетами» в почтамтах, занимавшимися перлюстрацией корреспонденций частных лиц, отрядами «филеров» (шпики для наружного наблюдения), надзором за «инородчески-ми организациями» и важными следственными делами. Иначе говоря, под его неусыпным наблюдением находилась вся общественная жизнь. В его же ведение входила заграничная агентура департамента полиции, располагавшая резидентурами во всех крупных странах Европы. Под контролем аппарата отдела находились также адресные столы и особое «регистрационное бюро» для проверки всех приезжающих в столицу. Корпус жандармов был фактически исполнительным органом охраны. Руководители ее в столице и на местах имели обычно офицерский жандармский чин, но могли быть и штатскими лицами.

В отделе была заведена специальная картотека с данными о революционерах и общественных деятелях, а также обширная коллекция фотоснимков и архив нелегальных изданий. Секретные сотрудники засылались по возможности во все революционные и общественные организации, студенческие общества, средние учебные заведения, в армию и военно-учебные заведения. Знать о таком сотруднике в каждом отдельном случае было вправе только лицо в охранке, ведавшее данным делом. Вскоре после революции 1905 г. секретные агенты (помимо жандармских постов) были заведены на железных дорогах и кое-где даже в деревнях.

Секретным сотрудникам и их руководителям в охранке разрешалось совершать поступки, уголовно наказуемые даже по тогдашним царским законам. Так, например, их снабжали подложными документами, через них же с провокационными целями устраивали забастовки, организовывали подпольные типографии, внедрялись в лаборатории революционеров по выделке бомб и даже готовили покушения. В нужный момент попавших в ловушку революционеров арестовывали, секретным же агентам помогали выйти на свободу. Знаменитая афера Азефа, всесильного главы террористической организации эсеров и в то же время агента «Особого отдела», была лишь одной из многих.

При всем том охранка не была только чисто полицейской организацией. Ее руководители, подобно деятелям «Имперского союза борьбы против социал-демократии» в Германии, пытались создать для себя также возможно более широкую базу и в последнее десятилетие перед революцией в какой-то мере даже преуспели в этом. Политическим филиалом охраны с октября 1905 г. стал черносотенный «Союз русского народа» (впоследствии из него выделился

«Союз Михаила Архангела» во главе с членом Государственной думы В. Пуришкевичем).

С давних пор существует мнение, что «Союз русского народа» был основан специально для устройства еврейских погромов. Это, по крайней мере, неточно. Черносотенцы действительно с большой охотой занимались погромами, позволявшими им безнаказанно под девизом «православие, самодержавие и народность» грабить и убивать. Но их главным заданием, по мысли оплачивавшей их действия охранки, было другое: душить революционное социалистическое движение, бурно нараставшее в стране. Организация черносотенцев была создана в дни первой русской революции и продолжала существовать для того, чтобы утопить в крови вторую. Такую форму массового террора охранка предпочитала карательным экспедициям царских войск.

Боевые дружины черносотенцев набирались из мелких лавочников, приказчиков, босяков и уголовников. Сверху содействие оказывали помещики, духовенство и крупное купечество. Помимо погромов черносотенцам поручалось совершение индивидуальных террористических актов, направленных против социалистов и даже либералов. Так, членами «Союза русского народа» были убиты руководитель московских большевиков Н. Бауман, депутат Государственной думы трудовик А. Караваев, либеральные депутаты М. Герценштейн и Г. Йоллос. За ширмой вся террористическая работа направлялась специалистами из охранных отделений.

Впоследствии было документально установлено, что в конце 1905 г. погромные черносотенные листки печатались по распоряжению начальника «Особого отдела» его подчиненным жандармским офицером (впоследствии генералом) М. С. Комиссаровым в помещении самого департамента полиции. Подонков покупали и науськивали тысячами. «Союз русского народа» располагал одно время около 3,5 тыс. местных организаций¹. Черносотенцев посылали разгонять митинги и, когда было нужно охранке, убивать «неудобных» людей. Под тем же надзором в Государственных думах действовали фракции черносотенцев во главе с погромщиками Марковым 2-м и Пуришкевичем. После поражения революции 1905 г. проходили массовые расправы с «крамольниками». Известно, что вслед за разгоном II Государственной думы в 1907 г. сам Николай II послал вожаку «Союза русского народа» Дубровину телеграмму со словами: «Да будет же мне «Союз русского народа» надежной опорой». Еще раньше он принял для себя и сына-наследника значок «Союза».

¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.—Л., 1926, т. 6, с. 191 (далее: Падение царского режима).

Именно царская охранка еще перед первой мировой войной подняла «работу» профессиональных антисоциалистов на «высший» уровень.

Кто же руководил «Особым отделом» в 1900-е годы?

О них стоит сказать, так как именно из их среды вышли впоследствии активные участники международного профессионального антикоммунизма.

Четыре человека считались в свое время «звездами» охранки: С. В. Зубатов, Е. К. Климович, П. П. Заварзин и П. И. Рачковский.

Первые трое занимались внутренними жандармскими делами, четвертый в течение почти двух десятилетий ведал заграничной агентурой. Двое — Рачковский и Климович — одно время возглавляли департамент полиции, в состав которого входила охранка. Заварзин и тот же Климович были начальниками «Особого отдела». Каждый из них проделал довольно красочную карьеру.

Зубатов, как известно, был тем нашедшим в начале века деятелем охранки, который для борьбы с революционным движением изобрел так называемый «полицейский социализм». Став в 1889 г. помощником начальника, а в 1896 г. начальником московского охранного отделения, он начал создавать одну за другой подложные «рабочие» организации, выдавая их за социалистические. Провокация священника Гапона, закончившаяся массовым расстрелом рабочих в Петербурге 9 января 1905 г., была делом его рук. До Зубатова никто в мире до подложного «социализма» не додумывался. Зубатов полагал, что таким путем, «уводя» массы от подлинных революционных организаций, он сумеет взорвать социалистическое движение. Тем не менее «корифеем» охранки Зубатов не стал. Запутавшись во внутренних ведомственных интригах и поссорившись с министром внутренних дел Плеве, ему в 1903 г. пришлось уйти в отставку. В дни Февральской революции 1917 г. (очевидно, опасаясь привлечения к суду за свои преступные действия) он застрелился.

Преемником Зубатова на посту начальника московской охранки вскоре стал другой «жандармский гений» — генерал Евгений Климович. Он довел до высокого уровня дело «секретной агентуры». Начиная с 1908 г., когда Климович возглавил в Петербурге «Особый отдел», провокаторство в царской России перестало быть эпизодом, той или иной жандармской удачей, а превратилось в целостную, детально разработанную систему. Провокаторов стали засылать куда только было возможно. Климович лично наблюдал за их работой.

Еще будучи начальником московской охранки, Климович (он сам писал об этом начальству) «ввел» свою любовницу и агента полиции Зинаиду Жученко (урожденная Герингросс, охранная

ключка — Михеев) в состав боевой организации партии эсеров. Жученко участвовала во всех делах этой организации, знала обо всем, была связана с главой организации Азефом, также провокатором, с ведома Климовича участвовала в террористических актах, в том числе в покушении на московского полицмейстера Рейнбота, за которое бросивший бомбу эсер был повешен¹. Она же лично бросила бомбу в жандармского генерала Курлова².

После революции было доказано и другое. Климович был тем, кто подбил московских черносотенцев в 1907 г. на убийство члена Государственной думы Йоллоса³. В 1916 г., став директором департамента полиции, он всячески старался сблизиться с Распутиным и два раза лично с ним встречался. Покровительнице Распутина, подруге царицы Вырубовой, он предложил в дар земельный участок и говорил о своем чувстве доброжелательства к Распутину⁴. Видимо, Климович в то время метил стать полицейским диктатором России и разгромить надвигавшуюся революцию. Человек этот не сошел со сцены и после революции. Он сыграл зловещую роль и в позднейший период истории международного профессионального антикоммунизма⁵.

Еще один «корифей» царской охраны — жандармский полковник (впоследствии генерал) Павел Заварзин. Как и Климович, он развернул свою деятельность после поражения революции 1905 г., когда царское правительство окончательно развязало руки жандармскому ведомству. Став в 1906 г. начальником варшавской охраны, Заварзин, начинавший свою карьеру еще при Зубатове, применял свои методы для поимки революционеров. У арестованных показания не брались, а «выбивались». Тех, кто показания давал, он называл «откровенниками», затем их в сопровождении филеров водили по улицам города, заставляли указывать на якобы известных им революционеров, которых тут же забирали и — как нередко и самих «откровенников» — ликвидировали⁶. Вице-директор департамента полиции Виссарионов впоследствии признал, что «розыски» Заварзина носили явно преступный характер и что имели место «потрясающие факты». Через несколько лет после Октябрьской революции Заварзин, находясь за рубежом, составил целый «учебник» для профессиональных антикоммунистов.

Менее примитивный, но не менее беспощадный авантюрист — четвертый из руководителей охраны, Петр Рачковский. Он был

¹ Падение царского режима, т. 1, с. 298—301.

² Там же, т. 3, с. 258.

³ Там же, т. 4, с. 498.

⁴ Там же, с. 529, 513.

⁵ См. главу 5.

⁶ Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы. М., 1930, с. 145.

старше своих коллег и к тому же имел обширный международный опыт. Его называли «полицейским Маккиавелли». В 1883 г. он участвовал в провокации, приведшей к аресту Веры Фигнер. Первые шаги Азефа, самого крупного провокатора царской России, были предприняты под руководством Рачковского.

Назначенный в 1885 г., еще при Александре III, резидентом охранки в Париже (одновременно в Женеве), Рачковский сразу же вступил в теснейший контакт с французской политической полицией «Сюртэ женераль». В то же время, пользуясь услугами своей жены-француженки, он завязал близкие отношения с целым рядом правых буржуазных политиков во Франции, в том числе с президентом республики Лубе, во дворце которого ему было выделено помещение министром внутренних дел Констаном, министрами иностранных дел Делькассе и Флурансом. На его содержании находилась целая группа бульварных журналистов (из редакций газет «Фигаро», «Пти паризьен» и др.). Рачковскому покровительствовали и влиятельные католические деятели, близкие к советнику папы кардиналу Рамполла¹. Нити из резидентуры Рачковского обвивали весь высший государственный аппарат Франции.

С помощью таких связей и особенно контактов с «Сюртэ женераль» Рачковский задолго до революции 1905 г. в России пытался содействовать созданию организации нечто вроде контрреволюционного союза, в который бы вошли европейские реакционеры. Царская и французская охранки, по существу, делили между собой работу по преследованию революционеров и организации провокаций. Сотрудник Рачковского Гартинг (он же Геккельман и Ландезен, впоследствии сам заведовавший заграничной агентурой охранки) устроил в Париже на деньги резидентуры мастерскую по изготовлению бомб для совершения террористических актов. Готовилось, в частности, провокационное покушение на прибывавшего в Париж Николая II. По распоряжению приятеля Рачковского французского министра внутренних дел Констана попавшие в ловушку члены террористического кружка были арестованы². «Техника» «Особого отдела» в России повторялась и даже репетировалась за границей. Резидент охранки в Париже был уполномочен сноситься не только с французской, но и с английской, германской, итальянской и швейцарской полицией³.

После Февральской революции 1917 г. было установлено, что через «заграничную агентуру» охранки в Париже только за 1905—1917 гг. (то есть уже после отставки Рачковского в 1902 г.)

¹ Падение царского режима, т. 7, с. 403—404.

² Там же, с. 322.

³ Там же, т. 3, с. 298.

прошло около ста секретных сотрудников. В канцелярии агенты были найдены альбомы с фотографиями нескольких сот революционеров. Была также обнаружена копия письма одного из преемников Рачковского — А. А. Красильникова департаменту полиции, в котором цитировался доклад французского министерства внутренних дел премьер-министру Франции. В письме говорилось, что «действия русской полиции в Париже и во Франции вообще отличаются особенной корректностью и полным единением с полицией французской», и указывалось «на услуги, часто оказываемые этой последней русской заграничной агентуре». Союз этих двух охранок впоследствии, уже после социалистической революции в России, также сыграл свою роль в истории международного профессионального антикоммунизма.

Таковы были лица, возглавлявшие в 1900-е годы мощную полицейскую антисоциалистическую организацию. Помимо Рачковского, Зубатова, Климовича и Заварзина действовали десятки других жандармских чинов, нашедших в то или иное время, как, например, начальник варшавского и петербургского охранных отделений генерал К. И. Глобачев, закулисный вдохновитель «Союза русского народа» и позднее начальник охраны Распутина генерал М. С. Комиссаров, товарищ министра внутренних дел при Столыпине генерал П. Г. Курлов и другие. Все эти люди были уверены, что «смогут сломать хребет революции и истребить социализм». В их распоряжении были огромные, фактически неограниченные средства, под их начальством действовали тысячи жандармов и сотни провокаторов¹, их советами руководствовалось само правительство. И все-таки их дело в конечном счете пошло прахом.

Генерал Заварзин вспоминал впоследствии в своей книге, выпущенной в Париже в 1930 г., что накануне Февральской революции 1917 г. он приехал в Петроград и встретился с директором департамента полиции А. Т. Васильевым, генералом Глобачевым, в самую последнюю минуту — с Климовичем; свои бумаги и переписку он успел сжечь. Есть сведения, что в те же дни предпринимались попытки мобилизовать против революции черные сотни. Но уже было поздно: революционный народ сметал на своем пути все препятствия. Климович, Заварзин и другие главаря охранки были арестованы, но бывшие жандармские штаб-офицеры, обер-офицеры и генералы приняли присягу на верность новому строю, и Временное правительство Львова — Милюкова — Керенского освободило всех арестованных.

Считалось, что с охранкой покончено навсегда. Но это было неверно.

¹ По подсчетам иностранных разведчиков, только в Петербурге и Москве насчитывалось около 200 провокаторов.

Глава вторая

ЖАНДАРМСКАЯ ШКОЛА АНТИБОЛЬШЕВИЗМА

1

Многие считали, а некоторые считают до сих пор, что основное внимание царской охранки в свое время было направлено против партии эсеров — той партии, которая почти непрерывно устраивала тогда акты индивидуального террора. Это не соответствует действительности.

Не эсеры с их «драматическими» действиями больше всего интересовали охранку накануне первой мировой войны, а большевики. Нюх профессиональных антисоциалистов их не обманывал. Будучи специалистами своего дела, они понимали, кто возглавит революцию в России; понимали это гораздо лучше, чем вся русская буржуазия того времени. Это доказывается рядом документов, в частности показаниями самих охранников на допросах, устроенных Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства для расследования противозаконных по должности действий царских сановников.

Бывший вице-директор департамента полиции генерал С. Е. Виссарионов показывал, что «Особый отдел» уже с начала 1900-х годов повел свою борьбу в первую очередь против большевиков. «...В особенности [мы] относились опасливо к большевистской партии», — заявил он¹. Другими словами, охранка сосредоточила свое внимание на большевиках сразу же, когда под руководством В. И. Ленина они вышли на политическую арену. Вести дела против большевиков, по письменному объяснению начальника «Особого отдела» А. Т. Васильева от 22 апреля 1917 г., было поручено Третьему отделению в отделе².

15 мая 1917 г. бывший директор департамента полиции и товарищ министра внутренних дел Белецкий показывал на допросе: «Из дел департамента полиции вы увидите, что нас как практиков больше интересовала не идеология, представителями которой являлись меньшевистские организации (? — Э. Г.), а те, кто

¹ Падение царского режима, т. 3, с. 469.

² Там же, т. 1, с. 421.

осуществлял; нас интересовала партия большевиков и ее задачи...»¹ Иначе говоря, всерьез в охранке брали не меньшевистских деятелей с их болтовней, а именно ленинцев, людей дела.

Как же охранка шпионила за большевиками?

Надо учесть, что это дело было налажено еще в тот период, когда зарождавшееся марксистское рабочее движение в России было тесно связано с действовавшей в Швейцарии с 1883 г. плехановской группой «Освобождение труда». Женева была старым центром русской революционной эмиграции; здесь еще в 1870 г. образовалась Русская секция I Интернационала. В 1895, 1900, 1903—1905 и 1907—1908 гг. в Женеве жил Ленин. И здесь же, в Женеве, в 1881 г. действовал штаб контрреволюционной царской «Священной дружины». В Женеве, как и в Париже, наблюдения за революционерами велись охранкой непрерывно.

Когда Рачковский в 1885 г. был назначен резидентом «Особого отдела» в Париже, в его прямое подчинение поступила также резидентура в Женеве. Донесения оттуда поступали ему и его преемникам регулярно. В декабре 1902 г. тогдашний заведующий «Особым отделом» Л. А. Ратаев доносил директору департамента полиции А. А. Лопухину:

«...Швейцария в настоящее время — самый бойкий и серьезный революционный пункт. Во главе командированных людей я поставил одного из старейших, наиболее опытных и развитых наружных агентов (то есть шпиков.— Э. Г.) и поручил ему, войдя в соглашение с местными полицейскими чиновниками, организовать наблюдение в следующих пунктах: Женева, Цюрих, Берн и Лозанна. Когда дело несколько наладится, я поеду на места...»

28 января 1903 г. опять донесение Ратаева Лопухину: «...наиболее слабым пунктом оказалась Швейцария, а между тем я застал момент, когда центр и даже, можно сказать, пульс революционной деятельности перенесен именно туда».

Из этого ясно, что заграничная агентура «Особого отдела» наладила в Швейцарии такое же сотрудничество с местной полицией, как во Франции и в некоторых других странах Западной Европы.

Ясно и то, что главное внимание царской охранки в Швейцарии было обращено на Ленина и создавшийся им тогда большевистский центр. Донесения Ратаева относились к тому времени, когда «закладывались основы массовой партии революционного пролетариата в России»². Наблюдение за Лениным продолжалось охранкой и в другие периоды его пребывания в Швейцарии, в частности во время первой мировой войны, когда про-

¹ Падение царского режима, т. 3, с. 344.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 15.

вокаторами там руководил резидент «Особого отдела» жандармский полковник Б. В. Лиховский (он же Келлер) ¹. В 1916 г. Ратаев вновь побывал в Швейцарии ².

В самой России главную работу по преследованию большевиков с 1910 г. вел начальник московского охранного отделения Заварзин, переведенный на этот пост из Варшавы, где на его счету было столько кровавых дел. В Москве этот охранник-сидист проявил не меньшую активность, чем в Варшаве. Его главной картой, как у Климовича, стала провокация. «Инструкция по организации и ведению внутренней агентуры», составленная при московском охранном отделении, явилась руководством для работы с провокаторами, засылавшимися в большевистские и другие революционные организации.

В документе указывалось, что «единственным, вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа, является внутренняя секретная агентура» и что «секретного сотрудника, находящегося в революционной среде или другом обследуемом сообществе, никто и ничто заменить не может». Далее пояснялись главнейшие вопросы, на которые сотрудник должен всегда стремиться иметь обстоятельные ответы.

Наблюдение за большевиками продолжалось в годы первой мировой войны. В числе документов — подробнейшие справки о В. И. Ленине, семье Ульяновых и о всех руководящих деятелях большевистских организаций в дореволюционное время.

Главным «достижением» Заварзина стала, однако, засылка в большевистское движение провокатора-аса Р. В. Малиновского.

В партийной литературе о Малиновском было в свое время написано довольно много, и пересказывать его историю нет нужды. Здесь достаточно привести данные самой охранки. Отвечая на вопросы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, бывший начальник департамента полиции Е. С. Виссарионов 17 июня 1917 г. подтвердил, что в качестве секретного сотрудника (впоследствии под кличкой Икс) Малиновский был привлечен Заварзиным и жандармским ротмистром Ивановым ³. По архивным данным охранки видно, что провокатором Малиновский стал по собственному желанию, получая жалованье сначала в размере 50 руб. в месяц, впоследствии же, став членом Государственной думы, — 500 руб. в месяц ⁴. Число «агентурных

¹ Падение царского режима, т. 7, с. 368.

² Там же, т. 1, с. 90.

³ Там же, т. 5, с. 212.

⁴ Большевики. Документы по истории большевизма с 1903 по 1916 год бывш. московского охранного отделения. К печати подготовил и предисловием снабдил М. А. Цявловский. 2-е изд. М., 1918, с. X, XII (далее: Большевики).

записок», составленных в московской охранке до 1912 г. на основании «бесед» с Малиновским, достигает 57. Те же данные подтверждают, что именно охранка в 1912 г. помогла Малиновскому попасть в Государственную думу¹. За спиной Малиновского неусыпно стоял Мефистофель — Заварзин. Этот жандармский «корифей» тоже следовал учению немецкого патриарха профессиональных антикоммунистов, врага Карла Маркса, — Штибера.

Малиновский был не единственным агентом Заварзина, пробравшимся в ряды большевиков, но единственным, сумевшим пробраться в ЦК². Большого, чем это, Заварзин уже никогда не достигал, хотя в какой-то мере продолжал свою деятельность и в годы после революции.

2

Как уже сказано, после Февральской революции 1917 г. Заварзину, как и Климовичу и другим жандармским генералам, пришлось исчезнуть со сцены. Тем не менее разительный факт таков, что какая-то часть их аппарата продолжала функционировать. Дело объяснялось просто.

Охранка после свержения царского правительства была ликвидирована, но оставалась царская контрразведка. Временное правительство Львова — Милюкова — Керенского ее не тронуло. Между тем в годы первой мировой войны, еще до Февральской революции, ряд сотрудников охранки в качестве специалистов по розыскным делам был переведен в контрразведку. Под личиной контрразведчиков они и продолжали действовать в течение восьми месяцев существования Временного правительства. Теперь, однако, острие их деятельности было всецело и исключительно направлено против одной-единственной партии — партии большевиков. Данные неопровержимо указывают на то, что именно ими, людьми охранки, и стал готовиться удар, задуманный летом 1917 г. Временным правительством против Ленина.

Царская военная контрразведка была создана лишь за несколько лет до войны. До того этими делами занимался департамент полиции. Глава германского шпионажа полковник Николай впоследствии заявил, что русские жандармские офицеры ничего в этих делах не понимали и больше интересовались внутренним политическим сыском³, то есть своим старым занятием. За-

¹ Мешавший Малиновскому мастер завода, на котором служил провокатор, был арестован (см.: Большевики, с. XI).

² Как известно, в мае 1914 г. Малиновский по требованию самой охранки, испугавшейся возможности его разоблачения, скрылся за границу, в 1918 г. добровольно отдался в руки советского суда и был расстрелян (см.: Падение царского режима, т. 7, с. 374).

³ Николай В. Тайные силы. М., 1925, с. 19—20.

ведовали контрразведкой жандармские полковники Ерандаков и князь Туркестанский¹. Бывший заведующий «Особым отделом» департамента полиции полковник И. П. Васильев во время войны работал в контрразведывательном отделении главного управления генерального штаба². Разделение этих ведомств было в основном формальным.

Давая 1 апреля 1917 г. показания о делах царской контрразведки перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства, специалист по таким вопросам В. Л. Бурцев заявил: «Порядок был ужасный. Они занимались всем, кроме борьбы со шпионажем. Они занимались личными делами, борьбой с рабочими организациями»³.

Историк Щеголев в 1930 г. приводил свидетельство одного из старых охранников, служивших во время войны в петербургской контрразведке: «...учреждение вполне самодовлеющее, ничем не контролируемое, ни перед кем не ответственное... Было облечено властью, превосходящей во много раз власть отдельных министров». На заводы были засланы «секретные сотрудники»⁴. Шпионов не ловили. Зато занимались другим: старым делом Климовича и Заварзина — борьбой с большевизмом.

Заварзин в своих «Воспоминаниях» впоследствии с яростью обвинял Временное правительство в том, что после Февральской революции были арестованы «очень серьезные работники, работавшие в пораженческом лагере» (то есть провокаторы в большевистских организациях. — Э. Г.) и освещавшие «организацию Ленина». Иными словами, какая-то существенная часть охраны в 1917 г. уже была замаскирована под контрразведку. Провокация против партии большевиков была организована этой агентурой спустя несколько месяцев после Февральской революции — провокация, которая по замыслу охранников должна была стать для партии смертельной.

Известно, что в июле 1917 г. в буржуазной печати внезапно была пачата небывалая по неистовству кампания против Ленина и большевиков. Делались ссылки на показания некоего прапорщика Ермоленко, явившегося в Ставку верховного главнокомандующего в Могилеве и сообщившего, что во время его пребывания в Германии в качестве военнопленного немецкая разведка в числе ее «агентов в России» будто бы назвала Ленина. Записа-

¹ Падение царского режима, т. 2, с. 243—245.

² Щеголев П. Охранники и авантюристы. М., 1930, с. 139.

³ Падение царского режима, т. 1, с. 328. Один из контрразведчиков по фамилии Гусев в то время заявил: «Неужели мы опасны немцам? Да они раньше нас знают, что мы будем делать...» (см.: Былое, 1924, № 26, с. 228—236).

⁴ Былое, 1924, № 26, с. 222.

но в истории и то, что, несмотря на явный идиотизм этой провокации, Временное правительство вскоре же дало приказ арестовать Ленина.

Дело было ясно. Все было направлено на то, чтобы как можно скорее физически уничтожить главу большевистской партии. Но кто конкретно были эти подстрекатели?

Два лица сыграли за кулисами главную роль. И тот и другой были ответственными сотрудниками старой царской охранки.

Инициатором «дела Ермоленко» в Ставке был следователь по особо важным делам в контрразведке при штабе в Могилеве В. Г. Орлов. Человек этот, к которому в связи с его ролью в делах профессиональных антикоммунистов в годы после Октябрьской революции мы вернемся в следующей главе, был до революции под кличкой Американец сотрудником охранки. Мало того. По данным, выплывшим наружу впоследствии, Орлов во время пребывания Заварзина на посту начальника жандармского управления в Одессе был его сотрудником!

Сам Заварзин вскоре же после своего ареста в дни Февральской революции «сумел освободиться и унести ноги из Петербурга». Не исключено поэтому, что во всем деле участвовал и он. Так или иначе, но, как много лет спустя (13. VI 1929) сообщила белоэмигрантская парижская газета, клеветнический донос Ермоленко на Ленина в 1917 г. был сделан в ходе «обработки» его Орловым, добывавшим «с обычной страстностью убийственные улики против большевиков». Так была сфабрикована первая крупная антибольшевистская фальшивка после свержения царского режима.

Тем «операция» не кончилась. Из контрразведывательного отдела Ставки фальшивка для дальнейшего хода и подготовки приказа об аресте вождя большевистской партии была передана в руки П. Н. Переверзева, сотоварища Керенского по партии трудовиков, руководившего после революции контрразведкой. В действительности же петроградской контрразведкой при Переверзеве руководил подполковник Б. Н. Никитин. Кем было это лицо? До революции — одним из начальников царской контрразведки, то есть одним из ведущих замаскированных сотрудников или сообщников той же охранки. Иначе говоря, «дело» Ленина из рук одного охранника перешло в руки другого.

Вот что 12 лет спустя рассказал сам Переверзев.

Сразу после Февральской революции, когда он стал прокурором Петроградской судебной палаты, к нему явился бывший начальник царской контрразведки Никитин и сообщил, что «в пылу революции» вместе с полицией и жандармерией была «уничтожена» и контрразведка. По докладу Никитина, Переверзев обратился к Керенскому с предложением «немедленно восстано-

вить» контрразведку, что и произошло. Временное правительство ассигновало необходимую сумму, и непосредственным начальником восстановленной контрразведки стал сам Переверзев. Никитин являлся к нему «каждую ночь», и Переверзев считал его «осторожным, решительным и отважным человеком». «Вскоре мы очень сошлись с Б. Н. Никитиным», — добавлял в своем рассказе Переверзев. Штат сотрудников был также подобран Никитиным.

Когда в мае 1917 г. Переверзев был назначен министром юстиции во Временном правительстве, он сохранил за собой непосредственное наблюдение за контрразведкой.

Переверзев «продолжительное время в качестве министра юстиции собирал документы, уличающие Ленина и большевиков», сообщила 7 (20) июля, в день издания приказа об аресте Ленина, старая монархическая газета «Новое время». Все нити провокаций против Ленина и большевистской партии оставались в руках антибольшевистских «специалистов» охраны Никитина и Орлова.

Здесь стоит добавить, что первый из них стал в 20-х годах одним из двух руководителей парижского филиала «воскреспей» под руководством Климовича охраны, второй — руководителем ее берлинского филиала.

В 1917 г. игра охраны была проиграна. Расправиться с Лениным, как полтора года спустя немецкая военщина вкупе с немецкими профессиональными антикоммунистами расправилась с вождями германской компартии Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург, не удалось. После Октября уцелевшие деятели охраны — а их, как потом оказалось, уцелело много — разбежались кто куда, но не бросили своей профессии и вскоре же вновь сошлись вместе.

Из истории гражданской войны видно, что почти все они поступили на службу к контрреволюционным генералам, возглавив контрразведки и террористические организации Корнилова, Алексеева, Деникина, Колчака, Юденича и Врангеля. Именно старую царскую охранку можно считать наиболее активным карательным ядром белой контрреволюции. После же ее разгрома, очутившись с 1920 г. в эмиграции, ее сотрудники были завербованы антикоммунистами в разных странах. При непосредственном участии агентов охраны и произошел на Западе поворот к профессиональному антикоммунизму. Жандармская школа антибольшевизма и здесь сыграла свою роль.

Испытанные методы и приемы царской охраны стали начиная с 20-х годов в той или иной форме применяться антикоммунистами в Германии, во Франции, в Англии, Италии, США, на Дальнем Востоке, Балканах и в других районах капиталистического мира. Профессиональный антикоммунизм нельзя смешивать с профес-

сionalным антисоциализмом на Западе в XIX в. и в начале XX в. Во-первых, дело не только в коренном изменении мировой политической обстановки, в иной направленности всего прицела. Изменилась и «техника». Старые крупные организации профессиональных антисоциалистов действовали обычно (хотя не всегда) открыто и особенно налегали на пропаганду, как, например, «Имперский союз против социал-демократии» в Германии, «Антисоциалистический союз» в Англии или «Национальный гражданский союз» в США. Главным делом возникших после Октября в разных странах объединений профессиональных антикоммунистов почти повсюду стал террор плюс злостные провокации и фальшивки. Пропаганда большей частью стояла у них на третьем месте. Различие тех и других было, разумеется, вполне закономерным. Здесь отражалось резкое обострение классовой борьбы в мире после Октября. До победы социалистической революции в России враги передового рабочего движения на Западе (не в царской империи!) обычно считали достаточным вести борьбу против него «классическими» полицейскими и судебными средствами и с помощью агитации. После Октября профессиональные антикоммунисты в странах, где революционное движение достигало точки кипения, без прямого физического террора, направленного против руководящего актива компартий, уже не обходились. Полиция, суды и армии буржуазных государств и теперь делали свое дело. Но профессиональные антикоммунисты стали переходить к прямым преступлениям.

Во-вторых, старые антисоциалистические организации отличались от антикоммунистических и тем, что они все-таки не объединялись в международный союз, хотя от случая к случаю и поддерживали контакты друг с другом. Никакого международного центра антисоциалистов до первой мировой войны не существовало. Социализм в те времена, до начала общего кризиса капитализма, еще не представлял такой насущной угрозы для всего буржуазного общества, как после первой мировой войны. На антисоциалистов того времени к тому же больше, чем впоследствии на антикоммунистов, влияли империалистические противоречия, толкавшие их хозяев друг против друга. Возможно, что некоторые из них (например, те, кто сговаривался с Рачковским) и думали о создании чего-то вроде боевого антисоциалистического союза. Но тогда до этого дело так и не дошло.

После Октября профессиональные антикоммунисты почти сразу, как мы увидим, пошли по пути объединения. Смертельная, неиссякаемая ненависть к коммунистам — в Советском Союзе и во всем мире — диктовала каждый их шаг, каждую их мысль, связывая их друг с другом, сплошь и рядом, пусть и не всегда, пересиливая противоречия и споры между их государствами.

Наконец, масштабы работы профессиональных антисоциалистов не могли даже в самой отдаленной степени сравниться с размахом, который стали принимать операции их преемников после Октября. Антисоциалисты имели небольшое число сотрудников, и только в кайзеровской Германии их насчитывались тысячи. Они не располагали многочисленными специальными лабораториями для изготовления фальшивок, которые распространялись по всему миру, давая нередко повод к сенсационным политическим скандалам и даже международным осложнениям. В их распоряжении не было охватывавшего весь мир шпионского аппарата. Они не получали и тех огромных субсидий, которые после первой мировой войны потекли в кассы профессиональных антикоммунистов от монополий. Хотя они тоже располагали тесными связями со своими буржуазными правительствами и влиятельными правыми политиками, такой неразрывной *личной унии*, какая после Октября стала объединять профессиональных антикоммунистов с правящими кругами почти во всех капиталистических странах, у руководителей старых антисоциалистических организаций при всех их контактах все-таки не было.

Имена Климовича, Заварзина, Орлова, Никитина и ряда других, которые еще будут названы в этой работе, мало что говорят современникам. Но именно руководителей царской охраны, принадлежавших к наиболее жестоким и выродившимся людям, охотно использовали основатели организации международного профессионального антикоммунизма — орудия реакционных империалистических кругов, стремившихся задушить молодое Советское государство в колыбели, не допустить распространения революционного пожара на другие страны.

Глава третья

РОЛЬ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ «СПЕЦИАЛИСТОВ» ОХРАНКИ РЕЗАНОВА И ОРЛОВА

В предыдущих главах был назван ряд видных деятелей царской охраны, возглавлявших ее антибольшевистские операции до революции и в дни Временного правительства. К ним надо прибавить еще одно имя — имя лица, сыгравшего после Октября немалую роль в «переселении» профессиональных антикоммунистов из России в Западную Европу: полковника А. С. Резанова.

Резанов вышел из той же жандармской среды, что Климович, Заварзин, Зубатов и другие. Три центра охранного дела считались в царской России самыми важными: в Петербурге, Москве и Варшаве. До 1902 г. и существовали только эти три отделения. Резанов был питомцем варшавской охраны, которую после революции 1905 г. возглавил палач Заварзин. Варшава была важна царскому правительству и потому, что здесь, вблизи западных границ России, оперировал особый контрразведывательный центр петербургских властей. Как уже упоминалось, контрразведка в царской России вплоть до 1911 г. входила в состав охраны и позже тесно с ней соприкасалась.

Резанов формально занимал должность помощника военного прокурора Варшавского военно-окружного суда, специализируясь на делах контрразведки, то есть фактически был деятелем охраны. Он знал все ее начало. В Варшаве в то или иное время служили многие «асы» «Особого отдела». Помимо Заварзина здесь действовали генералы Глобачев, Комиссаров, Орлов, видный агент «заграничной агентуры» департамента полиции Люстих и другие. Рачковский годами работал в Польше и после своей отставки поселился в Варшаве, где, вероятно, при случае консультировал местную агентуру.

Варшавское гнездо охраны наравне с московским могло считаться своего рода старшим классом жандармской политической школы. Здесь учили, как измышлять и вести крупные провокации, терроризировать молодежь, запугивать интеллигенцию, следить за рабочим движением. Заварзин и Глобачев ловили, Орлов вел следствие, Резанов в качестве прокурора обвинял их, жандармы

вешали. Офицер контрразведки в Варшаве Терехов впоследствии вместе с Орловым готовил в могилевской Ставке провокационное «дело» против Ленина.

Даже в среде самой царской охраны ее варшавское отделение считалось самым грязным и преступным. Все его питомцы — генералы, полковники, прокуроры, контрразведчики — выдвинулись особенно в период 1905—1912 гг., в пору бешеного разгула царской контрреволюции, сформировались на этой почве. Резанов был одним из самых бесчестных из них.

Накануне первой мировой войны его перебрасывают в Петербург, где он вскоре становится правой рукой генерал-майора Н. С. Батюшина — до войны начальника разведывательного управления Варшавского военного округа, затем начальника разведывательной службы штаба Северного фронта и председателя «Комиссии по расследованию злоупотреблений тыла»¹, то есть финансовых махинаций и спекуляций. Сотрудничая с Батюшиным, Резанов стал известен тем, что брал взятки у кого только мог, и в конце концов сам попал в тюрьму по уголовному делу. Последний царский министр внутренних дел Протопопов впоследствии показал, что генерал Батюшин позволял своему помощнику полковнику Резанову «брать взятки и вымогать деньги»². Было установлено, например, что Резанов в 1916 г. в качестве следователя при комиссии Батюшина всячески содействовал знаменитому тогда петербургскому миллионеру, другу Распутина Митьке Рубинштейну, арестованному по обвинению в мошеннических спекуляциях. Получив от Рубинштейна крупные суммы денег, Резанов пытался освободить его от судебного наказания³. Но, принимая взятки и помогая дельцам-спекулянтам, Резанов в то же время вел игру покрупнее.

В последние дни царского режима он приблизился к окружению самого царя. Рубинштейн не только был богачом и банкиром (основателем «Русско-французского банка» в Петербурге), но и вел коммерческие дела Распутина⁴, был к тому же крупным акционером правой правительственной газеты «Новое время»⁵. Резанов еще до войны стал постоянным сотрудником этой газеты по «шпионской» тематике, и издатель «Нового времени» Суворин даже печатал его книги. Тогда же он завел отношения с другим, еще более богатым и влиятельным петербургским банкиром, также совладельцем «Нового времени» Игнатием Манусом, крупным акционером петербургского «Международного банка» и «Общества

¹ Падение царского режима, т. 7, с. 306.

² Там же, т. 4, с. 93.

³ Там же, с. 496—497.

⁴ Там же, т. 7, с. 412.

⁵ Бурцев В. В погоне за провокаторами. Л., 1928, с. 261.

Юго-Восточных железных дорог¹. Дружком Резанова в эти годы стал также небезызвестный тогда аферист-охранник И. Манасевич-Мануйлов, старый сотрудник «заграничной агентуры» департамента полиции, сотрудник газеты «Новое время» под псевдонимом Маска, а главное — нечто вроде конфиденциального секретаря при царском министре внутренних дел, позднее ставшим председателем совета министров, Б. Штюрмере². Все эти нити вели к одному лицу — Распутину.

На допросах, произведенных весной и летом 1917 г. Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства по разбору дел царских сановников, обнаружилось, что Резанов с помощью Распутина, Штюрмера и, видимо, дворцовой клики, группировавшейся вокруг царицы, намеревался сделаться директором департамента полиции, то есть стать и главой охраны. В записке, представленной комиссии 24 июня 1917 г., заместитель министра внутренних дел Белецкий сообщил, что доверенный человек Штюрмера Манасевич-Мануйлов говорил с ним о необходимости «взять знающего розыск директора департамента полиции и... предложил мне познакомиться с полковником Резановым, великолепно владеющим пером, приобретшим известность по своим литературным трудам о немецком шпионаже и по своей розыскной деятельности...». Манасевич-Мануйлов добавил, что назначение Резанова можно будет легко провести при Штюрмере³. 20 июля 1917 г. Белецкий в новой записке показал, что Штюрмер вызывал к себе Резанова, предлагая ему должность директора департамента полиции, но что одновременно на этот пост была выдвинута кандидатура бывшего начальника «Особого отдела» Климовича⁴.

О чем мечтал Резанов? Манасевич-Мануйлов, показал Белецкий, хотел, чтобы Резанов стал директором особого «сверхдепартамента полиции», а сам он, Манасевич-Мануйлов, — его помощником. Этому «сверхдепартаменту» должен был быть открыт широкий кредит из военного фонда и предоставлен «широкий надзор над всем».

«...Эта мысль, — заявил далее Белецкий, — была близка к осуществлению Штюрмером, имевшим по этому поводу ряд совещаний с Резановым и Мануйловым, нравилась Распутину, с которым Мануйлов, равно как и с Вырубовой, познакомил полковника Резанова, и только арест Мануйлова (по обвинению в грязных делах. — Э. Г.), а затем последовавшая вскорости после этого смена Штюрмера на посту министра внутренних дел приостановили

¹ Падение царского режима, т. 7, с. 376.

² Там же, т. 1, с. 65—66.

³ Там же, т. 4, с. 393.

⁴ Там же, с. 513.

приведение ее в исполнение»¹. Последний министр внутренних дел Николай II Протопопов также подтвердил, что «при Штюрмере было почти решено назначение полковника Резанова директором департамента полиции...»².

Черносотенец Резанов был не просто карьеристом, он стоял за применение самых крайних мер против левых. Создать «сверхохранку» — такова была в годы войны его цель и стоявшей за ним распутинской клики. Сделаться полицейским диктатором страны, утопить в крови надвигавшуюся революцию, учинить такую расправу с рабочим движением, какой еще не было видано, — весь его план сводился к этому. Через много лет ту же идею подхватил в Германии Гиммлер, претворивший ее в жизнь руками своих эс-совцев и гестапо. Но царское правительство, испуганное поражениями на фронте и критическим положением в стране, не решилось пойти на смертный бой с народом. Вместо Резанова на пост директора департамента полиции был назначен его соперник, более осторожный Климович. Несколько лет спустя, когда оба уже были за рубежом, грызня их ничуть не помешала тому же Климовичу и тому же Резанову совместно собирать кадры бывшей царской охранки во имя антикоммунизма³.

В этой связи следует иметь в виду, что Резанов, так же как Заварзин, Климович и другие из этой среды, был с самого начала не просто врагом революции, а смертельным врагом именно партии большевиков. Можно даже утверждать, что он в какой-то мере приложил руку к разработке «теоретической» основы профессионального антикоммунизма и сделал это еще за несколько лет до революции. Свидетельство этому — его опубликованные писания.

Главной темой Резанова, выступавшего в дореволюционные и довоенные годы как «журналист», было провокационное обвинение революционеров в связях с «германскими агентами». Другими словами, Резанов уже тогда фабриковал то обвинение, которое летом 1917 г. контрреволюционеры выдвинули против Ленина и большевиков.

Социализм, писал он в своей книге «Немецкое шпионство», изданной в Петрограде в 1915 г., но написанной, как говорится в предисловии, еще в 1912 г., — «весьма благоприятная почва для шпионской деятельности». Германский генеральный штаб, добавлял он, рассчитывает вызвать «изменнические вспышки в воюющих странах», используя влияние социалистов. «Германское правительство и союзная ему Австрия имели основания надеяться на сочувствие русских «товарищей», если считать в данном случае

¹ Падение царского режима, т. 4, с. 514.

² Там же, с. 12.

³ См. главу 5.

за разумное основание сочувствия подкуп германскими правительственными социалистами некоторых руководителей русской социал-демократии. В настоящее время уже достаточно известно, что германские социалисты получили значительные суммы из секретных фондов кайзера Вильгельма, специально предназначенные для ведения агитации среди русских рабочих в духе, отвечающем планам германского генерального штаба. В частности, по слухам, были захвачены документы, из которых видно, что организация июльских рабочих забастовок в Петрограде обошлась германскому посольству около восьми миллионов рублей».

Арестованных в 1914 г. членов большевистской фракции Государственной думы Резанов тут же назвал «людьми, служащими слепым орудием дьявольской интриги германского шпионажа»¹.

Повторяем: Резанов писал все это *за два года* до свержения царского режима. В своей книге он представлял себя как «лицо военно-прокурорского надзора», заявлял, что она — «плод изучения свыше 100 шпионских дел», из которых более трети проводил он сам, и ссылаясь на «данные судебной практики и другие источники». Вся антибольшевистская клевета в 1917 г., по существу, предвосхищена здесь от начала до конца!

Статьи Резанова начали печататься с 1909 г. (когда он работал в варшавской охранке) и публиковались помимо суворинской газеты «Новое время» другими реакционными органами печати — такими, как «Русский инвалид» и «Военный сборник»². Как стало известно позднее, после этих статей участились доносы обывателей в полицию³. Резанов сознательно готовил черносотенцев к расправе с большевиками. В марте 1910 г. он выступил на собрании офицеров — генштабистов Варшавского военного округа — с лекцией на тему «Армия и толпа». Прикрываясь лозунгом «покорность богу, преданность царю», он заявил: «Чтобы владеть массами, нужно, подобно гипнотизеру, внушать свою волю, действуя на чувства путем повеления, повторения и примера». Нельзя не заметить, что некоторые из «поучений» Гитлера и Геббельса десятилетия спустя полностью совпадают со словами черносотенцев из царской охранки, хотя едва ли тот или другой читал «труды» Резанова.

В 1917 г., когда вопрос о социалистической революции стал в России на повестке дня, домыслами Резанова сразу же воспользовались бульварные журналисты, брызгавшие грязью на большевиков. Но сам Резанов к тому времени публично выступать уже не смел. Уличенный в уголовных сделках со спекулянтами и мо-

¹ Падение царского режима, т. 4, с. 180—181.

² Там же, с. 437—438.

³ Былое, 1924, № 26, с. 231—232.

шенниками, изобретатель идеи «сверхполиции» был слишком дискредитирован и оставался за кулисами. Но не надолго.

Данных о судьбе Резанова непосредственно после его неудачной попытки в 1916 г. стать полицейским диктатором мало. По одним сведениям, он тогда же был арестован за взяточничество (вероятно, не без участия Климовича). Белоэмигрантская эсеровская газета «Дни» назвала Резанова «прокурором, знакомым с тюрьмой не только в качестве «надзирающего», а и в качестве «сидельца» по делу об «имущественном преступлении». По другим сведениям, Резанов после ареста был еще до революции послан командовать батальоном в Хабаровск¹. Так или иначе, но в Февральскую, а затем и в Октябрьскую революцию ему удалось уцелеть.

Есть основания полагать, что в последний год гражданской войны Резанов, как и его сообщник по варшавской охранке Орлов, находился в Крыму у Врангеля, работая в его контрразведке (возглавлявшейся тем же Климовичем) и сотрудничая с французской полицией. Думать так побуждает тот факт, что уже в начале 20-х годов Резанов находился во Франции, где, по утверждению той же эсеровской газеты «Дни», стал служить в охранке «Сюртэ женераль». Перешел ли он на ее службу уже в Крыму в 1920 г. и был ли после бегства Врангеля, как и другие царские охранники, вывезен ею во Францию? За это говорит то, что между царской охранкой и «Сюртэ женераль» еще со времен Рачковского в 1880-х и 1890-х годах существовало нечто вроде постоянного союза². Как на допросе перед Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства 12 мая 1917 г. сообщил бывший заместитель министра внутренних дел Белецкий, у него с шефом французской полиции были «добрососедские отношения». «Он к нам приезжал»³.

Несравненно больше данных о позднейшем участии Резанова в международных делах профессионального антикоммунизма. Есть документ, подтверждающий, что от «теории» антикоммунистической пропаганды он вскоре же после бегства из России перешел к «теории» построения боевой международной организации антикоммунистов. Этот опус был позднее опубликован в Париже самим Резановым. Так как он сыграл большую роль при учреждении международной лиги профессиональных антикоммунистов в 1924 г. и так как антикоммунистические организации и позже в какой-то мере использовали изложенную в нем схему, стоит сказать о нем подробнее. Под заголовком «Борьба против большевизма. Наш проект лиги» в «труде» Резанова говорилось:

¹ Падение царского режима, т. 7, с. 93.

² См. главу 11.

³ Падение царского режима, т. 3, с. 298.

«Вся эффективная борьба против коммунизма должна начаться с союза антикоммунистических группировок разных стран».

План этот — лишь основа, говорилось далее в проекте Резанова. «Борьба с коммунизмом... не должна ограничиваться одной страной. Идея единого антисоветского фронта была популярна в русских кругах с того времени, как добровольческая армия генерала Деникина воевала против большевиков. Попытка создать такой фронт была намечена, но ни к какому практическому результату не привела. Причину этой неудачи следует искать в том, что инициаторы этого предприятия стремились создать фронт, который был бы связан с правительствами», а между правительствами существовали противоречия.

По данному проекту международной лиги, подчеркивал Резанов, она должна опираться на равноправные национальные организации, действующие в соответствии с местными условиями. На периодических конгрессах лиги необходимо осуществить координацию операций и обобщать методы. Прежде всего надо стремиться к заключению международной конвенции правительств против коммунистической опасности. Коммунизм должен быть признан преступлением крупного масштаба, коммунистические партии запрещены, и их члены в случае создания тайных сообществ приравнены к уголовным преступникам. Это первое и главное предприятие должно быть предпринято постоянным центральным комитетом, составленным из делегатов национальных объединений.

Таков был «документ» Резанова. Это была уже не пропаганда, а обширная, до мельчайших деталей разработанная программа боевых действий профессиональных антикоммунистов в международном масштабе. Многие в ней были прямо скопированы из служебных правил старой царской охраны. Но многое исходило уже из опыта деникинской и врангелевской контрразведки.

В 1924 г. проект Резанова был действительно положен в основу деятельности «Международной лиги борьбы против III Интернационала», созданной Теодором Обером вместе с Рейли, Климовичем, Орловым, Заварзиным, Глобачевым и самим Резановым, за спиной которых стояли разведки империалистических держав.

2

Карьера второго «специалиста» царской охраны по антибольшевизму, В. Г. Орлова, во многом напоминает карьеру Резанова. Родом из Польши, он, как и Резанов, прошел обучение в варшавском гнезде «Особого отдела» департамента полиции. Но если Резанов был своего рода «теоретиком» жандармского антибольшевизма, то Орлова можно считать сугубым практиком. Эсеровский

«специалист» по делам охраны Бурцев назвал его «человеком отчаянной жизни»¹. И это действительно был один из самых грязных субъектов на службе прогнившего царского режима. Он был вполне достоин своего учителя генерала Заварзина, начальника охранных в Варшаве и Одессе.

В годы после революции 1905 г. Орлов работал в качестве следователя по делам государственной измены и по таким обвинениям отправил на виселицу и на каторгу не один десяток революционеров. На этом посту он заработал себе дом в Варшаве и имение. Вслед за тем в биографии «человека отчаянной жизни» зияет пробел. Как выяснилось впоследствии, в годы перед первой мировой войной он работал для того же Заварзина, в то время начальника губернского жандармского управления в Одессе, — работал в качестве провокатора.

В 1907—1912 гг. в Одессе и в зарубежных портах Константинополь и Александрия действовала подпольная организация черноморских моряков, издававшая газету «Моряк» и перевозившая нелегальную литературу. Заварзин наводнил организацию своими агентами. В 1913 г. с помощью английской полиции в Египте она была разгромлена, ее участники в Александрии арестованы, выданы царским властям и преданы суду. Почти все обвиняемые были осуждены на вечное поселение в Сибирь, некоторые — на заключение в крепость².

Ведя это дело, Заварзин лично выезжал в Александрию и затем присутствовал на суде³. Известно и то, что его главным агентом в организации моряков был некто, выступавший под кличкой Американец⁴. После Февральской революции вызванные на допрос Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства бывшие директора департамента полиции Виссарионов и Белецкий это подтвердили. Встречавшийся с провокатором лично Белецкий добавил, что кличку Американец тот носил потому, что с частным торговым флотом совершал поездки в Америку⁵.

На допросах комиссии личность Американца осталась невыясненной. Но в апреле 1929 г. в одной белоэмигрантской парижской газете появилась статья о скандальном процессе Орлова в Берлине, в которой подтверждалось, что он в свое время носил кличку Американец, увлекался «пионерской деятельностью» среди индейских племен Северной и Южной Америки и провел там не-

¹ Rote Fahne, 30.IV 1929; Vorwärts, 8.III 1929; Памятная книжка Варшавского судебного округа на 1911 г., с. 111.

² Арканов Г. Роль моряков в рабочем движении в России. М., 1921, с. 2—3.

³ Материалы по истории профсоюзного движения в России. Сборник 2-й. М., 1924, с. 195—207.

⁴ Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы, с. 145.

⁵ Падение царского режима, т. 3, с. 288—289, 474; т. 5, с. 215.

сколько лет. Едва ли можно сомневаться, что **следователь из окружения Заварзина в Польше и провокатор Заварзина в Александрии и Одессе** — одно и то же лицо.

Более точные сведения об Орлове относятся к периоду первой мировой войны, когда он фигурирует в качестве следователя по особо важным делам в контрразведке при штабе верховного главнокомандующего в Могилеве. Здесь он занимается тем же делом, что и в Польше. Известно, что по его инициативе были повешены или расстреляны как «шпионы» сотни солдат¹.

Встречался с ним находившийся тогда в Ставке известный историк М. Лемке. Про Орлова с его «лицом белобрысого Мефистофеля» — рассказывал впоследствии в своей книге Лемке — в ставке говорили, что он «из таких юристов, что если ему человек кажется виновным, то он не прочь и создать улики»². Он держал при себе огромную картотеку преследуемых или подозреваемых им лиц.

Именно к этому прожженному провокатору и жандармскому палачу и был приведен в апреле 1917 г. явившийся в Ставку под видом несостоявшегося германского шпиона с фантастической «информацией» о большевиках прапорщик Ермоленко — более чем вероятно, также профессиональный провокатор.

Таков был человек, который вместе с другим функционером охранки подполковником Никитиным собирал для правительства Керенского «материал», чтобы оправдать задуманный летом 1917 г. арест Ленина.

Можно предположить одно из двух. Либо Ермоленко был добровольным провокатором, работавшим для Орлова, либо же его показания были продиктованы ему Орловым, угрожавшим ему смертной казнью как уличенному германскому шпиону. Примечательно, что в статье об этом эпизоде в жизни Орлова, написанной в парижской белоэмигрантской газете одним из его бывших друзей, прямо говорилось, что Ермоленко тогда «поступил в обработку» к Орлову. Известно и то, что только четверо из министров Временного правительства, наиболее видные, были в то время осведомлены о затее Орлова.

Хотя провокация провалилась, Орлов своих махинаций не прекращал. О его «операциях» есть вполне достоверный материал.

В марте 1929 г. фанатичный антикоммунист Бурцев направил в редакцию парижской газеты Милюкова «Последние новости» письмо, в котором, восхваляя Орлова, сообщил, что в начале 1918 г. штаб белых командировал его на «службу у большевиков» для борьбы с ними и что Орлов «выполнил свою миссию вполне удачно». Иными словами, Орлов вновь стал действовать как про-

¹ Rote Fahne, 30.VI 1929

² Лемке М. 250 дней в царской Ставке (25 сент. 1915 — 2 июля 1916). Петербург, 1920, с. 191.

вокатор, уже против Советской Республики. В июле того же года это было подтверждено врангелевским генералом А. А. фон Лампе в берлинской белоэмигрантской газете «Руль». Лампе заявил, что Орлов по поручению руководителей белого движения был на советской службе. Подробности сего дела сообщила затем парижская белоэмигрантская газета.

Генералу М. В. Алексееву, бывшему верховному главнокомандующему, после создания им в 1918 г. на юге первой «добровольческой армии», нужны были «глаза, уши и руки в красном Петрограде». Дело это было поручено Орлову (известному Алексееву лично, очевидно, еще по могилевской Ставке в годы войны). Орлов под видом некоего Болеслава Ивановича Орлинского приезжает в Петроград и внедряется в Народный комиссариат юстиции, где занимается уголовным розыском. Под его началом — целый штат сотрудников, составленный им из контрреволюционных офицеров и «бывших полицейских чинов», то есть все тех же охранников.

Снабжая своих ставленников служебными командировками, Орлов шлет на юг «целые пачки курьеров с ценнейшими сведениями». В прифронтовых пунктах его бюро «соприкасается» с добровольческой армией. За несколько месяцев Орлов таким образом перебрасывает на юг к белым около шести тысяч «курьеров» — офицеров для Алексеева¹.

Попутно он «с неутомимым рвением» коллекционирует фотографии и личные сведения о «всех мало-мальски выдающихся большевиках». Орлов в те дни говорит своим друзьям: «Пригодится, когда настанет час расплаты». Эта подробность тоже заслуживает внимания: после бегства Орлова на Запад какая-то его коллекция использовалась там профессиональными антикоммунистами. Проживая в Петрограде в трех квартирах, Орлов меняет их каждую ночь. В октябре 1918 г., когда после провала одного из «курьеров» на след Орлова напали органы ЧК, ему удается бежать за границу². Кто помог ему бежать?

На этот счет есть показания еще одного вполне «надежного» свидетеля — заместителя начальника берлинского «Государственного комитета по делам государственной безопасности», то есть германской охранки, в 1925 г. Бартельса. В 1918 г. это лицо было «торговым атташе» при германском консульстве в Петрограде. Выступая в июле 1929 г. на процессе обвиняемого в подлоге Орлова в Берлине, Бартельс заявил следующее:³

¹ По другим сведениям, Орлов тогда отправлял на юг не только офицеров, но и богатых людей, «помогая им упрятывать свои состояния» (Rote Fahne, 30.VI 1929).

² Известия, 1929, 2 июля.

³ Незадолго до выступления на этом суде в защиту Орлова Бартельс был уличен в получении взяток, но отделался всего лишь понижением в чине (Rote Fahne, 30.VI 1929).

С Орловым он вступил в контакт летом 1918 г., чтобы получить от него «важные сведения» (в частности, будто бы сведения о тогдашнем советском посольстве в Берлине). Бартельс был в то время в действительности руководителем германской разведки в Петрограде. Орлов работал с ним «плечом к плечу». «Мы тоже были антибольшевиками», — подчеркнул Бартельс¹, знавший о каждом шаге Орлова². Когда положение Орлова в Петрограде стало шатким, Бартельс выдал своему агенту два паспорта и даже предоставил в его распоряжение для поездки до финляндской границы автомобиль германского консульства. «Мы спасли его тогда», — заявил Бартельс на суде. Как и до этого, и после этого, один полицейский антикоммунист выручал из беды другого.

Дальнейшие дела Орлова также известны. Он вскоре же очутился в захваченной белогвардейцами Одессе, где стал во главе деникинской контрразведки. Здесь, тесно сотрудничая с разведкой французских интервентов, он занимался только одним делом. По данным, опубликованным впоследствии другими белогвардейцами, Орлов расстреливал одного человека за другим. Людей вывозили в степь или перевозили на корабли интервентов и убивали. В последнюю ночь перед бегством из Одессы на французском пароходе Орлов велел расстрелять «около 130 активных советских работников», а затем весело заявил: «А здорово же я хлопнул дверь на прощание!»

Бежав из Одессы, Орлов явился в Париж, где вошел в окружение претендента на царский престол Н. П. Романова, а затем переселился в Берлин, где возобновил дружбу со «звездой» берлинской полиции Бартельсом³. С этого момента Орлов, как и Резанов, стал прилагать все усилия к тому, чтобы привлечь уцелевших царских жандармов-эмигрантов на службу международному профессиональному антикоммунизму.

Вместе с Климовичем Резанов и Орлов больше всего помогли этому делу, вместе с еще одним человеком, также тесно связанным с охранкой: Сиднеем Рейли.

¹ Rote Fahne, 2.VII 1929.

² Правда, 1929, 2 июля.

³ Правда, 1929, 9 марта.

Глава четвертая

МНИМАЯ ЗАГАДКА СИДНЕЯ РЕЙЛИ

1

На Западе человек, известный под именем Сидней Рейли, по сей день считается некоей таинственной личностью, своего рода международным «чудо-шпионом», многое в биографии которого так и осталось невыясненным. На деле Рейли был не просто шпионом и террористом, а прежде всего профессиональным антикоммунистом, располагавшим широкими международными связями. Его прямым начальником одно время был тот же Климович.

Биография Рейли читается как детективный роман самого вульгарного пошиба. О его происхождении и даже настоящей фамилии высказывались разные предположения. По данным его сообщника и друга, известного агента «Интеллидженс сервис» Брюса Локкарта, он был сыном некоего Розенблюма из Одессы. По утверждению американского автора Роузена, он взял фамилию Рейли от второго имени отца его первой жены — ирландца Каллагэна¹. Старый немецкий разведчик Людеке считал, что Рейли — «сын ирландского купца и русской еврейки». Помимо русского языка Рейли свободно, хотя и с акцентом, говорил по-английски, по-французски, по-немецки и на трех других языках.

Несомненно, что калибром как провокатор и террорист он был довольно крупным. Во всяком случае, Рейли производил немалое впечатление даже на таких матерых английских разведчиков, как Локкарт и Хилл, сотрудничавших с Рейли в 1918—1919 гг. в контрреволюционных делах в Советской Республике.

Уже первые годы его деятельности дают основание считать, что он был замешан в делах «заграничной агентуры» царской охраны. По Локкарту, он начал свою карьеру в начале 1900-х годов в роли совладельца «конторы Грюнберг и Рейли», торговавшей лесом в Порт-Артуре, а затем стал управляющим датской «Восточно-Азиатской судовой компанией» в том же городе. Рейли было тогда около 30 лет. Известно, что в те годы, когда «заграничной агентурой» охраны заведовал преемник Рачковского Гар-

¹ Rowan R. W. Terror in our time. New York, 1941, p. 42.

тинг, на Дальнем Востоке действовал ее филиал, наблюдавший за японцами. В 1904 г. к этим делам был причастен агент «заграничной агентуры» Манасевич-Мануйлов, впоследствии друг Резанова¹.

Несколько лет спустя Рейли появляется в Петербурге в качестве компаньона фирмы «Мендрохович и Шуберский» (на площади Казанского собора, д. № 5), занимавшейся посредничеством в сношениях с иностранными фирмами в области военного кораблестроения, а также, очевидно, и другими делами. После окончания войны с Японией царское правительство поручило этой фирме наладить отправку русских военнопленных из Японии на родину, и Рейли сыграл при этом свою роль. Тогда же по поручению петербургских властей он заключил сделку с крупной гамбургской фирмой «Блом унд Фосс» (позднее связанной с Крупным), строившей суда для царского военно-морского флота. Иначе говоря, Рейли как будто подвизался в роли торговца оружием.

Что представляла собой петербургская фирма «Мендрохович и Шуберский»? Ее совладелец В. П. Шуберский был членом правлений «Русско-Французского коммерческого банка» (того же, основателем которого был приятель охранника Резанова «Митька» Рубинштейн), «Первого российского товарищества воздухоплавателей Щегинин и К^о», «Общества Алтайской железной дороги» и «Северо-Восточной железной дороги»². Его брат Эраст Петрович Шуберский служил в управлении железных дорог³. В качестве их компаньона в тогдашних справочниках называется некто Иосиф Львович Мендрохович, директор-распорядитель «Русского акционерного общества Ссудовагон»⁴, также связанного с железнодорожными делами.

Фирма «Мендрохович и Шуберский», очевидно, примыкала к той же влиятельной петербургской финансовой группе, вдохновителем которой был небезызвестный спекулянт Рубинштейн. Немецкий разведчик Людеке пишет в своей книге о шпионаже, не приводя подробностей, что Рейли в те годы накануне первой мировой войны «с помощью своего близкого друга русской графини

¹ Щеголев П. Е. Охранники и авантюристы, с. 99.

² Весь Петроград на 1917 год. Адресная и справочная книга г. Петрограда. Петроград, 1917, с. 352, 360, 778.

³ Весь Петербург на 1914 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. Двадцать первый год издания, отдел III, с. 754.

⁴ Там же, с. 427. Можно ли предположить, что Мендрохович и была настоящей фамилией Рейли, компаньона фирмы «Мендрохович и Шуберский»? На это указывает, например, такой факт. Компаньон Рейли Шуберский был, как упомянуто, членом правления первой компании по воздухоплаванию в России; Рейли — одним из ведущих членов основанного в 1909 г. в Петербурге Аэроклуба. Немецкий разведчик Людеке, не зная об этом факте, пишет, что Рейли в 1910 г. «обследовал русские военно-воздушные силы и даже сам построил аэродром». Шла ли речь о компаньоне Шуберского Мендроховиче?

Р. сумел включиться в кружок Распутина. С тем же кружком, как мы помним, были связаны Резанов и Климович. Так или иначе, Рейли все это время, несомненно, оставался в контакте с охранкой. Уже накануне войны он был вновь прикомандирован к «заграничной агентуре» «Особого отдела», воспользовавшейся его «торговыми» связями за рубежом.

В 1914 г. он появляется в Японии и в США в качестве уполномоченного «Русско-Азиатского банка» для заключения сделок о поставках оборудования для русского военно-морского флота. Несколько лет спустя, уже во время войны, он же, по позднейшему рассказу его вдовы и Локкарта, по поручению английской разведки несколько раз направлялся со шпионскими целями в кайзеровскую Германию под видом офицера германского военно-морского флота.

Все эти факты опять-таки говорят об одном. Рейли едва ли мог служить уполномоченным царских властей по делам с крупными германскими военными концернами, не будучи связан с охранкой, в те годы ведавшей контрразведкой. Без согласования с ней его в начале первой мировой войны едва ли могли командировать в Японию и Америку. И, наконец, трудно себе представить, что сверхосторожный английский «Интеллидженс сервис» сделал бы во время войны Рейли своим тайным агентом в Германии без рекомендаций со стороны того же ведомства. Вполне очевидно, что карьере его делала «заграничная агентура» департамента полиции, сотрудничавшая с английской полицией еще со времен Рачковского¹.

Вот почему, когда весной 1918 г. Рейли, приехавший в Англию после своих «похождений» в Германии, был направлен оттуда в Советскую Республику, он действовал там по поручению «Интеллидженс сервис» и в контакте с белогвардейцами и сотрудникам старой царской охранки. Его первая цель была в точности та же, что за год до этого ставили себе Орлов и Резанов: убийство Ленина.

Тогдашний резидент «Интеллидженс сервис» в России Джордж Хилл сообщил впоследствии в своих воспоминаниях, что Рейли в 1918 г. числился в штате английской разведки под шифром «С. Т.-1». В последний раз до этого он был в Петрограде в 1915 г. Прибыв туда и затем в Москву, Рейли фактически тут же принял начальство над самим резидентом «Интеллидженс сервис» Хиллом, проживавшим в Москве под именем Георг Бергман². «Интел-

¹ Как и в 1913 г., когда она помогла Заварзину и Орлову осуществить провокацию против русских черноморских моряков.

² Следует учесть, что именно Хилл, а не Локкарт, как утверждается в некоторых книгах, был в то время прямым уполномоченным английской тайной службы в Советской Республике. Локкарт в качестве английского генерального консула в Москве действовал по «дипломатической» линии.

лидженс сервис» руководил тогда целой сетью своих агентур внутри Советской Республики и вблизи ее границ, в том числе в Хельсинки, Варшаве, Данциге, Берлине, Стокгольме¹, и московская агентура была самой важной. Резидент Хилл, проживавший в России еще до революции, был, видимо, еще тогда близок к охране². После Февральской революции он в качестве уполномоченного английской разведки находился при Ставке верховного главнокомандующего в Могилеве, где встречался с Керенским и Савинковым.

Именно Савинков, глава террористической контрреволюционной организации в Москве в 1918 г., руководитель тайного белогвардейского «Союза защиты родины и свободы», и стал в то время наряду с Хиллом главным сообщником Рейли. Рейли, писал впоследствии Хилл, «слепо верил» в Савинкова и потратил целое состояние на то, чтобы помочь ему в борьбе против большевизма. Так, через Савинкова и других белогвардейцев, Рейли был, несомненно, причастен к убийству Володарского 20 июня 1918 г., убийству Урицкого 30 августа 1918 г. и покушению на Ленина в тот же день. Бывший агент «заграничной агентуры» охраны действовал вовсю.

История организованного Рейли, Хиллом, Локкартом и раскрытого 31 августа 1918 г. заговора, предусматривавшего захват Кремля и арест Советского правительства, известна. Но это была только первая половина «разработанного до мельчайших деталей» плана Рейли. Вторая половина предусматривала ни больше ни меньше, как создание нового «правительства» России во главе с Савинковым, а за его спиной — Рейли!³

Кто же должен был войти в состав этого «правительства»? Не только люди Савинкова и Деникина, но и люди самого Рейли, в том числе лица, стоявшие в свое время близко к царской охране. Вот что впоследствии, по словам его вдовы, писал сам Рейли, рассказывая о заговоре:

«Все приготовления для создания временного правительства были сделаны... Шуберский, старый друг и компаньон по бизнесу, который был главой одного из крупнейших торговых домов в России, должен был стать министром путей сообщения. Юденич,

¹ *Roberts G.* The most powerful man in the world: the life of Sir Henry Deterding. New York, 1938, p. 221.

² В своих воспоминаниях он признает, например, что другом его отца, крупного торговца в Риге, был жандармский офицер, в 1905—1907 гг. следовавший и даже убивавший революционеров.

³ В то же время в поддержку этого правительства должны были форсированным маршем наступать высадившиеся в конце марта в Мурманске английские войска. Еще раньше Владивосток был захвачен японцами, высадившимися вместе с американцами и англичанами.

Шуберский и Грамматики составили бы временное правительство».

Э. П. Шуберский, брат В. П. Шуберского, был до этих событий уполномоченным Рейли в штабе первого командующего белогвардейской «добровольческой армии» генерала Алексеева, заведующим путями сообщения¹. Никому не известный адвокат Грамматики был старым агентом охраны, связывавшим теперь Рейли, который давно его знал², с контрреволюционной организацией эсеров. С Юденичем, как мы увидим, у Рейли был также личный контакт. Очевидно, в аппарат новой власти предполагалось привлечь и старого провокатора охраны В. Орлова, который снабдил Рейли в Петрограде фальшивым паспортом.

Провал заговора был, очевидно, самым большим потрясением в жизни Рейли. Ему «чуть не удалось задушить большевизм в колыбели», писала впоследствии, пользуясь известными словами Черчилля, в своих воспоминаниях о Рейли его вдова. Но даже этот провал не остудил его бешеную ненависть к большевикам. Бежав в последний момент из Москвы и вернувшись в Лондон, он поставил свою следующую карту на Деникина и Юденича.

В ноябре 1918 г. он и Хилл по новой «командировке» «Интеллидженс сервис» под видом английских купцов отправились на захваченный тогда белогвардейцами юг России. Деникин в то время только собирал свои силы, готовя поход на Москву. Рейли, очевидно, наладил прямое сотрудничество с жандармским генералом Климовичем, ставшим позднее начальником охраны Врангеля. В написанном позднее письме к своей жене Рейли подтвердил, что уже в 1919 г. договорился с Климовичем³. У него было несколько встреч с Деникиным, и Хилл остался связным в белогвардейском штабе. Возвратившись в Лондон, Рейли тут же принялся за организацию похода Юденича на Петроград. Как известно, поход этот был предпринят по прямому поручению Лондона и по согласованию с Колчаком.

Встретившись летом 1918 г. в Петрограде с Рейли, Юденич предложил ему войти в состав проектировавшегося им контрреволюционного «правительства» в Москве. После провала заговора Юденич бежал в Финляндию и затем в Эстонию, где в то время действовали буржуазные власти. Набрав здесь из белогвардейцев армию и двинувшись к воротам Петрограда, он учредил свое «се-

¹ Шуберский продолжал финансировать Рейли даже в начале 1920-х годов, находясь уже в Лондоне. Рейли был в то время членом правления некоторых фирм, основанных за границей русскими миллионерами.

² До первой мировой войны Грамматики был адвокатом в Варшаве и знал там Орлова.

³ «К. произвел на меня весьма благоприятное впечатление», — писал Рейли, подчеркивая, что Климович — «человек практики».

веро-западное правительство». Помощь Юденичу помимо англичан оказывал белофинский контрреволюционер, бывший генерал царской свиты Маннергейм. От Рейли протягивались нити и в Хельсинки.

Рейли и здесь опирался на уцелевший аппарат старой охраны. В Прибалтийских странах, где тогда действовали буржуазные правительства, этот аппарат имел полную возможность выжить. Знавший положение коммунист Бюхнер писал позднее:

«Можно утверждать, не преувеличивая, что в таких странах, как Финляндия, Латвия и Эстония, аппарат политической полиции был организован либо белыми эмигрантами, либо же бывшими функционерами охраны. Прошедшие через тюрьмы в этих странах товарищи единодушно говорят, что в ходе допросов они обязательно видели перед собой русских белогвардейцев, иногда в должности высокопоставленных чиновников политической полиции»¹. Между органами политической полиции во всех Прибалтийских странах, добавлял Бюхнер, заключено формальное соглашение, согласно которому помимо обмена информацией они тесно сотрудничают друг с другом. Следует учесть, что близким другом Рейли в то время считался начальник штаба белофинской армии Валлениус. Позднее, в 1925 г., Валлениус помог Рейли нелегально перейти советскую границу.

Подводя итоги операциям Рейли в 1918 и 1919 гг., не будет преувеличением сказать, что этот старый агент «заграничной агентуры» департамента полиции и новоявленный агент «Интеллидженс сервис» был тогда самым непосредственным образом замешан в антисоветских делах почти всех белогвардейских главварей.

На поводу у него и фактически на его содержании все время находился и Борис Савинков, контрреволюционный террорист, мечтавший стать диктатором, эсер, работавший теперь вкупе с охранниками. Вдова Рейли позднее подтвердила, что он финансировал Савинкова, помог перевести на английский язык его книгу и в 1922 г. даже познакомил его с Черчиллем². Когда же Савинков в 1924 г., представ перед советским судом, капитулировал и рассказал о своих преступных делах, Рейли был вне себя. В редакцию газеты крайне правых английских консерваторов «Морнинг пост» он направил письмо, в котором заявил: «Своим поступком Савинков навсегда стер свое имя с доски почета антикоммунистического движения».

Даже после окончания гражданской войны в России Рейли не успокоился. Находясь в Лондоне, где его покровителем стал сам

¹ Bûchner I. Contre la provocation et l'espionnage. Paris, 1932, p. 9, 22.

² При переводе книги Савинкова Рейли сотрудничал со своим другом, крупным английским шпионом в Советской Республике Полом Дюксом.

Черчилль, Рейли еще некоторое время оставался на службе русского отдела «Интеллидженс сервис». Самой большой его удачей в те годы можно считать его сговор с нефтяным королем Детердингом.

2

Дела Рейли показывают, что он был не менее исступленным профессиональным антикоммунистом, чем Климович, Заварзин, Резанов и Орлов, более того, можно утверждать — он был самым исступленным из них. Жена Рейли рассказала, что по ночам он впадал в нечто вроде транса и в этом состоянии произносил яростные антисоветские тирады. «Большевизм,— писал сам Рейли в приведенных его вдовой заметках,— надо растоптать. Вот единственный враг. Человечество должно объединиться в священный союз...» Разумеется, ненависть к коммунизму сочеталась в нем с не менее бешеной жадной личной власти, к которой, как он думал, антикоммунизм и открывал ему дорогу. Касаясь своих замыслов в годы гражданской войны, Рейли писал: «Корсиканский лейтенант артиллерии (Наполеон.— Э. Г.) растоптал тлеющие угольки французской революции. Конечно же агент британской разведки мог сделаться хозяином Москвы».

«Антикоммунистическим Наполеоном» Рейли не стал, но немалый «вклад» в дело международного профессионального антикоммунизма внес. При его непосредственном участии «Интеллидженс сервис», исходивший, разумеется, из интересов английского империализма, стал в то время фактическим партнером и покровителем старой царской охранки, последыши которой снова выходили на политическую арену. Начиная с 1918 г. английская разведка стала вливать свежую кровь в омертвевший организм охранки. К усилиям «Интеллидженс сервис» тогда же присоединили свои усилия французская политическая полиция «Сюртэ жeneral», берлинский «Государственный комитет общественной безопасности», американское «Федеральное бюро расследований», японская полиция и другие ведомства того же типа.

Без помощи всех этих сил спасаясь от революции агентура Климовича, Рейли и Орлова едва ли сумела бы выжить после разгрома белогвардейцев. Как в политическом, так и в финансовом отношениях жандармерия капиталистических стран в какой-то мере возместила воскресшей охранке то, что в прошлом та получала от царского правительства. «Особый отдел» сменял покровителей, но оставался на тех же позициях, что и при царе. К этому приложил свою руку и Рейли. Но не только к этому.

В первой половине 20-х годов Рейли и находившийся на его попечении Савинков были душой всех террористических операций белогвардейцев на Западе. Именно Рейли со времени его по-

пытки организовать покушение на Ленина в 1918 г. был признан профессиональными антикоммунистами повсюду непревзойденным специалистом по части политических убийств. Установлено, например, что весной 1922 г. Рейли и Савинков явились в Берлин, чтобы вместе с Орловым организовать покушение на Чичерина и Красина, проезжавших через германскую столицу на конференцию в Геную. Покушение не состоялось. Но год спустя последовало убийство Воровского.

Все это — не отдельные, разрозненные акты, а дело рук одной и той же агентуры, действовавшей под руководством Рейли. После краха белогвардейской контрреволюции эти элементы некоторое время были в замешательстве. Убийства советских руководителей были задуманы Рейли и его сообщниками как сигналы для активизации «действенного» антикоммунистического движения.

Сам Рейли в кругу своих единомышленников это всячески подчеркивал. Сохранился документ, который это подтверждает. 23 мая 1925 г., спустя два года после убийства Воровского, Рейли писал агенту «Интеллидженс сервис» в Хельсинки, тамошнему представителю бывшего великого князя Н. Н. Романова Бунакову, излагая различные способы подрывной антисоветской работы:

«Третий способ, вне которого, по моему глубокому убеждению, нет спасения,— это террор. Террор, направляемый из центра, но осуществляемый маленькими независимыми группами против отдельных выдающихся представителей власти...

Остается неразрешенным вопрос, какими путями может быть приобретена активная моральная и материальная поддержка Европы и Америки. Я уверен, что крупный террористический акт произвел бы потрясающее впечатление и всколыхнул бы по всему миру надежду на близкое падение большевиков, а вместе с тем — деятельный интерес к русским делам. Но такого акта еще нет, а поддержка Европы и Америки необходима уже в начальных стадиях борьбы. Я вижу только один путь приобрести ее... Такого рода организация предполагает исключительно крепкий и конспиративный центр»¹.

Рейли писал о терроре внутри Советского Союза. Его сообщники готовили покушения на коммунистов в капиталистических странах. Все вместе делали одно и то же дело и мыслили одинаково.

«Всколыхнуть» весь мир против большевиков! Это и стало в то время — еще раньше, чем дата письма Рейли Бунакову, — первоочередной задачей профессиональных антикоммунистов.

¹ Известия, 1927, 17 июля.

Глава пятая

НОВАЯ АГЕНТУРА КЛИМОВИЧА. УБИЙСТВО ВОРОВСКОГО

1

В 1918 и 1919 гг. бывшие «звезды» царской охранки, в первую очередь Рейли, Резанов и Орлов, делали все, чтобы помочь контрреволюции своим профессиональным ремеслом. Старые жандармские генералы и полковники сидели в белогвардейских контрразведках, арестовывали, пытали, расстреливали и вешали всех, кого они считали коммунистами, и каждого, кто, по их мнению, в чем-то походил на коммуниста. Кровавая история Деникина, Колчака, Врангеля, Семенова не может быть написана без упоминания об этих палачах, временами управлявших целыми штабами.

Когда первым белым армиям пришел конец, единственной крупной базой контрреволюции на территории России остался Крым. Здесь в 1920 г. и был почти формально восстановлен «Особый отдел» царской охранки, на этот раз под названием «Особого отдела» штаба самого Врангеля. Начальником «Особого отдела» и в то же время помощником начальника «гражданского управления» в Крыму был назначен Климович — жандармский генерал, возглавлявший департамент полиции в Петербурге почти до самых дней Февральской революции (точнее — до октября 1916 г.), человек, которого даже Распутин называл «зверем». Преемственность в руководстве охранкой была, таким образом, полностью сохранена. Задачи были те же, приемы такие же, хотя теперь еще более «острые».

«Борьба с работой противника в тылу (с коммунистическим подпольем. — Э. Г.), — писал Врангель, — требовала опыта и исключительной энергии... Руководимая опытной рукой генерала Климовича работа нашей контрразведки в корне пресекала попытки противника». «Успехами» такого рода Врангель был обязан Климовичу, в распоряжение которого перевел и всю охранку.

Как же «работала» новая охранка Климовича?

«Пытки, применявшиеся во врангелевских застенках, — рассказывали впоследствии подпольщики, — были настолько утонченными, что перед ними бледнели все приемы царской охранки. Наи-

более «легкими» пытками было втыкание иголок под ногти и подвешивание за волосы. Сжимание мошны при помощи особых клещей, выворачивание ног — одна к лицу, другая к затылку, «шомполизация», прижигание пяток, «подкуривание» и прочее — все это применялось в определенном порядке».

Все обвиняемые приговаривались к смерти. Все города в Крыму были «разукрашены» трупами повешенных. В Симферополе на трамвайных столбах висело обычно 10—15 полуобнаженных трупов с надписью на деревянных досках: «коммунист».

Но, как вскоре же подтвердилось, разгромить крымское подполье новому «Особому отделу» все же не удалось. Арестовывали кого угодно: ни в чем не замешанных парикмахеров, журналистов, студентов, офицеров. Несколько лет спустя, когда агентура Климовича вместе со штабом Врангеля очутилась в Белграде, эсеровская газета «Дни» пожаловалась на то, что в Крыму при Врангеле «преследовали всех, но опять-таки не умели открыть ни одного настоящего большевистского агитатора». Климович, опытейший и хитрейший охранник, зверел, но с большевизмом справиться не мог.

Массовыми арестами и пытками в Крыму Климович, однако, не ограничился. После бегства вместе со штабом Врангеля из Крыма в управлявшуюся тогда царем Борисом Болгарию, а затем в королевскую Югославию он установил тесные связи с английской и германской разведками и по их поручению с таким же рвением стал участвовать в создании международной агентурной антикоммунистической сети.

Филиалы были организованы во всех ведущих странах Запада. Каждым филиалом руководил опытный агент старой охранки или деникинской и врангелевской контрразведки. Во главе всей сети был поставлен «агент № 1» с широчайшими международными связями — тот же Рейли, с которым Климович познакомился, видимо, еще в 1919 г. у деникинцев.

Помимо своего опыта в террористических и заговорщических делах в 1918—1919 гг., Рейли был важен для Климовича и тем, что служил посредником в отношениях с «Интеллидженс сервис», а также с крупным магнатом Детердингом и десятками других видных антисоветских деятелей в разных странах. Без субсидий, шедших Климовичу через руки Рейли из этих источников, содержать «заграничную агентуру» он, разумеется, не смог бы. Западные разведки и полицейские органы после конца вооруженной интервенции и гражданской войны в России в свою очередь нуждались в Рейли, агентуре Климовича для борьбы против Советской Республики и международного коммунистического движения. Вдова Рейли подтвердила в своей книге, что «в итоге шпионской работы моего мужа иностранные канцелярии снабжались широкой

информацией» о «революционной работе большевиков» в разных странах. Так, он будто бы располагал списками лиц, связанных с коммунистическим движением в Америке.

По ее же словам, разъезжая по разным странам, Рейли поддерживал контакт с «генералом К», «главой русской антисоветской разведки... Было договорено, что имя генерала К. не должно никогда называться. Е. (друг и сообщник Рейли — Хилл? — Э. Г.) или мой муж никогда не произносили эти важные звуки... Его (Климовича. — Э. Г.) авторитет среди всех антибольшевиков за пределами России был абсолютным». Таким образом, даже сам «кандидат в Наполеоны» склонял голову перед шефом старой царской охранки.

Раскидывать свою сеть в западных странах Рейли начал, очевидно, почти сразу после своего первого свидания с Климовичем в 1919 г. Это теперь и становилось его главным делом. «Сидней был чрезвычайно заинтересован во всем этом движении, — пишет его вдова, говоря о связях Рейли с группами русских эмигрантов в разных странах, — и посвятил делу много времени и денег».

Резидентом агентуры в Париже Климович и Рейли сделали Резанова, бежавшего во Францию. Вместе с ним здесь действовал известный подполковник Никитин, а также Заварзин, бывший начальник охранных отделений в ряде городов. В 1924 г. Заварзин издал в Париже на русском языке «учебник» для профессиональных антикоммунистов под названием «Работа тайной полиции». В другой, изданной позднее, книге Заварзин писал: «При современном росте коммунизма каждому некоммунисту полезно некоторое знакомство с розыскной работой... Ко дню революции я имел уже почти 20 лет службы в Отдельном корпусе жандармов... что дает мне возможность ознакомить читателя с теорией и техникой розыска».

Ветеран охранки подчеркивал: «розыскной» работой «должен заниматься каждый некоммунист». Это уже была подлинная идеология «Железной пяты».

Так как Резанов и его сообщники имели в Париже прямой доступ к профашистскому генеральному секретарю управления французской политической полиции «Сюрта жeneral» Кьяппу, то и здесь перед агентурой Климовича и Рейли были открыты все двери. Непосредственно связаны с Рейли были также находившиеся в Париже политические лидеры белой эмиграции Гучков и Савинков. Денежные средства текли от основанного в Париже русскими нефтяными магнатами и банкирами «Торгпрома» («Торгово-промышленного комитета»), в частности от миллионеров Густава Нобеля и Павла Тикстона¹.

¹ Кичкасов Н. Антисоветские подлоги. М., 1928, с. 11—14.

Руководство берлинским филиалом было поручено Орлову. К этому времени Орлов уже был близким доверенным лицом германской охраны («Государственного комитета по охране общественной безопасности») и берлинского полицейпрезидиума — двух учреждений, которым в веймарской Германии в первую очередь поручалось преследование коммунистов. Руководителям «Государственного комитета» и начальнику полиции по делам иностранцев, своему старому приятелю Бартельсу Орлов поставлял досье об «опасных лицах», в полицейпрезидиуме он был лично связан с самим полицейпрезидентом, правым социал-демократом Цергибелем; его считали «правой рукой» Цергибеля и Бартельса по розыску и преследованию «иностраннных революционеров».

Под начальством Орлова в Берлине действовала целая бригада фальсификаторов и террористов: Гуманский, Дружеловский, Бельгард, барон Кюстер (сын царского сенатора, работавший управляющим рестораном), Покровский и другие.

Но сам Орлов полностью подчинялся Рейли, которого называл «хозяином». Антисоветский борзописец В. Бурцев впоследствии подтвердил, что действовавшая в Берлине «белая контрразведка против III Интернационала» возглавлялась Орловым, пользовавшимся «полным доверием со стороны русского (врангелевского. — Э. Г.) главнокомандования».

Когда несколько лет спустя германским властям волей-неволей пришлось временно арестовать Орлова, уличенного одним из иностранных корреспондентов в подлоге писем американских сенаторов Бора и Норриса, из показаний на суде выяснилось, как работал берлинский филиал агентуры Климовича. В квартире Орлова действовала целая лаборатория, оборудованная по последнему слову техники. Были найдены кипы подложных бланков советских учреждений и коммунистических организаций, каучуковых и металлических печатей, фальшивых паспортов, фотографий, а также всевозможные «материалы» о «тайной» международной работе коммунистов. Архив Орлова включал свыше 500 подробных биографий видных советских, западноевропейских и американских коммунистов. Нашлась также «адресная книга» объемом в 600 страниц с тысячами имен коммунистов и данными об их деятельности¹. Здесь же хранилось оружие и оборудование химической лаборатории, дававшее возможность удалять рукописные и печатные тексты. Обследовавшие квартиру Орлова специалисты пришли к заключению, что здесь действовала лучшая новейшая организация для изготовления фальшивок. Пойманный на советской территории и представший еще до ареста Орлова перед советским судом его сотрудник Дружеловский заявил,

¹ Rote Fahne, 12.VII 1929.

что квартира Орлова представляла собой «настоящую школу шпионажа»¹.

Клиентов для фабрики подлогов вербовали почти открыто. Заказы принимались оптом и в розницу. В берлинской белоэмигрантской газете «Руль» печаталось, например, следующее объявление: «Русское информационное агентство «Руссино»... Зарегистрировано германскими властями. Принимает заказы на сведения о деятельности Коминтерна в мировом масштабе. Корреспонденции и сведения о положении дел в России. Требуются корреспонденты. Вознаграждения по соглашению. Прием от 5½ до 7½ часов. Директор С. М. Дружеловский. Секретарь Г. П. Кипп»².

В течение ряда лет бюро Орлова в Берлине действовало совершенно безнаказанно под прямой опекой немецкой полиции. После ареста Орлова она поспешила заявить, что его антикоммунистическая картотека была будто бы составлена им еще до революции и имеет лишь «историческое значение».

Так работал германский филиал агентуры Климовича. Лаборатория Орлова стала школой для профессиональных антикоммунистов позднейших лет. (Об его личном участии в террористических делах и в сенсационном подлоге «письма Коминтерна» будет сказано ниже.)

Тут же, в германской столице, находились бывший начальник петроградской охраны генерал Глобачев, старый сослуживец и школьный товарищ Климовича (переехавший сюда из Варшавы) и бывший коллега Орлова по варшавской контрразведке полковник Терехов. В 1922 г. Терехов занимал в Берлине пост начальника отдела разведки «Высшего монархического совета», возглавлявшегося старым черносотенцем и «стипендиатом» охраны Марковым 2-м.

На берлинском процессе Орлова подтвердилось, что, подчиняясь Климовичу и Рейли, он одновременно являлся осведомителем германской политической полиции. Допрошенный в качестве свидетеля царский подпоручик Г. И. Зиверт, перешедший на службу в германскую разведку, показал, что Орлов «по русским делам вел такую же работу, как по германским»³. Было так же установлено, что Орлову платили неплохо. Он владел домом в

¹ Дружеловский показал также, что среди фальшивых документов на квартире Орлова он видел какие-то состряпанные там «советские инструкции» о дислокации красноармейских частей, которые предназначалось использовать для провокационной шумихи об «агрессивных замыслах Москвы». Здесь же хранились фотоснимки Чичерина и других советских дипломатов, предназначенные для раздачи антикоммунистическим террористам (см.: Правда, 1927, 12 июля).

² Правда, 1927, 12 июля.

³ Der Abend, 6.VIII 1929.

Берлине, виллой в Герингсдорфе и замком у реки Эльбы, в котором было 26 комнат¹.

Такие же филиалы, как в Париже и Берлине, хотя и в значительно меньших масштабах, были созданы Климовичем и Рейли в ряде других столиц капиталистического мира. В Лондоне в сговоре с «Интеллидженс сервис» делом заведовал сам Рейли. В Нью-Йорке резидентом стал бывший петербургский «судебный следователь» Б. Бразоль, организовавший тайный союз белоэмигрантских офицеров в США, служивший одновременно под шифром «Б-1» агентом американской разведки и завязавший контакт с автомобильным магнатом Генри Фордом². В Вене дело было поручено царскому полковнику Бородину, выступавшему под личиной председателя «церковного благотворительного союза» местных белоэмигрантов и вскоре же организовавшему покушение на советского полпреда в Австрии Я. А. Берзина. В Женеве — городе, ставшем особенно важным для Климовича, — резидентура возглавлялась шефом царской «миссии Красного Креста», бывшим гвардейским офицером Г. Лодыженским. В Китае за дело взялись атаман Семенов и бывший белогвардейский контрразведчик, он же агент английской и японской полиции Кедровский. Про него было известно, что во время пребывания в оккупированном японцами Владивостоке он принадлежал к шайке, занимавшейся грабежами и убийствами.

Ряд агентурных центров был организован в восточноевропейских странах, входивших после Октября в антисоветский «санитарный кордон». Так, в Варшаве под видом руководителя такой же «миссии Красного Креста» вначале действовал приятель Климовича жандармский генерал Глобачев вместе со своим братом, также царским генералом. Глобачев в 1919 г. пытался посылать русских военнопленных в Германии на юг к Деникину. В Риге ту же роль взял на себя бывший царский контрразведчик, ставший германским агентом и сообщником Орлова, Зиверт, наладивший контакт с разведкой буржуазного латвийского правительства. В Таллине действовал бывший жандармский каратель фон Валь, в Хельсинки — друзья Рейли — Цейдлер и Бунаков и т. д.

¹ Rote Fahne, 11 и 12.VII 1929.

На суде в Берлине Орлов и один из его сообщников были признаны виновными только в подлоге документов против двух американских сенаторов. Орлов был приговорен к четырем месяцам тюрьмы, исчерпанным его предварительным заключением. Он был немедленно освобожден, его местопребыванием назначен его замок на Эльбе (Правда, 1929, 12 и 14 июля).

Германская полиция не позволила причинять неприятности своему агенту.

² См. главу 12.

Главными узлами сети все же оставались Белград (местопребывание Климовича), Берлин, Париж, Лондон и Женева. Рейли неумолимо курсировал между этими столицами.

Повсюду завязывались отношения не только с местными полицейскими и разведывательными органами, но и со старыми организациями профессиональных антисоциалистов. Последыши петербургского департамента полиции теперь охотно делились с ними своим опытом.

Из наводнивших после первой мировой войны капиталистические страны белоэмигрантов Климович и Рейли отбирали самых отчаянных, готовых на что угодно: на подлоги, на шпионаж, на мокрые дела. Это были подонки, наиболее разложившиеся субъекты из деникинских, врангелевских и колчаковских штабов. Оказавшись после гражданской войны за рубежом, без средств, без профессии, они охотно соглашались заниматься «практическим» антикоммунизмом, тем более что за это им новые хозяева сулили немалые деньги. Рейли и Орлов, их руководители, жили как миллионеры; агенты помельче могли опять, как и в былое время, «прожить жизнь». Возникало нечто вроде породы новых жандармов, без голубой формы и без нагаек, но с еще более неистовой ненавистью к революционерам и коммунистам, чем у их предшественников, ибо дороги назад для них уже не было.

Агентура Климовича действительно не останавливалась ни перед чем. Делом ее рук вскоре стали два преступления, взбудоражившие весь мир: убийство Воровского и «письмо Коминтерна».

2

10 мая 1923 г. в гостинице «Сесиль» в швейцарском городе Лозанна злодейски, выстрелом в затылок, был убит В. В. Воровский, делегат Советского правительства на проходившей в Швейцарии конференции по урегулированию положения на Ближнем Востоке. Пуля оказалась надрезанной. Убийца был задержан в тот же день. Это был белогвардейский офицер Конради, прибывший в Лозанну из Цюриха.

Конради стал отрицать, что действовал по заранее задуманному плану. При расследовании обстоятельств дела выяснилось, что поручение убить Воровского было дано ему другим белогвардейским офицером — Полуниным, в прошлом начальником контрразведки одной из врангелевских дивизий, то есть человеком Климовича. Он же снабдил Конради деньгами. К моменту убийства Полунина был секретарем миссии царского Красного Креста в Женеве, во главе которой стоял его родственник Г. Лодыженский, посланный белыми в Швейцарию еще во время гражданской вой-

ны в России. Полунин получал от Лодыженского 300 золотых рублей в месяц. Так высоко наемным палачам в то время платили редко.

Защитником Полунина на суде выступил женевский адвокат Теодор Обер, бывший представитель Швейцарии в международном бюро Красного Креста¹, покровительствовавший Лодыженскому с момента его приезда в Швейцарию. Вся подготовка к защите Конради и Полунина исходила непосредственно из штаба Врангеля в Белграде, где для этой цели была создана специальная группа. Климович не только готовил убийц, но и пытался спрятать концы в воду.

В ходе процесса стало ясно, что дело было не в акте отчаяния со стороны каких-то трех никому не известных белогвардейцев, а в заговоре, исходившем из недр широко разветвленной в разных странах организации. Ближайшим советником защиты убийц оказался бывший заместитель царского министра внутренних дел Вл. И. Гурко — человек, годами непосредственно связанный с петербургской охранкой и впоследствии уволенный за мошеннические дела². В 1918 г., перед бегством из Советской Республики за границу, Гурко руководил в Москве тайным «правым центром» контрреволюционеров и от имени этой организации вел переговоры с немцами об «оказании помощи для установления порядка в России». Через своего брата Василия Гурко, в последние месяцы царского режима начальника штаба верховного главнокомандующего, Владимир Гурко был связан со всей белогвардейской военщиной.

Выяснились и другие контакты группы Лодыженского — Конради — Полунина. К ее кругу принадлежал, например, бывший представитель царского Красного Креста в Румынии, а затем офицер личного штаба Врангеля — то есть опять-таки человек Климовича — полковник Ильин. В Германии нити тянулись к местной агентуре Климовича, к которой принадлежали такие бывалые черносотенцы, как Марков 2-й, генерал Бискупский, полковник Винберг, агенты старой охраны Бессонов, Кельчевский и другие³. Почти все эти люди поддерживали связь с нацистами, активно действовавшими к тому времени в Мюнхене.

Когда Полунину на суде задали вопрос, намерен ли он продолжать борьбу с большевиками теми же средствами, то есть путем террора, он без стеснения ответил: «Да!». Было ясно, что он

¹ Schweizerisches Zeitgenossen-Lexikon. Bern, 1921, S. 19.

² Витте С. Ю. Воспоминания, т. III. М., 1960, с. 398—399.

Гурко заключил от имени правительства крупную сделку на поставку хлеба с торговцем ватерклозетами Лидваллем, который хлеба не поставил, а уплаченную ему сумму присвоил.

³ Documents politiques, diplomatiques et financiers. 1925, p. 305—308.

и его сообщники твердо рассчитывают на безнаказанность или легкие взыскания. 16 ноября Конради и Полунин, несмотря на полную доказанность их преступления, не отрицавшегося ими самими, были оправданы лозаннским судом. Тем самым антикоммунистическим террористам фактически предоставлялась «карт бланш». В стане антисоветчиков царило ликование. Потерпев позорный провал во время гражданской войны и интервенции против Советской России, они доказали на деле, что способны вести индивидуальный террор против коммунистов за рубежом. Близкий друг Рейли и уполномоченный Климовича по организации защиты Конради и Полунина, бывший московский миллионер А. И. Гучков (в царское время — глава реакционной партии октябристов, а в дни Временного правительства в 1917 г. — военный министр) еще перед судом в Лозанне так прямо и заявил в письме к своему компаньону по этим делам В. И. Гурко: «Оправдания мы всемерно добиваемся и придаем ему значение... Оправдательный приговор явится могучим стимулом антибольшевистской пропаганды вообще и террористической в частности»¹.

Но убийство Воровского отнюдь не было первым «экспериментом» агенты Климовича в области террора. Как выяснилось впоследствии, была запланирована целая серия покушений. Еще незадолго до акта в Лозанне Рейли, Савинков и Орлов предприняли попытку покушения на Чичерина, Красина и других членов советской делегации на Генуэзской конференции. Пойманный позднее на советской территории агент этой группы сообщил на суде, что террористы, вооруженные маузерами с тщательно счищенными Орловым номерами, выслеживали советских делегатов у вокзалов и гостиниц². Год спустя попытка покушения на Чичерина и Красина была повторена Конради, безуспешно пытавшимся проникнуть в советское посольство в Берлине³. Всеми такими делами обычно руководил Рейли.

Интересно, что даже после ареста и расстрела Рейли в Советском Союзе сообщники шпиона намеревались использовать его вдову-англичанку для новых покушений. Некий «Z» (вероятно, Гучков. — Э. Г.), рассказала она, посетил ее в Париже и стал уговаривать убить советского посла во Франции. «Все, что я должна была сделать, — пишет она, — это совершить политическое убийство. Для меня самой это не представляло абсолютно ника-

¹ Членов С. Б. Убийство В. В. Воровского и буржуазное правосудие. Харьков, 1924.

² Известия, 1929, 7 марта.

³ Internationale Presse-Korrespondenz, 6.IX 1923, S. 647.

Двумя годами позже была предпринята еще одна попытка покушения на Чичерина, презжавшего тогда на юг Франции для отдыха. Покушение не удалось из-за тщательной охраны Чичерина (см.: Кичкасов Н. Антисоветские подлоги, с. 22—28).

кой опасности. Меня никогда бы не осудили во Франции, если бы стала известна моя история. Он (сообщник Рейли.— Э. Г.) обещал бы мою защиту, как они это сделали для Конради в Швейцарии». Вдова Рейли не приняла предложения сообщников ее мужа. Видимо, их дела показались ей слишком опасными.

Антикоммунистический террор был операцией № 1 в диспозициях агентуры Климовича в те годы. Более действенной, по крайней мере вначале, оказалась проводившаяся одновременно операция № 2: массовая фабрикация антикоммунистических фальшивок. Главнейшей из них, вызвавшей всеобщее возбуждение в капиталистических странах, стала фальшивка — так называемое «письмо Коминтерна». Здесь мы коснемся только некоторых данных.

С 1924 г. буржуазные государства начали устанавливать дипломатические отношения с СССР. Коммунистическое движение в Западной Европе, Азии и Америке ширилось. Для влиятельных кругов империалистических держав крайне острой стала проблема: как помешать этому процессу и повернуть его вспять? Как возбудить общественное мнение против коммунистов до такой степени, чтобы дать буржуазным правительствам возможность вновь порвать отношения с Советским Союзом и запретить коммунистические партии в их странах? Климович и Рейли считали, что ответ найден.

Капиталистические государства в тот период стали внезапно наводняться «сенсационными» документами. В каждом из них раскрывалась «тайная деятельность» Коммунистического Интернационала и «советских агентов» в «некоммунистическом мире» — преимущественно как раз в тех странах, где власти сталкивались с внутренними политическими затруднениями. «Документы» появлялись из месяца в месяц то тут, то там. Считалось, что их происхождение покрыто мраком неизвестности. Для всех, однако, была характерна одна черта: каждый «документ» был напечатан как будто на бланке того или иного учреждения в Москве и снабжен внушительными печатями и подписями. Каждый «компрометировал», с одной стороны, советских руководителей, с другой — ту или иную коммунистическую или левую оппозиционную партию за рубежом.

Вскоре насчитывалось уже около двух дюжин таких писаний, которые публиковались под аккомпанемент газетной шумихи или же передавались непосредственно в руки правительств западных держав. Результатом появившегося таким путем в октябре 1924 года «письма Коминтерна», якобы посланного председателем исполкома Коминтерна английским коммунистам и содержавшего «инструкции» о подготовке вооруженного восстания в Англии, было падение первого лейбористского правительства. Что речь

шла о подлоге, было ясно каждому мало-мальски осведомленному и мыслящему человеку: «письмо» было смехотворно, грубость подделки бросалась в глаза. Но поверивший в его подлинность наивный простак мог сделать вывод: коммунисты в Англии, как и в других странах, хотят насильно захватить власть, страны Запада не могут иметь дело с Советским правительством и терпеть существование коммунистических партий.

Это «письмо» было последним громким делом рук агентуры Климовича в том виде, в каком она тогда существовала.

В общем и целом агентура Климовича в рамках врангелевской контрразведки после своего основания в Крыму существовала около четырех лет: с 1920 по 1924 г. Когда летом 1924 г. находившийся в эмиграции Врангель начал окончательно сходить со сцены и был вынужден распустить свой штаб, пришлось менять маску и Климовичу с Рейли.

Теперь нужна была новая ширма, которая позволила бы агентуре империалистических разведок легально выступать на международной арене в качестве «общественной» политической организации.

Эту ширму под названием «Международная лига борьбы против III Интернационала» и соорудил для профессиональных антикоммунистов и антисоветчиков летом того же 1924 г. в Женеве швейцарский адвокат убийц Воровского Теодор Обер.

Глава шестая

ОСНОВАНИЕ ЛИГИ ОБЕРА

1

Мысль о создании «легальной» всемирной организации для борьбы с коммунизмом зародилась у профессиональных антикоммунистов еще до окончания гражданской войны в России. Мотивы были очевидны. Социалистическая революция в России всколыхнула весь мир. В стане капитала начали понимать, что над земным шаром проносится гигантский шторм, который способен принести коренное обновление мира. Реакционеры всех мастей были встревожены в каждой стране. Дело было не только в их ненависти к Советской Республике, но и в страхе за власть капитала у себя дома.

Советская Республика была еще молодым, неокрепшим государством, окруженным со всех сторон плотной стеной врагов. Но дыхание коммунизма уже чувствовалось на расстоянии тысяч километров от ее границ. Повсюду возникали коммунистические партии и национально-освободительные организации, революционное рабочее движение становилось для буржуазии грозным противником даже там, где ее господство издавна считалось несоразмерным. Никто уже не мог исключать возможности возникновения в будущем новых социалистических государств. На повестке дня в Лондоне, Париже, Вашингтоне, Берлине стоял вопрос о принятии срочных контрмер. Была мобилизована и политическая полиция. Охота за «красными» делалась ее задачей № 1.

Во влиятельных империалистических кругах вынашивалась идея создать международный боевой центр по борьбе с коммунизмом, используя при этом агентуру Климовича. Это было именно то, что теперь требовалось полицейским властям, нуждавшимся в подсобных агентствах уже хотя бы для осведомительных целей. Не менее настойчиво поддерживали проект создания антикоммунистического центра и руководители охранок Польши, Финляндии, Болгарии, Венгрии, Чехословакии, Румынии и других буржуазных государств, расположенных близ границ Советской Республики, правители которых были поражены страхом перед собственными народами.

Поддержка правящих кругов капиталистического мира была гарантирована, приток средств обеспечен. В кадрах для развертывания «глобальной» сети недостатка также не было. Организации профессиональных антикоммунистов в разных странах уже по собственному почину росли как грибы. Бывшие антисоциалисты становились еще более фанатичными антикоммунистами. Но «черную работу» взяли на себя те, кто уже годами вел подобные операции в международном масштабе.

Впервые идея использования белогвардейской охраны на службе международной реакции возникла, видимо, еще тогда, когда Климович, Рейли, Орлов и Резанов действовали по поручению штаба Деникина. В 1919 г. старый агент царской охраны в Швейцарии Святковский, ставший в годы войны сотрудником Бенеша, обратился к нему с предложением создать в Швейцарии «антибольшевистский интернационал», на что запросил у Бенеша деньги. Бенеш в них не отказал¹, но дело тогда вперед не продвинулось.

Два года спустя 10 июня 1921 г. на съезде «национального объединения» белоэмигрантов в Париже некто Г. А. Мейнгард, читая доклад о борьбе с большевизмом, заявил: «Борьба посредством пропаганды должна вестись общим фронтом во всемирном масштабе, для чего должна быть сооружена мощная международная лига»²...

Еще через полтора года, в декабре 1922 г., известный реакционный французский журналист Артур Мейер поднял в парижской газете «Голуа» вопрос о создании «белого интернационала» — «международной лиги, действующей за сохранение порядка и укрепление власти». Многие указывают на то, что Мейер был близок с Резановым, к тому времени уже находившимся в Париже и работавшим во французской охране «Сюртэ женераль».

Но конкретную форму идея создания всемирной антикоммунистической организации стала принимать лишь тогда, когда Климовичу и Рейли срочно потребовалось легализовать и замаскировать свою собственную, уже действующую международную агентуру. Это произошло весной — летом 1924 г., когда Врангелю пришлось распустить свой штаб в Белграде и уйти на покой.

Главным вопросом для организации Климовича было: как после ликвидации штаба Врангеля продолжать антибольшевистские операции?

Ответ был дан, и очень быстро. Первым, судя по всему, дали его агент «Сюртэ женераль» Резанов и агент «Интеллидженс сер-

¹ *Краль В.* О контрреволюционной и антисоветской политике Масарика и Бенеша. М., 1955, с. 38, 133—134.

² Общее дело. Париж, 11.VI 1921.

вис» Рейли. Резанов, выполняя задание своих хозяев, составил детальный проект включения агентуры Климовича в «легально» действующую международную организацию¹. Он же подготовил почву для ее формального основания в Париже. Рейли занялся организационной и материальной сторонами дела. Подготовка создания международной антисоветской лиги началась, по-видимому, еще в 1923 г.

10 мая 1923 г. был убит Воровский. В том же месяце на Западе появились газетные сообщения, что в «ближайшее время в Европе организуется международная лига борьбы с большевизмом» и что на первых порах с этой целью создается «комиссия», построенная по образцу действовавшей в Европе до войны международной лиги по борьбе с анархизмом. Белоэмигрантские газеты тогда же сообщили, что в этой связи в Ригу для «ознакомления с методами борьбы против коммунизма» прибыли два японских представителя².

В конце того же мая 1923 г. Врангель вернулся в Белград из Парижа, где, по сообщению югославских газет, вел какие-то переговоры с вождями русских монархистов относительно организации борьбы против Советской России». Добавлялось, что в Крагуеваце, резиденции Врангеля, ожидается прибытие самого претендента на царский престол Н. Н. Романова для выработки «общего наступательного плана»³. Поскольку у Врангеля давно уже не было никакой военной базы на русской территории, то речь явно шла о политических планах. В июне в Берлине появился Климович; очевидно, произошла его встреча с Орловым.

В октябре 1923 г. берлинская газета белоэмигрантов — сменовеховцев «Накануне» сообщила, что в Белграде в штабе Врангеля в ходе подготовки защиты убийц Воровского «разрабатывается архив Мейнгарда» — того самого белогвардейца, который еще в 1921 г. призывал создать международную антибольшевистскую лигу. Еще раньше Рейли отправился в США.

Есть сведения о том, что Рейли в то время пытался добыть деньги для новой лиги у разных покровителей, в том числе у Муссолини и Детердинга. Муссолини, готовившийся тогда к восстановлению дипломатических отношений с Советской Республикой, ему, по-видимому, отказал. Какую помощь оказал Детердинг, осталось невыясненным. Известно только, что Рейли немедленно по прибытии в США устроил в Нью-Йорке на Бродвее свою контору и обратился с просьбой о субсидиях к Форду. По-видимому, все было улажено. В июне 1924 г. в действие наконец вступил лично и открыто сам Врангель.

¹ См. главу 3.

² Правда, 1923, 20 мая.

³ Известия, 1923, 2 июня.

В беседе с корреспондентом черносотенной газеты белоэмигрантов в Белграде «Новое время» он заявил по поводу «создания международной лиги борьбы с большевизмом»: «Эту мысль я горячо приветствую. Давно пора. Мировой масштаб опасности был, по моему, ясен уже в 1918 г. Во время нашей борьбы в Крыму и в дни, когда мы ушли в изгнание, я тщетно призывал Европу понять это... Тот, кто объединит этих естественных врагов III Интернационала в международную организацию, «свершит великое дело, единственное, которого властно требуют сейчас самые существенные интересы человечества... Русская армия (врангелевцы.— Э. Г.) воплощает движение, творившее в пределах своих национальных задач то, что намечает теперь в международном объеме начинание Обера и его сотрудников».

В ходе той же беседы Врангель передал редакции своей газеты для пересылки антикоммунистической лиге чек на 20 тыс. фр., «выразив надежду, что благое начинание господина Обера встретит широкую поддержку в среде как имущих представителей русской эмиграции, так и в широких иностранных кругах».

Вскоре в той же белградской газете был напечатан ответ Обера Врангелю: «Чрезвычайно тронут вашим доверием и действительной поддержкой. Счастлив иметь возможность рассчитывать на содействие великого патриота, который никогда не колебался в течение неустанной борьбы против врагов своей родины». В ответ на запросы, как следует относиться к лиге участникам врангелевской армии, врангелевским офицерским организациям, из его штаба было сообщено: «Так как лига не является учреждением партийным, а преследует, по существу, те же цели, кои ставит себе и армия, генерал Врангель не только не встречает препятствий, но и рекомендует всем национально-мыслящим русским воинам лично принимать в той или иной форме участие в организациях, связанных с лигой».

Сомнений не оставалось. Врангель приказывал своим бывшим подчиненным переходить в международную антикоммунистическую лигу, как организацию, продолжающую в иной форме их дела. Климович и Рейли могли быть довольны. Какая-то часть тех 80 тыс. человек, которые после поражения Врангеля бежали вместе с ним за рубеж, должна была теперь влиться в ряды их агентур в разных странах мира. В передовой статье той же белогвардейской газеты, владельцем которой был личный друг Рейли еще с дореволюционных времен Борис Суворин, говорилось: существует «могущественное антибольшевистское течение среди политических и общественных деятелей. И это течение растет и ширится и в настоящее время уже воплотилось в антибольшевистскую лигу Обера, в которой больше европейцев, чем русских. Год тому назад об этом нельзя было и мечтать, а теперь эта лига

поведет неутомимую борьбу... В этом порука — энергия ее основателей».

При всем том Врангель и его окружение явно давали понять, что ядро новой лиги Обера, несмотря на ее международный характер, должны составлять все те же старые русские белогвардейцы. Внутри лиги в разных странах была с самого начала организована так называемая «русская секция». Белогвардейские охранники самым рьяным образом включились в осуществление задачи формирования и подталкивания международного профессионального антикоммунизма. Эти люди своему ремеслу не изменили.

Характерно, что руководителями многих учреждаемых филиалов лиги Обера были почти повсеместно назначены те же лица, которые до этого служили резидентами агентуры Климовича. Это вело и к тому, что где бы в мире ни проживали белоэмигранты, «оберовцы» имели среди них своих людей. Во второй половине 20-х годов к женевской лиге принадлежали почти все сколько-нибудь видные белогвардейцы в разных государствах. В опубликованном в 1929 г. циркуляре «русской секции Международной лиги борьбы против III Интернационала», указывавшей в качестве своего адреса почтовый ящик в маленьком французском городке Шамбери поблизости швейцарской границы, говорилось, что она выступает за «священный союз» всех белоэмигрантских групп для «освобождения России» и располагает «делегациями» во всех странах. Секция, сообщалось в циркуляре, помогает существующим белогвардейским организациям, в особенности «действующим в России», создает новые организации, устраивает «технические курсы» для обучения антибольшевиков, организует «профессиональные комитеты действия и пропаганды» и влияет в антибольшевистском духе на окружающую белоэмигрантов среду.

Разумеется, «русская секция» преувеличивала свои силы и возможности. Никакого «священного союза» всех белоэмигрантов для «освобождения России» ей создать не удалось. Это не мешало старым агентам Климовича хвастаться своими достижениями, где они только могли. Дело, например, доходило до того, что на шестой международной конференции женевской лиги в 1930 г. был выдвинут проект создания на базе «русской секции» лиги нового «русского правительства» за рубежом! Белая эмиграция, заявил докладчик по этому вопросу председатель пражского «центра» Шебек, должна создать «руководящий центр, который взял бы на себя задачу представлять интересы русского народа перед другими народами и правительствами и который мог бы явиться выразителем национальной русской воли в самой стране (то есть в Советском Союзе! — Э. Г.) и за ее пределами». Выдвинутый такой массовой организацией руководящий орган, — продолжал Ше-

бек, — несомненно, найдет поддержку и содействие со стороны симпатизирующих нам иностранных кругов, среди которых бюро лиги ведет соответствующую подготовительную работу. Даже при Колчаке и Деникине белогвардейцы не додумывались до того, чтобы составить «правительство» из заведомо разоблаченных убийц и их подручных.

Одновременно профессиональные антикоммунисты белогвардейского происхождения продолжали внутри лиги и вне ее неуклонно делать ставку на новую антисоветскую вооруженную интервенцию, предназначая себе роль предводителей «белого авангарда». Хотя бежавшая в 1920 г. из Крыма старая врангелевская армия к концу 20-х годов уже не существовала, рассеявшись по всему капиталистическому миру, в Париже под названием «Русский общевоинский союз» (РОВС) все еще действовал куцый штаб этой армии во главе с генералами Кутеповым и Миллером. Фактически РОВС был неотделим от женевской лиги. Когда в мае 1929 г. в Париже было устроено публичное чествование главы РОВС генерала Кутепова, от имени «русской секции» женевской лиги выступил бывший начальник царской контрразведки в Петербурге (сохранивший свой пост и при Керенском) подполковник Б. Н. Никитин и заявил:

«Ставя себе целью уничтожение III Интернационала и его советского правительства, русская секция лиги благодаря многим особенностям обстановки развивается своими особыми путями... Мы — техническая организация, и наше единственное желание — быть полезными тем русским и иностранцам, кто хочет с нами связаться и содействовать общим усилиям, направленным против коммунистов. Наши технические средства и возможности (намек на террористические действия! — Э. Г.) мы отдаем всем антибольшевистским группам без различия политической окраски — всем без исключения. Русская секция лиги знает, что вы (Кутепов. — Э. Г.) владеете тем залогом успеха, который называется «силой воли генерала Кутепова». Мы видим в вас символ борьбы, всеми средствами будем стараться вам помочь».

Это была заявка на посты жандармов и палачей в новой белогвардейской армии, на создание которой надеялись белогвардейские члены лиги. Керзон и Гофман лежали в могиле. Но старые русские контрреволюционеры уже начинали предчувствовать пришествие нового спасителя с берегов Шпрее.

Рейли, Резанов, Орлов, Лодыженский (резидент в Швейцарии и генеральный секретарь организации) оставались при учреждении женевской лиги в 1924 г. на руководящих постах. Климович продолжал держаться в тени. Главой новоявленной международной организации стал швейцарский антикоммунист — за-

щитник убийц Воровского женевский адвокат Теодор Обер. Вокруг него была сразу создана шумная реклама.

Личность эта была действительно вполне по душе Врангелю, Климовичу и Рейли. В действительности же главную работу за спиной Обера в Женеве все время вели французская и английская, а впоследствии германская охранка.

2

Уже 2 марта 1924 г., всего лишь четыре месяца после оправдания Конради и Полунина, в Женеве было основано «временное бюро», которому поручалось подготовить создание организации. В состав бюро были включены инкогнито «влиятельные лица» из разных стран, из которых впоследствии были названы только Обер и Лодыженский¹. Было намечено созвать конференцию с целью утвердить «программу интернациональных антибольшевистских действий», «закрепить финансовую основу» дела, провести «осведомительную деятельность», а также «изучить группировку всех сил, сотрудничество с которыми желательно». Добавлялось, что эти силы существуют, но «разрознены и даже не знают друг друга».

Далее о задачах будущего центра организации говорилось: «Центр будет помогать устройству парламентских антибольшевистских групп, будет в частном порядке предпринимать попытки перед членами правительств и экономическими и политическими сообществами, будет доставлять им сведения и документы и будет помогать устройству постоянных сношений между разными национальными антибольшевистскими группами. Одним словом, он должен взять на себя устройство нового «крестового похода», направленного против исполнительного комитета III Интернационала. Пробил час начать политическую и моральную борьбу без пощады».

Это было только начало. 23 июня того же 1924 г. в Париже в глубокой тайне была созвана учредительная конференция «Международной лиги борьбы против III Интернационала». Присутствовали посланцы «12 национальностей», в том числе из Англии, Франции, Швейцарии, Бельгии, Нидерландов, Югославии, Финляндии, Швеции, Норвегии, а также «наблюдатели» из Соединенных Штатов. Кто были эти люди, сообщено не было. Собравшихся заверили, что лиге обеспечена материальная поддержка со стороны некой «вспомогательной» организации. Всем участникам вменялось в обязанность добиваться в своих странах «активного со-

¹ Documents politiques, diplomatiques et financiers. Paris, X. 1925, p. 1925—1930.

трудничества с уже существующими патриотическими (то есть реакционными.— Э. Г.) организациями, а также вовлечь в дело депутатов парламентов и обзавестись «корреспондирующими членами». Бюро лиги поручалось разрешить три первоочередные задачи:

«1. Насажждение в каждой стране постоянных антибольшевистских центров.

2. Организация международного центра осведомления и пропаганды для соответствующего обслуживания этих центров.

3. Изыскание материальных средств для работы».

«Целью, к которой должны стремиться национальные центры лиги,— говорилось в представленном руководителями программном документе,— является образование к концу 1925 г. генерального штаба контрреволюции». Тем же центрам поручалось «приступать к действиям повсюду»¹, где росло коммунистическое и рабочее движение. В опубликованном от имени «постоянного бюро» лиги воззвании подчеркивалось, что задача организации — «объединить контрреволюционные силы всех стран».

Кто руководил тайной конференцией в Париже помимо официального председателя Обера?

Хотя это сборище происходило в тайне, оно не могло остаться неизвестным парижской политической полиции. Все указывает на то, что Резанов, служивший в это время в «Сюртэ жeneralь», и помог устроить сборище, договорившись со своим прямым начальником Кьяппом. Как раз к тому времени, летом 1924 г., Кьяпп, до того генеральный секретарь «Сюртэ жeneralь», был назначен директором этой французской охранки². И, следовательно, держал все нити в своих руках. Более антикоммунистического и антисоветского лица найти тогда в Париже было трудно. Кьяпп был достойным наследником на шумевшего в середине прошлого века бонапартистского префекта Парижа Карлье, замешанного в франко-германской провокации против Карла Маркса. Он молчал — и помогал.

Стоит привести слова самого Резанова в связи с созданием лиги Обера: «Единый антисоветский фронт может опираться только на неофициальные организации: политические партии, патриотические или националистические группы, союзы бывших фронтовиков, спортивные ассоциации бойскаутов и т. д. Только частная инициатива сможет преодолеть препятствия на пути к объединению. Вот почему инициативу г-на Теодора Обера следует считать вполне правильной. В самом деле, со времени основания «Международной лиги борьбы против III Интернационала», бюро которой

¹ Documents politiques, diplomatiques et financiers, 1925, p. 326—330.

² Dictionnaire de Biographie Française. Paris, 1959, XLVII, p. 135.

находится в Женеве, существует организация, во многом схожая с предложенной нами (Резановым.— *Э. Г.*) схемой... Международная лига заслуживает величайшего внимания, и ее должны поддерживать все, кто не может терпеть зловередные действия Коммунистического Интернационала».

Старый охранник, автор антибольшевистских провокаций в дореволюционной России, сидевший за взяточничество в тюрьме мошенник, русско-французский жандарм Резанов вместе с Рейли и Климовичем радовался тому, что их агентура добилась своей цели: вошла в легальную «общественную» организацию. Но несмотря на проделанную метаморфозу, агентура эта все-таки оставалась тем же, чем была при врангелевском штабе в Белграде.

В представленном «русской секцией» лиги докладе на второй конференции организации в мае 1925 г. говорилось, что в каждой стране образован «отдельный антибольшевистский центр» с «действительными членами» и «членами-корреспондентами». Каждый участник «в случае коммунистических выступлений должен способствовать их подавлению», то есть помогать местным контрреволюционерам и полиции. Без всякого стеснения указывалось на необходимость при этом «осуществить в отношении к членам III Интернационала меры, аналогичные тем, кои применялись к наиболее опасным уголовным преступникам». Иначе говоря, коммунистов предписывалось расстреливать и вешать. Старые врангелевцы тут же предлагали свои услуги. «В своей совокупности,— говорилось в другом сообщении,— органы русской секции лиги должны восполнить пробел, существующий с момента эвакуации Крыма, и создать технический, специализированный аппарат для борьбы с большевиками». Подразумевался аппарат палачей.

Мало того, уточнялось, кого именно вербовать на такую работу: «Русские кадры для лиги могут быть выделены военной и студенческой средой и пополняться отдельными лицами из других слоев эмиграции, доказавшими на деле свое понимание действительности и способность к практической работе». В другой раз подчеркивалось, что именно военные из числа белоэмигрантов, то есть оставшиеся не у дел, готовые на все врангелевские и колчаковские офицеры, отнеслись к начинанию лиги «с большой симпатией». Им, по указанию Врангеля, и предписывалось повсеместно вступать в лигу Обера.

Старые царские и белогвардейские охранники не очень доверяли своим собратьям по ремеслу. Экспертам из «русских секций» предназначалось учить их тому, как провоцировать, как убивать коммунистов, как клеветать на них.

До конца своей жизни Рейли продолжал изыскивать денежные средства для новоявленной лиги. В начале 1925 г., находясь в Нью-Йорке, он, по позднейшим данным его вдовы, писал оттуда своему

сообщнику «Е» в Лондоне: «Я веду постоянную переписку с различными группами предпринимателей в разных странах... Что касается денег, то рынок для такого рода дел следует искать здесь и только здесь, но, чтобы достать деньги, надо приехать сюда с очень определенным и очень ясным планом... При этом условии можно было бы дойти прежде всего до крупнейшего из автомобильных фабрикантов (следует примечание жены Рейли: «Генри Форда». — Э. Г.), который мог бы заинтересоваться в патентах (то есть в делах, письмо Рейли было наполовину зашифровано. — Э. Г.), если с ним не будут вести пустую болтовню, а докажут ему, что патенты сработают. Как только он заинтересуется, денежную проблему можно будет считать решенной».

Тут же, продолжая говорить эзоповским языком, Рейли указывал и на другого подходящего покровителя — самого Черчилля. «Что касается тесного соглашения с международным рынком, — писал он, — то важнее всего, я думаю, начать с одним человеком, и это неутомимый Мальборо (Черчилль был потомком этого знаменитого английского полководца. — Э. Г.). Я всегда оставался в хороших отношениях с ним, и в прошлом году, после крушения моего большого плана (новой антисоветской интервенции? — Э. Г.), у меня велась с ним очень интересная переписка на эту тему. Его уши будут всегда открыты для чего-то действительно здорового... Он дал это понять в одном из его строго частных и доверительных писем ко мне».

Главную ставку Рейли и после основания лиги Обера делал на террор, в частности на продолжавшего готовить свои заговорщические планы Савинкова. Когда Савинков летом 1924 г. отправился для таких целей в СССР и после нелегального перехода границы был арестован, а на суде дал показания о своих делах, Рейли был взбешен. Вскоре же он сам совершил неудачную попытку пробраться в Советский Союз с террористическими целями. С этого момента международная организация профессиональных антикоммунистов лишилась своего наиболее активного и неутомимого участника. Ни Обер, ни его «серый кардинал» Лодыженский, ни Резанов, ни даже продолжавший действовать в Берлине как «частное лицо» Орлов заменить Рейли не могли.

На основании приведенных фактов можно считать полностью доказанным, что «Международная лига борьбы против III Интернационала» была создана реакционными империалистическими кругами, использовавшими для этой цели агентов старой царской охранки.

Конечно, охранка тем самым не становилась и не могла стать гегемоном международного профессионального антикоммунизма. Ее время уходило навсегда. Но ее остатки предлагали себя в качестве «специалистов» в том новом международном центре профес-

сионального антикоммунизма, который фактически находился под главенством влиятельных империалистических кругов.

Заслуживает, например, детального изучения тогдашняя роль английской разведки. Как мы увидим, сильнейший, а также наиболее обеспеченный денежными средствами филиал лиги Обера в Западной Европе был в 1924 г. создан именно в Англии. Нити от него вели как к мощным монополистическим группам в Сити, так и вообще к лагерю правых. Правящие круги в Англии в то время еще не отказывались от политики азартных антисоветских авантур, начатых после Октября с легкой руки Черчилля, Керзона, Локкарта и других организаторов вооруженной интервенции. В недрах «Интеллидженс сервис» и в 20-х годах вынашивались планы фантастических антисоветских заговоров. То же относится к охранкам во Франции, в Германии, США, Японии и некоторых других странах.

Но дело было не только в антисоветизме. Те же силы были смертельно напуганы неудержимым ростом революционного рабочего движения в разных странах капиталистического мира. Шли разговоры и об учреждении чего-то вроде секретного международного полицейского агентства, которое должно было вплотную сотрудничать с лигой Обера. В прямые или косвенные отношения с ней же вступили, наконец, как мы увидим, такие ведущие правые буржуазные деятели на Западе, как Черчилль и Биркенхед в Англии, Тардье, Коти и Маррас во Франции, генерал Гофман, Рехберг и фон Папен в Германии, Маннергейм в Финляндии и многие другие.

Только полное и окончательное укрепление Советской власти, заставившее правительства буржуазных держав в середине 20-х годов под напором общественности пойти на нормализацию дипломатических отношений с СССР, а также консолидация мирового коммунистического движения заставили империалистов и жандармов отказаться по крайней мере от наиболее шальных антикоммунистических авантур. Но тесные контакты лиги Обера с правыми политиками и полицейскими департаментами почти всех капиталистических стран тем не менее продолжались и в последующие годы: сказывалось духовное родство сторон.

Можно, следовательно, говорить о том, что в создании международной боевой организации профессиональных антикоммунистов в 1924 г. главную роль сыграли три силы: доказавшая свою живучесть царская и белогвардейская охранка, за ее спиной — полицейский аппарат капиталистического мира и, наконец, ведущая сила — верхушка монополистической буржуазии в разных странах. Первая из этих трех сил с течением времени стала отмирать, вторая и третья остались на арене.

Часть 2

ЛИГА ОБЕРА

Глава седьмая

АТАКА НА КОМИНТЕРН

Острые агентуры профессиональных антикоммунистов было направлено прежде всего против советских коммунистов и Советского государства. Главное внимание в 1920—1924 гг. обращалось на то, чтобы вести подрывные действия против СССР, распространять о нем злостные измышления, фабриковать антисоветские фальшивки, устраивать покушения на советских деятелей.

После учреждения лиги Обера в Женеве в 1924 г. ее руководителям пришлось проделать некоторый поворот. Главной мишенью для профессиональных антикоммунистов по-прежнему оставался Советский Союз, как цитадель коммунизма. Но к этому времени даже самые отъявленные антикоммунисты начали сознавать, что свергнуть Советскую власть, совершить государственный переворот, как об этом мечтал Рейли, невозможно. Страна социализма к середине 20-х годов окончательно окрепла и — как пришлось на личном опыте убедиться тому же Рейли и его сообщнику Савинкову — была для них практически недосягаема. В то же время для профессиональных антикоммунистов открывался как бы «второй фронт»: там, где они сами находились, — на Западе.

Коммунистическое движение в капиталистическом мире стало к этому времени серьезной реальной силой, с которой буржуазии волей-неволей приходилось считаться. Хотя в 1923 г. прилив послевоенной революционной волны пошел на спад и начался период частичной стабилизации капитализма, компартии повсюду закрепляли свои позиции. Их лозунгом после V конгресса Коминтерна летом 1924 г. стали слова: «К массам!» Профессиональные антикоммунисты почти сразу поняли, что их «второй фронт» становится крайне важным.

Поворот назревал и потому, что, несмотря на наличие в штабе лиги Обера старой своры белогвардейцев, профессиональные антикоммунисты иных национальностей в разных странах с ее же помощью становились все более активными. Вновь созданные «национальные центры» лиги Обера в таких странах, как Германия, Польша, и на Балканах готовились к «решительным» действиям в фашистском духе. Такие старые, существовавшие еще до первой

мировой войны антисоциалистические организации, как «Антисоциалистический союз» в Англии, «Национальный гражданский союз» в США, а также остатки «Имперского союза борьбы против социал-демократии» в Германии и другие, почти немедленно после основания лиги Обера вступили в ее состав. К ней же подключались или с ней сговаривались вновь возникавшие после войны контрреволюционные и антирабочие организации с фашистской программой:

«Гражданские союзы» во Франции и в Швейцарии, «Антибольшевистские лиги» в Германии и Польше, штрейкбрехерская «Экономическая лига» в Англии, «Стрелковый корпус» («Шюцкор») в Финляндии, общество «Пробуждающихся мадьяр» в Венгрии, «Народный сговор» в Болгарии и многие другие.

Ко всему прочему, проведение операций центра профессиональных антикоммунистов на «втором фронте» гарантировало ему поток немалых субсидий от крупного капитала, испуганного ростом революционного рабочего движения. Тем самым прицел «Международной лиги борьбы против III Интернационала» становился двойным: одновременно против Коммунистического Интернационала, то есть против международного коммунистического движения, и против Советского Союза. Не случайно это отражалось уже в самом ее названии.

Сеть лиги вначале довольно быстро расширялась. Вскоре после ее учредительной конференции в июне 1924 г. было объявлено, что созданная организация становится с каждым днем все более ценным центром связи для патриотически (контрреволюционно.— Э. Г.) настроенных элементов различных наций и кристаллизацией стремлений назревших, но до сего времени разрозненных и лишенных практической основы и организационных рамок. Обер еще на второй конференции лиги в 1925 г. заявил, что к началу 1926 г. все цивилизованные страны будут иметь свои антибольшевистские центры. В позднейшем отчете Обера о начальном периоде существования лиги говорилось: Сторонники присоединялись к нам с первого же часа с пылом... Около ста поездок (руководителей лиги.— Э. Г.) в разные страны были необходимы, чтобы построить базы для лиги... Организация становилась известной в Европе и даже за океаном; к ней приходили, ей писали, ее посещали. Устанавливались доверительные отношения с политическими и правительственными кругами. Поездки и выступления в европейских странах продолжались... Каждый год представители многочисленных теперь национальных центров встречались с бюро (руководством в Женеве.— Э. Г.), чтобы обсудить наиболее жгучие вопросы битвы против большевизма и революции.

К середине 20-х годов «Международная лига борьбы против III Интернационала» располагала филиалами в 22 странах.

В 1928 г. центральное бюро в Женеве объявило, что помимо 23 «национальных центров» в Европе действует «цепь центров» в Северной и Южной Америке, а также филиал в Египте и филиалы в Шанхае и Австралии¹. Кроме таких отделений в разных странах функционировали группы «друзей лиги» — отдельных лиц и организаций, предпочитавших не выступать открыто вместе с лигой, но на деле действовавших в прямом контакте с ней. К этому времени организация представляла собой уже нечто вроде тайного ордена, в который вступали многие известные буржуазные политики. Женевское бюро, за которым вначале стояла лишь кучка провокаторов, террористов и специалистов по штрейкбрехерскому делу, становилось влиятельной закулисной организацией в лагере международной реакции. Какие-то нити от нее тянулись к влиятельным буржуазным деятелям, а также к полицейскому аппарату, в частности в Англии, во Франции, в Германии, Италии и в странах, граничивших с Советским Союзом. Перед лицом надвигавшегося экономического кризиса, в связи с усилением коммунистических партий и ростом национально-освободительных движений идея агрессивного подрывного антикоммунизма все глубже проникала в реакционные буржуазные круги.

С 1924 по 1927 г. были проведены четыре международные конференции лиги — в Париже, Женеве, Лондоне и Гааге. На пятой конференции в Женеве в 1928 г. некоторые европейские страны, как сообщала английская газета «Таймс», были представлены «виднейшими политиками». Никто из них не был назван.

Участники этих сборищ выступали под кличками, и вся работа по-прежнему велась в условиях строжайшей конспирации; страх перед «вездесущим коммунизмом» определял каждый шаг организации. Имена членов «постоянного бюро» в Женеве, за исключением Обера и Лодыженского, как и членов «национальных центров» в отдельных странах, также сохранялись в тайне, хотя некоторые из этих лиц были известны как участники *открытых* антисоветских и антикоммунистических организаций. В Женеве на французском языке (одно время и на немецком) выходил орган лиги «Международное антикоммунистическое обозрение», издание которого под названием «Красная волна» было затем перенесено в Париж. Каждый месяц выпускался бюллетень со специальным подбором материалов для травли коммунистов в той или иной стране; главными авторами явно служили полицейские осведомители различных стран и белогвардейцы. Польский «центр» издавал журнал «Борьба с большевизмом», в Чехословакии выходил бюллетень, в Голландии — журнал под названием «Я буду хранить», на разных языках выпускались брошюры и сборники.

¹ Times, 11.VI 1928.

В 1929 г. «секретариат русской секции» лиги опубликовал своего рода циркуляр на французском языке, в котором с гордостью говорилось: «В настоящее время лига укрепляется и растет изо дня в день. Она располагает центрами почти во всех странах Европы, в США, в некоторых странах Южной Америки и на Востоке, а также весьма обширной сетью корреспондентов. Она представляет собой генеральный штаб антибольшевизма в противовес Коминтерну и систематически работает над осуществлением пяти главных целей своей официальной программы». В качестве таких целей указывалось: «1. Подавление большевистских махинаций на территории каждого государства. 2. Соппротивление любому новому признанию Советов (буржуазными правительствами.— Э. Г.). 3. Разрыв дипломатических отношений (с СССР.— Э. Г.) там, где они уже установлены. 4. Создание межправительственного союза для борьбы против большевизма. 5. Окончательное устранение Коминтерна и большевистского правительства».

Как на практике выполнялись эти инструкции филиалами лиги? Стоит привести выдержки из отчета «постоянного бюро» лиги в Женеве, составленного в 1929 г. по случаю ее пятилетнего существования. Инструкции эти во многом характерны для профессиональных антикоммунистов не только вчерашнего дня, но и нынешнего времени.

«Основатели лиги,— говорилось в этом документе,— не хотели создавать в каждой стране огромные организации. Обращаясь к наиболее энергичным и наиболее активным антибольшевистским союзам и лицам, они намеревались создать в организме каждой отдельной страны как бы крепкое сердце, которое пустило бы по всем артериям горячую антибольшевистскую кровь. Таким путем мы сумели бы внедрить в организмы, управляющие современным обществом,— в правительства, союзы, всевозможные круги и т. д.— сознание необходимости действий против большевизма и подталкивать их к делу... Правда, развязанные лигой антибольшевистские действия предпринимались большей частью не под ее именем. Мы не показываемся открыто, а действуем конфиденциально через постоянное бюро или через его национальные центры, его корреспондентов и сторонников в пяти частях света...

Посредством личных бесед, путем мероприятий, число которых стало весьма значительным, члены постоянного бюро, как и руководители центров, сносятся со многими влиятельными лицами в Европе и на обоих континентах Америки. Парламентские ораторы или адвокаты на судебных процессах (подразумевались защитники убийц коммунистов или прокуроры на антикоммунистических процессах.— Э. Г.) часто снабжались информацией, исходившей от центров или от постоянного бюро. На совещаниях с важными экономическими группами мы осведомляли их о мощных

разрушительных организациях, созданных Коминтерном, многие газеты получали и использовали нашу информацию... Организации, влиятельные персоны, отдельные активные лица находятся в постоянном прямом или косвенном контакте с бюро в Женеве или Гааге (со специальной агентурой лиги для колониальных стран.— Э. Г.). Одним словом, тысячи людей, рассеянных по всему миру, воюют теперь против большевизма с помощью оружия, полученного от лиги. Каждый антибольшевик знает сегодня, где найти точку опоры и помощь, материалы или советы относительно того, как действовать. Каждая большевистская атака наталкивается теперь на осведомленных, активных и упорных противников. Международный антибольшевистский фронт создан. Он должен стать не только неприступным, но и наступательным и безусловно победоносным».

Действовать затаенно, исподтишка, из-за угла — таково было главное предписание женевского бюро. «Национальным центрам» лиги в отдельных странах давались следующие указания:

«Располагая средствами, необходимыми для действий, центр должен нацеливаться на то, чтобы привлечь на сторону антибольшевизма решающие силы данной страны, всевозможные официальные и частные круги, а это — большая задача. Он должен следить за событиями и в подходящий момент вмешиваться в них... Более специальные действия центра (очевидно, крупные политические и террористические мероприятия.— Э. Г.) должны происходить вслед за действиями противника, которого нужно отбросить или атаковать. Центр быстро найдет себе друзей, влиятельные связи, сторонников. Шаги, предпринятые в подходящий момент, как и хорошо проведенные кампании, имели благодаря таким точкам опоры благоприятные результаты. Как общее правило: для того чтобы привлечь кого-либо на сторону антибольшевистского дела, нужно говорить с ним о том, что его интересует: с промышленником — о подрывной деятельности на заводах, провале опыта коллективизма в русской промышленности и т. д.»

В другой инструкции, изданной в 1927 г., журналистам, политикам и членам реакционных организаций, в том числе церковникам, давались директивы о том, как вести массовую антикоммунистическую пропаганду: «В селах: организовывать лекции в деревне. Инструктировать пастора или священника, школьного учителя и всех, способных заниматься пропагандой. На улицах, при встречах с друзьями и т. д. рассказывать, что слышал о большевизме (то есть систематически распространять клеветнические слухи.— Э. Г.), разъяснять опасность индифферентности или невежества в этой области».

При отношениях с «патриотическими организациями и союзами», то есть с правыми партиями или объединениями в отдельных

странах, в директивах от 1928 г. рекомендовался следующий подход: «Выделим среди них прежде всего гражданские союзы (штрейкбрехерские организации предпринимателей.— Э. Г.) или другие организации, цель которых состоит в обеспечении экономического существования, безопасности и порядка в стране во время революционных забастовок или повстанческих движений. Центр оказывает им большие услуги, передавая им собранную его силами информацию о боевых или стачечных организациях коммунистов и ориентируя их относительно большевистской тактики и стратегии. Действуя с тактом, центр получит возможность установить или развить с ними взаимосвязь». В отношении других «патриотических организаций», антикоммунистических по своему существу, но еще не вступивших в активную «борьбу против революции», в директиве говорилось: «Центр набирает среди них друзей и сторонников, через которых он мобилизует каждую такую организацию против красной опасности и побуждает всех их к тому, чтобы отказаться от пассивного отношения к делу и начать борьбу в соответствии со своими возможностями в той или иной особой сфере».

Главное внимание женевский центр, однако, обращал на сотрудничество с организациями другого рода. «Но существуют определенные особые круги,— говорилось в том же документе,— которым центр сразу же оказывал большие услуги». На первом месте называлась полиция, на втором — армия. Правительства, полиция и военщина отдельных стран призывались к тому, чтобы всячески содействовать международной и местной «координации антибольшевистских сил». «В ряде стран,— говорилось в меморандуме, разосланном постоянным бюро женевской лиги в декабре 1926 г.,— усилия различных союзов, патриотических организаций и объединений гражданской обороны (штрейкбрехерских банд.— Э. Г.) не координируются между собой. Вопросы внутренней политики или другие разделяют эти группировки, но ничто не должно препятствовать тому, чтобы они проводили единый план борьбы против большевизма, целиком сохраняя свою самостоятельность. Такая координация необходима: против Коминтерна требуется как национальная, так и международная концентрация сил. Правительства и национальные центры лиги должны пытаться установить в своих странах необходимые контакты и составить общий план действий. Эти контакты и этот план действий должны предусматривать создание единого фронта...»

Так инструктировала своих друзей и союзников в разных странах женевская лига. Антикоммунизм превыше всего — это было ее девизом. Всем филиалам предписывалось действовать в соответствии с выработанной в центре программой. Как уже сказано, программа эта не утратила интереса для антикоммунистов и по сей день.

Несомненно, что на практике в повестке лиги Обера значало стояло продолжение тех же операций, которые больше всего вдохновляли ее основателей. Рейли, например, и хотел сделать женевскую лигу главным образом террористической организацией, иначе он ее себе не мыслил. Даже сенсационные антисоветские подлоги он явно считал делом второстепенной важности. С помощью оберовских агентов он предполагал теперь добиться *массовости* антикоммунистического террора где бы то ни было, «исправить» любой ценой свой провал в 1918 г., когда он намеревался совершить покушение на Ленина и членов Советского правительства. Остальные «ветераны» агентуры Климовича и после фиаско Рейли в 1925 г. продолжали идти по тому же пути.

Уже после создания лиги планировались покушения на советских дипломатов за границей, используя палачей того же типа, что при убийстве Воровского в 1923 г. Так, участниками второго покушения на Чичерина после его приезда на отдых в южную Францию осенью 1925 г. должны были стать три лица из окружения Кирилла Романова, проживавшего на Ривьере: князь Вяземский, генерал Волошинов и штаб-ротмистр Эльвенгрэн. Вся эта группа поддерживала непосредственный контакт с женевским центром; Вяземскому Обер предложил стать представителем лиги на юге Франции¹.

Почти в то же время, в сентябре 1925 г., в Вене был раскрыт план покушения на жизнь советского полпреда в Австрии Берзина. Участники и в этом случае оказались белогвардейскими офицерами, связанными с бюро Обера. Один из них, Шеченко-Дельвиц, был начальником Конради во врангелевском полку, другой, Булыгин-Вихнов, участвовал незадолго до этого в попытке убийства болгарского депутата-коммуниста Грабновского. Группой руководил царский полковник Бородин, председатель «церковного благотворительного союза» белогвардейских эмигрантов в Вене, он же — глава австрийского отделения лиги Обера. Деньги на подготовку покушения были получены через белогвардейца Вязьмитина — бывшего председателя болгарского отделения лиги. Венский суд, так же как женевский, оправдал покушавшихся².

При расследовании дела Шеченко — Булыгина обнаружилось, что «Международная лига борьбы против III Интернационала» вступила в сговор с одной из самых свирепых террористических организаций, действовавших в то время в Европе, — македонской фашистской бандой ВМРО («Внутренняя македонская революционная организация») генерала Протогерово. В 1923 г. террористы из ВМРО помогли болгарской военно-фашистской клике Цанкова

¹ См.: Кичкасов Н. Антисоветские подлоги, с. 21—23.

² Der Abend, 19—21.IX 1925; Правда, 1926, 1 января.

совершить государственный переворот и устроить массовую резню коммунистов и сторонников Болгарского земледельческого народного союза. На протяжении месяцев страну заливало кровью. Два года спустя ВМРО уже согласовала свои действия с женеvским центром. Врангелевские офицеры, готовившие убийство советского полпреда в Вене, сносились с генералом Протогеровым, подложные паспорта на поездку в Австрию из Болгарии были выданы им начальником полиции Софии Михальчевым, ставленником ВМРО. В самой Болгарии лига Обера, финансируавшаяся местным отделением бывшего царского Красного Креста, то есть все той же сетью Лодыженского, помогала Цанкову и Протогерову в охоте за коммунистами¹. Стоявшая за спиной Цанкова болгарская офицерская «Военная лига» сотрудничала с местным отделением женеvского бюро.

Готовились покушения на советских полпредов в Лондоне, Париже, Риме. Официально Обер какую-либо причастность своей организации к таким делам, разумеется, решительно отрицал. Но когда в мае 1925 г. была созвана вторая тайная конференция лиги, он выступил с речью, в которой сказал: «Надо действовать смело, но осторожно. Надо действовать дипломатически... Нападать на агентов советской дипломатии поможет нам их марксистская точка зрения. Они будут рассматриваться нами не как чиновники Советского правительства, а как лица, поддерживающие тем или иным образом преступные действия III Интернационала»².

Адвокат-террорист поучал своих сообщников, как, организуя убийства коммунистов, страховать себя на случай судебных процессов. В ряде стран дела этого рода предпринимались местными реакционерами и фашистами на свой страх и риск. Не подлежит сомнению, однако, что в попытках организовать систематический антикоммунистический террор в 20-х годах женеvское бюро сыграло особую роль. В частности, это касается стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, где политическая борьба в тот период носила особенно бурный характер. Профессиональные антикоммунисты уже прокладывали дорогу явному фашизму.

Далеко не все кровавые следы деятельности лиги Обера в тот период обнаружены, и многое остается нераскрытым до сих пор. Весьма вероятно, например, что эта лига была прямо или косвенно причастна к убийству советского посла в Варшаве П. Л. Войкова в июне 1927 г. и к неудавшемуся покушению на советского торгового представителя в Польше Лизарева в мае 1928 г. Было установлено, что покушавшийся на А. С. Лизарева белогвардеец Войце-

¹ Internationale Presse-Korrespondenz. Berlin, 15.VII 1927, S. 1517.

² Протоколы второй конференции «Международной лиги борьбы против III Интернационала». — Internationale Presse-Korrespondenz. 31.7 1925, S. 1583-1585; Известия, 1925, 19 июля.

ховский принадлежал к разветвленной террористической организации и что с ним же раньше был связан убийца Войкова Коверда¹. Обоих на судебных процессах защищал один и тот же адвокат, участвовавший в местной антикоммунистической организации.

Еще важнее отметить другое. Именно под сенью «Международной лиги борьбы против III Интернационала» устанавливались первые контакты между различными фашистскими организациями и группами в Европе. *Женевский «генеральный штаб контрреволюции» знакомил и сводил фашистов разных национальностей друг с другом почти за 10 лет до прихода гитлеровцев к власти в Германии.* Примечательно, например, что принадлежавшие к лиге погромщики-белогвардейцы уже в первой половине 20-х годов находились в прямой связи с нацистами².

Итальянские фашисты также были представлены в лиге Обера. Когда на ее второй конференции в мае 1925 г. делегат итальянских фашистов призвал присутствовавших к поддержке фашистов во всех странах, Обер ответил: «Мы солидарны с вами как в ваших, так и в наших интересах, мы хотим бороться против III Интернационала, который пытается дискредитировать вас в глазах общественного мнения... Вы были и остаетесь нашими сторонниками». Хотя Обер отметил «щекотливость» вопроса об открытой поддержке фашизма со стороны лиги — ее организаторам было невыгодно отпугивать от себя антикоммунистов «либерального» толка, — он тут же заверил представителей Муссолини: «Мы благодарим итальянских делегатов, которые представили конференции такую внушительную картину фашизма и его борьбы с большевизмом. Мы бесспорно должны многому учиться у фашизма, выражающего весьма правильные идеи».

Итальянские фашисты были вполне удовлетворены этим заявлением. Их представитель ответил, что в Италии придают большое значение работе «Международной лиги борьбы против III Интернационала» и что нет нужды подчеркивать, что на вопрос, каково лучшее средство борьбы против большевизма, все добрые итальянские патриоты могут дать только один ответ: фашизм, ибо он это уже доказал.

Девять лет спустя Обер не побоялся открыто заключить сделку с гитлеровцами. Дело антикоммунистического терроризма передавалось в фашистские руки. Но еще раньше женевская лига Обера пустила в ход и другое оружие.

«Письмо», сброшенное Рейли и Орловым английским консерваторам осенью 1924 г. и свалившее первое лейбористское правительство, было главной, но далеко не единственной махинацией

¹ Правда, 1927, 11 июня; 1928, 8 мая; Известия, 1929, 27 апреля,

² См. главу 22.

профессиональных антикоммунистов в области наглых политических подлогов. В июле 1925 г. народный комиссар иностранных дел СССР Г. В. Чичерин насчитал не менее 20 известных Советскому правительству фальшивок такого рода, имевших к тому времени хождение на Западе¹. Среди них фигурировали, например, «договор» между Коммунистическим Интернационалом и оппозиционной хорватской крестьянской партией в королевской Югославии, «письмо Коммунистического Интернационала» руководителю французских коммунистов Кашену об «организации волнений в Северной Африке», «письмо Коммунистического Интернационала» румынской крестьянской партии, несколько «директивных писем» из Москвы болгарским коммунистам о «захвате власти», развязывании «красного террора» и т. д. Не была забыта почти ни одна страна. Те, кто верил в подлинность этих листков, мог сделать из них только один вывод: коммунисты хотят взорвать мир, «цивилизованные государства» не могут иметь дело с Советским правительством и терпеть существование коммунистических партий.

Дело подлогов с самого начала, еще в дни существования агентуры Климовича, было поставлено на широкую ногу и велось в международном масштабе. Действовала целая сеть хорошо оборудованных «фабрик» по изготовлению документов. Фальшивки выпускались по конвейеру, но каждая из них предназначалась для определенных политических целей. Как правило, фальсификаторы действовали в сговоре с полицейскими и правительственными властями или влиятельными реакционными кругами.

Самая большая из таких «фабрик» — фабрика Орлова — продолжала работать в Берлине, теперь уже в прямом контакте с бюро лиги Обера в Женеве. Одним из сообщников Орлова по этим делам был участник подделки — «письма Коминтерна» — белогвардейский подполковник Гуманский. По «политической линии» Гуманский входил в берлинский центр русских монархистов-«кирилловцев» «Святогор», заведующим в нем информационным, то есть разведывательным, отделом. Он же управлял белоэмигрантским издательством «Ермак», распространявшим антикоммунистические фальшивки. В то же время он поддерживал «теснейший контакт» с Обером². Покровителю германского филиала женевской лиги Рехбергу он передавал подложные документы со штампом Коммунистического Интернационала³.

Другой сообщник Орлова, Зиверт, бывший контрразведчик царской службы, сначала работал для германской военной разведки в Прибалтике, затем — для берлинской полиции, польской де-

¹ См.: Известия, 1925, 17 июля.

² Rote Fahne, 16.III 1929.

³ Rote Fahne, 17.III 1929.

фепзивы и латвийской разведки. Он также считался агентом лиги Обера¹. Про него говорили, что на европейском континенте едва ли существовало такое буржуазное государство, которое не пользовалось его услугами. Другой участник «дела», Дружиловский, одновременно обслуживал разведывательное отделение польского генерального штаба, германскую политическую полицию, американское консульство, болгарское посольство и Высший монархический совет белоэмигрантов в Берлине. Помимо этих лиц к группе Орлова примкнули сын бывшего рижского полицмейстера фон Россман, белогвардейский офицер-черносотенец Шабельский-Борк, осужденный за убийство в 1922 г. белоэмигранта — кадета Маклакова, но затем амнистированный, и матерый полицейский провокатор Сумароков-Павлоновский. Это была типичная жандармская шайка, действовавшая по всем правилам старой царской охраны.

Такие же «фабрики» фальшивок работали в других странах. В Париже действовала белогвардейская банда, подделавшая в течение полугода 700 антикоммунистических «документов». Некоторые из них были под сенсационными заголовками опубликованы во французских газетах. Прямое отношение к банде имел Резанов², игравший с Орловым в четыре руки.

В Вене делом заведовал белоэмигрант Якубовский, обслуживавший, в частности, венгерское фашистское правительство Хорти, в Румынии — агент сигуранцы (бухарестской охраны) и немецкой полиции Роческу-Бизон, в Китае — Кедроливанский³.

Самую большую клиентуру фальсификаторам из лиги Обера составляли тогдашние правительства стран Центральной и Юго-Восточной Европы, входившие в антисоветский «санитарный кордон» и испытывавшие смертельный страх перед революционным рабочим движением в своих странах. Дело с ними велось на началах настоящего коммерческого бизнеса. Бланки со штампом «Исполнительный комитет Коммунистического Интернационала» изготовлялись тут же, в Берлине, в одной из местных типографий. Посол царского болгарского правительства в Берлине Попов не только закупал у Дружиловского готовые «документы», но и сам же диктовал их содержание. Когда в апреле 1925 г. в софийском соборе взорвалась бомба, фашистское правительство Цанкова немедленно выложило на стол изготовленный Дружиловским «при-

¹ Rote Fahne, 9.III, 20.III, 24.III 1929.

² Internationale Presse-Korrespondenz, 24.I 1928, s. 156.

³ Один из участников фабрикации антисоветских фальшивок, профессиональный шпион по имени Синклтон, имел в октябре 1924 г. смелость явиться в советское посольство в Лондоне и предложить свои услуги за деньги. Среди представленных им тут же на просмотр материалов оказался фотоснимок помещения, где производились подлоги. У аппаратуры стоял сам Синклтон (Известия, 1925, 6 августа).

каз Коминтерна» с подробными инструкциями о взрыве и об организации вооруженного восстания в Болгарии. На основе того же «документа» обвиняемые по этому сфабрикованному делу были посланы на казнь. Помогая реакционным правительствам развязывать белый террор, агентура женевского центра предвосхитила на восемь лет технику провокаций, примененную в 1933 г. гитлеровцами при поджоге рейхстага.

После провала Орлова, Дружиловского, Резанова и ряда других большинство «фабрик» подложных документов пришлось прикрыть. Фальшивки изобличались теперь почти сразу после их появления, дискредитируя самих антикоммунистов; имена участников и даже адреса их притонов назывались в газетах. Это становилось опасно для самой лиги.

Только еще один раз агентура лиги попыталась поднять «большое дело». Местом для нового «опыта» были избраны Соединенные Штаты. Провокация была предпринята весной 1930 г., в дни, когда в результате тяжелого экономического кризиса и массовой безработицы в США разгорелись исключительные по остроте классовые бои. По улицам Нью-Йорка проходили колонны безработных. Ряды коммунистов ширились. В буржуазной печати началась истерическая кампания против «красной опасности». Соединенные Штаты к тому времени еще не имели дипломатических отношений с СССР, но американские реакционеры опасались, что под напором общественности дело может дойти до признания Советского правительства. Президентом США был фанатичный враг рабочего движения Герберт Гувер, полицией руководили лица того же толка.

В начале марта 1930 г. напряжение в крупных городах Америки достигло крайнего предела. Полиция с дубинками в руках разгоняла безработных. 3 марта вице-председатель «желтой» Американской федерации труда Уолл выступил с требованием, чтобы конгресс провел расследование «подрывной деятельности» американских коммунистов, якобы планирующих беспорядки «по инструкциям из Москвы». Посредником между Коммунистическим Интернационалом и Коммунистической партией США Уолл назвал советскую торговую организацию в Нью-Йорке «Амторг», а лидера американских коммунистов У. Фостера обвинил в получении из Москвы 1 250 000 долл. для подготовки «революции в США». Несколько дней спустя правый конгрессмен Фиш внес в палату представителей резолюцию о создании специального комитета для расследования деятельности американских коммунистов. В числе прочих мероприятий этот комитет должен был принять решение об организации особой бригады полицейских сыщиков для ловли «красных». Пять руководителей американских коммунистов во главе с Фостером были арестованы.

После этого начальник нью-йоркской полиции Уэлен выступил с сенсационным заявлением, в котором сообщил, что в рядах Коммунистической партии США действует его секретная агентура, точно осведомленная о всех планах «красного руководства». Руководителям 12 крупнейших концернов страны Уэлен лично передал списки «активных коммунистов» на их предприятиях с целью их увольнения. Таков, заявил начальник полиции, будет впредь его «метод сношений с предпринимателями» ради очистки города от коммунистических смутьянов: директора компаний будут вызываться в полицию и получать досье о коммунистических агитаторах¹. На Уолл-стрите были настолько восхищены этим проектом, что Морган, Рокфеллер, Астор и другие финансовые магнаты дали торжественный обед в честь Уэлена².

Почва была подготовлена. Американская общественность все же не выказывала сочувствия планам взбесившихся жандармов. Тогда и была взорвана «бомба».

2 мая 1930 г. американские буржуазные газеты вышли с фотографическими репродукциями «писем исполкома Коминтерна» его «агентам в США», в частности работникам советской торговой организации «Амторг» в Нью-Йорке. В письмах содержались «инструкции» об использовании безработицы и кризиса в Америке для инспирирования рабочих волнений, о «подготовке бунта» в американской армии и флоте и о передаче «крупных денежных сумм Коммунистической партии Америки»³.

Это была точная копия английского «письма» в применении к американским условиям, столь же безграмотная и так же рассчитанная на невежественных обывателей. Через шесть лет эксперимент повторился за океаном. На заседании комиссии палаты представителей по вопросам иммиграции Уэлен наотрез отказался дать показания об источниках своих сведений⁴. На закрытом заседании комиссии палаты представителей по расследованию деятельности коммунистической партии выступил сам глава американской охраны ФБР Эдгар Гувер. В течение нескольких недель «желтую» прессу в США трясло как в лихорадке. Затем, когда расследованием дела занялись представители прогрессивной общности, обнаружилось следующее.

Все три главных застрельщика антикоммунистической кампании — Уолл, Уэлен и Фиш оказались так или иначе связанными с нью-йоркской организацией профессиональных антикоммуни-

¹ New York Times, 4.III 1930; 6.III 1930; 8.III 1930; 10.III 1930; 11.III 1930.

² Daily Worker, 9.IV 1930.

³ New York Times, 2.V 1930; Internationale Presse-Korrespondenz, 6.V 1930, s. 865—866.

⁴ Daily Worker, 3.V 1930; 12.V 1930.

стов «Национальный гражданский союз» или с близкими к ней лицами. Вице-президент Американской федерации труда Уолл был одновременно и. о. председателя «Национального гражданского союза». Начальник нью-йоркской полиции Уэлэн, в прошлом крупный бизнесмен, получал свои таинственные сведения об американских коммунистах из тех же источников. Конгрессмен Фиш действовал заодно с Уоллом. «Национальный гражданский союз» в Нью-Йорке был к тому времени американским звеном лиги Обера.

Одновременно выяснилось, что переданные Уэленом прессе «инструкции Коминтерна» были отпечатаны на бланках, изготовленных в небольшой типографской мастерской в Нью-Йорке. Припертый к стенке владелец мастерской признал свое участие в подлоге. Из типографии фальшивки спустя некоторое время попали в руки секретаря «Национального гражданского союза» Ральфа Исли. Так же как это было в свое время сделано в Англии, сначала предприняли попытку направить «документы» по дипломатическому каналу. Подделка, однако, оказалась настолько грубой, что даже чиновники государственного департамента отказались ею воспользоваться¹. Только тогда ее пустил в ход начальник полиции Уэлэн.

Все эти данные проливали свет только на одну сторону дела — на американских участников провокации. Была и другая сторона.

В августе 1930 г. обнаружилось имя главного исполнителя махинаций, действовавшего по указке Исли и Уэлена. Этим человеком оказался некто Георг Джамгаров, представитель русских монархистов-«кирилловцев» в Нью-Йорке, он же — владелец нью-йоркского сыскного бюро «Информационная служба АБЦ». В частных разговорах с одним из американских журналистов Джамгаров сообщил, что руководит из США большой разведывательной сетью, действующей против коммунистов и имеющей разветвления в разных странах. В распоряжении Джамгарова оказалась выданная нью-йоркской полицией журналистская карточка; сам он заявил, что «весьма близок к Уэлenu»². В числе других связанных с Джамгаровым лиц фигурировал сам председатель комиссии палаты представителей по расследованию деятельности коммунистической партии Фиш.

Так закончилась еще одна провокация «большого стиля», организованная оборовцами. Разоблачения о Джамгарове и Исли произвели такое впечатление на американскую общественность, что начальнику полиции Уэлenu пришлось подать в отставку. Вскоре после этого он стал руководителем американского филиала

¹ New York Times, 19.VIII 1930.

² Daily Worker, 1.VIII 1930; 2.VIII 1930.

французского парфюмерного концерна Коти. Немногим в то время было известно, что владелец этого концерна — парижский миллиардер и фашист Франсуа Коти — был одним из главных покровителей оберовской лиги во Франции. Конгрессмену Фишу также пришлось «закрыть лавочку». Несколько лет спустя он примкнул к группе американских сторонников гитлеровской Германии¹.

План оберовцев добиться запрещения компартии в США и помешать установлению дипломатических отношений с СССР был сорван. Избранный в 1932 г. президентом США, Рузвельт вскоре признал Советское правительство. Руководство нью-йоркской полиции сменилось. Но замешанный в деле начальник вашингтонской федеральной охраны Эдгар Гувер продолжал возглавлять ее еще десятки лет.

В общем и целом вторая операция лиги Обера, заключавшаяся в политических провокациях, потерпела такую же неудачу, как первая, нацеленная на развязывание массового антикоммунистического террора еще до разгула нацизма. Хотя женевской лиге с помощью подложных документов и удалось оказать немалые услуги реакционным правительствам в деле преследования компартий и преподать их позднейшим наследникам конкретные уроки в таких предметах, «атака на Коммунистический Интернационал» в годы, когда капиталистический мир еще готовился к приходу Гитлера, не удалась.

Коммунистические партии в разных странах этого мира продолжали действовать и набирать опыт. Объединенный в международной лиге в Женеве профессиональный антикоммунизм не сумел добиться больших результатов.

Тем не менее филиалы женевской лиги ни на день не прекращали своих операций, стараясь где только можно мобилизовать антикоммунистические силы. Стоит приглядеться к тому, как в 20-х и 30-х годах эти операции велись в отдельных странах. Много в части политической истории капиталистического мира в период между двумя мировыми войнами становится более понятным, когда раскрываются факты о тайной деятельности профессиональных антикоммунистов.

¹ New Republic, 18.V 1942.

Глава восьмая

ЛОНДОНСКИЙ ЦЕНТР

1

Казалось бы, Англия 20-х годов с ее либеральными традициями, внешне «уравновешенной» общественной жизнью представляла наименее подходящую почву для махинаций такого темного и, по существу, преступного сообщества, как «Международная лига борьбы против III Интернационала». Между тем это было вовсе не так.

Когда в Лондоне обосновался «британский национальный центр» лиги, оказалось, что это произошло в результате соглашения двух уже существовавших прежде в Англии организаций: «Экономической лиги» и «Антисоциалистического союза». Как та, так и другая были основаны не какими-нибудь проходимцами, а всем известными дельцами Сити и буржуазными политиками, издавна считавшимися столпами «английской демократии» и опорой правящих парламентских партий.

«Экономическая лига» была создана в 1920 г. группой шахтовладельцев, руководителей сталелитейных концернов, предпринимателей химической промышленности и банкиров. Целью, как говорилось в ее официальных циркулярах, были «борьба с порочными доктринами коллективизма, социализма и коммунизма» и сопротивление «попыткам подрыва национальной безопасности»¹. Фактически речь шла о подрывной работе против забастовочного движения, шпионаже за рабочими и подкупе правых лидеров тред-юнионов.

Специальностью организации стало составление «черных списков», в которые заносились тысячи лиц, заподозренных в коммунизме или хотя бы в умеренно прогрессивных взглядах. При «Экономической лиге» действовали «отдел исследований и информации», бюро по обслуживанию печати и отдел пропаганды, к услугам которого были две постоянные разъездные бригады антикоммунистических ораторов. Отделения организации были созданы в 17 крупнейших промышленных городах Англии. В отчете лиги

¹ Labour Research Department, What ist the Economic League. London, 1937, p. 6—7.

за 1927 г. указывалось, что за это время ею было проведено почти 11 тыс. сходов, выпущено свыше двух миллионов экземпляров брошюр и организовано 1546 «курсов» для рабочих и служащих с лекциями на темы такого порядка: «Только нынешняя система может обеспечить решительное процветание для всех». Агенты организации проникали в тред-юнионы, кооперативные общества рабочих и местные отделения лейбористской партии. В распоряжение руководителей были предоставлены весьма значительные средства.

Руководство «Экономической лигой» принадлежало наиболее реакционным капиталистам Англии — владельцам угольных шахт. После первой мировой войны стало ясно, что шахтовладельцы полностью развалили английскую угольную промышленность, приближавшуюся к окончательному банкротству. Тем не менее «угольные бароны» бешено противились выдвинутому рабочими плану национализации промышленности и продолжали из года в год ухудшать условия труда шахтеров. Наиболее острые классовые конфликты в Англии в 20-х годах происходили, как известно, именно между шахтовладельцами и шахтерами, занимавшими в британском рабочем движении наиболее левые позиции. Шахтеры первыми установили прямые отношения с советскими профсоюзами. Когда в Англии в 1926 г. разразилась всеобщая забастовка, она выросла из стачки на шахтах. «Угольные бароны» считались оплотом воинствующей группы «твердолобых» консерваторов, некоторые из которых были вполне готовы к тому, чтобы в случае национализации шахт спровоцировать гражданскую войну.

Из них и их союзников и рекрутировалось руководство «Экономической лиги». В начале 20-х годов в ее «центральный совет» входили такие лица, как секретарь союза шахтовладельцев Ли, «угольные бароны» лорд Инвернерн, лорд Гейнфорд, Кори, директора крупных военно-металлургических концернов Кайярд, Роджерс, Мэнвилл, руководители военно-химической промышленности Макгоуэн и Масбрэйт¹. Среди представленных в лиге компаний фигурировали связанная с Ротшильдами фирма Виккерс и контролируемые семьей Чемберленов концерны «Нобель дайнмит» и «БСА». Все эти промышленные магнаты были широко известны как покровители правых политиков и непримиримые враги Советского Союза. Приближавшаяся угроза генеральной забастовки и непрерывный рост национально-освободительных движений в английских колониях окончательно их разъярили.

Это и была та почва в Англии, которая подходила Рейли, Оберу и их сообщникам. Устроив провокацию с подложным «письмом

¹ Labour White Paper N 23. Published, by Labour Research Department. London, 1926, p. 4—6.

Коминтерна», свалившим в 1924 г. лейбористское правительство, женевские фальсификаторы практически доказали лордам из «Экономической лиги», что с ними сто́ит иметь дело. На конференции «Международной лиги борьбы против III Интернационала» в мае 1925 г. «Экономическая лига» уже принимала участие в качестве полноправного члена от Англии. Ее представителем заявил, что организация намерена «противопоставить агентам III Интернационала единый фронт в Англии», для чего развернет работу среди интеллигенции, среди широких масс и молодежи, будет действовать через разные другие организации, создаст «антибольшевистские центры внутри тред-юнионов» и займется подготовкой «референтов», то есть профессионалов антикоммунистического дела¹. Следующая конференция лиги Обера в 1926 г. — в год генеральной забастовки в Англии — была созвана уже в Лондоне, в помещении самой «Экономической лиги», и на повестке дня стоял доклад ее представителя о «деятельности Коминтерна в Азии и Африке». С этого времени английская секция организации Обера стала наиболее влиятельной. Как мы увидим, это объяснялось не только политическими, но и вполне конкретными финансовыми причинами².

Несколько позже, чем «Экономическая лига», к «британскому центру» женевской сети примкнула еще одна лондонская организация, опиравшаяся на другое, не менее влиятельное и агрессивное крыло английского империализма — «Антисоциалистический союз». Это было старейшее объединение профессиональных антисоциалистов в Англии, основанное еще до первой мировой войны. После войны ее приняли под свою опеку влиятельные консервативные и финансовые круги, смертельно напуганные социалистической революцией в России и бурным ростом революционного движения в английских колониях. «Антисоциалистический союз» стал средоточием «твердолобых». Их лидером был лорд Биркенхед, назначенный в 1924 г. министром по делам Индии. С организацией вступил в связь и его близкий друг Уинстон Черчилль³, глава интервенционистов и ультраколониалистов.

Место председателя «Антисоциалистического союза» после войны занял заместитель военного министра, а затем министр транспорта Эшли (впоследствии лорд Маунт-Темпл), шурин и наследник «короля Сити» Эрнеста Касселя, владевшего богатейшими концессиями и предприятиями во всех уголках Британской

¹ Internationale Presse-Korrespondenz, 31.VII 1925, S. 1584.

² «Экономическая лига» существует по сей день, расходуя ежегодно на те же цели около 400 тыс. ф. ст. В 1976 г. среди ее клиентов числились такие ведущие английские банки, как «Мидлэнд» и «Нейшл вестминстер» (Правда, 1976, 19 апреля).

³ Documents politiques, diplomatiques et financiers, 1932, p. 827.

империи. Эшли был близок к дворцовым кругам и одно время возглавлял «Флотскую лигу», одну из самых влиятельных империалистических организаций в Англии¹. В состав исполнительного комитета «Антисоциалистического союза» вступили в те годы и такие консервативные зубры, как министр авиации в правительстве Болдуина Сэмюэл Хор (впоследствии министр иностранных дел) и заместитель министра иностранных дел Остина Чемберлена Годфри Локер-Лампсон. Казначеем был крупный землевладелец и руководитель масонских лож в Англии лорд Малмсбери. В руководство входил главный секретарь («загонщик») консервативной партии Джессел. Союз регулярно созывал митинги и совещания с консервативными депутатами, посвященные антикоммунизму, рассылал соответствующую информацию еженедельно более чем 500 газетам и журналам и содержал специальную школу для обучения антикоммунистических ораторов, выпускавшую ежегодно 500 «специалистов».

Виднейшие из деятелей «Антисоциалистического союза» считались «звездами» или по крайней мере «звездочками» имперско-колонииального лагеря. Курс группы Биркенхеда — Черчилля в области международной политики полностью совпадал с политической шахтовладельцев и военных монополистов по внутриполитическим вопросам; основной упор был тот же. И те и другие принадлежали к крайне правому крылу консервативной партии. Ультраколониализм подписывался под программой воинствующего антикоммунизма с таким же рвением, как и реакционный промышленный капитал. Сообщая о деятельности своих собратьев в Англии, орган профессиональных антикоммунистов во Франции «Красная волна» подчеркивал, что группа «Антисоциалистического союза» пользуется «огромным влиянием». Оставаясь членом правительства, лорд Биркенхед открыто вел бешеную антисоветскую кампанию, и его поддерживал Черчилль.

В начале 1927 г. орган Биркенхеда «Морнинг пост» опубликовал статью, открыто восхваляющую лигу Обера. Два месяца спустя Обер лично прибыл в Лондон и добился образования единого «британского национального центра» «Международной лиги борьбы против III Интернационала» в составе представителей «Экономической лиги» и «Антисоциалистического союза». Два события помогли ему объединить агентуры английских шахтовладельцев и ультраколониалистов под своей эгидой. «Письмо Коминтерна», убедившее «твердолобых», чего можно достичь с помощью простого подлога, приоткрыло оберовцам дверь в Англию. Всеобщая забастовка британских рабочих в 1926 г., вызвавшая в стане консерваторов небывалую панику, открыла двери настержь.

¹ Who Was Who, London, 1929—1940, p. 977.

С этого момента с профессиональными антикоммунистами в стране начали сближаться все реакционные силы.

В числе организаций, укрепивших контакт с женевским центром, был, например, крупнейший штрейкбрехерский союз «ОМС» («Организация по обеспечению снабжения»), предоставивший в момент начала генеральной забастовки в распоряжение правительства 120 тыс. добровольцев из буржуазной среды для замены стачечников, а затем мобилизовавший еще 375 тыс. штрейкбрехеров. Руководство этой организации было подобрано из генералов, адмиралов и сановников во главе с бывшим вице-королем Индии лордом Хардингом, и союз с ней еще более приблизил женевский антикоммунистический центр к правящим кругам Англии. Приветствуя успехи «ОМС» в дни всеобщей забастовки, орган Обера «Антикоммунистическое обозрение» писал: «Один из вопросов, обсуждавшихся на международной конференции лиги (Обера.— Э. Г.) в Лондоне в марте 1926 г., касался как раз сотрудничества между правительственными органами, гражданскими (штрейкбрехерскими.— Э. Г.) союзами и примкнувшими к лиге антибольшевистскими организациями».

В орбиту женевской лиги включились тогда, по-видимому, и другие темные английские организации и группки того же направления, вроде первой английской фашистской группы «Пэтриот» или замешанного в провокацию с «письмом Коминтерна» «Британского имперского союза» — одного из замаскированных разветвлений «Интеллидженс сервис»¹. Антикоммунистическое дело в британских доминионах было поручено специальной агентуре, выступавшей под названием «Лиги благоденствия» и якобы занимавшейся благоустройством английских переселенцев в странах империи. Филиал этой организации действовал даже в такой отдаленной от главных фронтов международной классовой борьбы стране, как Новая Зеландия. «Лига благоденствия», — сообщал парижский орган Обера «Красная волна» весной 1927 г., — «связана с мировым антиреволюционным движением и постоянно трудится в доминионах в пользу тех, кто ценит частную свободу и личную инициативу» (то есть стоит на стороне капитала.— Э. Г.) Такие же организации оберовцев были созданы и в других уголках британской империи.

Во главе объединенного лондонского центра женевская лига поставила одного из виднейших крайне правых консерваторов: депутата Оливера Локера-Лампсона, брата тогдашнего заместителя министра иностранных дел Годффри Локера-Лампсона. Это опять-таки было не случайное назначение. Локер-Лампсон был широко известен как самый воинственный из антисоветских по-

¹ Известия, 1925, 6 августа.

литиков в Англии. До первой мировой войны он был главным редактором журнала колониалистских кругов «Эмпайр ньюс»; после войны, будучи депутатом парламента, Локер-Лампсон приобрел скандальную известность своим образом жизни. Всегда нуждаясь в деньгах, он брал от того, кто давал. Сразу же после всеобщей забастовки 1926 г. он стал признанным рупором «твердолобых» консерваторов, связывая их со своими дружками из русских белоэмигрантов. Локер-Лампсон неумоимо носился с одного антисоветского митинга на другой и плел интриги в пользу новой интервенции. Для женевской лиги это был самый подходящий кандидат на роль ее уполномоченного в Англии¹.

Все эти антисоветские консервативные депутаты и министры действовали на открытой политической сцене. Не менее важную роль в насаждении профессионального антикоммунизма в Англии сыграло, однако, другое лицо, не заседавшее в парламенте, но имевшее в сто раз больший вес. Это был нефтяной король Англии, глава гигантского англо-голландского нефтяного треста «Ройял датч шелл» сэр Генри Детердинг.

Роль Детердинга в международной политике 20-х и 30-х годов была предметом многих исследований². Нефтяной магнат, в распоряжении которого находились капиталы в сотни миллионов фунтов стерлингов, стал на сторону воинствующего антикоммунизма с момента, когда социалистическая революция в России отрезала от его владений самый лакомый кусок — нефтяные источники Кавказа — и когда его попытки тем или иным путем вернуть себе старые царские концессии закончились неудачей. Об участии Детердинга в антисоветских интригах писали в свое время газеты всего мира. Интересно, однако, привести в этой связи свидетельство человека, который еще в 20-х годах привлек Детердинга в фашистский лагерь: начальника внешнеполитического управления гитлеровской партии Альфреда Розенберга.

В секретной записке, представленной Розенбергом Гитлеру, много позднее — 12 мая 1934 г. — под заголовком «Англия и Германия — об одной возможности мирового политического значения» говорилось:

¹ Локера-Лампсона на посту резидента организации Обера в Лондоне позднее сменил профашистский подполковник Дж. Бейкер Уайт, ставший после второй мировой войны консервативным членом парламента. Он же с 1926 г. занимал пост директора «Экономической лиги». В 1937 г. Уайт в качестве гостя присутствовал на нацистском съезде в Нюрнберге (Facts about the Economic League. London, 1959, p. 8—9).

² Глава политической полиции Парижа заявил в докладе от 26.XII 1931 г.: «Сэр Генри Детердинг, то есть «Интеллидженс сервис»...» (*Cathala I. They are betrayng France. M., 1951, p. 17*).

«Фирма «Шелл и Детердинг» потеряла почти миллиард вследствие конфискации в южной России (национализации нефтяных предприятий на Кавказе.— Э. Г.), и их усилия получить обратно эти захваченные у них районы остаются по сей день безуспешными. Если, как все же можно предположить, произойдет столкновение между Россией и Японией со всеми вытекающими из этого последствиями, то вопрос о юге России станет вновь актуальным и тут возникнет возможность подлинного сотрудничества между Англией, Польшей и Германией. Можно было бы выторговать для Англии нефтяные концессии...»¹

Таково показание Розенберга, основанное, по-видимому, на данных, полученных от самого Детердинга. Оно подтверждает, что английский нефтяной король был готов на все, одно время даже на новую мировую войну на стороне фашистов, лишь бы вернуть своей фирме потерянный «кавказский миллиард». Известно, что Детердинг сразу после Октября начал скупать акции и претензии других нефтяных компаний, владевших концессиями в царской России, чтобы после ожидавшейся им победы контрреволюции и интервенции стать всевластным монополистом Кавказа. На международных конференциях в Генуе и Гааге в 1922 г. он прямо предложил советским представителям сдать ему в концессию источники Баку и Грозного. Когда из этого ничего не вышло, Детердинг в 1924 г. стал финансировать заговор меньшевиков на Кавказе. Разработанный в то время план Рейли предусматривал новую вооруженную интервенцию против Советского Союза с помощью белогвардейцев, вторгающихся из Югославии и Румынии, армии белополяков, продвигающейся на Киев, и белофиннов, блокирующих Ленинград. «Диктатором России» должен был стать Савинков с Рейли за его спиной и Детердингом — еще глубже, за сценой. Потерпел неудачу и этот замысел, но нефтяной набоб не унимался.

5 января 1926 г. Детердинг опубликовал в органе английских «твердолобых» консерваторов «Морнинг пост» письмо, в котором совершенно открыто угрожал Советскому правительству новой интервенцией. «Пройдет не много месяцев,— писал Детердинг,— и Россия вернется к цивилизации... с лучшим правительством, чем было правительство царя... Большеvizму в России придет конец еще до конца этого года, и как только это случится, Россия сможет рассчитывать на получение любых кредитов... Деньги и кредит потекут тогда в Россию». 10 июня 1926 г. Детердинг выступил с новым заявлением, в котором предсказывал инфляцию и разруху в Советском Союзе. 15 октября 1926 г. консерватив-

¹ *Seraphim H.-G.* Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs 1934—1935 und 1939—1940. 1956, S. 139—140.

ный депутат Локер-Лампсон, получавший от Детердинга деньги на организацию кампании за разрыв Англией дипломатических отношений с СССР и, как считали многие, вообще состоявший на его иждивении, заявил на митинге своих сторонников в Лондоне: «Пришло время схватить большевизм за горло».

В том же 1926 г. в Лондоне происходила третья международная конференция лиги Обера. Неизвестно, присутствовал ли на ней Детердинг, по всей вероятности, его представлял Локер-Лампсон. Несомненно, однако, что именно Детердинг вместе с Локером-Лампсоном и руководителями «Интеллидженс сервис» сыграл главную роль в подготовке провокационного налета английской полиции на советскую торговую организацию «Аркос» в Лондоне в мае 1927 г., приведшего к разрыву отношений между Англией и СССР. Непосредственный организатор налета министр внутренних дел Джойнсон-Хикс находился в тесном контакте как с Локером-Лампсоном, так и с самим Обером. Как заявил тогда заместитель народного комиссара по иностранным делам СССР М. М. Литвинов, разрыв не был «результатом налета», а наоборот, «самый налет был предпринят для подготовки разрыва». Нефтью все эти махинации английского разветвления международного антикоммунистического центра пахли с самого начала.

Только несколько лет спустя выяснилось, что затевали Детердинг и лига Обера в 1926 г. В январе 1930 г. перед судом в Берлине предстало девять человек — два грузинских белоэмигранта и семь немецких антикоммунистов, — обвинявшихся в массовой подделке советских червонцев. Оказалось, что это было начато обвиняемыми в 1926 г. в связи с планами новой вооруженной интервенции против Советского Союза, готовившейся реакционными кругами в Германии во главе с генералом Гоффманом в сговоре с группой Локера-Лампсона и Детердинга в Англии. В планах, в частности, предусматривался захват Грузии и кавказских нефтяных источников. Позднее, в дни судебного процесса против фальшивомонетчиков, в германской печати было опубликовано конфиденциальное письмо Детердинга одному из немецких заговорщиков, в котором он указывал на свой «интерес в деле»¹. На суде в 1930 г. обвиняемые подтвердили соучастие нефтяного магната. Была предъявлена запись о происходившем в Лондоне совещании между Детердингом, Локером-Лампсоном и генералом Гоффманом, в которой подтверждались намерения договориться с «представителями собственников кавказских нефтяных источников» (то есть акционеров старых нефтяных концернов в России) и об «общности интересов Англии и Германии при эксплуатации экономических районов на востоке, в ча-

¹ Vossische Zeitung. Berlin, 5.I 1930.

стности на Кавказе». В том же документе содержалась такая фраза: «Большевизм должен быть ликвидирован»¹.

Детердинг был изобличен. В беседе с корреспондентом одной из лондонских газет он заявил, что «не может даже вспомнить, что когда-либо встречался с кем-либо из обвиняемых по делу о фальшивых червонцах»². Но факт своей встречи с Гофманом летом 1926 г. он подтвердил. «Это верно,— заявил он,— что я знал генерала Гофмана. Я восхищался им как человеком и вождем. К сожалению, он уже умер и не может защитить самого себя. Но защищать его буду я... Генерал Гофман был непримиримым врагом большевизма. Он годами работал над планом объединить великие державы в борьбе против русской опасности».

Об одном существенном обстоятельстве не было, однако, упомянуто и в связи с берлинским процессом. Ниже станет видно³, что прямыми контрагентами Детердинга в этом случае были руководители немецкого филиала лиги Обера.

Факт сотрудничества английского нефтяного магната с этой лигой подтверждается и другими данными. В 20-х годах он так же, как и Форд, субсидировал Гитлера; посредником между ним и нацистами был темный делец Георг Белл, принадлежавший к немецкому центру лиги Обера и фигурировавший впоследствии в числе обвиняемых по делу о подделке советских червонцев⁴. Не случайно, наконец, и то, что две ежегодные конференции «Международной лиги борьбы против III Интернационала» — в 1926 и 1927 гг. — были созваны в Лондоне и Гааге, резиденциях Детердинга. Когда в 1927 г. в Гааге при лиге Обера было создано антикоммунистическое колониальное бюро, его руководителем был назначен глава союза голландских колониальных дельцов в Индонезии Тройб. «Первую скрипку» в этом союзе играла опять-таки монополия Детердинга, владевшая в то время в Индонезии обширными нефтяными концессиями и боявшаяся потерять их так же, как концессии на Кавказе. Тройб был одним из ее ставленников.

Все это указывает на один и тот же след. По крайней мере в середине 20-х годов касса «британского национального центра» лиги Обера, а также, вероятно, и самого женевского бюро пополнилась из совершенно определенного источника. Следует учесть,

¹ Internationale Presse-Korrespondenz, 7.XI 1930, s. 332.

² Evening standard. London, 12.I 1930.

³ См. главу 10.

⁴ Детердинг уже тогда, если не раньше, решил финансировать нацистов. Существует документ, подписанный немецким князем Эрихом фон Вальбург-Цейль, согласно которому Детердинг обещал агенту Гофмана Беллю субсидировать гитлеровские штурмовые отряды (*Bracher K. B. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart, S. 393; Ernst Henri. Hitler over Europe. New York, 1936, p. 215—216. См. также главу 22*).

что потребности этой кассы после основания лиги были очень большими. В одном из выступлений на международной конференции лиги в мае 1925 г. подчеркивалось: «До сих пор бюро было очень стеснено в средствах... Если нам будут предоставлены необходимые денежные средства, мы сможем широко и плодотворно развивать нашу деятельность». Призыв был бесспорно услышан.

Детердинг не был профессиональным антикоммунистом, как Биркенхед, Хор, Локер-Лампсон и другие консервативные лидеры в Англии, сблизившиеся в 20-х годах с лигой Обера. У него были свои расчеты — захват кавказской нефти, который он надеялся осуществить после «свержения большевизма». Но именно эти расчеты, не меньше, чем имперские интересы консерваторов, делали связанный с теми и другими лондонский филиал лиги Обера солидной величиной.

2

Факты и имена определенно указывают на то, что вдохновителем профессионального антикоммунизма в Англии с самого начала стало правое крыло британского империализма, смертельно напуганное первой социалистической революцией в Европе и дрожавшее за судьбу своих колониальных и нефтяных владений.

Начиная с Черчилля и Локера-Лампсона и кончая Детердингом, все это были люди одного и того же лагеря, сблизившегося с международной антикоммунистической лигой.

Целый ряд руководителей антикоммунистических организаций в Англии был в годы первой мировой войны непосредственно связан с царской военщиной, в частности с царской контрразведкой, а тем самым и с охранкой. Здесь опять обнаруживаются те же корни.

Глава лондонского центра лиги Обера О. Локер-Лампсон в годы войны служил в царской армии в качестве командира отряда английских броневиков, сделался затем представителем «английского министерства информации» в России и, наконец, попал в стан деникинцев¹. Фактически, разумеется, он находился на службе все той же вездесущей английской разведки. Ближайший советник Локера-Лампсона по антисоветским выступлениям в палате общин консервативный депутат генерал Нокс служил в те же годы английским военным агентом в царской Ставке, а позднее был назначен главой английской военной миссии при Колчаке, в окружении которого играл важную роль².

¹ Who Was Who. London, 1951—1960, p. 669. Deutsche Allgemeine Zeitung, Berlin, 8.VI 1927.

² Игнатьев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1955, т. 2, с. 213.

Участник «Антисоциалистического союза» Сэмюель Хор, в 1922 г. министр авиации, в 30-х годах министр по делам Индии и крайне антисоветски настроенный министр иностранных дел, во время первой мировой войны возглавлял британскую разведывательную миссию в Петрограде и на этом посту был в прямом контакте с царской контрразведкой и охранкой. Его двоюродный брат майор Хор стал директором «Экономической лиги». Еще один сообщник женевской лиги в Лондоне, консервативный депутат Хилтон Юнг, впоследствии министр здравоохранения во втором правительстве Болдуина, в январе 1920 г. командовал английским бронепоездом в Архангельске.

Все эти изгнанные с советской территории интервенционисты, мало чем отличавшиеся по взглядам от своих друзей в декинских, колчаковских и врангелевских штабах, составляли в центре профессиональных антикоммунистов в Англии единую, тесно сплоченную группу. Став там рядом с имперскими ультраколониалистами и дельцами тяжелой индустрии, они укрепили закулисное политическое влияние этого центра.

Еще более отчетливо бросаются в глаза такие же связи у Детердинга. Одним из сотрудников действовавшего после первой мировой войны при его нефтяном тресте «русского бюро» был тот самый агент «Интеллидженс сервис» Джордж Хилл, который в 1918—1919 гг. мог считаться правой рукой Рейли в России. Иначе говоря, нити от Детердинга тянулись к Рейли, одному из основателей лиги Обера. Хотя в Англии по сравнению с другими странами Запада после войны было мало белогвардейцев, достаточно было одного Рейли с компанией. Связным между Рейли и Детердингом и был Хилл.

Мало того. Детердинг и лично располагал прямыми связями с русскими белогвардейцами. В 1924 г. он женился на дочери царского генерала Кудоярова, возведенной претендентом на престол Кириллом Романовым в ранг княгини Донской¹. Установлено, что еще до этого брака Детердинг щедро финансировал белогвардейцев во Франции². По своим нефтяным делам Детердинг был старшим партнером кавказских миллионеров Лианозова и Манташева, финансировавших после Октября контрреволюционеров, в частности того же Врангеля, а позднее поддерживавших лигу Обера.

Важнейшей вдохновляющей силой лондонского центра лиги была, наконец, «Интеллидженс сервис». Здесь опять перекрещиваются все те же нити.

¹ Who Was Who. London, 1929, p. 825; *Roberts G.* The most powerful man in the world, p. 248, 250, 252.

² По некоторым данным, Детердинг только за 1922—1928 гг. передал им 690 тыс. ф. ст.

Рейли, как мы знаем, был одновременно агентом царской охранки и «Интеллидженс сервис». Без «Интеллидженс сервис» не было бы ни Рейли, ни его друга Хилла (в 1919 г. связного Англии в штабе Деникина), ни третьего английского «аса-разведчика» в России Поля Дюкса, ни Хора, ни Локера-Лампсона и других. И без «Интеллидженс сервис» дело вообще едва ли дошло до создания влиятельного лондонского филиала лиги Обера. Обе организации, вошедшие в его состав, «Антисоциалистический союз» и «Экономическая лига», по всей вероятности, продолжали бы существовать отдельно, а не как части «интернационала» профессиональных антикоммунистов. Когда это стало для нее нужно, английская разведка вместе с Детердингом приложила свою руку¹.

Разъяснять значение «Интеллидженс сервис» в системе и «технике» английского империализма нет нужды. Уже со времен Питта деятельность этой могущественной организации сосредоточивалась прежде всего в трех направлениях: против соперников британской империи на международной арене, против национально-освободительных движений в колониях этой империи и, наконец, против революционных движений в мире. Питт создал «Интеллидженс сервис» в страхе перед проникновением идей французской революции в Англию. После социалистической революции в России наследники Питта в XX в. вступили на тот же путь. Вот почему «Интеллидженс сервис» после Октября сразу же заключила союз с агентурной сетью Климовича — Рейли, а затем с лигой Обера.

Об этом свидетельствуют не только общеизвестные «похождения» Рейли, Хилла, Дюкса и ее других агентов на советской территории. Ярким примером существования такого союза может служить закулисная история так пазываемого «письма Коминтерна». Хотя формально «письмо» это проходило через каналы английского министерства иностранных дел и английской буржуазной прессы, нет никаких сомнений, что за сценой действовал тот же «Интеллидженс сервис» совместно с агентурой Климовича — Рейли.

Вопрос о происхождении «письма» уже давно не вопрос. В декабре 1966 г. лондонская консервативная газета «Санди таймс» опубликовала интервью с проживавшей в английской столице Ириной Бельгард, вдовой сотрудника врангелевского агента Алек-

¹ Стоит отметить, что в качестве «политического советника» в одной из компаний Детердинга фигурировал бывший начальник английской военной разведки генерал Макдоног, а представителем нефтяного магната в переговорах о концессиях в России был другой английский разведчик — полковник: Бойл (*Documents politiques, diplomatiques et financiers*, 1935, p. 89).

сея Бельгарда. Из рассказа Ирины Бельгард явствовало следующее.

Заказ на подлог был в конце лета 1924 г. получен в Лондоне от некоего «авторитетного лица». Фальсификацию производили в Берлине ближайшие сотрудники Орлова Гуманский, Бельгард, Дружеловский, Жемчужников (брат Ирины Бельгард) и Фриде. И. Бельгард сама была свидетельницей подлога. Фальшивка была передана в Лондон Орловым¹.

Кто было «авторитетное лицо» в Лондоне, заказавшее подлог? Это с тех пор тоже выяснилось. Один из научных сотрудников Гарвардского университета в США, роясь в подвалах юридического факультета, обнаружил четыре фотопластинки, оказавшиеся негативами с «пропавшего» в свое время «оригинала письма». Эксперты-графологи установили, что почерк автора письма — почерк Сиднея Рейли.

Все дело, однако, было ясно значительно раньше.

В книге о Рейли, опубликованной его вдовой в Лондоне в 1931 г., фигурировал следующий абзац: «Во время своего пребывания в Европе он (Рейли.— Э. Г.) участвовал в одной весьма важной политической операции, подробности которой я не вправе раскрыть».

Никаких дальнейших разъяснений по этому вопросу вдова Рейли не давала, хотя в своей книге с разительной откровенностью рассказывала о самых грязных делах, как, например, о плане убийства советского посла в Париже с ее участием. Видимо, она боялась за свою жизнь, если бы «раскрыла подробности».

Рейли был автором подложного «письма». Орлов и его берлинские сотрудники — техническими исполнителями фальсификации. Дальнейший ход провокации стал известен уже в те годы. Через Орлова перепечатанная на машинке копия «документа» («оригинал» считался утерянным) была передана лондонскому биржевику Имтэрну, совладельцу фирмы корабельных агентов «Джепп, Хатч энд К^о», имевшей во время английской интервенции в Советской Республике дела с белогвардейской фирмой «Русский добровольческий флот». Теперь Имтэрн служил в лондонской компании, унаследовавшей эту фирму, — «Русское пароходное общество». От Имтэрна «документ» через посредничество консервативного депутата майора Киндерсли попал к начальнику русского отдела английского министерства иностранных дел Грегори. Фамилии Имтэрна и Грегори английским правительством названы не были, сам Грегори был позднее уличен в темных валютных спекуляциях и отстранен от должности. Впоследствии он заявил,

¹ Sunday Times, 11 и 18.XII 1966.

что «вопрос о том, было ли «письмо Коминтерна» копией, факсимиле оригинала или хитрой подделкой, не имеет ни малейшего значения»¹.

От Грегори, наконец, «письмо» через чьи-то руки попало в редакцию крайне правой лондонской газеты «Дейли мейл», выходившей под девизом «За короля и империю». Здесь оно было напечатано под заголовком в четыре строки через всю полосу: «Приказы Москвы нашим красным. Вчера раскрыт большой заговор. Армия и флот должны были быть парализованы. И г-н Макдональд (тогдашний премьер первого лейбористского правительства. — Э. Г.) хотел одолжить России наши деньги».

На парламентских выборах спустя день после «сенсации» «Дейли мейл» правительство Макдональда пало, к власти пришло правое правительство Болдуина. В стане консерваторов царил ликование. Их партия устроила Имтэрну торжественный прием, на котором присутствовал новый премьер-министр. Министром внутренних дел в консервативном правительстве был назначен «твердолобый» депутат Джойнсон-Хикс, известный своей фанатичной ненавистью к коммунизму и СССР. По его распоряжению были вскоре арестованы 12 членов Компартии Великобритании. Некоторое время спустя Джойнсон-Хикс организовал полицейский налет на советскую торговую организацию в Лондоне «Аркос» и этим довел дело до разрыва англо-советских отношений. Несмотря на явную подложность «письма», правительство Болдуина и в дальнейшем продолжало настаивать на его подлинности.

Что бросается в глаза при рассмотрении истории подлога? Все без исключения главные участники дела были связаны с «Интеллидженс сервис». Цепь: контора Рейли в Лондоне — лаборатория Орлова и Гуманского в Берлине — белогвардейская «коммерческая» фирма в Лондоне — биржевой маклер Имтэрн там же — консервативный депутат Киндерсли — английское министерство иностранных дел — реакционная бульварная лондонская газета. Цепь эта начиналась именно у дверей британской разведки. И дело было отнюдь не только в Рейли.

Биржевик Имтэрн, англичанин швейцарского происхождения, служил во время первой мировой войны в английской разведке и сохранял с ней связи и после войны. Технический изготовитель фальшивки А. Бельгард работал для той же разведки². Одним же из наиболее почетных гостей на организованном консерва-

¹ *Gregory I. D. On the edge of diplomacy. London, 1928, p. 216.*

² После дела с «письмом» он на некоторое время получил место в американском консульстве в Берлине. Во время второй мировой войны он был так называемым «двойным агентом»: работал одновременно на английскую разведку и на гитлеровскую военную разведку «Абвер».

тивной партией после ее победы на выборах торжественным приеме Имтэрна оказался сам глава «Интеллидженс сервис» Бэлл.

Не следует думать, что после этой скандальной аферы связи женевской лиги с тем же учреждением ослабли. Напротив, они были укреплены. Английские империалисты знали, кого благодарить и кого использовать в дальнейшем для грязных дел. Примечательно, например, что после отставки министра внутренних дел Джойнсона-Хикса он открыто участвовал в антисоветских сборищах в Лондоне, на которых выступал сам Обер. Своих покровителей лондонский филиал лиги находил и в полицейском аппарате Скотланд ярда (генерал Хорвуд).

Сам Обер, вспоминая о деле с «письмом» писал впоследствии в своем официальном отчете по случаю десятилетнего юбилея лиги, что в ходе вспыхнувшей тогда в Англии острой предвыборной борьбы вопрос о большевизме получил первостепенное значение и что важным оружием в этой борьбе оказалась книга с его, Обера, речью в защиту убийц Воровского. «Кандидаты (в парламент.— Э. Г.) и пропагандисты,— добавлял он,— находили в этой маленькой книжке все, что им требовалось, чтобы сообщить с трибуны митингов, со страниц печати, в брошюрах и листовках о советском режиме»; проданные до выборов тысячи экземпляров книги «освятили триумф антибольшевиков». Иначе говоря, провокация с «письмом» была с самого начала предусмотрена профессиональными антикоммунистами.

Правда, арест Рейли на советской территории затем значительно ослабил активность лиги в Англии; «асами» такого масштаба оберовцы здесь уже не располагали. После всеобщей забастовки в 1926 г. лондонский антикоммунистический центр все же попытался удвоить свои усилия. «Не следует думать, что провал всеобщей забастовки нанес большой вред коммунистическому движению. Напротив!» — предостерегал этот центр филиал лиги в Париже весной 1927 г. Локер-Лампсон повел разъяренную кампанию за полный разрыв дипломатических отношений с Советским Союзом, в которой приняли участие виднейшие политики консервативной партии. Когда в 1927 г. эта кампания увенчалась успехом и Англия бесцеремонно порвала отношения с СССР, Локер-Лампсон созвал в Лондоне торжественный «митинг победы». Выступивший на нем приехавший из Женевы Обер заявил: «Англия в этой борьбе дала миру великий пример выполнения своего долга». Несколько месяцев позже тот же Обер призвал Францию и Италию последовать примеру Англии и порвать с Советским Союзом.

Теперь, спустя более чем полувека, можно с полной уверенностью сказать, что, затеявая подлог с «письмом Коминтерна», профессиональные антикоммунисты нацеливались не только на

повую антисоветскую интервенцию, но и на запрещение коммунистических партий во всей Западной Европе.

После разрыва англо-советских отношений теми же силами была действительно предпринята попытка пойти дальше. Как уже говорилось, совместными усилиями «национальных центров» лиги Обера в Англии и Германии с благословения Детердинга был разработан план новой вооруженной интервенции против СССР. Поход был намечен на 1927 г. Весной этого года в Лондоне (очевидно, в связи с планом интервенции) находился Орлов. В июне в Англии состоялась беседа прибывшего из Германии «казначея» антикоммунистов Рехберга с Биркенхедом, Локером-Лампсоном, заместителем начальника Скотланд ярда генералом Уильямом Чайлдсом и постоянным заместителем министра иностранных дел сэром Уильямом Тайрелом. Из этой затеи, однако, ничего, кроме новых скандалов для ее инициаторов, в особенности для Детердинга, не вышло. Общественность Англии, включая теперь и широкие буржуазные круги, была сыта по горло антикоммунистическими авантюрами, и правящим кругам приходилось это учитывать.

Тем не менее есть все основания считать, что дружба между лигой Обера и «твердолобым» крылом английской консервативной партии, как и с «Интеллидженс сервис», продолжалась и в последующие годы. Какую-то роль при этом, очевидно, играл Черчилль, познакомившийся с Рейли еще в 1918 г. и даже обменивавшийся с ним письмами.

Имеет значение и то, что помимо Детердинга прямое содействие лондонскому центру лиги Обера оказывала в 20-х годах и такая мощная промышленная монополия Англии, как связанный с семьей Чемберленов военно-химический концерн ИКИ («Империал кемикл индастрис»). Руководители этого концерна лорд Макгоуэн, лорд Мелчетт (Монд), Маспратт и Кол финансировали организацию через «Экономическую лигу». Лидер «Антисоциалистического союза» и «твердолобых» лорд Биркенхед входил в правление той же химической монополии. Хотя, таким образом, на открытой сцене от имени английского филиала лиги выступали «твердолобые» забияки из консервативной партии, старые интервенционисты, великоимперские политики и деятели из окружения «Интеллидженс сервис» и Скотланд ярда; его действительное ядро с самого начала составляли уполномоченные подлинных хозяев страны — боссы из кабинетов монополий.

Новый период кажущегося «подъема» для профессиональных антикоммунистов в Англии начался все же лишь в 30-х годах, когда в капиталистической Европе повевало гитлеровским духом.

ГЕРМАНСКОЕ ЗВЕНО: УБИЙЦЫ ЛИБКНЕХТА И ЛЮКСЕМБУРГ

1

Мировая буржуазия не оставляла замыслов уничтожить Советскую власть, подавить революционное движение трудящихся в капиталистических странах. Сильнейшими державами капиталистического мира после первой мировой войны были Англия и Соединенные Штаты. Политика Запада определялась прежде всего ими; антисоветские, антикоммунистические коалиции могли возникнуть только с их ведома, при их участии. Руководители центров профессиональных антикоммунистов создавали и укрепляли свои базы на Западе, где обострились классовые противоречия в связи с революционным подъемом после Октябрьской революции и переходом буржуазии в наступление против рабочего класса.

Профессиональные антикоммунисты считали, что ключи к положению в Западной Европе находятся в Германии, и в этом отношении были правы. Нигде на Западе классовая борьба в 20-х годах не достигала такого накала, как там. Страна, не пришедшая в себя после катастрофы в мировой войне и Версальского мира, стояла на перепутье между реваншизмом и социализмом. Тяжелые экономические кризисы следовали в Германии один за другим. Коммунистическая партия Германии стала в то время сильнейшей компартией в капиталистическом мире. В 1920 г. за немецких коммунистов на выборах в рейхстаг голосовало 590 тыс. человек, в 1924 г. — 2709 тыс., в 1928 г. — 3625 тыс., в 1930 г. — 4592 тыс. Влияние правой социал-демократии на рабочий класс медленно, но заметно шло на убыль. Германская крупная буржуазия уже не могла полагаться на то, что реформисты сумеют постоянно держать народ в узде.

Вопрос о судьбе Германии приобретал в то же время огромное международное значение; достаточно было одного взгляда на стратегическую карту мировой классовой борьбы, чтобы понять, почему. Победа рабочего класса в Германии неминуемо должна была бы привести к крутому повороту в жизни целого ряда стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. Больше того, сразу же ослабели бы позиции фашистского режима в Италии, где Мус-

солини в первой половине 20-х годов еще не успел окончательно укрепиться у власти. В конечном счете революционная волна могла докатиться до Франции и Испании.

Все это хорошо понимали профессиональные антикоммунисты, неотступно следившие за событиями и научившиеся оценивать силу «красной волны». Не менее ясна для них была и обратная сторона дела. Победа контрреволюции в Германии почти наверняка обеспечивала триумф воинствующего антикоммунизма в других районах Западной Европы. Вот почему «истребление коммунизма» в Германии рассматривалось в их стане как оперативная задача № 1.

Их методы в Германии были, как вскоре оказалось, намного грубее, чем в Англии и других странах Запада. Здесь курс с самого начала был взят именно на физическое уничтожение штаба революционного рабочего движения, и притом в кратчайший срок. Осуществление этого задания было поручено таким свирепым, кровавым преступникам, с какими не могли сравниться «специалисты» этого дела ни в какой другой стране.

Как видно из фактов, к тому времени, когда началась подготовка к созданию женевской лиги Обера, в Германии уже давно действовала сильная террористическая организация профессиональных антикоммунистов. Это была первая организация такого типа на Западе, оперировавшая в широком масштабе. Документальные данные подтверждают, что роль, которую она сыграла уже в первые годы Веймарской республики, трудно преувеличить. Нельзя писать историю германской контрреволюции после первой мировой войны, не упоминая об этой организации.

Три человека были ее создателями; только один из них был широко известен, другие так и остались в тени. Каждый из трех ответствен за страшные преступления. Каждый представляет собой не менее колоритную и типическую для своего времени фигуру, чем Рейли, Орлов или Обер. Но подлинная роль этих лиц в закулисной политике Германии в 1918—1933 гг. недостаточно освещена.

Еще в начале декабря 1918 г., через несколько недель после свергнувшей кайзера революции в Германии, в Берлине стали носиться слухи, что в столице действует некая таинственная «Антибольшевистская лига». Впоследствии та же организация выступила под двумя другими названиями. От ее имени распространялись погромные антикоммунистические брошюры, расклеивались листовки с прямыми призывами к убийству руководителей немецких коммунистов, ее агенты устраивали уличные провокации. Лига явно располагала немалыми денежными средствами.

Имя человека, который, как потом оказалось, руководил этой организацией, было мало кому известно. Это был 32-летний «писа-

тель» Эдуард Штадтлер, только что по каким-то делам возвратившийся из Москвы, где занимал пост в германском посольстве. Кто такой был Штадтлер?

Среди тех, кто его знал, он пользовался репутацией довольно темной личности. До первой мировой войны Штадтлер состоял секретарем «Союза Виндхорста» в Кельне — опекаемого иезуитами объединения немецкой католической молодежи. Призванный в армию и попав в 1916 г. в русский плен, Штадтлер в январе 1918 г. бежал из лагеря военнопленных в Соликамске, в мае того же года оказался в Москве и тут же, с места в карьер, был назначен на пост заведующего отделом печати в германском посольстве. По-видимому, данные, которые он представил, были достаточны для такого назначения. В середине августа того же 1918 г. Штадтлер внезапно явился в Берлин. Далее станет понятно, каким образом он уже в те дни оказался профессиональным антикоммунистом.

Вскоре выяснилось, что Штадтлер был послан в Берлин по срочной командировке кайзеровского посла в Москве Гельфериха, настаивавшего на осуществлении плана начальника штаба германских войск на восточном фронте генерала Гофмана предпринять, несмотря на Брестский мир, новый поход на Москву. В Берлине, однако, Штадтлер потерпел неудачу. Германское правительство, напуганное поражением своих войск на Западе и надвигавшимся полным разгромом своих сил, не решилось принять план Гофмана. Гельферих тогда же подал в отставку.

Не сложил оружия, однако, Штадтлер. Напротив, он тут же принялся за дело по-новому. Надо признать, что этот авантюрист обладал острым политическим чутьем. Пробыв несколько лет в России и, видимо, почувствовав гигантскую притягательную силу социализма, он понял, что революция в Германии неизбежна. Еще за несколько недель до нее Штадтлер стал лихорадочно готовиться к созданию боевой антикоммунистической организации в самой Германии.

1 сентября 1918 г. Штадтлер посылает главе германской ставки, кумиру немецкой военщины Людендорфу меморандум, в котором предлагает порвать отношения с Советской Россией, возобновить военные действия, захватить Петроград (это будет «прогулкой», писал Штадтлер) и создать новое, «национально-русское правительство», то есть восстановить царскую монархию под эгидой Германии. Но и Людендорф уже ничего не может сделать: кайзеровский трон дрожит. Штадтлер не унимается и пишет для германской печати «по 2—3 антибольшевистские статьи в день». 1 ноября 1918 г., за 8 дней до революции, он выступает в одном из самых больших залов в Берлине с лекцией «Большевизм как мировая опасность». Штадтлер заявляет: «Большевистская опас-

ность для Германии — надвигающаяся угроза... Она ближе к нам, чем к кому-либо другому... Немецкая нация должна избежать классово-политической диктатуры пролетариата... Большевицкая опасность велика. Мы стоим на пороге мировой революции». С такими же лекциями Штадтлер продолжает выступать по всей Германии.

После Ноябрьской революции он удесят�еряет свою активность. Теперь Штадтлер ставит себе одну цель: во что бы то ни стало в кратчайший срок уничтожить, стереть с лица земли «Союз Спартака» — только что вышедшую из подполья молодую организацию германских коммунистов во главе с Карлом Либкнехтом и Розой Люксембург. Штадтлер видит только один путь к достижению этой цели: террор, немедленный, беспощадный, физический террор, направленный прежде всего против руководства коммунистов.

Так начинается история профессионального антикоммунизма в Германии, сменившего довоенный антисоциализм.

Впоследствии (в гитлеровское время) сам Штадтлер с самодовольством писал в своей книге: «Революционный беспорядок вынес меня именно в тот период на гребень волны исторических происшествий. В качестве основателя и фюрера «Антибольшевистской лиги» я месяцами стоял в центре событий, хотя и держался больше за кулисами». Штадтлер, разумеется, безмерно преувеличивал. Но если тщательно проверить факты того времени, то нельзя и приуменьшать его роль. Это был не только бешеный, иступленный антикоммунист того же типа, что и другие будущие соратники Рейли и Обера. Это был ловкий политический делец, находившийся в постоянном контакте с крупнейшими деятелями германской контрреволюции, начиная с известных политиков и кончая главарями военщины и промышленными магнатами.

Кто ему помог?

Приступая к созданию своей организации, Штадтлер действовал так же, как действовали после первой мировой войны профессиональные антикоммунисты во всех странах: прежде всего он стал искать денег. Лицом, к которому он сначала обратился, был берлинский биржевик С. Маркс, владелец солидной фирмы «Маркс и Симон» и один из руководителей созданного в германской столице в ноябре 1918 г. «Имперского совета бюргеров». Основателями этого «совета», вскоре же организовавшего свои отделения в 330 германских городах, были богатые дельцы, до смерти напуганные Ноябрьской революцией и решившие противопоставить себя возникшим тогда в Германии Советам рабочих и солдатских депутатов.

С. Маркс был одним из тех германских капиталистов, которые еще до первой мировой войны бросали открытый вызов рабочему движению. В те годы этот спекулянт, влиятельный член

существовавшей тогда крайне правой Консервативной партии, входил в руководство «Имперского союза борьбы против социал-демократии»¹. За его спиной стоял известный берлинский финансист Х. Шахт (будущий советник Гитлера), в банке которого этот делец одно время служил консультантом².

Когда в Германии в 1918 г. вспыхнула революция, С. Маркс, так же как его единомышленники в разных западных странах, немедленно переключился на антикоммунизм. Членами «Имперского совета бюргеров» становились состоятельные торговцы, промышленники, банкиры, лавочники, а также деятели различных буржуазных партий. На учредительном собрании «совета» был брошен лозунг решительной борьбы против «господства Советов рабочих и солдатских депутатов». Выступивший на собрании старый лидер немецких национал-либералов Фридрих Науман торжественно заявил: «Историческая задача бюргерства не завершена. Буржуазная эпоха не сменяется социалистическо-пролетарской эпохой»³. В то же время «Совет бюргеров» стал по-деловому заниматься подготовкой к гражданской войне. С. Маркс и его компаньон Л. Симон вербовали контрреволюционных офицеров и солдат, поручая им под видом добровольческой «самообороны» формировать погромные дружины. Так, еще в начале декабря 1918 г., как было позднее установлено на одном судебном процессе, С. Маркс и Л. Симон передали военным на эти цели «большие суммы»⁴.

К этим впадшим в панику биржевикам и торгашам и обратился сначала Штадтлер с предложением начать организованный террор против немецких коммунистов. 24 октября 1918 г., еще до начала революционных событий, он явился к С. Марксу и посвятил его в свои планы. Биржевик свел его с зятем виднейшего буржуазного политика Г. Штреземана — фон Клефельдом. 28 ноября, уже после революции, Штадтлер выступил на собрании «Имперского совета бюргеров» с докладом «Большевизм и экономическая жизнь», в котором нарисовал устрашающую картину гибели западного капитализма, побежденного коммунистами. Доклад был издан тиражом 100 тыс. экземпляров.

Но сговор с «Имперским советом бюргеров» был всего лишь первым шагом. В тот же день 28 ноября 1918 г., когда Штадтлер выступил перед «бюргерами», он явился к своему бывшему на-

¹ Fischer A. Die Revolutionskommandatur. Berlin, 1922, S. 61—62.

² Reichshandbuch der deutschen Gesellschaft. Berlin, 1931, S. 1209.

В позднейшие годы С. Маркс даже хвастался тем, что в 1918 г. «успешно противодействовал плану установления коммунистической диктатуры» (Wer Ist's. Berlin, 1935, S. 1034).

³ Der Reichsbürgerrat und sein Arbeitsprogramm. Berlin, 1927, S. 3—5.

⁴ Rote Fahne, 14.II 1928; Fischer A. Op. cit., S. 7—10; Frölich P. Schreiner A. Die deutsche Sozial-Demokratie. Berlin, S. 120—121.

чальнику, прежнему кайзеровскому послу в Москве, жившему теперь в Берлине, Гельфериху, чтобы обсудить с ним план создания боевой антикоммунистической организации. Гельферих одобрил план, обещал «помогать из-за кулис» и связал Штадтлера со своим партнером П. Манкевичем, директором крупнейшего в стране «Немецкого банка». Манкевич тут же выдал Штадтлеру аванс. Двумя днями позже Штадтлер встретился с Ф. Науманом и также получил от него деньги. «Антибольшевистская лига» была основана день спустя, 1 декабря 1918 г., в присутствии 20 человек. Официально было лишь сообщено, что создан некий «Генеральный секретариат по изучению большевизма и борьбы с ним». Впоследствии было подобрано совершенно невинное название: «Лига защиты немецкой культуры».

Непосредственными сообщниками Штадтлера стали контрреволюционные, готовые на все офицеры, а также немецкие белогвардейцы из Прибалтики. Начальником «службы шпионажа», которому поручалось следить за спартаковцами¹ и внедряться в их организацию, был назначен бывший военный летчик Ф. Зибель. Он должен был поддерживать постоянную связь с берлинской политической полицией, военным министерством и военной разведкой. Штадтлер рассказал впоследствии:

«Мы располагали платными осведомителями, ежедневно информировавшими нас о происшествиях в стане коммунистов. Это были люди самого различного склада. Профессиональные шпики и идеалисты. Также такие, о которых мы в точности не знали, принадлежали ли они к той или к другой категории, и которые, быть может, сами этого не знали». Среди таких осведомителей лиги Штадтлер назвал рабочего-provокатора Блау, дело которого в то время шумело на всю Германию, но так до конца и не было расследовано; Блау был разоблачен и убит рабочими. «Он блестяще сыграл свою роль», — вспоминал Штадтлер. Профессиональные антикоммунисты многих других стран брали потом пример со своих первых собратьев в Германии.

Другому отделу лиги было поручено распространять погромную литературу и снабжать прессу ежедневным «антибольшевистским бюллетенем АБС». Этими делами заведовал Г. Фенцер, бывший редактор выходившей до войны в Петербурге газеты на немецком языке «Петербургер цайтунг». Сотрудниками лиги стали также небезызвестные в те времена фигуры: автор шовинистических книг П. Шиман и бывший редактор рижской немецкой газеты «Ригаэр рундшау» А. Шмидт.

¹ «Союз Спартака» — революционная организация, возникавшая в Германии в 1918 г. по инициативе Р. Люксембург, К. Либкнехта, Ф. Меринга, К. Цеткин и некоторых других левых германских социал-демократов, — явился ядром образовавшейся в декабре 1918 г. Компартии Германии.

Негласно сотрудничали с лигой такие лица, как крайне правый политик, будущий основатель «Клуба господ» барон Г. фон Глейхен-Руссум, бывший германский посол в США граф Бернсторф, лидер «желтых» католических профсоюзов А. Штегервальд, член княжеской семьи Бисмарков К. фон Бисмарк и многие другие. Было запланировано организовать специальные курсы для обучения антикоммунистических ораторов. Отделения лиги учреждались во всех промышленных городах, где росло спартаковское движение. Ни одна крупная спартаковская организация не оставалась без наблюдения. К январю 1919 г., через два месяца после революции, такие отделения функционировали в Эссене, Дюссельдорфе, Гамбурге, Бремене, Лейпциге, Дрездене, Галле и других городах. Заграничный филиал был организован в датской столице — Копенгагене, очевидно для связей с белогвардейцами в Финляндии и Прибалтике. Через некоего майора Гибсона, «изучавшего» по заданию верховного совета Антанты «большевистско-революционную ситуацию», был налажен контакт с английской разведывательной службой в Германии.

Но не пропаганда и даже не разведка были главным делом для Штадтлера и его сообщников. Все это служило для них лишь подспорьем для осуществления их основного, первоочередного плана: сокрушительного террористического удара по спартаковцам, который должен был удушить в зародыше коммунизм в Германии. Провести этот план в исполнение на свой собственный риск и страх Штадтлер все же не решался. Профессиональным антикоммунистам срочно требовался сговор с двумя господствующими силами тогдашней буржуазной Германии: верхушкой монополистического капитала и верхушкой контрреволюционной военщины. И то и другое было достигнуто уже в первой декаде января 1919 г.

В первых числах января Штадтлер снова явился к своему старому покровителю — банкиру, дипломату и лидеру правых Гельфериху. Указав на срочную необходимость «национального действия» против спартаковцев, он предложил Гельфериху немедленно созвать «высших руководителей промышленного, банковского и торгового мира», чтобы принять решение. Гельферих, по свидетельству Штадтлера, тут же поручил своему коллеге директору «Немецкого банка» Манкевичу разослать приглашения, снабдив их пометкой: «Прийти самому, не посылать вместо себя представителей».

Тайное совещание монополистов состоялось в Берлине 10 января 1919 г. Присутствовало около 50 лиц, в том числе: самый могущественный делец Германии, «король Рура» Гуго Стиннес; его правая рука, угольный и стальной магнат А. Феглер (впоследствии один из главных финансовых покровителей Гитлера); ве-

дущий предприниматель берлинской машиностроительной промышленности Э. фон Борзиг; глава электротехнической монополии Э. фон Сименс; глава другой электротехнической монополии, АЭГ (группа Ратенау), Ф. Дейч; руководитель химического синдиката М. Кемпнер; директор «Немецкого банка» П. Манкевич; директор второго по значению в рейхе банка «Дисконто-гезельшафт» А. Заломонзон. Это были столпы большого бизнеса Германии; важнее их в стане финансовой олигархии не было никого.

Штадтлер, явившийся в сопровождении начальника своей «службы шпионажа» Зибеля, прочел двухчасовой доклад на тему «Большевизм как мировая опасность». После доклада поднялся Стиннес и заявил:

«Я того мнения, что всякая дискуссия после этого доклада излишня. Я согласен с докладчиком по каждому пункту. Если германский промышленный, торговый и банковский мир не хочет или не может уплатить за то, чтобы застраховать себя от описанной здесь угрозы, премию в размере 500 миллионов марок, то он не достоин того, чтобы называться хозяйственным миром Германии».

Управляющий «Союзом предпринимателей железнорудной и сталелитейной промышленности» И. Рейхерт был тоже «в полном восторге». Стиннес предложил закрыть заседание и вместе с восемью другими виднейшими монополистами удалился в соседнюю комнату, чтобы выработать порядок финансового обложения германских концернов и фирм в пользу «Антибольшевистской лиги». «Историческая сумма», как рассказывает Штадтлер, была ассигнована в тот же день. На всех предпринимателей Германии налагалось обязательство внести определенный вклад в «Антибольшевистский фонд». Управляющим фондом был назначен бывший представитель Стиннеса в России, которого Штадтлер называет только под буквами «К. Ф.» (Карл Ферман).

Деньги из фонда предназначались не только лиге Штадтлера, но и другим антикоммунистическим организациям, в том числе, по его словам, «Советам бюргеров», дружинам «самообороны», контрреволюционным «добровольческим корпусам» (вскоре же устроившим капповский путч) и даже «кассам социал-демократической партии». «В том случае, когда какая-либо группа изъявляла намерение вести антибольшевистские действия, она могла рассчитывать на помощь из фонда. Во всяком случае, не может быть никакого сомнения, что создание этого фонда явилось одним из решающих антибольшевистских дел того бурного революционного времени». Так писал потом Штадтлер. Действительно, ни в Англии, ни в США, ни в какой-либо другой капиталистической стране до такого поголовного и обязательного обложения капи-

талистов в пользу профессиональных антикоммунистов дело не доходило.

Надо учесть и другое. Ассигнование огромных сумм для «Антибольшевистской лиги» и других антикоммунистических организаций в январе 1919 г. было первым таким мероприятием германских монополий после революции 1918 г. Субсидирование Гитлера теми же кругами по большому счету началось лишь три-четыре года спустя; Стиннес и Штадтлер создали прецедент. Именно профессиональные антикоммунисты пробили дорогу наращиванию фашизма в Германии с помощью денежных инъекций со стороны крупного капитала.

Насколько близки стали с того времени их отношения с монополистической олигархией, показывают еще следующие факты. После заседания 10 января 1919 г., на котором был создан «Антибольшевистский фонд», Стиннес пригласил Штадтлера в западногерманский промышленный район. В Дюссельдорфе под председательством Стиннеса было созвано совещание магнатов Рура, на котором присутствовало 35 человек, в том числе такие фигуры, как Феглер, Кирдорф, Рейш, Шпрингорум — все будущие финансовые покровители Гитлера. Выступление Штадтлера снова имело «большой успех». В Эссене, цитадели Крупна, было учреждено отделение лиги, и Феглер отвез Штадтлера в свою виллу в Дортмунде. Позднее Штадтлер выступил перед руководителями германского уголовного синдиката.

С каким раболепством Штадтлер относился к Стиннесу и насколько он от него зависел, видно из его следующих слов: «Он сказал мне, что я пришелся ему по вкусу... Какой это был человек! Какая личность! Гениальный тип! На основе моих впечатлений у меня даже мелькнула мысль: Гуго Стиннес мог бы стать будущим национальным диктатором социальной революции (то есть фашизированной антикоммунистической Германии.— Э. Г.)... В течение целых двух лет я был тогда глашатаем и пропагандистом государственной миссии этого великого человека».

Монополисты и профессиональные антикоммунисты в Германии сразу поняли друг друга. Зато у масс, в народе, организаторы «Антибольшевистской лиги» успеха не имели. Это подтверждает сам Штадтлер: «Народная масса относилась к моим мыслям апатично» и «не воодушевлялась». Когда в том же январе 1919 г. берлинский машиностроительный магнат фон Борзиг пригласил Штадтлера выступить перед рабочими его завода и сам же его им представил, тот ничего не добился. Но рабочие, рядовые люди, и не были нужны террористам для намеченного ими главного дела.

Сговор Штадтлера со Стиннесом предрешил многое. Теперь боевая антикоммунистическая организация могла приступить к

действиям во всеоружии. За ней стояли самые могущественные, самые богатые и влиятельные люди в стране во главе с некоронованным королем республики. С этого момента Штадтлеру было все позволено, открыты все дороги. В распоряжении профессиональных антикоммунистов оказались миллионные капиталы, к их услугам был гражданский и военный аппарат государства. Германская буржуазия (вероятно, самая жестокая в тогдашнем мире) знала, чего хотела. Ее руководители считали, что они кое-чему научились из опыта русской революции, как и из «промахов» русской контрреволюции. Зловещее решение было принято на совещании Штадтлера с руководителями концернов 10 января 1919 г. Чтобы удушить революционное рабочее движение в Германии в зародыше, было постановлено немедленно покончить с его вождями.

В том же январе 1919 г. в Берлине была расклеена листовка «Антибольшевистской лиги» со словами: «Брут, ты спишь?»¹ На стенах города появился плакат следующего содержания: «Рабочие, бюргеры! Отечество на краю гибели. Спасайте его! Угроза исходит не извне, а изнутри: от группы Спартака. Убейте ее руководителей! Убейте Либкнехта! Тогда вы получите мир, работу и хлеб»².

Убийство Карла Либкнехта и Розы Люксембург было пред-
решено.

2

Профессиональным антикоммунистам оставалось только наладить «технику» дела. Это для них уже не представляло серьезных затруднений.

Надо учесть, что только что основанная Компартия Германии к тому времени еще не обладала необходимым опытом революционной борьбы и конспирации. Спровоцированное правительством правых социал-демократов Эберта — Шейдемана — Носке 5—7 января 1919 г. революционное выступление берлинских рабочих закончилось тяжелым поражением: войска правительства залили Берлин кровью. Руководители компартии перешли в подполье, но выследить их было нетрудно.

Все, что требовалось «Антибольшевистской лиге» — это прямой разговор с контрреволюционной военщиной, занявшей после событий 5—7 января все командные высоты в столице. Организованный белый террор мог быть развязан только с помощью или даже

¹ Müller R. Vom Kaiserreich zur Republik. Band II. Berlin, 1924—1925, S. 296.

² Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere. Berlin, XI. 1965, S. 8.

руками этой военщины. Контакт с ней был Штадтлером уже установлен.

Он и здесь начал с верхушки. Подготовительные шаги были предприняты еще в декабре 1918 г., когда по приглашению «высочайших военачальников» (их имена в книге Штадтлера не называются) он выступил в «главном штабе» со своей обычной речью и призывами к немедленному «отпору спартаковцам». 9 января, через два дня после поражения берлинских рабочих и за день до встречи со Стиннесом, Штадтлер был принят самим Носке, главнокомандующим вооруженными силами, генерал-губернатором Берлина и крайне правым социал-демократом. На беседе присутствовал начальник штаба Носке — фон Гильза. Штадтлер предложил Носке ввести в Берлин новые эшелоны войск и объявить свою диктатуру. По словам Штадтлера, Носке ответил: «Я посмотрю». «Я крепко пожал ему руку», — пишет Штадтлер. Фашистский террорист и крайне правый социал-демократ, которого берлинские рабочие называли «кровавой собакой», нашли общий язык. На следующий же день Носке отдал приказ ввести в город из предместья Далем контрреволюционные войска. «Это был один из решающих актов периода революционных волнений 1918—1919 гг.», — отмечает Штадтлер, явно стараясь приписать самому себе инициативу в этом деле.

Все говорит за то, что Штадтлер тогда же предложил Носке дать приказ и об убийстве Либкнехта и Люксембург. Носке, по видимому, не дал прямого ответа. Главнокомандующий все же побаивался рабочих, в том числе и тех, кто принадлежал к его собственной партии. Брать на себя прямую ответственность за убийство он не хотел. Но умыть руки по-пилатовски и сделать вид, будто не знает, что убийство будет совершено его же подчиненными, он был готов. «Он не столько не хотел, сколько не мог», — пишет Штадтлер о Носке. — Эта неудача была тем более опасной, что в рядах наших спартаковских противников действовали личности крупного формата... Надо было что-то сделать, чтобы устранили олицетворявшуюся этими личностями угрозу переворота и краха».

Штадтлер и предпринял этот шаг. Через три дня после разговора с Носке и через два после встречи со Стиннесом он явился к начальнику штаба расквартированного в Берлине и подчиненного Носке Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса майору В. Пабсту. Это лицо, впоследствии главный организатор контрреволюционного капновского путча, и дало приказ к убийству спартаковских вождей.

Гвардейский кавалерийский стрелковый корпус (первоначально дивизия) был сформирован в Берлине еще в конце 1918 г. правительством Эберта — Шейдемана специально для борьбы с «край-

не левыми элементами». Его ядро составляли офицеры и солдаты, посланные весной того же года кайзером в Финляндию для подавления революционного движения. Уже в начале декабря 1918 г. корпусу было дано задание вступить в революционный Берлин и захватить главные здания¹. 24 декабря он был брошен в столицу против революционных матросов Народной морской дивизии, но потерпел неудачу. В первой декаде января 1919 г. корпус принял участие в уличных боях против берлинских рабочих, тысячи которых были убиты. После этого, впоследствии писал Носке, Гвардейский кавалерийский стрелковый корпус был значительно пополнен и «включал в себя большую часть войск в Берлине и вокруг Берлина»².

Теперь в его штабе вынашивался целый план довести контрреволюцию в Германии до конца. Под предлогом предотвращения «восстания коммунистов» командование корпуса готовилось свергнуть создавшее его социал-демократическое правительство, захватить власть в свои руки и учредить военно-фашистскую диктатуру. Это был своего рода немецкий заговор Корнилова. Главнокомандующий рейхсвером в 1920 г. генерал фон Лютвиц писал много лет спустя:

Этот Гвардейский кавалерийский стрелковый корпус «был реакционным»³, и начальник его штаба Пабст был самоуверенным человеком... В действительности корпус готовил контрреволюцию. Я своевременно об этом узнал, и мне удалось отговорить корпус от этого. Впоследствии я часто задавал себе вопрос, правильно ли я поступил. Корпус был в то время могучей силой, все другие военные части относились к нему с определенным почтением. Если бы Берлин оказался в руках корпуса и правительство было бы парализовано, то эти части, вероятно, перешли бы на сторону движения...»⁴

Надо добавить, что со штабом корпуса был тесно связан и главарь другой вооруженной банды немецких контрреволюционеров в те дни — командующий так называемой «Морской бригадой» капитан-лейтенант Г. Эрхардт. Сформированная из черносотенных офицеров, проходимцев и уголовников, бригада Эрхардта служила фактически резервом Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса; офицеры корпуса в свою очередь переходили на службу

¹ Geschichte der deutschen Arbeiterbewegung, Bauf, II, S. 517. Berlin, 1966.

² Noske G. Von Kiel bis Kapp. Berlin, 1920, S. 199.

³ Такую оценку корпусу давал тот самый Лютвиц, который в марте 1920 г. вместе с Людендорфом возглавил канпоовский монархический путч.

⁴ Lüttwitz W. F. Im Kampfe gegen die November-Revolution. Berlin, 1934, S. 83—85.

в бригаду¹. Ландскнехтов Эрхардта посылали повсюду, где готовилась расправа с рабочими: в Бремен, где в январе 1919 г. была провозглашена советская республика, в Рурскую область, когда в марте вспыхнули массовые забастовки, в Мюнхен, когда контрреволюция в апреле набросилась на Баварскую советскую республику (здесь операцией руководил командующий Гвардейским кавалерийским стрелковым корпусом генерал фон Овен), в Прибалтику, где германские банды фон дер Гольца действовали вместе с белогвардейцами. Где бы ни проходила банда Эрхардта, лились потоки крови. Капповский путч в Берлине в 1920 г. также начался с вступления в город бригады Эрхардта.

Все эти отряды и части представляли собой на деле одну банду. Это была самая бешеная, самая кровавая и самая мощная контрреволюционная шайка в Германии после первой мировой войны, предшественница гитлеровской банды². К ее главарям и обратился Штадтлер 12 января 1919 г. с предложением организовать убийство Либкнехта и Люксембург.

В этот день, как уже сказано, Штадтлер явился к майору Пабсту, который, по свидетельству Носке, был «подлинным создателем и руководителем Гвардейской кавалерийской стрелковой дивизии»³. Кто свел Штадтлера с Пабстом? Главу «Антибольшевистской лиги» сопровождал его главный помощник, начальник разведывательного отделения лиги Зибель, бывший военный летчик. Наблюдателем в самолете Зибеля в годы войны был капитан Х. Пфлюгк-Гартунг, в 1919 г. — адъютант Пабста. Террористы-антикоммунисты находили друг друга. Но Пфлюгк-Гартунг оказался не единственным союзником Штадтлера в штабе Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса.

Начальником отдела по борьбе с «красными» в этом штабе был миллионер ротмистр Арнольд Рехберг⁴. Этого человека, фигурировавшего за сценой в роли «серого кардинала» при Пабсте и составлявшего его политические планы, и можно считать вторым из главных основателей профессионального антикоммунизма в Германии. Его имя стало впоследствии гораздо более широко известно, чем имя Штадтлера. Но и его роль в закулисной истории германской контрреволюции в годы Веймарской республики освещена только частично.

¹ *Gumbel E. J. Verräter verfallen der Feme.* Berlin, 1929, S. 52; *Vietsch E.* Op. cit., S. 58—64.

² Ей тоже покровительствовали ведущие монополисты. Интересно в этой связи, что личным секретарем берлинского машиностроительного магната фон Борзига, связанного с Штадтлером, стал офицер Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса Детерт.

³ *Noske G.* Op. cit., S. 199.

⁴ *Vietsch E.* Op. cit., S. 58—59.

В биографических справочниках Рехберг называл себя «скульптором, промышленником и политиком». Было известно, что у него замок в южной Баварии, что он совладелец крупнейшего калийного концерна Германии «Винтерсхаль» и ряда других предприятий, что во время войны он служил в штабе кронпринца (старшего сына кайзера) и что в круг его друзей входят богатейшие люди страны и известные правые политики. Рехберг был лично связан с генералом фон Лютвицем, майором Пабстом, капитан-лейтенантом Эрхардтом, главой тайной военно-фашистской организации «Оргеш» Эшерихом, впоследствии и с Каппом. Но главное в послужном списке Рехберга было другое. Он был доверенным человеком и политическим советником генерала Макса Гофмана, бывшего начальника штаба, фактически главнокомандующего германскими войсками на русско-германском фронте на последнем этапе первой мировой войны.

Это, несомненно, была незаурядная фигура, возможно самая незаурядная среди германских генералов того времени, помимо Людендорфа и Секта. О Гофмане, к которому мы вернемся еще не раз, написано много. Нет недостатка в материалах как об его военной деятельности, так и об его бешеной кампании за вооруженную интервенцию против Советской Республики, начатой с 1918 г. Известно, что до войны Гофман был офицером восточного отдела германского генерального штаба и в качестве такового не раз посещал Россию с разведывательными целями; во время русско-японской войны он состоял при японском главном штабе. Известно, что уже к концу первой мировой войны Гофман стал вмешиваться в политику. На переговорах в Брест-Литовске он пытался «стучать кулаком по столу», надеясь запугать советскую делегацию, и, как упоминалось, через несколько месяцев после заключения мира предложил кайзеровскому правительству двинуть войска на Москву. Можно не сомневаться, что Гофман был тогда в прямом стоворе с германским послом в Москве Гельферихом и что Штадтлер летом 1918 г. действовал в Берлине по поручению их обоих.

«Тогда, в начале 1918 г., — рассказывал впоследствии Рехберг, — Гофман был первым, кто осознал большевистскую опасность. Он почувствовал, как большевистская опасность стала разъедать его войска, и поехал в ставку с предложением, чтобы Германия не начинала наступления на Западе, а осталась там на оборонительных позициях. Зато верховное командование должно было послать несколько дивизий на Москву и Петербург и, свергнув большевиков, поставить на их место у власти разумное русское правительство, с которым надо будет пересмотреть Брест-Литовский мир, а затем заключить союз»¹.

¹ *Rechberg A. Die Ostfrage. Berlin, 1920, S. 10—11.*

По сути дела, Гофман в 1918 г. предлагал кайзеру сделать то, что 26 лет спустя, в разгар второй мировой войны, хотели сделать Роммель, Шпейдель, Хойзингер и другие гитлеровские генералы: приостановить войну на западном фронте, чтобы все силы бросить на восток. Первая идея такого плана родилась у Гофмана, и у него она стала чем-то вроде мании. Позднее, в 1919 г., он даже встретился с французским маршалом Фошем и представил на его рассмотрение проект антисоветской военной коалиции великих держав Запада. Осенью того же года он вместе с Рехбергом вел тайные переговоры на эту тему с влиятельными английскими и французскими политиками, в том числе будто бы с Черчиллем. В конце 1922 г. он еще раз изложил этот план в подробной записке, разосланной в столицы капиталистического мира¹.

Гофман считал своей миссией на земле стать главнокомандующим «крестовым походом» на Москву, новым Бонапартом, который не только восстановит монархию в России, но и добьется того же в Германии. Так думал он воскресить величие германского милитаризма и упрочить его гегемонию в Европе. По существу, Гофман мечтал о том же, что впоследствии пытался осуществить Гитлер².

После войны влияние Гофмана на германскую военщину не ослабло. Все крайние милитаристы боготворили его. К кругу Гофмана принадлежали такие столпы старой армии, как «завоеватель Прибалтики» граф фон дер Гольц, организатор германского десанта в Батуми в 1918 г., а после войны — командующий рейхсвером в Баварии генерал Кресс фон Крессенштайн, глава «Морской бригады» Эрхардт, один из фюреров черносотенной офицерской лиги «Стальной шлем» генерал фон дер Липпе и другие. В военном министерстве Веймарской республики Гофмана боялись.

Все эти факты достаточно широко отражены в литературе по истории Германии того времени. Менее известна, однако, другая, столь же существенная сторона жизни Гофмана начиная с 1918—1919 гг. Факт между тем, что с этого времени он стал одним из активнейших организаторов антикоммунистического террора в Германии.

Следы его участия и участия его приближенного Рехберга в этих делах были так ловко замечены их сообщниками, что имена

¹ Vietsch E. Op. cit., S. 183—187.

² Английский дипломат д'Абернон дал Гофману следующую характеристику: «Человек, который всецело верит в силу вопреки праву и в военную организацию вопреки всему... Гофман не считается ни с чем, кроме организованной и вооруженной силы, все остальное — «ничто»... Если рекрута бьют по ушам, это хорошо для него». Это был классический тип средневекового ландскнехта, понавшего в XX столетие и помещавшегося на антикоммунизме.

их в этой связи нигде не упоминаются. Между тем Гофман уже к тому времени был третьей тайной «звездой» профессионального антикоммунизма в Германии. Наряду с Штадтлером и Рехбергом, а также со Стиннесом и Пабстом его можно считать одним из подлинных инициаторов убийства Либкнехта и Люксембург.

Штадтлер в следующих словах рассказывает о своей беседе с Пабстом 12 января в гостинице «Эден», где помещался штаб Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса:

«Иметь дело с этим великолепным, живым, энергичным, жаждущим дела солдатом было удовольствием. И как он ухватился за мои политические идеи!.. Я объяснил ему, что планы военной акции (захвата Берлина.— Э. Г.) — это только половина дела... Все зависит от мужественных людей и дивизий; если на нашей стороне пока не видно крупных руководителей, то, по крайней мере, и противная сторона не должна их иметь...

Глаза майора Пабста блистали. Это была не та музыка, которую ему ежедневно приходилось слушать. Он встал, по-солдатски пожал мне руку и сказал: «Я глубоко вам благодарен, можете на меня положиться». Сказано — сделано. Несколько дней спустя, 15 января, люди майора Пабста — братья Пфлюгк-Гартунг и гусар Рунге — покончили с обоими ведущими коммунистами — Розой Люксембург и Карлом Либкнехтом, которые представляют собой очаг политической опасности»¹.

Смысл сообщения Штадтлера об его разговоре с Пабстом в толковании не нуждается. Штадтлер предложил Пабсту то же, что накануне предлагал Густаву Носке: немедленно убить вождей компартии. В отличие от Носке Пабст не увильнул, а тут же согласился и принял меры. Штадтлер не упоминает о том, присутствовал ли при беседе Рехберг. На судебном разбирательстве дела об убийстве, устроенном потом для отвода глаз самим Гвардейским кавалерийским стрелковым корпусом, фамилия Рехберга как будто не называлась, в газетах она тоже не фигурировала. Но, будучи начальником отдела штаба корпуса по борьбе с красными, Рехберг не мог быть не посвященным в это дело.

Не подлежит сомнению, что обо всем знал и генерал Гофман. Рехберг был тенью Гофмана, он и впоследствии не делал ни шага

¹ Могут удивиться тому, что Штадтлер так откровенно рассказал обо всем этом чудовищном деле, и в частности о закулисной стороне заговора с целью убийства Либкнехта и Люксембург. Но следует учесть, что язык у Штадтлера развязался уже при гитлеровском режиме: тогда, когда ему ничего не грозило, а, наоборот, его преступление засчитывалось ему хозяевами рейха в большую заслугу. Человек этот, видимо, безмерно сожалел только об одном: что не сам он, германский профессиональный антикоммунист, а другие, пришедшие после него, стали главарями фашистского рейха.

без указаний Гофмана, которого называл «гением»¹. В изданной в 1958 г. в ФРГ книге Э. фон Витча о Рехберге, где об его или Гофмана участии в убийстве Либкнехта и Люксембург ничего не говорится, автор, касаясь периода после окончания первой мировой войны, пишет: «Отныне уже только личность генерала Гофмана и его политические идеи оказывали влияние на Рехберга»². Гофман знал.

Последовавшие за убийством спартаковских вождей события показали, что этот акт был для Штадтлера и Стиннеса только первым, но особенно важным шагом к осуществлению задуманного ими сообща с военщиной большого контрреволюционного плана. Потеря молодой и еще малоопытной Компартией Германии Карла Либкнехта и Розы Люксембург нанесла ей огромный урон. Год спустя и Рехберг и Гофман приняли участие в капповском путче. Тогдашний командующий рейхсвером генерал фон Лютвиц сообщает в своих мемуарах, что, когда вспыхнул этот путч, подготовленный уже не только Пабстом, но и им самим, и Берлин на несколько дней оказался во власти контрреволюционеров, Рехберг был в числе «виднейших участников» заговора. Сам Лютвиц, Капп и тогдашний командующий Гвардейским кавалерийским стрелковым корпусом генерал фон Овен находились в весьма близких отношениях с Гофманом и Рехбергом. То же можно сказать о двух других руководителей заговора — Людендорфе и Эрхардте. Рехберг переписывался с Людендорфом и поддерживал тесный контакт с Эрхардтом, который позднее участвовал в происходивших на квартире Рехберга переговорах с французскими политиками.

Когда Берлин был захвачен путчистами, Рехберг посоветовал главарям заговора объявить военную диктатуру³. Диктатором намечался Людендорф; но пост главнокомандующего «крестовым походом» на восток, планировавшимся с участием Антанты, предназначался Гофману. Все говорит за то, что Гофман рассчитывал в конечном счете сам стать диктатором Германии. Почти 30 лет спустя тот же Носке рассказал, что после окончания первой мировой войны Гофман под большим секретом явился к нему с предложением, чтобы Носке назначил его через голову всех других немецких генералов верховным главнокомандующим германскими войсками. За это Гофман брал на себя обязательство «построить новый порядок» в теснейшем сотрудничестве с Носке⁴. Как и при разговоре Носке с Штадтлером, обгаренный кровью правый соци-

¹ Rote Fahne, 11.I 1930, S. 61.

² Vietsch E. Op. cit., S. 61.

³ Vietsch E. Op. cit., S. 58—59.

⁴ Noske G. Aufstieg und Niedergang der deutschen Sozial-Demokratie. Zürich, 1947, S. 129—130.

ал-демократ, учитывая настроения германских рабочих, все же побоялся пойти на такую авантюру, и Гофман примкнул к путчистскому окружению Пабста и Лютвица. По тем же соображениям Гофман и Рехберг в январе 1919 г. поддержали Штадтлера.

Убийство Либкнехта и Люксембург было, таким образом, совершено германской военщиной в прямом сговоре с «Антибольшевистской лигой». Штадтлер и стоявший за его спиной миллиардер Стиннес были инициаторами плана. Лига расклеивала плакаты с неприкрытыми призывами к убийству. С Пабстом, отдавшим приказ к убийству, Штадтлера свел начальник разведки лиги Зибель. Адрес подпольной квартиры Либкнехта и Люксембург раздобыл для Пабста, видимо, тот же Зибель, ведший систематическое наблюдение за спартаковцами. Убийство было совершено под личным руководством капитана Хорста Ифлюгк-Гартунга — брата адъютанта Пабста и бывшего подчиненного Зибеля. Все нити сходятся.

Надо учесть, что в «черном списке» «Антибольшевистской лиги» значились тогда не только Либкнехт и Люксембург. Вместе с обоими руководителями компартии был арестован и видный член ЦК КПП Вильгельм Пик; ему предназначалась та же участь, но Пик удалось бежать. Еще до ареста Либкнехта и Люксембург были схвачены члены ЦК Лео Иогихес (Тышка) и Кетэ Дункер; несколько недель спустя Иогихес был тоже убит солдатами Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса.

Иначе говоря, намечалось полное физическое уничтожение центрального партийного руководства и, очевидно, основного партийного актива. Согласно изданному несколько позже приказу командования того же корпуса, немедленному расстрелу подлежали все, в квартирах которых было бы обнаружено оружие; доказательств их участия в вооруженной борьбе не требовалось¹. Главе «Антибольшевистской лиги» и этого было мало. 25 января 1919 г., через 10 дней после убийства Либкнехта и Люксембург, Штадтлер выступил в берлинском ресторане «Рейнгольд» с новой лекцией: «Побежден ли Спартак?» На этот раз он бросил буржуазной черни лозунг: «Немецкая молодежь, на улицы! С оружием кровавого меча!» Это был призыв к варфоломеевской ночи. 8 февраля 1919 г. Штадтлер выступил с такими же призывами перед членами реакционного «Совета немецких офицеров».

Стоявшими за ним кругами было тогда же решено, что физический террор должен сопровождаться беснощадным штрейкбрехерством. В феврале 1919 г. в Берлине вспыхнула массовая забастовка, на несколько дней парализовавшая экономическую жизнь в столице. Правительство ответило созданием полувоенной штрейк-

¹ Gumbel E. J. 4 Jahre politischer Mord. Berlin, 1922, S. 16.

брехерской организации. Оказалось, что дело поручалось той же офицерской группе, которая организовала убийство Либкнехта и Люксембург и главным политическим советником которой был Рехберг. Руководителем организации, называвшейся сначала «Техническими отделениями», а затем «Тено» («Техпомощь»), был назначен офицер Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса Луммитш; почти весь руководящий персонал укомплектован из офицеров того же корпуса или бригады Эрхардта. Какое-то отношение к «Тено» имел, по-видимому, и сам Рехберг. Хотя формально штрейкбрехерская банда Луммитша находилась под контролем правительства, финансировалась государственной казной и действовала сообща с рейхсвером и полицией, фактически за ее ширмой стояли все те же организаторы антикоммунистического террора¹.

И все-таки, несмотря на все провокации, революционное рабочее движение в Германии продолжало жить и набирать силу. В своих воспоминаниях Штадтлер подтверждает, что после январских террористических актов он намеревался идти дальше². «Антибольшевистская лига» и ее союзники рассчитывали довести дело до установления в Германии чисто фашистской диктатуры с Людендорфом или тем же Гофманом во главе и Стиннесом за ширмой. Сам Штадтлер, видимо, надеялся стать рейхсканцлером. Ничего необычного в таких планах этот палач-авантюрист не видел и был прав; 14 лет спустя это доказал Гитлер. Несомненно, во всяком случае, что именно Штадтлер первым в Германии, еще до Гитлера, бросил лозунг «национал-социализма». 28 ноября 1918 г., выступая на собрании «Совета бюргеров», он назвал «национальный социализм» «спасительной идеей». Нацистская партия была основана в Баварии лишь в январе 1919 г., и фюрером ее Гитлер стал в 1921 г. Антикоммунизм указывал дорогу фашизму. Штадтлер действительно попытался побудить Стиннеса, Пабста, главу «Совета бюргеров» С. Маркса и других ведущих контрреволюционеров совершить тогда же, в 1919 г., государственный переворот, свергнуть правительство и объявить фашистскую «национальную диктатуру». Профессиональные антикоммунисты уже видели себя у кормила власти в Берлине.

¹ Teno. Die Technische Nothilfe als Klassenwaffe der Bourgeoisie gegen das Proletariat. Berlin, 1923, S. 19—20 (далее: Тено).

Позднее, к началу 20-х годов, «Тено» выросла в крупную организацию, насчитывавшую 120 тыс. членов, преимущественно студентов, отставных офицеров и обывателей из правого лагеря.

² Даже еще в мае 1922 г. один из единомышленников Штадтлера, Ом-Алленштейн, заявил в собрании своих сторонников: «Мы должны иметь смелость устроить варфоломеевскую ночь...» (*Fröhlich P. Wider den weissen Mord. Berlin, 1922, S. 4*).

Но германской буржуазии тогда еще не было расчета идти по этому пути. Вожди спартаковцев были уничтожены, компартия загнана в подполье, рабочие и солдаты удалены с улиц, правые социал-демократические министры делали все, что требовалось военщине и монархистам. Правящий класс снова почувствовал себя крепко в седле и пока не нуждался в фашистском перевороте. Поэтому профессиональным антикоммунистам поручалось вести дело на иной манер.

По решению концернов, финансировавших «Антибольшевистскую лигу», она была реорганизована; надо было замечать следы. Несмотря на противодействие Стиннеса, Штадтлера на посту руководителя лиги сменил другой, менее дискредитированный человек (пастор Шильбах), и эта организация, хотя и оставлена в резерве, перестала быть активным боевым штабом профессиональных антикоммунистов в Германии; ей поручались другие грязные дела. Как мы увидим, уже в том же 1919 г. Штадтлером, Рехбергом, Гофманом и их сообщниками были созданы новые законспирированные центры.

Несмотря на реорганизацию «Антибольшевистской лиги», белый террор в Германии, как известно, не утихал еще довольно долго. В течение нескольких лет, считая с 1919 г., в стране в ходе одних лишь так называемых индивидуальных террористических актов было убито 354 человека ¹.

Бригада Эрхардта, сообщника Рехберга и Штадтлера, была преобразована в тайную организацию «Консул», истреблявшую уже не только левых, но и видных либеральных буржуазных деятелей. По приказу Эрхардта были убиты известный католический деятель М. Эрцбергер, подписавший Версальский договор, министр иностранных дел В. Ратенау, заключивший Раппальский договор с Советской Республикой, и многие другие. Другая террористическая организация, «Оргеш», возглавлялась баварским монархистом Эшерихом, также «знакомым» Рехберга. К руководству «Оргеша» принадлежал Штадтлер. Впоследствии все эти банды и тайные общества влились в гитлеровскую партию и включились в ядро СС. Но еще раньше профессиональные антикоммунисты в Германии заключили союз с лигой Рейли — Обера.

История берлинской «Антибольшевистской лиги» раскрывает многое. Становится ясно, например, что убийство Либкнехта и Люксембург в январе 1919 г., так же как убийство Воровского в Швейцарии в 1923 г. или фальсификация «письма Коминтерна» в 1924 г., не было отдельным, изолированным актом. Во всех трех случаях, как и в ряде других, речь идет о запланированных операциях определенных тайных организаций, созданных профессио-

¹ Hirsch K. Die Blutlinie. Frankfurt-am-Main, 1960, S. 48.

нальными антикоммунистами. В организациях этих после первой мировой войны действовали самые бешеные черносотенцы, самые ярые контрреволюционные личности, самые зловещие антисоветские политики, которыми руководили из-за кулис крупнейшие финансисты капиталистического мира.

Миллионеры и биржевики объединялись со шпионами и садистами, с проходимцами и уголовными преступниками. Одно и то же происходило в Германии, во Франции, в Англии, Соединенных Штатах и множестве других стран. Но нужно отметить, что в Германии профессиональные антикоммунисты действовали с особым зверством и особой методичностью. Именно здесь был дан пример «боевым» антикоммунистам других стран.

Все эти факты относятся как будто скорее к истории германской контрреволюции после первой мировой войны, чем к организации профессиональных антикоммунистов. Но только после ознакомления с ними становится ясно, из каких корней вырос германский филиал международной антикоммунистической организации.

Убийцы Либкнехта и Люксембург были кровью от крови и плотью от плоти убийц Воровского и тех, кто в 1918 г. замыслил убийство Ленина. Вот почему сговор между теми и другими, последовавший в 1925 г. в рамках лиги Обера, стал закономерным. Появление на германской сцене того времени такого бешеного профессионального антикоммуниста, как Штадтлер, было не случайно.

После второй мировой войны метод создания специальных антикоммунистических организаций внутри рабочего движения был применен профессиональными антикоммунистами в широком международном масштабе, в частности в США, в Англии и в рамках международного профсоюзного движения. Особенно далеко в этом направлении пошли американцы. В 20-х годах пальма первенства оставалась у германских «специалистов».

История общества «Строительство и становление» показала и то, как методически работали эти силы в Германии. Они старались проникнуть и закрепиться повсюду. На одном участке политической сцены они сплетались с монархической военщиной, с правыми партиями, с дворцовой кликой Гинденбурга, с фашистами. На другом — наводили мосты к крайне правым социал-демократам. Цель и тут и там была одна: нанести смертельный удар революционному рабочему движению.

Глава десятая

ФИЛИАЛ ГЕНЕРАЛА ГОФМАНА

1

Формально германский «национальный центр» лиги Обера был создан только во второй половине 1924 г. — через пять с половиной лет после убийства Либкнехта и Люксембург. На первой международной конференции лиги, проходившей в Париже в июне 1924 г., немецкие профессиональные антикоммунисты еще не были представлены; Обер сообщил, что для создания германского центра принимаются меры. На второй конференции в Женеве в мае 1925 г. посланцы этого филиала уже присутствовали.

Есть веские основания полагать, что пачало таким контактам было положено еще в 1918 г., вскоре после того, как вслед за заключением Брестского мира банкир Гельферих явился в Москву послом кайзеровского правительства. Гельферих, один из руководителей влиятельного «Немецкого банка» и вдохновитель шумевшего проекта постройки железной дороги Берлин — Багдад, был с давних пор близок к германской разведке. Впоследствии он вместе с Гутенбергом стал лидером правой «Германской национальной народной партии», стремившейся свергнуть Веймарскую республику и восстановить монархию.

Как много лет спустя сообщил Штадтлер, летом 1918 г. Гельферих, так же как и он сам, был за то, чтобы без промедления «прикончить большевистский режим». По этому вопросу Гельферих столкнулся с той группировкой в германском министерстве иностранных дел, которая склонялась к сохранению мирных отношений с Советской Республикой. Как уже отмечалось, заодно с послом рейха был генерал Макс Гофман, занимавший до Брестского мира пост начальника штаба германских войск на русско-германском фронте. После заключения мира Гофман стал делать все, чтобы как можно быстрее довести дело до разрыва с Советским правительством и начать «молниеносный поход» на Москву. Войска кайзера, как известно, подошли тогда к Пскову, продвигаясь в направлении к Петрограду. Цель Гофмана и Гельфериха заключалась в том, чтобы после захвата Москвы и «уничтожения коммунизма» восстановить царскую монархию, но уже под эгидой Германии.

С этой целью как Гельферих, так и Гофман тогда же наладили связи с русскими монархистами в Москве и Петрограде. У Гофмана, как он потом рассказал, был установлен контакт с полковником Дурново, зятем находившегося в Петрограде великого князя Павла Александровича — дяди Николая II и старшего в семье Романовых. Предполагалось объявить Павла Александровича регентом, хранящим трон для будто бы живого и где-то скрывающегося цесаревича Алексея (сына Николая II). В Петрограде с ведома Павла Александровича уже формировались ударные отряды из царских гвардейских офицеров, которым предписывалось соединиться с наступающими немцами и помочь им захватить Петроград и Москву. Захват Москвы войсками Гофмана намечалось осуществить в течение двух недель.

В Москве нити заговора сходились в германском посольстве. Та же игра велась и оттуда. В своих воспоминаниях Гельферих подтвердил, что завязал в то время отношения с русскими контрреволюционерами, «не раз предупреждавшими» его против политики сотрудничества Германии с Советской Республикой. «Мы не должны были,— писал Гельферих в 1921 г.,— ради большевиков ставить на карту наши отношения с будущей Россией» (то есть, по их замыслу, с восстановленной царской монархией.— Э. Г.). Его контакт с монархистами в Москве поддерживался, по-видимому, как через советников посольства Рицлера, так и через «заведующего отделом печати» посольства Штадтлера — человека, несколько месяцев спустя основавшего в Берлине «Антибольшевистскую лигу».

Известно, что уже в марте 1918 г., в дни подписания Брестского мира, в Москве возникла подпольная монархическая организация под названием «Правый центр» (первоначально «Девятка»). Участниками были старые царские сановники, миллионеры из нелегального «Торгово-промышленного комитета» и в первое время также правые кадеты. Во главе стояли бывший товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко и бывший «главноуправляющий земледелием» А. В. Кривошеин, к тому времени глава правления богатейшей московской фирмы «Товарищество Морозов и К^о». И тот и другой были в свое время ближайшими сотрудниками Столыпина и после Октября считались в лагере контрреволюции самыми правыми из правых, сторонниками поголовного истребления коммунистов.

К «центру» примыкала законспирированная офицерская организация, члены которой гнездились в различных штабах и учреждениях Красной Армии². Черносотенцы вели дело к тому, что-

¹ Из воспоминаний Ф. Гельфериха. Петроград, 1922, с. 16.

² Софинов П. Г. Очерки истории Всероссийской Чрезвычайной Комиссии (1917—1922 гг.). М., 1960, с. 58—59.

бы в момент нападения немцев на Москву устроить переворот, захватить столицу и начать резню коммунистов. Как рассказал потом главарь белогвардейской «Западной армии» Бермондт-Авалов, организация «намеревалась обратиться к германской армии (то есть к тому же Гофману.— Э. Г.), чтобы просить ее о помощи при восстановлении порядка в России». Даже кадеты, предвидевшие крушение кайзеровского рейха и ставившие поэтому не на Германию, а на Антанту, были напуганы намерениями московских черносотенцев и еще в мае 1918 г. вышли из «Правого центра».

Хотя сам Штадтлер ничего об этом не пишет, вполне вероятно, что летом 1918 г. он был одним из связанных германского посольства с «Правым центром». В 1924 г. проживавший к тому времени в Берлине В. И. Гурко рассказал, что помимо советника при Гельферихе Рицлера «были и другие посредники» между германским посольством и «Правым центром».

Кривошеин и Гурко сами не принадлежали к царской охране. Но это были высокопоставленные сановники, годами имевшие с ней дело и формально стоявшие даже над ней. Бежавший после провала заговора правых на юг Кривошеин в 1920 г. возглавил врангелевское «правительство» и, таким образом, находился в непосредственном контакте с Климовичем и его агентурой. Гурко в 1923 г. стал одним из сообщников убийц Воровского и во время их процесса в Лозанне тесно сотрудничал с Обером и тем же Климовичем. Напомним, что находившийся в 1918 г. в Петрограде агент деникинской, а ранее царской охраны Орлов был также связан с германской разведкой через ее резидента в этом городе — Бартельса.

Штадтлер, таким образом, начал с того же, с чего начинали профессиональные антикоммунисты во всех странах капиталистического мира. Первыми союзниками берлинской «Антибольшевистской лиги» были царские сановники и белогвардейские охранники. Само собой разумеется, что безоговорочной прогерманской ориентации данное крыло русских монархистов придерживалось только до разгрома кайзеровского рейха в ноябре 1918 г. Но и тех нескольких месяцев, когда Штадтлер работал в германском посольстве в Москве, было для него достаточно. Антикоммунистические «аргументы», приводившиеся им позднее в Германии, разительно напоминали «доводы» прошедших через горнило революции белогвардейцев.

Тяготение этих сил друг к другу, несмотря на поражение Германии, вскоре же подтвердилось тем, что почти все старые лидеры русских монархистов после конца гражданской войны в России в отличие от кадетов и эсеров оказались в Германии. Берлин и Мюнхен были в 20-х годах переполнены этими людьми. Среди них

фигурировали, например, такие лица, как тот же Гурко, бывший начальник петроградской охранки и личный друг Климовича генерал Глобачев, старый главарь черносотенцев Марков 2-й, «милостью» генерала Гофмана бывший «гетман Украины» Скоропадский, бывший «генеральный хорунжий Украины» генерал Бискупский, старый жандармский генерал Курлов, родственник Романовых, бывший ординарец при врангелевском генерале Слащеве герцог Лейхтенбергский, бывший командующий белогвардейскими бандитскими отрядами в Прибалтике, авантюрист, немецкий агент «князь» Бермондт-Авалов и множество других.

Все эти зубры русской контрреволюции, съехавшиеся большей частью в Баварии, жили одной мыслью: мстить коммунистам, мстить где бы то ни было, если не в России, так в любой другой стране, и прежде всего в Германии. Правее их в белой эмиграции не было никого. Иначе говоря, дружба германских и русских антикоммунистов, по существу, не прерывалась и после войны. Известно, что в 1920 г., например, белогвардейцы в Берлине были на стороне заговорщиков, организовавших капповский путч, и что после провала этого путча тогдашнее германское правительство даже закрыло их газету «Призыв».

Все это указывает на то, что Кривошеин, Гурко, Орлов, Глобачев и их сообщники и были теми фигурами, которые в первые годы после Октябрьской революции активно сотрудничали с Штадтлером и «Антибольшевистской лигой», затем продолжали связывать германских профессиональных антикоммунистов с врангелевской агентурой и, наконец, оказали помощь лиге Обера при оформлении немецкого филиала международной антикоммунистической организации.

К ним надо добавить и самого Обера.

Судя по ряду фактов, Обер по собственной инициативе связался с германскими контрреволюционерами еще за несколько лет до создания женеvской лиги. Особенно же примечательно то, что связи эти вели к той же самой банде террористов и военных заговорщиков в Берлине, которая группировалась вокруг «Антибольшевистской лиги», штаба Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса, круга Гофмана — Рехберга и бригады Эрхардта.

В декабре 1918 г., когда в Берлине начались столкновения между военщиной и революционным народом и когда Штадтлер уже стал готовить убийство Либкнехта и Люксембург, Обер появился в германской столице под видом уполномоченного Международного Красного Креста¹ якобы для переговоров с германскими властями. В действительности его приезд преследовал другие цели.

¹ Schweizerisches Zeitgenossen-Lexikon. Bern, 1921, S. 19.

За месяц до этого в Швейцарии по его инициативе была основана боевая штрейкбрехерская организация «Гражданский союз», ударившая в спину рабочим во время всеобщей стачки в ноябре 1918 г.¹ Обер стал также руководителем антикоммунистического союза «Швейцарская патриотическая ассоциация». Бежавшие в Швейцарию русские белогвардейцы — будущие участники убийства Воровского — находились под его же опекой. Совершенно очевидно, что в Берлине женеvский адвокат намеревался установить контакт с немецкими единомышленниками с целью координации действий против революционного рабочего движения. За спиной Обера кроме русских белогвардейцев стояли швейцарские дельцы, потрясенные всеобщей стачкой, и в Берлин он, по всей вероятности, явился не без рекомендаций от этих кругов.

С кем встретился Обер в Берлине? Штадтлер в своей книге его не называет, как вообще ничего не говорит о международных связях своей «Антибольшевистской лиги» (помимо упоминания мимходом о ее филиале в Копенгагене). Весьма вероятно, однако, что Обер свиделся с Штадтлером и с опекавшим Штадтлера руководителем «Совета бюргеров» биржевиком С. Марксом. Поскольку целью его приезда было завязывание контактов для того, что основанной антирабочей организации в Швейцарии, Штадтлер, глава берлинской «Антибольшевистской лиги», был явно одним из первых, к кому он должен был обратиться. В распоряжении Штадтлера к тому времени уже были средства, предоставленные ему «Советом бюргеров». Сам Штадтлер, непрерывно подчеркивавший, что большевизм представляет «мировую» опасность, был несомненно не менее заинтересован в международных контактах такого рода. То же можно сказать о С. Марксе, как и о Гофмане и Рехберге, которые уже начинали носиться с планом сколачивания международной коалиции против Советской Республики.

Так или иначе, зимой 1918 г. Обер мог своими глазами наблюдать в Берлине, как контрреволюционная военщина расправлялась с рабочими и как готовились к террору только что появившиеся на поверхности профессиональные антикоммунисты. Надо думать, он с жадностью впитал в себя этот опыт. Мало того. Многие говорят за то, что именно германские антикоммунисты были первыми в Западной Европе, кто поддержал идею создания международного антикоммунистического объединения. Террористы понимали террористов.

Факты подтверждают, что и впоследствии решающее влияние на Обера оказывали германские антикоммунисты, преподавшие ему столь наглядный пример белого террора. В частности, особен-

¹ См. главу 9.

но влиял на него генерал Гофман¹. Во всяком случае, уже спустя несколько месяцев после поездки Обера в Берлин его связи с этими кругами были закреплены.

Летом и осенью 1923 г. факт сотрудничества между профессиональными антикоммунистами в Германии, агентурной сетью Климовича и Обера подтвердился заново, на этот раз документально. Обер, ставший к тому времени официальным защитником Полунина, убийцы Воровского, начал тогда в сговоре с Климовичем по всей Европе лихорадочную кампанию по сбору «материалов для защиты», фактически же — для шумной антисоветской кампании. Следуя директивам из Женевы и Белграда, русские белогвардейцы и профессиональные антикоммунисты в разных странах бросили все свои силы на это дело. Спешным порядком подделывались данные о «тайной работе Коминтерна», изготовлялись фальшивки о «советских заговорах», нанимались «очевидцы» с готовыми показаниями о «большевистских зверствах». В распоряжении Обера был фонд, собранный некими покровителями для оплаты расходов по процессу. Как потом выяснилось, большую часть нужных ему материалов Обер получил из Германии. Кому в Германии было поручено это дело?

21 октября 1923 г. газета русских эмигрантов-сменовеховцев в Берлине «Накануне» опубликовала попавший к ней документ под названием «Таблица состояния работы по выполнению программы». Речь шла о программе сбора антибольшевистских материалов для передачи Оберу. Указывались поставщики в десятки стран. По первому и самому важному пункту «Террор» в «Таблице» отмечалось: «Материал будет доставлен Лигой защиты немецкой культуры через Флора».

Это была та же организация, которая в ноябре 1918 г. была основана Штадтлером под названием «Антибольшевистская лига», а с марта 1919 г. продолжала существовать под новой вывеской. Хотя Штадтлер ею уже не руководил и террор уже не входил в число ее прямых заданий, «Лига защиты немецкой культуры» функционировала в качестве резервной и пропагандистской организации профессиональных антикоммунистов. Ее отделения по-прежнему действовали в 300 городах. Именно этой организации, как теперь выяснялось, и была поручена главная часть работы по сбору фальшивок для лиги Обера. Связным между ней и ним служил все тот же Орлов.

¹ Характерно, что западногерманский биограф Рехберга фон Вич молчит о связях Рехберга и Гофмана с Обером, хотя в его руках находился личный архив Рехберга, а в пределах досягаемости для него — личный архив Гофмана. Книга фон Вича вообще не менее интересна тем, о чем она умалчивает, чем тем, о чем говорит. Приведенные в ней отрывки из некоторых писем Рехберга все же представляют собой любопытный материал.

Факт этот весьма знаменателен. Здесь — бесспорное доказательство того, что завязанные еще в 1918 г. в Москве связи германских и белогвардейских профессиональных антикоммунистов после этого не только не оборвались, а, напротив, были закреплены. «Само освобождение России от большевистской диктатуры жизненно важно и для нас», — писал орган «Лиги защиты немецкой культуры» в марте 1921 г. Действительно, политическая программа белоэмигрантских и германских антикоммунистов была одна и та же. В основном она сводилась к трем пунктам: новая вооруженная интервенция против Советской Республики, восстановление царской монархии, сопровождающееся небывалой резней советских людей, и антикоммунистический террор во всем остальном мире. Во главе же этого блока в 20-х годах продолжал стоять тот же человек, который покровительствовал ему с самого начала: генерал Макс Гофман.

Многие из наиболее видных белогвардейцев, особенно военных, были ставленниками Гофмана или так или иначе сотрудничали с ним еще во время гражданской войны в России и германской оккупации Украины. Так, Скоропадский был в 1918 г. сделан «гетманом Украины» по решению генерала Гофмана. Связи Гофмана с кликой Скоропадского были настолько тесны, что в белогвардейских кругах поговаривали: «Создал Украину (гетманскую. — Э. Г.) генерал Гофман»¹. Генерал Бискупский (позднее один из участников подготовки убийства Воровского) был подчиненным Скоропадского. После его бегства в Германию штаб Гофмана поручил ему сформировать из заключенных в немецких лагерях русских военнопленных отряды в помощь белогвардейским войскам². Бермондт-Авалов, командовавший в 1919 г. белыми бандами в Прибалтике, был также обязан своей карьерой германскому командованию на фронте и оставался слугой того же штаба. В отрядах Бермондта-Авалова нашел, между прочим, убежище один из убийц Розы Люксембург — лейтенант Круль из банды Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса. Уже после смерти Гофмана было установлено, что Бермондт-Авалов даже ссужал Гофмана деньгами на поездки за границу³ (в том числе как раз по делам лиги Обера). К клеветам Гофмана принадлежал и герцог Лейхтенбергский⁴, пасынок великого князя Н. Н. Романова, формировавший в 1918 г. «южную армию» белых на Украине.

¹ *Rimscha H.* Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration. Jena, 1924, S. 80.

² *Vorwärts*, 2.VI 1926.

³ *Berliner Tageblatt*, 7.I 1930.

⁴ Осведомительное сообщение бывшего царского дипломата Саблина бывшему послу Гирсу от 23.IX 1926. (См. *Правда*, 1927, 18 ноября).

После войны дружба Гофмана с белогвардейцами еще более укрепилась. Есть даже данные о том, что Гофман однажды в баварском замке герцога Лейхтенбергского имел личную встречу с самим Врангелем. Все эти отношения объяснялись, с одной стороны, тем, что контрреволюционная военщина в Германии первой переняла и даже усовершенствовала опыт деникинцев и врангелевцев по части белого террора, с другой стороны — тем, что белогвардейцы, продолжавшие мечтать о «крестовом походе», и теперь возлагали на нее особые надежды.

Они же поддерживали отношения и с ближайшим доверенным человеком Гофмана Рехбергом, снабжавшим некоторых из них деньгами. Много позже, в марте 1929 г., при раскрытии берлинской лаборатории антикоммунистических фальшивок сотрудника Орлова Гуманского, обнаружилось, что он выполнял поручения Рехберга, поставляя ему, так же как «Союзу немецких предпринимателей», подложные «документы» о Коммунистическом Интернационале. Этим дело не ограничивалось. Еще 15 сентября 1919 г. Рехберг в письме к одному из своих приближенных сообщал, что «весьма влиятельные антибольшевистские русские» осведомлены об его тайных переговорах с англичанами и французами о создании антибольшевистского блока и согласны с его планом¹. Гофману и Рехбергу белогвардейцы в Германии верили больше, чем Черчиллю или Клемансо. «Интернационализация» профессионального антикоммунизма не представляла особых затруднений.

В Германии в то время знали о непрерывной антисоветской и антикоммунистической кампании, проводившейся генералом Гофманом, но в общественных кругах обычно полагали, что он действует в одиночку. Это было неверно. Начиная с 1924 г. Гофман стоял во главе уже оформленной в Мюнхене тайной организации, сведения о которой просочились в печать только пять лет спустя. Это и был германский «национальный центр» «Международной лиги борьбы против III Интернационала» — тот центр, создание которого явилось результатом сговора убийц Либкнехта и Люксембург с убийцами Воровского.

Следы принадлежности Гофмана к этой организации были тщательно замечены. Несомненно, однако, что Гофман присутствовал на одной или двух международных конференциях женевской лиги. Во время этих конференций он совместно с Локером-Лампсоном и Детердингом обсуждал планы новых антисоветских заговоров. Он же участвовал в предпринятой мюнхенским филиалом лиги Обера «операции» по подделке советских червонцев в 1926—1927 гг. Показания, данные на процессе по этому делу в Берлине в январе

¹ Vietsch E. Op. cit., S. 183—184.

1930 г., сходились на том, что в Мюнхене в течение ряда лет существовала «организация, созданная генералом Гофманом и им возглавлявшаяся»¹.

2

Германский филиал лиги Обера был окончательно сформирован в 1924 г. Присутствовавший на второй конференции лиги в мае 1925 г. представитель этого филиала выступил с речью, в которой показал, что вполне понимает, чего хотят от него и его сообщников в Германии руководители международной антикоммунистической организации. Он сказал:

«Цель лиги — поднять все страны против большевиков. Эта идея должна исходить от частной организации, так как если бы она исходила от какого-либо государства, то его можно было бы заподозрить в том, что оно преследует свои собственные интересы. Следовало бы создать международную полицию, хорошо бы ввести в действие антикоммунистическое законодательство... Некоторые государства будут крайне довольны, если смогут рассчитывать на поддержку частных организаций, так как... существование частных антибольшевистских групп даст им возможность бороться против советской опасности с помощью этих организаций»².

У власти в Германии в то время находилось правое правительство Г. Лютера, в состав которого входил ряд известных реакционеров. Год спустя орган жевенской лиги «Международное антибольшевистское обозрение» начал выходить на немецком языке.

Местопребыванием германского филиала был Мюнхен. Столица Баварии была выбрана оберовцами не случайно. Мюнхен служил в то время центром самых крайних, наиболее разнузданных сил германской реакции. Здесь действовали не только Гитлер и Людендорф со своими погромными отрядами. В Мюнхене под защитой правоклерикального баварского правительства укрывались штабы так называемых «вольных корпусов» и «боевых союзов» — террористических организаций типа «Оберланд», «Оргеш», «Викинг», созданных германской военщиной для борьбы с рабочим движением и уже насчитывавших в списках своих жертв тысячи людей. В Баварии же укрывалось гнездо русских монархистов, годами связанных с деникинской и врангелевской агентурой; здесь жили Марков 2-й, Скоропадский, Бермондт-Авалов, генерал Бискупский, герцог Лейхтенбергский, черносотенный террорист полковник Винберг. И здесь, наконец, проживали Гофман и Рехберг.

Помимо Гофмана в руководящее ядро мюнхенского филиала входили два лица: его международный разъездной агент Джордж

¹ Berliner Tageblatt, 10.I 1930.

² Известия, 1925, 19 июля.

Белл и некто д-р Вебер, уполномоченный террориста Эрхардта, банда которого к тому времени действовала под названием «Союз Викинг». Главный обвиняемый на берлинском процессе грузинских фальшивомонетчиков, связанных с мюнхенским филиалом лиги Обера, Карумидзе в январе 1930 г. показал: «Силы, которые мы намеревались использовать, были собраны генералом Гоффманом. К политическим группам, заверившим генерала Гоффмана в своем сотрудничестве, принадлежала также группа Белла... (оставленная из немецких патриотов, хорошо осознавших силу большевизма и готовых с ним бороться)». Вебер на процессе заявил, что намечалось широкое привлечение в центр Гоффмана антибольшевистских деятелей. Эрхардт, вызванный по тому же делу в качестве свидетеля (несмотря на десятки политических убийств, совершенных по его приказу в первые годы Веймарской республики, он оставался на свободе), по наиболее существенным вопросам дать показания отказался. Гоффмана к моменту процесса уже не было в живых.

Хотя о том, что Гоффман и Эрхардт представляли в Германии лигу Обера, на процессе не упоминалось, факт этот может считаться полностью удостоверенным. «Чем больше идет процесс,— писала в те дни берлинская белоэмигрантская газета «Руль»,— тем становится все яснее, что «дело о подделанных червонцах» является лишь незначительным эпизодом в антибольшевистской борьбе многих организаций, представители которых попали на скамью подсудимых. Антибольшевистские центры разбросаны по всей Европе. Подсудимый Шмидт (один из участников мюнхенского центра.— *Э. Г.*) почти непрерывно разъезжал по Европе, раздобывал средства, налаживал антибольшевистское движение». Белл, сообщала газета «Руль» на следующий день, был послан в Болгарию, чтобы участвовать «в большой работе по созданию «антибольшевистской лиги Черного моря». Совещание германских антикоммунистов с «ведущими английскими и итальянскими политиками» по вопросу о подготовке восстания в Грузии в начале 1928 г. происходило в Женеве — городе Обера.

Международная, а не только антисоветская направленность антикоммунистических мероприятий Гоффмана вытекала почти из каждого допроса на суде. Подчеркивая, что он был заинтересован не только в вооруженной интервенции в Грузии, но и в «борьбе с мировым большевизмом», обвиняемый Карумидзе заявил: «Мы хотели в первую очередь бороться с германским коммунизмом, этим авангардом в борьбе Советов с Западной Европой». Эрхардт показал: «Генерал Гоффман считал, что с коммунизмом в Германии можно справиться, только свергнув Советскую власть». Как обнаружилось в ходе судебного разбирательства, из денег, вырученных от сбыта поддельных червонцев, крупная сумма предназначалась

для террориста Эрхардта, чтобы «параллельно с борьбой против большевиков в России повести аналогичную борьбу с немецкими коммунистами».

Подробности операций мюнхенского центра лиги Обера выяснились на берлинском процессе все же только частично. Все решения принимались Гофманом и Эрхардтом. Их непосредственный помощник Вебер начал свою карьеру в 1919 г. участием в расправах со сторонниками Баварской советской республики в Мюнхене и с рабочими в Рурской области. «Большевизм должен быть уничтожен», — торжественно заявил перед судом этот палач и фальшивомонетчик¹. Сотрудник организации нюрнбергский фабрикант Шмидт также участвовал в убийствах, совершенных в Баварии одним из контрреволюционных «вольных корпусов».

Еще более колоритной была фигура помощника Гофмана — Джорджа Белла. Оказалось, что этот полунемец, полуангличанин — незаурядный профессиональный шпион, работавший во время первой мировой войны для немецкой разведки в Турции², а затем — для английской разведки на Ближнем Востоке³. Как правило, он работал на несколько разведок сразу, продавая одной секреты другой. После войны он, продолжая свое старое дело, занялся «антибольшевистской политикой», став чем-то вроде международного курьера при Гофмане, Рехберге и Эрхардте. В частности, Белл специализировался на контактах с магнатами большого бизнеса, например с Детердингом, для которого выполнял темные поручения. В то же время Белл слыл своим человеком среди белоэмигрантов в Германии и других странах. В 1924 г. он, по некоторым данным, имел какое-то отношение к подлогу «письма Коминтерна». На суде в Берлине в 1930 г. Белл подтвердил, что в 1930 г. по поручению мюнхенского центра нелегально ездил на Кавказ. В то время едва ли было такое грязное международное антисоветское дело, в котором этот двойной или тройной шпион не был бы так или иначе замешан.

Как выяснилось впоследствии, Белл служил связным не только между Гофманом и Детердингом, но и между Гитлером и Детердингом. Через его посредство английский нефтяной магнат еще в 20-х годах передал фюреру немалую по тем временам сумму — четыре миллиона гульденов. Работая для Гофмана и Эрхардта, Белл в то же время был близок к внешнеполитическому советнику Гитлера Розенбергу и начальнику нацистских штурмовых отрядов Рему. Через три года после берлинского процесса фальшивомо-

¹ Vorwärts, 8.I 1930.

² Ibidem.

³ Berliner Tageblatt (Abendausgabe), 13.I 1930. Roberts S. Op. cit., p. 311.

нетчиков Белл был убит в Австрии нацистами, опасавшимися разоблачений с его стороны о прошлом их партии.

В этой связи стоит отметить, что профессиональные антикоммунисты в Германии с самого начала вообще всячески заигрывали с нацистами, пытаясь подчинить их своему влиянию, как и всех реакционеров в стране. Этим занимался, например, доверенный человек Гофмана Рехберг, финансировавший газету Гитлера «Фёлькишер беобахтер» в первые годы ее издания. Статьи Рехберга, призывавшие к «крестовому походу» на восток, печатались в то время в этой газете. Впоследствии Розенберг в прикрытой форме предлагал мюнхенскому центру лиги Обера договориться с нацистами, но ставил условие, чтобы профессиональные антикоммунисты открыто стали на сторону антисемитизма. Парижский орган лиги ответил Розенбергу на это: «Мы заверяем его, что нам в этом не помешают никакие препятствия». Известно также, что Рехберг вместе с германским принцем Сальватором Изенбургом помогал нацистам добывать деньги во Франции.

Бесспорно, что Гофман вначале определенно рассчитывал на гитлеровцев как на союзников при расправе с коммунистами в Германии. Фашизм, будь то военно-террористического, расистского или любого другого толка, считался гофманской группой, как и Штадтлером, с первых же дней их главной политической опорой. Отсюда профессиональные антикоммунисты черпали свою «идеологию», отсюда комплектовали свои кадры, на фашизм возлагали свои главные надежды. Вся концепция Гофмана была чисто фашистской. Он расходился с Гитлером и Людендорфом только в одном: в краеугольном вопросе фашистской тактики.

Гитлер и Людендорф считали в 20-х годах, что немецкий фашизм может действовать без предварительного сговора с державами Запада, навязавшими Германии Версальский мир, и должен без промедления идти напролом. Гофман и Рехберг настаивали на том, что прежде всего необходимо вовлечь Англию и Францию в войну против СССР под фактическим руководством Германии и лишь потом, сняв маску, устроить контрреволюционный переворот в самой Германии. Только победоносная война на востоке, в результате которой Германия вновь стала бы сильнейшей из всех держав, могла, по их расчетам, развязать руки немецкому фашизму. Гофман, как Рейли и Обер, ставил, таким образом, международную антикоммунистическую стратегию *перед* внутренней политической фашизма.

Довольно отчетливо выразил эту позицию помощник Гофмана Рехберг в письме к Людендорфу, написанном через несколько недель после провала «пивного путча» Гитлера в ноябре 1923 г. Втолковывая Людендорфу, что Гитлер своими действиями отпугивает Антанту, тогда как «наша политика была концентрически

направлена против Москвы», Рехберг писал, цитируя одну из своих статей: «Возглавленное национал-социалистами и их фюрером Гитлером движение в Баварии могло бы удержаться лишь на самое короткое время. Оно встретило бы сплоченное сопротивление со стороны Антанты, которую Гитлер в своих выступлениях часто раздражал... Но падение правительства Гитлера, чего можно было бы вскоре ожидать, толкнуло бы в пропасть все антибольшевистские силы в Баварии, а может быть, и во всей Германии. Это расчистило бы дорогу для установления советского господства в Германии... Я был некоторым образом среди тех, кто давал за ваше превосходительство политическую гарантию, и мне пришлось взять эти гарантии назад, когда ваше превосходительство пошло по пути, идти по которому я не могу. Таким образом, я слагаю с себя всякую ответственность за мюнхенские события и делаю это тем более, что всего за несколько дней до путча Гитлера я вновь и в срочном порядке предостерегал ваше превосходительство. Очень горько, что дело должно было дойти до этого»¹.

Гофман был так взбешен Гитлером и Людендорфом за их преждевременный путч, что в беседе с английским послом в Берлине отозвался о них самым непочтительным образом: он заявил, что у Людендорфа «голова пошла кругом». Эрхардт тогда же открыто выступил против нацистов. Заговоры Гитлера в то время срывали тщательно подготовленные планы военно-фашистских сил в окружении самого Гофмана, действовавшего в сговоре с influentialными антикоммунистическими группировками в Англии и во Франции. Но все эти разногласия касались только тактики и выбора времени для удара. В конечном итоге Гофман стремился к тому же, что и Гитлер. Через антикоммунизм наместник лиги Обера в Германии решительно шел к фашизму, но своей дорогой.

Как высоко Гофман в то время оценивал свое влияние на фашистско-террористический лагерь в Германии, видно из слов, сказанных им в феврале 1924 г. в частной беседе с английским послом в Берлине лордом д'Аберноном. Если бы, заявил Гофман послу, он, Гофман, в ноябре 1923 г. оказался бы в Мюнхене на неделю раньше, то провалившегося «пивного путча» Гитлера и Людендорфа не произошло бы. С послами Гофман откровенничал, но для общест-венности до поры до времени предпочитал оставаться в тени. В первые послевоенные годы Гитлер все же был «щенком» по сравнению с такими генералами, как Людендорф и Гофман. Неудивительно, что бывший начальник штаба германских войск на русском фронте считался в лиге Обера идеальным союзником.

При всем том было бы ошибочно полагать, что мюнхенский филиал международного союза антикоммунистов опирался только

¹ Vietsch E. Op. cit., S. 200.

на военно-фашистские и расистско-фашистские организации. От Гофмана, Рехберга и Эрхардта тянулись нити во все стороны. На берлинском процессе фальшивомонетчиков в январе 1930 г. выявились связи их центра с полицией и с некоторыми генералами рейхсвера. Сообщник Гофмана и Эрхардта Вебер показал, что передавал информацию о коммунистах Мюнхенскому полицейскому управлению¹. Вызванный в качестве свидетеля полицейский инспектор Дейрингер невозмутимо подтвердил, что начальник мюнхенской политической полиции Бауэр «помогал» Веберу². Белл заявил, что мюнхенский центр был достаточно хорошо осведомлен, чтобы «с успехом информировать министерство иностранных дел».

В Мюнхене происходило то же, что в Лондоне, Нью-Йорке или в Париже: профессиональные антикоммунисты обслуживали полицию, а полиция их покрывала. Охота за коммунистами велась сообща. В Мюнхене полиция была в руках ультраправых баварских клерикалов. В Берлине во главе ее в это время по-прежнему стояли правые социал-демократы. Но и тут наблюдались такие же явления. В немецких газетах прямо сообщалось о сотрудничестве берлинской полиции с антикоммунистическими фальсификаторами из числа агентов Обера.

Связи с рейхсвером маскировались более тщательно. На процессе в Берлине были названы имена двух генералов, командовавших в то или иное время рейхсвером в Баварии и сносившихся с мюнхенским центром Гофмана: фон Лоссова и Кресса фон Крессенштейна. Оба в 1918 г. принимали участие в германских авантюрах на Кавказе и оба затем участвовали в расправе с революционным рабочим движением в Баварии. Ни тот, ни другой не были вызваны в качестве свидетелей³.

Попытки Гофмана перетянуть на свою сторону верхушку рейхсвера успеха все же не имели. В основном его поддерживала та часть старой немецкой военщины, которая играла главную роль в контрреволюционных заговорах в первые послевоенные годы, а затем, оказавшись не у дел, попыталась организовать фронт против нового главы рейхсвера Секта. На стороне Гофмана стояли, в частности, генералы и офицеры из бывшего окружения немецкого кронпринца, в штабе которого в свое время служил Рехберг. Это были самые махровые и самые авантюристические фигуры старого кайзеровского генералитета, готовые на все, чтобы восстановить Гогенцоллернов на престоле. План антибольше-

¹ Berliner Tageblatt, 8.I 1930.

² Internationale Presse-Korrespondenz, 14.I 1930, S. 68.

³ Rote Fahne. 7.I 1930. Internationale Presse-Korrespondenz 17.I 1930, S. 104. Weltbolschewismus. Berlin, 1936, S. 450—451.

вистского крестового похода был для них связан с проектом восстановления монархии как в России, так и в Германии.

Иначе относились к этому плану в окружении Секта. Немалая часть офицеров, выдвинувшихся в годы Веймарской республики, довольно ясно представляла себе катастрофические последствия войны с Советским Союзом для Германии и в духе старых традиций Бисмарка выступала за нормальные отношения с мощным соседом на Востоке. Сопротивление со стороны этих кругов в конце концов и оказалось одним из главных препятствий к осуществлению безумных проектов Гофмана в 20-х годах. Его сторонники не гнушались никакими средствами, чтобы дискредитировать неудобных им генералов рейхсвера, и даже пытались противопоставить им младших офицеров. Так, в письме Рехберга от 13 марта 1930 г. главному редактору берлинской газеты «Фоссише цейтунг» содержалось такое замечание: «...просоветская политика определенной клики в министерстве рейхсвера самым решительным образом осуждается значительным большинством строевых офицеров рейхсвера»¹. Даже в статье, напечатанной во французской газете «Л'авенир», Рехберг, исходя из тех же побуждений, открыто нападал на руководителей рейхсвера и таких видных немецких военных старшего поколения, как полковник Николай².

Все эти интриги, однако, ни к чему не привели. Гофманской группе не удалось подчинить себе рейхсвер. Несколько лет спустя это удалось Гитлеру.

Необходимо вообще отметить, что дела мюнхенского филиала лиги Обера в 20-х годах, несмотря на все усилия Гофмана, плохо подвигались вперед. Нанести серьезный урон революционному рабочему движению в Германии не удавалось. В марте 1926 г. в женеvском органе лиги «Международное антибольшевистское обозрение» было напечатано сообщение «германского центра», в котором с тревогой указывалось на успехи проводившейся немецкими коммунистами политики единого фронта рабочего движения. Что именно предпринималось профессиональными антикоммунистами в Германии, чтобы противодействовать этим успехам, в сообщении не говорилось. Но «работа» оберовцев, видимо, на лад не шла. Пора индивидуальных террористических актов в рейхе к тому времени уже была пройденной. В условиях относительной экономической и политической стабилизации германского капитализма контрреволюция не могла действовать по-старому и перестраивала свои ряды, постепенно ориентируясь уже на гитлеровскую партию.

¹ Vietsch E. Op. cit., S. 225.

² Documents politiques, diplomatiques et financiers, XII. 1929, p. 665.

Мюнхенский центр продолжал заниматься своими обычными полицейско-провокационными махинациями. С помощью местных белогвардейцев «собиралась», то есть изобреталась и фальсифицировалась, «информация» о деятельности Советской России, кознях «советских агентов» и «пропаганде III Интернационала в стране и за рубежом»¹. Такая «информация» поступала, в частности, от некого Садатиерашвили, секретаря белогвардейца Бермондта-Авалова. Только спустя несколько лет после смерти Гофмана, последовавшей в 1927 г., обнаружилось, что старый кайзеровский генерал готовил авантюры более крупного размаха. Центр тяжести для него все еще лежал в международной антисоветской акции.

В 1926 г. Гофман внезапно появился в Лондоне — как раз в то время, когда там собралась третья тайная конференция лиги Обера. По некоторым сообщениям, ему тогда был предложен пост верховного главы лиги². Произошло совещание Гофмана с Детердингом, на котором Гофман предложил начать новую вооруженную интервенцию против Советского Союза высадкой войск в Ленинграде. Разработка оперативного плана была поручена ему³. 18 февраля 1927 г. в московской «Правде» были опубликованы письма, которыми бывший поверенный в делах правительства Керенского в Лондоне Саблин обменивался со старшиной бывших царских дипломатов Гирсом в Париже. В «осведомительном сообщении» от 23 сентября 1926 г. Саблин докладывал Гирсу, что за несколько месяцев до этого в Лондон в сопровождении двух бывших «грузинских деятелей» приезжал генерал Гофман. Один из спутников Гофмана передал Саблину письмо от герцога Лейхтенбергского, родственника семьи Романовых и командующего одной из контрреволюционных банд на Украине во время гражданской войны. «Генерал Гофман, — сообщал Саблин, — виделся здесь лишь с группой Локера-Лампсона и посетил нескольких финансистов». Цель его поездки заключалась в том, чтобы «найти якобы необходимые ему 200 миллионов фунтов стерлингов». Англичанам, однако, добавлял Саблин, такая сумма показалась «слишком фантастической».

Лица из «группы Локера-Лампсона», о которой упоминал Саблин, были руководителями английского отделения лиги Обера. «Финансистом», с которым встретился Гофман, был Детердинг. В Германии впоследствии много судили и рядили о том, каким образом Гофман познакомился и сблизился с Детердингом. Дело объяснялось просто: их свели Обер и Белл. Первая встреча про-

¹ Berliner Tageblatt, 7.I 1930 (Abendausgabe).

² Documents politiques, diplomatiques et financiers, 1923, p. 827.

³ Rote Fahne, 12.VII 1929.

изошла в Гааге в 1925 г.¹ Одно из показаний на берлинском процессе по делу фальшивых советских червонцев подтверждало, что Гофман ездил в Лондон «в качестве делегата, чтобы побудить тамошние антибольшевистские круги к активным действиям на Кавказе». Среди других участников слета в Лондоне фигурировали депутаты немецкого рейхстага (в том числе друг Рехберга — Кленне²), грузинский белогвардеец, осевший в Париже, Кедия³ и другие. Предложения, представленные Гофманом международному сборищу антикоммунистов, сводились к четырем пунктам: организовать в ближайшее время военный поход против Советского Союза, поднять антисоветское восстание на Кавказе, подорвать советскую экономику массовым распространением фальшивых денег, подделанных в Германии и, наконец, заключить соглашение о совместной эксплуатации захваченных советских территорий Англией и Германией. Предлагалось даже создание смешанных англо-германских синдикатов. В обмен на участие Германии в «оттеснении большевизма» от английских сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке и в Индии запрашивалось согласие Англии на «оттеснение панславизма» в Восточной Европе в интересах Германии.

Это был новейший вариант старого плана, впервые выдвинутого Гофманом, Рехбергом и Шахтом еще в 1919 г. Обсуждению этого плана были посвящены первые два пункта повестки дня лондонской конференции лиги Обера: «Государства Европы и большевизм» и «Интересы Европы на Ближнем Востоке». Сотрудник Гофмана Вебер впоследствии показал, что речь шла о договоре «с официальными и экономическими деятелями Англии, считавшимися видными участниками антибольшевистской борьбы». Другой сообщник Гофмана, Шмидт, сформулировал цель договора следующим образом: «Для Европы было бы гораздо лучше, если бы самая богатая страна, а именно южная Россия (подразумевалась Украина и Кавказ. — Э. Г.), была включена в систему, выравнивающую с остальной Европой. Только тогда можно осуществить оздоровление Европы». Шмидт подчеркнул, что это считалось необходимым и для борьбы с коммунизмом в самой Германии⁴. Как всегда, политические планы антикоммунистов внутри рейха и антисоветские экономические проекты империалистов сливались в одно целое.

На лондонской конференции лиги Обера в 1926 г. было решено создать «фонд действий» под управлением немецких антиком-

¹ Vossische Zeitung, 6.II 1930.

² Documents Politiques et financiers, X. 1929, p. 490.

³ Vossische Zeitung, 4.II 1930.

⁴ Internationale Presse-Korrespondenz, 7.I 1930, S. 17—18, 10.I 1930, S. 52—53.

мунистов и с участием доверенных лиц от их английских партнеров¹. Помимо Детердинга к участию в договоре был привлечен проживавший в Париже нефтяной магнат Нобель (до революции — владелец нефтепромыслов в Баку), переговоры с которым вел агент Гофмана и Бермондта-Авалова Садатиерашвили. Эмиссар мюнхенского центра Белл был послан в Стамбул, чтобы оттуда «содействовать движению на Кавказе», а затем с фальшивым паспортом самому пробраться на Кавказ, где он должен был заняться «военно-техническими приготовлениями для отделения Грузии», а также распространением поддельных советских денег². Фальшивых червонцев предполагалось напечатать на миллиарды рублей. При аресте заговорщиков летом 1927 г. было найдено 12 тыс. кг бумаги для изготовления фальшивых советских банкнот³. Сообщнику Гофмана и Белла Карумидзе для организации этого дела была передана сумма в 50 тыс. долл. На вопрос, от кого были получены эти деньги, Карумидзе на процессе ответить отказался. Он и Садатиерашвили, приговоренные немецким судом к незначительному тюремному заключению, немедленно бежали в Швейцарию. В 1933 г. гитлеровцы пригласили их вернуться в Германию, где их использовали как «экспертов» в аппарате эсэсцев.

Данные о махинациях Гофмана в сговоре с Детердингом, Локером-Лампсоном и Обером кажутся на первый взгляд, как многое в делах этих людей, анекдотичными. Между тем речь идет о фактах, установленных буржуазным судом. На той же лондонской конференции лиги Обера в 1926 г. Гофман, как уже сказано, был назначен на пост главнокомандующего в войне против СССР. По-видимому, заговорщики рассчитывали приурочить нападение на Советский Союз ко времени разрыва Англией дипломатических отношений с СССР, что намечалось на май 1927 г. На французского миллиардера антикоммуниста Кюти и его сообщников возлагалась задача довести дело к этому моменту и до разрыва франко-советских отношений.

24 февраля 1927 г., незадолго до провокационного налета английской полиции на советскую торговую организацию в Лондоне «Аркос», Рехберг писал политическому руководителю рейхсвера генералу Шлейхеру, что вскоре можно ожидать «вооруженного конфликта между Англией и Россией»⁴. Неделию спустя в лондонской газете «Ивнинг стандарт» было опубликовано заявление генерала Гофмана, в котором говорилось: «Я глубоко убежден, что вопрос об отношениях между цивилизацией и большевиз-

¹ Rote Fahne, 5.II 1930.

² Internationale Presse-Korrespondenz, 14.I 1930, S. 68.

³ Vossische Zeitung, 17.VI 1929.

⁴ Vietsch E. Op. cit., S. 104—186.

мом должен быть решен вооруженной силой»¹. На следующий же день Гофману был дан ответ в газете английских «твердолобых» консерваторов «Морнинг пост». В ее передовице говорилось: «Объединимся для очистки мира от большевизма! Это будет великий крестовый поход»². Рехберг писал позднее в парижской газете «Л'Авенир»: «Недалек день, когда Англия использует все свое влияние, чтобы восстановить германскую армию, разумеется, после того, как будет заключен англо-германский союз»³.

В действительности, разумеется, лига Обера и ее союзники ставили не на англо-германскую, а на мировую империалистическую коалицию против СССР. Гофман и Рехберг настаивали на создании единого генерального штаба западных держав, причем соотношение между армиями Франции и Германии Рехберг предлагал установить в пропорции 5 к 3⁴. Немецкие профессиональные антикоммунисты не сомневались, что даже в такой пропорции их главарь Гофман будет руководить всем. Сюда же предполагалось привлечь и силы других антисоветских держав. «Со стороны Европы,— писал в те же дни глава французского филиала лиги Обера Готро,— было бы достаточно, если бы маршал Пилсудский, пользуясь тем, что советские войска отдалены и разбросаны на огромных пространствах, продвинулся в сторону Украины. До сих пор на постоянное наступление (коммунизма.— Э. Г.) отвечали только предельно робкой и предельно неустойчивой обороной... Изменят ли метод еще до того, как мировое равновесие будет окончательно подорвано?»

Прибыв в Лондон летом 1927 г., Рехберг приступил к переговорам с министром внутренних дел Джойнсоном-Хиксом (организатором налета на «Аркос», также прямым сообщником агентов лиги Обера) и с главой английского военно-химического концерна Мондом (лордом Мелчеттом). В июне он вновь появился в английской столице; последовали встречи с министром по делам Индии лордом Биркенхедом, заместителем начальника лондонской полиции Чайдлсом, постоянным заместителем министра иностранных дел Таирреллем⁵. Все эти сановники принадлежали к воинствующему антисоветскому лагерю; лорд Биркенхед, как отмечалось, был покровителем лондонского «Антисоциалистического союза», вступившего в послевоенные годы в состав британского центра лиги Обера. Проекты Рехберга, как он сообщал своим контрагентам в Германии, включали на этот раз конкретное пред-

¹ Evening Standard, 2.III 1927.

² Morning Post, 3.III 1927.

³ L'Avenir, 24.VII 1927.

⁴ L'Humanite, 23.IX 1929.

⁵ Vietsch E. Op. cit., S. 106.

ложение предоставить Германии «долю в размере одной трети во всех крупных предприятиях, созданных в освобожденной от большевизма России».

Почему провалились все эти авантюристические планы? В решающий момент между Гофманом и Детердингом возникли серьезные разногласия. Для Детердинга все упиралось в захват Кавказа и его нефтяных богатств. Гофман настаивал на всеобщей войне против Советского Союза, считал главным направлением удара Москву и требовал аванса в размере 200 млн. ф. ст. Даже для Детердинга это было слишком рискованно и дорого. В Сити еще не были забыты политические последствия злосчастной интервенции 1918—1920 гг. Детердинг соглашался на кавказскую «экспедицию» и на «тотальную блокаду» Советского Союза, но Гофман не шел ни на какие уступки. По словам его сообщника Карумидзе, он заявил, что в крайнем случае, если только будет «улажен финансовый вопрос», можно действовать и без Англии. Но главное было не в этом. Планы профессиональных антикоммунистов были сорваны в результате успехов внешнеполитической деятельности Советского государства, укрепления его экономики, международного авторитета, роста солидарности трудящихся всего мира.

Даже после смерти Гофмана (летом 1927 г.) его соратники в Германии не отказывались от его авантюристических планов. 5 сентября 1927 г. Рехберг опять писал Детердингу из Мюнхена. Уведомляя его, что «Германии угрожает опасность предаться большевизму», он умолял нефтяного короля: «Мне недостает союзников. Такие союзники могли бы оставаться совершенно в тени, их никто бы не знал, и я с радостью взял бы на себя одного ответственность и инициативу». Необходимо, подчеркивал Рехберг, чтобы «несколько могущественных людей в Англии, во Франции и в Германии определенно шли со мной». Тут же он сообщал Детердингу, что в Берлине намечены новые совещания с «некоторыми выдающимися руководителями крупной германской промышленности».

Но было уже поздно. Выдающиеся достижения СССР в социалистическом строительстве срывали замыслы реакции. В марте 1929 г. английскому нефтяному концерну «Шелл» пришлось пойти на участие в торговле советской нефтью. Несколько месяцев спустя Англия восстановила дипломатические отношения с Советским Союзом. Детердинг не отказался от своих контактов с антикоммунистами в Германии и, уйдя с поста руководителя концерна «Шелл», еще более сблизился с ними¹. Но с провалом плана Гофмана, со смертью самого Гофмана и с разоблачением скан-

¹ См. главу 20.

дальной аферы с подложными советскими червонцами песенка мюнхенского филиала лиги Обера была спета.

Без Гофмана и Детердинга филиал этот в Веймарской республике стоил мало. Многие немецкие капиталисты уже напрямик отказывались иметь дело с Рехбергом. В начале второй половины 20-х годов экономическая конъюнктура в Германии укрепилась, влияние фашистов и профашистов на некоторое время ослабло. Основанная Гофманом, Рехбергом и Эрхардтом мюнхенская организация уже не могла действовать по-прежнему. Центр тяжести махинаций оборовцев был перенесен на другое ядро профессиональных антикоммунистов, действовавшее в Берлине. Это ядро пыталось осуществить прежде всего внутривнутриполитическую цель: переход власти в стране к фашистам, ультрареакционерам.

СОЮЗ С ФРАНЦУЗСКИМИ ФАШИСТАМИ

1

Германия рассматривалась антикоммунистическими заговорщиками в 20-х годах как главная карта в их игре. По их расчетам победа антикоммунизма в Германии должна была положить начало расправе с рабочим движением, резне «красных во всей континентальной Западной Европе». Но почва заблаговременно готовилась и в других странах континента, в том числе во Франции. Руководители лиги Обера, как и связанные с ними полицейские круги, полагали, что здесь им будет действовать сравнительно легко.

В первые годы после Октября правящие круги Франции считались самыми антисоветскими во всем капиталистическом мире. Во главе французских правительств стояли такие завзятые реакционеры, как Клемансо, Пуанкаре, Мильеран, Тардьё, выступавшие за интервенцию и укрепление антисоветского «санитарного кордона» даже тогда, когда империалисты Англии и США уже оставили надежду на быстрое насильственное свержение Советской власти. В течение трех лет (1918—1920 гг.) Деникина, Колчака и особенно Врангеля в Париже рассматривали чуть ли не как наемников французских империалистов. Хотя внутри самой Франции коммунисты только еще начинали создавать свою партию, основанную в декабре 1920 г., парижская полиция уже готовилась к серьезным столкновениям с левым рабочим движением.

В 20-е годы французская «Сюртэ женераль» представляла собой ничуть не менее, а скорее еще более активную жандармскую организацию, чем аналогичные ведомства в Англии и Веймарской Германии. За сто лет, прошедшие после смерти основателя парижской охраны «полицейского гения» Фушэ, ее вес в государстве французской буржуазии не только не уменьшился, а, напротив, значительно увеличился. Во времена империи Наполеона III именно «Сюртэ женераль» вместе с прусскими жандармами руководила борьбой европейской полиции против Карла Маркса и I Интернационала.

Ею было подстроено провокационное покушение на Наполеона III в 1855 г. Царская охранка в XIX в. и французская полиция не только обменивались опытом, но, как уже отмечалось, и теснейшим образом сотрудничали друг с другом.

Столица Франции десятилетиями служила местопребыванием шефа «заграничной агентуры» петербургского департамента полиции. Глава «Сюртэ женераль» и префект парижской полиции считались прямыми союзниками царского резидента. Французский либеральный политик Ив Бойо писал в 80-х годах о парижском префекте Андрие: «Он превратил префектуру в филиал III отделения собственной его императорского величества (царя.— Э. Г.) канцелярии. Он доставлял списки, позволявшие арестовывать несчастных, живших в России».

Примечательно, что эти полицейские контакты не оборвались и после того, как Февральская революция в России привела к ликвидации царского департамента полиции и его «заграничной агентуры». Место старой охранки в сношениях с Парижем вскоре же заняли контрразведки Деникина и Врангеля. Поскольку генеральным секретарем, а затем главой «Сюртэ женераль» и, наконец, префектом парижской полиции в послевоенные годы был прожженный реакционер, профашист Кьяпп, прибывшие во Францию после разгрома белых армий в России старые охранники Резанов, Никитин, Заварзин и другие были встречены здесь по-братски. Резанов был даже принят в штат «Сюртэ женераль» и вскоре зарекомендовал себя как крупный специалист «по делам Коминтерна» двумя изданными на французском языке книгами: «Третий Интернационал» и «Тайная работа большевистских агентов». Здесь же, в Париже, устроились сообщники убийц Воровского Абаза, штаб-ротмистр Ключевский и другие.

Тайная учредительная конференция лиги Обера в мае 1924 г. была созвана в Париже с явного ведома и под охраной Кьяппа, французского жандарма № 1, которого Клемансо как-то назвал «самым ловким шпиком Франции». Можно сказать, что без его содействия лиге вообще едва ли удалось бы построить здесь свой организационный, и в частности конспиративный, аппарат. Кьяппу, как и руководителям «Интеллидженс сервис» в Лондоне, были нужны профессиональные антикоммунисты. Во Франции все это было «секретом Полишинеля». Даже белоэмигрантская кадетская газета Милюкова в Париже «Последние новости» однажды не выдержала и заявила по поводу прибытия в Париж белоэмигрантских «монархистов-террористов», незадолго до этого убивших друга Милюкова — Набокова:

«Факт существования «черного интернационала» для нас несомненен... Наблюдение за преступной деятельностью монархистов-террористов в значительной степени парализуется настроени-

ем части французской полиции и влиятельных сфер. Полиция эта ведь десятки лет работала с Рачковским и его агентами. Как преследовать революционеров, ей известно; но «монархисты», превратившиеся в свою очередь в революционеров и террористов,— это превышает меру ее понимания... Притом же монархисты — люди со связями в аристократических и чиновничьих кругах: как добраться до них, не задев по пути сильных мира?»

Помимо Кьяппа, за спиной которого стоял известный правый политик и будущий премьер-министр Франции А. Тардье, в стоворе с белогвардейской охранкой участвовала еще одна влиятельная фигура: глава военной разведки генерал Дюпон. После первой мировой войны Дюпону было поручено создание цепи полицейских агентур вдоль западных границ Советской Республики: в Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии, Югославии¹. Так, занявшаяся свирепыми преследованиями коммунистов польская «дефензива» (контрразведка) действовала по прямым указаниям генерала Дюпона, занимавшего тогда пост главы французской военной миссии в Варшаве. В состав дефензивы были включены царские жандармы и белогвардейские офицеры. Бывший представитель французского правительства при Колчаке в Сибири полковник Луи Тейсье², очевидно, также служил посредником в сношениях с белогвардейской агентурой.

В средствах для нее недостатка не было. В Париже после конца гражданской войны обосновались многие кавказские нефтяные магнаты и московские миллионеры: Нобель, Лианозов, Гукасов, Манташев, Рябушинский, Третьяков, Денисов. Спекулируя на парижской бирже или, как Нобель и Лианозов, продав свои «права» на конфискованные Советским правительством нефтяные источники, эти последние российские монополисты субсидировали теперь профессиональных антикоммунистов.

Деньги шли через основанный ими в Париже с целью «борьбы с большевиками» «Торгово-промышленный комитет» («Торгпром»), выделивший для этого особый секретный фонд. Принадлежавшая одному из миллионеров, Гукасову, парижская белоэмигрантская газета была фактически органом женевской лиги. Ее главный редактор Семенов был членом лиги³. Личным уполномоченным Рейли в Париже был другой московский миллионер — бывший лидер партии октябристов в Государственной думе и военный министр в первом Временном правительстве А. И. Гучков. Теперь Гучков непосредственно участвовал в разработке террористических замыслов агентурной сети Климовича. Весь парижский штаб этой агентуры жил, по существу, за счет «Торгпрома», а также Детердинга.

¹ Rowan R. W. *Terror in our time*. New York, 1941, p. 91—92.

² Graves Wm. S. *America's Siberian Adventure*. New York, 1931, p. 85.

³ Новый мир, 1957, № 3, с. 173.

К услугам тех же кругов были тысячи деникинских и врангелевских офицеров, очутившихся во Франции после гражданской войны. Ни в одной стране в 20-х годах не находилось столько белогвардейцев, как во Франции¹. Наиболее прожженные влились в опекаемые тем же «Торгпромом» и лигой Обера монархические группы, руководимые такими зубрами, как бывший «легальный марксист», позднее кадет и, наконец, министр во врангелевском правительстве Петр Струве (теперь он участвовал в женевской лиге) или бывший начальник штаба верховного главнокомандующего при Керенском генерал В. Гурко. Проживавший на Ривьере бывший великий князь А. В. Романов, брат послевоенного претендента на царский престол Кирилла Романова, принимал прямое участие в антисоветских террористических актах лиги Обера².

Самого Обера в белогвардейских кругах во Франции боготворили и от международного объединения антикоммунистов продолжали ожидать чудес. Когда в июне 1927 г., через неделю после убийства советского полпреда в Варшаве Войкова, Обер с триумфом явился в Париж, старейшина белой эмиграции П. Струве приветствовал его как «замечательного по энергии, мужеству и дарованиям», «дорогого нам», «доблестного швейцарца», добавив: «Мы боремся вместе с ним»³. В созванном тогда же под председательством Струве торжественном собрании парижских белоэмигрантов присутствовали Обер, его заместитель в Женеве полковник Одье, глава французского филиала лиги Готро и бывший депутат французского парламента Ж. Эрлиш. Обращаясь к Оберу от имени «Торгпрома» и всей белой эмиграции, бывший московский крез и министр в правительстве Керенского С. Третьяков заявил: «Ваша работа раскрывает многим глаза, но надо утроить усилия... Нас не хотели слушать, но вас уже понимают. Вы явились ярким светочем, озаряющим путь». Другой вожак парижских белогвардейцев, князь Л. Урусов, добавил: «Обер является в наши дни первым послом национальной России». Это говорилось про всем известного адвоката шайки убийц.

Отвечая белоэмигрантам, ликующий Обер, подчеркнув важность работы своего «русского сотрудника» Лодыженского, сказал: «Плоды работы международной лиги начинают в настоящее время сказываться на отношении держав к большевикам (за месяц до этого Англия порвала дипломатические отношения с СССР, та-

¹ Их число достигало 400 тыс. человек, свыше четверти общего числа в мире. В одном Париже их насчитывалось сто тысяч (*Bailey G. The Conspirators. London, 1961, p. 129*).

² *Кичкасов Н. Антисоветские подлоги, с. 22—28.*

³ В другой раз руководитель «русской секции» югославского филиала лиги генерал Драгомиров назвал Обера «чудесным швейцарским адвокатом, который уже седьмой год, не зная личной жизни, в международном масштабе ведет борьбу с коммунизмом».

кое же решение ожидалось от Франции, и Обер намекал, что все это — дело рук женеvской лиги. — Э. Г.)... Лига приложила огромные усилия. Падение Советской власти недалеко, и оно будет достигнуто общими усилиями». Такие обещания главарь профессиональных антикоммунистов раздавал русским белогвардейцам через 10 лет после Октябрьской революции.

Белогвардейских кадров для парижского филиала этой лиги было, таким образом, более чем достаточно. Союз же с «Сюрте женераль» сыграл для него такую же роль, как союз с «Интеллидженс сервис» для лондонского отделения. И тут и там проявлялась та же общность интересов и та же готовность обеих сторон идти на самые отчаянные авантюры.

Наконец, многое указывает на то, что тому же филиалу удалось заблаговременно заручиться поддержкой главных хозяев тогдашней Франции: магнатов сталелитейного синдиката «Комитэ де форж». Какую-то роль сыграл здесь германский делец Рехберг, доверенный человек генерала Гоффмана и «большой друг Франсуа де Ванделя, президента «Комитэ де форж». За разработанный Рехбергом после первой мировой войны план новой вооруженной интервенции против СССР выступили во Франции такие видные политики, как Пуанкаре и Миллеран; и тот и другой в частной жизни адвокаты сталелитейных монополий. Основатель берлинской «Антибольшевистской лиги» Штадтлер утверждает в своих мемуарах, что в марте 1919 г. его даже посетил в Берлине Тардье, третий «столп» правого лагеря в тогдашней Франции.

Так, в середине 20-х годов вступило в действие французское отделение международной антикоммунистической организации. Корни в Париже были в основном те же, что и в Лондоне, Берлине, Мюнхене и Женеве, такие, какие мы обнаружим также в Нью-Йорке и в других столицах капиталистического мира. По сути дела, те же фигуры, те же связи, те же преступные замыслы и действия. Чем же на практике занимался этот парижский филиал?

2

На второй конференции лиги в мае 1925 г. делегат из Франции «выразил председателю (Оберу. — Э. Г.) от имени собравшихся благодарность и восхищение его неутомимой энергией и твердой волей к достижению целей». Имя делегата, разумеется, названо не было. О намеченных во Франции операциях также ничего не сообщалось. Между тем профессиональные антикоммунисты времени в этой стране не теряли.

Прежде всего, так же как в Англии и Германии, приступили к массовому изготовлению антикоммунистических и антисоветских фальшивок. Как впоследствии выяснилось на судебном следствии,

только за шесть месяцев 1926 г., например, было изготовлено 700 подложных документов, проданных за крупные суммы иностранным посольствам в Париже. Одно лишь посольство Испании уплатило за них 180 тыс. фр.¹ В числе главных фальсификаторов фигурировал все тот же Резанов, «идейным руководителем организации» считался верховод остатков врангелевской армии во Франции генерал Кутепов. Первая фальшивка, сфабрикованная Резановым в 1924 г. под заголовком «Циркуляр 128», будто бы представляла собой секретные инструкции коммунистической партии ее сторонникам о том, как «дезорганизовать колониальное могущество Франции». Подлоги публиковались крайне правой парижской газетой «Аксьон франсез» и бульварной газетой «Матэн»². Это была та же тема, которую заострял Резанов в изданной им на французском языке книге «Тайная работа большевиков». Руководимый им парижский филиал лиги не отставал в таких делах от берлинского.

На суде по делу уличенных в подлогах белогвардейцев было также установлено, что Резановым был передан французскому правительству некий антисоветский «документ»³. В статье, напечатанной в апреле 1926 г., в той же белоэмигрантской парижской газете, редактировавшейся членом лиги Семеновым, Резанов выступил с утверждением, что в итоге последнего пленума Исполкома Коминтерна иностранным коммунистам будто бы были разосланы «поучения, как лучше и удобнее пользоваться террористическим насилием». В частности, было якобы рекомендовано «применять террор против чинов войск, полиции и прочих обреченных лиц». Несмотря на явный идиотизм подобных утверждений, все это печаталось и распространялось.

Следует учесть, что Резанов фабриковал такие документы уже после скандала с «письмом Коминтерна» в Англии. В результате судебного процесса над изобличенными фальсификаторами Резанову пришлось покинуть Францию и переехать в Бельгию. Там он сразу же стал одним из вдохновителей брюссельского отдела лиги.

Не ограничиваясь изготовлением фальшивок, французский филиал занимался и другим делом, еще более важным для профессиональных антикоммунистов: поиском возможностей для перехода к прямым террористическим действиям против левого рабочего движения. С этой целью были с самого начала завязаны отношения с двумя уже существовавшими французскими организациями: с погромными бандами роялистов «Аксьон франсез» («Французское действие») и с основанными военщиной штрейкбрехерскими отрядами «Гражданского союза».

¹ Правда, 1928, 17 января.

² Documents politiques, diplomatiques et financiers, VIII, 1925, p. 493.

³ Известия, 1929, 6 декабря.

Сотрудничество с «Аксьон франсез» было налажено еще ко времени убийства Воровского¹. Вожаки «Аксьон франсез», за которыми стояли крайне правые круги аристократии и духовенства, не скрывали, что готовят государственный переворот с целью возведения на престол герцога Гиза (Филиппа Бурбонского). Их главарь Моррас в июне 1923 г. публично заявил, что цель организации — «перерезать шею республике»². Боевой штаб роялистов, действовавших под названием «королевских молодчиков», располагал в одном Париже 48 отрядами. В больших городах во главе отделений стояли офицеры резерва. По примеру итальянских фашистов «королевские молодчики» устраивали нападения на коммунистов и социалистов, открыто угрожая гражданской войной. От «Аксьон франсез» в свою очередь протягивались нити к парижской полиции. Для филиала лиги эта группа была вполне подходящим союзником. Связь между ними осуществлялась через созданное роялистами под руководством графа д'Асти «Международное политическое бюро», именовавшее себя «центральным органом контрреволюционного интернационала»³. Многое говорит за то, что и здесь за ширмой стоял префект полиции Кьяпп.

В те же годы парижский отдел лиги связался с другой крайне правой организацией во Франции: штрейкбрехерским «Гражданским союзом», возникшим вскоре же после первой мировой войны по образцу «Тено» в Германии и «Гражданского союза» в Швейцарии. Это была воинственная антирабочая организация точно такого же типа. Участвовавший в ее основании швейцарец Бине Вильмер⁴ был, по-видимому, одним из связных того же Обера. Организация была создана в Лионе после крупных стачек во Франции в 1919—1920 гг., вербовала своих членов среди студентов и мелкой буржуазии и вскоре распространилась на всю страну. Ее члены обязывались пройти курс обучения в том или ином ремесле, чтобы при забастовках заменять рабочих и служащих. Так же как в Германии, каждое местное отделение штрейкбрехерского союза поддерживало непосредственный контакт с полицией; главную роль и тут повсюду играли отставные офицеры. Во главе «Гражданского союза» стоял генерал Бальфурье, из окружения виднейших лидеров реакционной военщины Франции — маршала Фоша и маршала Лиотэ. «При помощи танков мы останемся хозяевами улицы», — заявил соратник Бальфурье, председатель французской офицерской лиги Бине Вильмер при основании «Гражданского союза».

¹ L'Ere Nouvelle. Paris, 5.VI 1923.

² Известия, 1923, 23 июня.

³ Documents politiques, diplomatiques et financiers, II. 1928, p. 69; II. 1929, p. 97.

⁴ Дюкло Жак. Фашизм во Франции. М., 1929, с. 98—99. Вильмер перешел во французское подданство.

Одновременно Бальфурье был близок к фашистской организации «Патриотическая молодежь», созданной крайне правым депутатом Теттенже для «борьбы с революцией». Программа «Патриотической молодежи» была сформулирована ее военным руководителем де ля Тюллей следующим образом: «Что мы собой представляем? Антикоммунистическую лигу... Мы трубим священный сигнал, призывающий патриотов к действию». Вступая в организацию, каждый новый член должен был ответить в числе прочих на следующие вопросы: «Имеете ли вы оружие? Служили ли вы во время войны в армии? Водите ли автомобиль? Как можно вызвать вас в любой час дня и ночи?» В своей газете «Насьональ» глававарь «Патриотической молодежи» Теттенже писал: «Коммунистическая партия — это основной враг «Патриотической молодежи». Со всеми без исключения другими партиями может быть почва для соглашения, пусть и самая узкая». В другой раз он заявил: «Предстоит драться, и драться со шпагой в руке». Примерно в таком же духе вели свою агитацию в 20-х годах и террористы из лагеря Эрхардта, Пабста и Гофмана в Германии.

Но головорезы из «Гражданского союза» и «Патриотической молодежи» действовали не на свой риск и страх. За спиной этих организаций стояли крупный капитал и ультрареакционная французская военщина. От контрреволюционной кайзеровской военщины в Германии она отличалась только в одном: так как Франция была победителем в первой мировой войне, у французских генералов отсутствовала идея реваншизма. Зато к революционному рабочему классу Фош, Лиотэ и Бальфурье испытывали такую же бешеную ненависть, как Гофман, Людендорф и Эрхардт. Именно поэтому Гофману так легко удалось договориться с победившим Германию Фошем о взаимном сотрудничестве, когда в 1919 г. между ними состоялась встреча. У обоих классовые интересы оказались сильнее их национализма.

Есть основания полагать, что к кругу лиги Обера во Франции был причастен и сам маршал Фош. В ноябре 1930 г., вскоре же после его смерти, покровитель оберовцев в Париже миллиардер Коти опубликовал в своей газете «Ами дю пепль» текст двух секретных докладов, представленных Фошем в 1925—1926 гг. французскому правительству. В докладах приводился список адресов «131 боевого центра» Французской коммунистической партии, будто бы существовавших в то время. Насчет происхождения «данных» Фоша сомнений быть не могло. У самого Обера, во всяком случае, было столь же много общего с генералом Бальфурье, как с генералом Гофманом. Литература парижского «Национального центра» женевской лиги распространялась главным образом через посредство штрейкбрехерского союза Бальфурье и Вильмера.

Официальным руководителем «Национального центра» лиги в

Париже женевское руководство вскоре назначило небезызвестного друга французских иезуитов Г. Готро. До первой мировой войны Готро был членом «Французского антимасонского союза»¹. После войны он по поручению тех же кругов специализировался на аптисоветских делах. Книга Готро «Коммунистический мир», основанная на полученных им от врангелевских охранников фальшивках, была выпущена в 1925 г. издательством французских иезуитов «Спес». За ней последовала книга «Большевизм в колониях», написанная со специальной целью взбудоражить влиятельные колониальные круги Франции. Несомненно, это Готро удалось. Работа в этой области стала во второй половине 20-х годов одним из главных дел парижского центра лиги.

Французская бульварная пресса печатала под сенсационными заголовками исходившие от Готро и его белогвардейских сотрудников «документы» о вымышленных интригах и заговорах Коминтерна во французских колониях. Реакционные депутаты в палате немедленно подымали шум и требовали применения драконовских мер против коммунистов. Теттенже был председателем комиссии палаты по делам колоний. Опираясь, с одной стороны, на военно-фашистские банды, с другой — на колониалистов, руководители парижского бюро лиги прекрасно знали, что делали. Их сообщниками становились воинственные верхи французской реакции. Как выяснилось в дни «колониальной бури» в Париже в 1929 г., не только Кьяпп, Фош, Бальфурье, Маррас, Теттенже, но и такие видные парламентские лидеры правого лагеря во Франции, как Тардые, Сарро, Пиетри и другие, державшие в своих руках административную машину третьей республики, имели прямой контакт с Готро².

Французских обывателей систематически запугивали «красной волной». В одном из воззваний филиала лиги говорилось: «У Парижа короткая память — бунт на Севастопольском бульваре (улица в Париже.— Э. Г.) еще не принадлежит к древней истории. Будет ли Тардые в будущем году все еще в министерстве внутренних дел, а Кьяпп в префектуре полиции? Может ли судьба великого города зависеть от таких персональных вопросов?»³ Это означало прямой подстрекательский призыв: завтра Париж может вновь оказаться во власти Коммуны, готовьтесь, действуйте, как действовал Тьер!

В одном случае филиал лиги даже предпринял попытку непосредственно вмешаться в предвыборную борьбу против коммунистов. В январе 1929 г. в избирательном округе Путо кандидатом в палату депутатов от коммунистической партии был выдвинут

¹ Documents politiques, diplomatiques et financiers, XII. 1927, p. 490.

² См. главу 17.

³ Journal de Geneve, 1.VI 1929.

старый революционер. Его противником от правых оказался парижский уполномоченный лиги Обера Готро. Профессиональный антикоммунист привез с собой на подмогу в избирательный округ банду «королевских молодчиков» из Парижа, но коммунист прошел большинством в 700 голосов¹.

После этого Готро начал бешеную кампанию за запрещение коммунистической партии и полицейскую расправу с коммунистами. Статьи на эту тему печатались в его органе из номера в номер. Так, например, в мае 1929 г. он заявил: «Национальный антикоммунистический единый фронт становится еще более необходимым. Это требуется во имя общественного спасения». Когда Тардые и Кьяпп вскоре после этого в самом деле приступили к жесточайшим массовым преследованиям компартии и десятки коммунистических руководителей, в том числе Торез, Фрашон, Куртад, были арестованы, травля партии со стороны парижского филиала лиги приняла истерический характер. «Почему не арестовывают других?» — буйствовал Готро. Его журнал требовал немедленного роспуска коммунистической партии, закрытия газеты «Юманите» и проведения антикоммунистического закона, намекал на необходимость расстрела ведущих коммунистов, настаивал на разрыве дипломатических отношений с Советским Союзом. Профессиональные антикоммунисты во Франции пытались в то время устроить в своей стране то же, что четыре года спустя гитлеровцы совершили в Германии. Но тут им это тогда не удалось. Вторая попытка была предпринята в феврале 1934 г.

Вся эта кампания стоила немалых денег. Расходов у парижского бюро лиги было, вероятно, не меньше, чем у ее филиалов в Лондоне и Мюнхене. Готро издавал журнал «Красная волна», открыто именовавший себя органом «французского антикоммунистического центра», распространял листки и брошюры, содействовал организации шпионажа за рабочими на заводах и, очевидно, подкупал при нужде тех или иных политиков. Какую-то материальную помощь по-прежнему оказывали ему его старые хозяева — иезуиты². Но главным казначеем парижского филиала лиги стал тот же делец, который в 20-х годах финансировал роялистскую банду «Аксьон франсез» и почти все другие фашистские организации во Франции, — парижский миллиардер Франсуа Коти.

«Парфюмерный король» Коти был известен как человек с темным прошлым, одержимый необузданной жаждой власти. Начав свою карьеру на Корсике, где он был связан с преступным миром, Коти после первой мировой войны с помощью подкупов пробрался во французский сенат, стал владельцем широко распространенных

¹ L'Humanite. 6.I 1929; 31.I 1929.

² См. главу 14.

бульварных газет «Фигаро» и «Ами дю пепль» («Друг народа») и заключил союз с роялистскими заговорщиками против республики. С 1924 г. он начал субсидировать группу «Аксьон франсез» и сблизился с ее вожаком Моррасом¹. Помогая роялистам готовиться к государственному перевороту, этот миллиардер-авантюрист хотел стать диктатором Франции или по крайней мере «серым кардиналом» при том или ином военном диктаторе. Его приближенным был опять-таки начальник французской охраны и затем префект парижской полиции Кьяпп, также родом с Корсики. За рубежом эта группа ориентировалась на Муссолини, считавшегося до начала 30-х годов вождем международного фашизма. Коти вел кампанию за создание франко-итальянского «латинского блока», и такого же курса по его наущению придерживались почти все фашистские группы во Франции.

К концу 20-х годов Коти собрал за собой значительные силы. «За всем этим,— говорилось в изданном в 1928 г. международной агентурной сетью Муссолини сборнике, где перечислялись фашистские организации во Франции,— стоит, занимая особое место, Франсуа Коти... Он вдохновляет и контролирует многие группы... Круг писателей, дипломатов, военных, экономистов, дельцов, журналистов, проконсулов (в данном случае фашистских вождаков.— Э. Г.) и организаторов, которые работают под прямым или косвенным руководством Франсуа Коти, дополняя его деятельность, полностью ориентируется на фашизм и уже оказывает на французское общественное мнение влияние, которое вскоре даст свои плоды. Среди задач, о которых Франсуа Коти сумел просветить общественное мнение, не на последнем месте стоит дело франко-итальянской дружбы... Благодаря своей зоркости и дальновидности, что касается национальных интересов, он сумел вновь открыть для Франции значение «латинской идеи», в важности которой он столь же глубоко убежден, как итальянские фашисты. Изо дня в день, в той или иной форме, он выступает за то, чтобы духовные связи между этими двумя нациями привели к полноценному союзу»².

Ратуя за создание франко-итальянского фашистского блока, Коти в то же время неустанно агитировал за разрыв франко-советских отношений и крестовый поход против СССР. В 1928 г. он опубликовал книгу под названием «Против коммунизма»³. Источники были те же, что в книге Готро. К тому времени этот милли-

¹ Action Francaise, 27.IX 1932.

Впоследствии, уже в годы второй мировой войны, Моррас подтвердил, что в течение ряда лет получал от Коти ежемесячные ссуды в размере 100 тыс. фр. и вдобавок «горы обещаний на будущее».

² A survey of fascism. The yearbook of the International Centre of Fascist studies. London, 1928, p. 196—197.

³ L'Humanite, 4.IV 1929; 8.IV 1929; 21.IV 1929.

ардер-гангстер уже находился в прямом контакте с Резановым и Обером, с которыми его, вероятно, свел Кьяппи.

15 июля 1927 г. Коти вместе с Обером выступил на «митинге победы» в Лондоне, созданном Локером-Лампсоном по случаю разрыва англо-советских отношений. «Парфюмерный король» из Парижа громогласно потребовал, чтобы Франция последовала примеру Англии¹. «Само человечество требует разрыва с его злейшими врагами», — призывал в те дни орган французского филиала Женевской лиги «Красная волна». В начале 30-х годов Коти основал собственную фашистскую банду «Солидаритэ франсез», участвовавшую в попытке переворота 6 февраля 1934 г. В те же годы он открыто выступил за военный союз Франции с Японией и гитлеровской Германией против СССР.

Коти был своего рода французским двойником Детердинга. Судя по всему, оба были непосредственно связаны друг с другом, играя в четыре руки. Когда известный французский фашист Жорж Валуа рассорился с Коти, он сообщил, что компаньоном Коти был англо-франко-греческий король вооружений Базиль Захаров², участвовавший в нефтяных делах группы Детердинга. Деньги парфюмерного магната и его близость к парижской охране сослужили французскому центру лиги Обера немалую службу. Но он был не единственным финансовым покровителем.

В мае 1926 г. во французской печати появились сообщения о создании в Париже «центра социальных, политических и экономических исследований» под названием «Редрессман франсез» («Восстановление Франции»). Пояснилось, что основателями являются «патриотические промышленники», поставившие себе целью защиту французских интересов от угрозы «морального, социального и финансового кризисов»³ и создание сильного правительства «национального единения». В числе этих лиц назывались виднейшие фигуры французского делового мира, например руководители ротшильдовской электромонополии «Юппон д'электриситэ» Мерсье, Эшвиге и Петче, представители «Союза предпринимателей Франции» Местр и Лавернь, члены объединения магнатов сталелитейной индустрии «Комитэ де форж» Пикар и Миро и уполномоченный военной монополии Шнейдера — Крезе генерал де Буассье. Среди других участников фигурировали министр реакционного правительства Тардьё Жермэн Мартэн, бывший главный редактор газеты Коти «Фигаро» и доверенное лицо иезуитов Ромье, бывший префект парижской полиции Лаллман и главарь фашистской организации «Боевых крестов» полковник Де ля Рок⁴.

¹ Times, 16.VII 1927.

² Valois G. L'homme contre l'argent. Paris, 1928.

³ Revue de Paris. 1.V 1926.

⁴ Le Cahiers du Redressement Francaiz, N 27.

Стало также известно, что группу «Редрессман франсэз» неофициально поддерживает сам маршал Петэн, верховный глава реакционного лагеря.

Это было объединение того же типа, что «Экономическая лига» в Англии: негласный комитет монополистов, созданный для планомерной борьбы против рабочего движения. В секретном циркуляре «Редрессман франсэз» объяснялись подлинные цели его инициаторов: создать «настоящий противовес» марксизму, провести авторитарные «реформы парламентской системы и государственного аппарата», «укрепить частную собственность», «воспитывать массы» и собирать «элиту», то есть отборные кадры реакционеров. Программа была чисто фашистской; под «восстановлением Франции» подразумевалось превращение республики в авторитарное государство. В диктаторы, по-видимому, уже тогда намечался Петэн. Для осуществления этих планов предполагалось создать «вспомогательные центры» по всей стране.

В распоряжении объединения находился фонд в 40 млн. фр. В Париже было основано агентство печати, занявшееся изданием различных журналов и раздачей подачек журналистам. Всего любопытнее было, однако, то, что уже через месяц после основания «Редрессман франсэз» это объединение взяло на свое иждивение вновь созданный орган парижского филиала лиги Обера «Антибольшевистское обозрение» (впоследствии «Красная волна»). Номер этого журнала за июнь 1926 г. вышел со штампом «Редрессман франсэз», но затем штамп исчез. Вскоре после этого официальный бюллетень «Редрессман франсэз» опубликовал геополитическое «исследование» о распространении коммунистического движения, явно вышедшее из тех же источников. Мало того. Представитель Обера в Париже Готро был с помощью «Редрессман франсэз» проведен в сенат.

В феврале 1928 г. журнал Готро выступил с панегириком в честь основанной тогда миллиардером Коти военно-фашистской организации «Боевые кресты» (позднее эта организация, в которой числилось свыше 200 тыс. человек, отделилась от Коти и перешла под руководство полковника Де ля Рока). Именно «Боевым крестам» предназначалась главная роль в готовившемся Коти и монополистами из «Редрессман франсэз» государственном перевороте. Мерсье, пожертвовавший которого организации в 1934 г. достигали суммы в 10 млн. фр., имел членскую книжку «Боевых крестов» за номером 17, сталелитейный магнат и сенатор Франсуа де Вандаль — за номером 13. Из статьи Готро было видно, что лига Обера всячески поощряла планы Де ля Рока. «Мы горячо желаем этому движению быстрого и полного успеха, — писал ее орган. — Коммунисты рычат о фашизме, но эта шуточка заслуживает только того, чтобы пожать плечами. Нападают они. Надо ор-

ганизовать оборону и довести ее до конца». Что значили слова «довести оборону до конца», стало понятно, когда шесть лет спустя головорезы из «Боевых крестов», «Патриотической молодежи», «Аксён франсез» и «Французской солидарности» попытались окружить здание парламента в Париже и взять столицу штурмом, чтобы начать резню коммунистов и социалистов.

Таковы были сообщники женевского антикоммунистического центра во Франции. Их планы метили, по сути дела, столь же далеко, как планы их собратьев в Германии. Для их осуществления намечались те же средства. Стратеги антикоммунизма понимали, что во Франции рабочий класс слишком силен, чтобы позволить им достигнуть цели легальным путем. Действуя в сговоре с фашистами, колониалистами и крупными дельцами, профессиональные антикоммунисты возлагали здесь все свои надежды на путч, при котором полиция и военщина должны были сыграть на руку заговорщикам. Заговор готовился против французской республики и Обер был для заговорщиков международным связным.

Все эти планы рухнули 6 февраля 1934 г., когда попытка фашистов захватить власть кончилась провалом. Их организации были распущены правительством Народного фронта, и уже несколько месяцев спустя о самоликвидации объявило объединение монополистов «Редрессман франсез». Мощь рабочего класса во Франции, разогнавшего заговорщиков, помешала союзникам и сообщникам лиги Обера осуществить их замыслы в этой стране.

Многие факты подтверждают, что участники старой агентурной сети Рейли годами не прекращали своих махинаций во Франции. Антикоммунистические собрания устраивались все время. Но митингами, пропагандой и подлогами дело не ограничивалось. Весной 1929 г. орган парижского филиала лиги с восторгом оповестил читателей о статье, опубликованной во французском журнале «Ревю абдомедер». Ее автор, бывший царский генерал А. Гулевич, подчеркивал: «Единственный действенный способ (борьбы против большевизма.— *Ред.*) — это террор. Террор, применяемый как можно шире против всех главарей»¹.

Такая рекомендация давалась через несколько лет после провала Рейли и самоубийства Савинкова. Было ясно, что идеи Рейли о белом терроре против коммунистов по-прежнему вдохновляли французских фашистов и их друзей — дряхлевших белогвардейских жандармов. Но осуществить эту идею в масштабе всей Европы под своим руководством им так и не довелось. Десяток с лишним лет спустя эту попытку предприняли их германские единомышленники, нагрянувшие на Францию и другие страны под флагом свастик.

¹ La Revue Hebdomadaire, 20.IV 1929.

Глава двенадцатая

ПОД СЕНЬЮ ФОРДА И ФБР

1

Когда в 1924 г. была основана лига Обера, в нее включились антикоммунисты из европейских стран. Американского филиала лиги к тому времени еще не существовало, и на учредительной конференции присутствовал лишь некий «наблюдатель» из США. Из материалов того периода видно, что создание американского отделения международного антикоммунистического центра стало тогда одним из главных устремлений штаба лиги. Выполнить эту задачу было сначала поручено Рейли.

Для руководителей лиги было с самого начала ясно, что судьба всей их организации в немалой доле зависит от помощи из-за океана. В то время дело для них было не столько в политических, сколько в финансовых соображениях. Главным полем своей деятельности профессиональные антикоммунисты считали освещенную заревом Октября Европу. Но именно для продвижения в Европе Рейли, Климовичу, Оберу и собравшимся вокруг них террористам и фальсификаторам срочно требовались деньги, и большие деньги. Субсидий западноевропейских охранок и подачек от Детердинга им не хватало.

Все эти копошившиеся в контрреволюционных притонах люди — профессиональные антикоммунисты, контрразведчики, аферисты и вчерашние жандармы — мечтали о потоке миллионов, который позволил бы им не только самим купаться в золоте, но и повсюду, где только можно, предпринимать авантюры в «большом стиле», раздувать международные антикоммунистические кампании, подкупать прессу, создавать политические и боевые группы. Новые субсидии в таких масштабах могли поступать только из одного источника — из сейфов американских миллионеров. Охотой за ними профессиональные антикоммунисты из врангелевского центра и занялись еще до основания лиги. В первую очередь они предприняли свой обычный шаг: завязали контакт с местной политической полицией, предложив ей свои услуги.

Резидентом Климовича в Нью-Йорке с самого начала стал бывший следователь петербургского суда¹ и сотрудник охраны Борис Бразоль, явившийся в Соединенные Штаты еще в 1916 г. как связанной царской контрразведки. Это был субъект такого же типа, как Орлов, но калибром поменьше. Пройдя до войны, по собственным словам, специальный курс «полицейской науки»², Бразоль тогда же стал фактически одним из помощников черносотенного царского министра юстиции Щегловитова, одного из руководителей стоявшей за спиной царицы и Распутина придворной камарилли. В роли судебного следователя Бразоль в 1913 г. помог полиции организовать антисемитское погромное «дело Бейлиса». «Дело Бейлиса» раз и навсегда упрочило репутацию Бразоля в черносотенных кругах.

Сразу же после Октябрьской революции Бразоль, как опытный агент, стал служить и белогвардейской охране и американской разведке. В 1918 г. он был нью-йоркским представителем Колчака, организатором союза царских офицеров в США и позднее — уполномоченным претендента на царский престол Кирилла Романова. Впоследствии в его же руки было передано управление собранного белогвардейцами-монархистами в США и их американскими друзьями «Фонда им. великого князя Владимира» (сына Кирилла). В Нью-Йорке вокруг Бразоля объединились бежавшие в США белогвардейцы крайне правого толка. В числе его сотрудников фигурировали полупомешанный граф Череп-Спиридович, бывший председатель «Славянского общества» в Москве и автор книги о «тайном мировом правительстве» евреев, и дочь царского генерала Наталья Дебагорий.

Бразоль и в Америке продолжал действовать как профессиональный погромщик, но теперь совмещал это занятие с яростным антикоммунизмом. По его поручению Н. Дебагорий перевела на английский язык изготовленную еще до революции в Париже фальшивку царской охраны «Протоколы сионских мудрецов»³. Бразоль передал эту фальшивку американской разведке, с которой находился в сношениях еще в годы войны. По-видимому, он имел какое-то отношение и к другой нашумевшей в то время фальшивке, опубликованной госдепартаментом США, — к так называемому «документу Сиссона», в котором повторялись старые клеветниче-

¹ Весь Петербург на 1913 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. Двадцатый год издания, с. 71.

² Who's Who in America, 1960—1961, p. 340.

³ Leonard J. N. The Tragedy of Henry Ford. New York, 1932, p. 200. Sward K. The Legend of Henry Ford. New York, 1948, p. 148—150. Carlson J. R. Under Cover. New York, 1943, p. 203—204.

В письме к своему сообщнику Череп-Спиридовичу, впоследствии опубликованном в американской печати, Бразоль писал: «За последние три года я сочинил три книги, две из которых причинили евреям больше вреда, чем 10 погромов».

ские бредни Резанова и Орлова о большевиках. Впоследствии Бразоль признал, что был в связи с находившимся тогда в Берлине Орловым. Его принадлежность к действовавшей в Югославии агентурной сети Климовича доказывается уже тем, что его книга «Мир на перепутье», переведенная с английского на русский, была переиздана в Белграде врангелевским «Всеславянским книжным магазином».

Другими словами, еще до второй мировой войны было подтверждено, что этот бывший мелкий чиновник Щегловитова действовал в Нью-Йорке не только для белогвардейских охранок, но и для американской разведки, где он числился под шифром «Б-1». Тогда же его сделали экспертом по вопросам «красной опасности» в министерстве юстиции США. Это означало, что нью-йоркский резидент агентуры Климовича был включен в сеть всемогущего шефа американской охраны — самого Эдгара Гувера.

Охранка эта под названием «Федеральное бюро расследований» (ФБР) формально входила в состав вашигтонского министерства юстиции. Сам же Гувер специализировался на «охоте за красными» еще с 1917 г., в возрасте 22 лет, когда в том же ведомстве ему было поручено это дело. Как Гувер в последующие годы развернул жандармскую работу, видно из утверждения одного известного американского буржуазного журналиста, что ФБР имело в среднем одного осведомителя на каждых 5—7 членов компартии. На каждого члена партии было заведено досье¹.

Все, что делал Бразоль, делалось с ведома и сплошь и рядом по указаниям «политического диктатора» США. Это явилось еще одним доказательством того, что наследники царской охраны в поисках могущественных покровителей работали повсюду по одному и тому же плану. В США, как в Англии, Германии, во Франции и в других капиталистических странах, они прежде всего связывались с полицией и разведкой, занимавшимися охотой за коммунистами, Климовичем и Рейли явно были выработаны точные инструкции на этот счет. Бразоль, человек, который шесть десятилетий назад сыграл немаловажную роль в насаждении профессионального антикоммунизма в США, был фигурой того же типа, как Рейли, Орлов и Резанов. Хотя к террористическим делам он как будто причастен не был, в обычном жандармском деле, в технике политических провокаций, он уступал мало кому. Тем не менее главную работу по организации филиала лиги Обера в Америке проделал все же не он, а Рейли.

Осенью 1924 г., через три месяца после парижской учредительной конференции «Международной лиги борьбы против III Интернационала», Рейли внезапно прибыл в Нью-Йорк и был востор-

¹ Cook Fred. The FBI nobody knows. New York, 1964, p. 37, 38.

женно встречен местными белогвардейцами, приветствовавшими его как своего героя. Рейли провел в Нью-Йорке целый год, устроив свое бюро на главной улице города — Бродвее. Бюро это считалось тогда своего рода штабом белогвардейцев. Отсюда антикоммунистические и антисоветские циркуляры и материалы рассылались по всем углам США — в редакции газет и журналов, по адресам политических деятелей, чиновных лиц, журналистов, деловых людей, профессоров. Рейли предпринял поездку по стране, выступая с лекциями о «большевистской угрозе цивилизации и мировой торговле».

В то же время он проводил «конфиденциальные беседы» с «небольшими избранными группами дельцов Уолл-стрита и богатыми промышленниками», стараясь привлечь их к участию в создании «филиала международной антибольшевистской лиги» в США. Через посредство белогвардейцев Рейли пытался сблизиться с «весьма влиятельными и богатыми» американцами, от которых зависело предоставление крупных сумм для антисоветского движения. О том, о каких «влиятельных американцах» шла речь и чьими услугами в Америке пользовался Рейли, есть довольно ясные указания в опубликованной в 1931 г. книге воспоминаний его вдовы.

Рассказывая о пребывании Рейли в Нью-Йорке, она без стеснения пишет: «В итоге проводившейся моим мужем шпионской работы иностранные посольства были всегда осведомлены об этой стороне деятельности большевиков («развязывании революций в других странах». — Э. Г.)... У Сиднея был полный список тех, кто тайно работал в интересах большевистского дела в Америке». Из других данных явствует, что это был тот же список, над составлением которого трудилась нанятая Фордом по рекомендации Бразоля группа белогвардейцев и отставных американских разведчиков. Сюда вносились фамилии всех видных общественных деятелей в Америке, включая и умеренных либералов, которые когда-либо сказали хоть одно слово в пользу нормальных советско-американских отношений. Тем же списком пользовались впоследствии все фашистские главари в США. Именно Рейли, вышколенный царской охранкой и английским «Интеллидженс сервис» «корифей» шпионского дела, сообщая с охранником Бразолем делился с профессиональными антикоммунистами в США опытом, «тонкостями» их дела.

Что Рейли тогда же нашел доступ к Форду, доказывается его собственным, уже упомянутым письмом его сообщнику «капитану Е» в Лондон, выдержки из которого также приведены в книге его вдовы. В этом письме, датированном началом 1925 г., Рейли прямо говорит о своем намерении обратиться к Форду¹. Дорогу к автомобильному магнату еще раньше проложил ему Бразоль.

¹ См. главу 6.

Как явствует из опубликованных американским журналистом Хэпгудом в 1922 г. данных¹, Бразоль поступил на содержание к Форду еще в 1920 г. Секретарь Форда Либолд, через которого проходили политические и закулисные дела детройтского мультимиллионера, устроил так, что Бразоль был зачислен в штат издававшегося Фордом антисемитского листка «Дирборн индипендент». На иждивение Форда перешла и сотрудница Бразоля Н. Дебагорий, переводчица «Протоколов сионских мудрецов». «Протоколы» были изданы в США на средства Форда, при содействии которого опубликованы и другие антисемитские и антикоммунистические издания. Детройт, резиденция Форда, стал Меккой черносотенцев США; автомобильный король на деньги для них не скупился. К началу 20-х годов он начал играть для антикоммунистов за океаном ту же роль, что Детердинг в Англии.

Форд в то же время стремился к большой политической карьере. Если Детердинга к профессиональному коммунизму толкал прежде всего потерянный на Кавказе «нефтяной миллиард», то Форд мечтал проложить себе с помощью антикоммунизма и антисемитизма дорогу в Белый дом. Уже в 1922 г. выяснилось следующее.

Под надзором личного секретаря Форда Либолда, покровителя Бразоля, в Нью-Йорке было организовано тайное сыскное бюро особого назначения. Платные агенты бюро действовали в редакциях газет, в университетах, на частных предприятиях и в городских учреждениях. Специальные осведомители, и среди них белогвардейцы, были посланы за границу, даже в Японию. Всем им поручалось добывать материалы о «тайных связях» Советской России, «коммунистов и евреев» с американскими общественными и политическими деятелями. Непосредственным руководителем сыскного агентства был бывший работник американской военной разведки Харрис Хаутон. Платные агенты и добывали для Форда, Либолда, Бразоля и их газетки «сведения», но настолько гнусного свойства, что даже консервативная Америка была скандализирована. Те же люди, однако, занимались и другим, более существенным делом. Они вводили Форда в контакт с антикоммунистами и фашистами в разных странах. Именно таким путем, при содействии Бразоля, был, например, проложен мост из Детройта в Мюнхен: от Форда к Гитлеру.

Еще в 1921 г., всего два года после вступления Гитлера в нацистскую партию и в том же году, когда он стал ее фюрером, официальный представитель этой партии в США, старый разведчик Курт Людеке явился к Форду с просьбой о субсидиях для Гитлера. «Одним росчерком пера,— рассказывал впоследствии сам Лю-

¹ Hearst's International, VI—XI. 1923.

деке, — он мог разрешить денежную проблему нацистов... Нацисты предоставляли ему возможность делать историю по собственной воле, я в это верил. Мюнхен и Дирборн (местопребывание конторы Форда, пригород Детройта. — Э. Г.) связывало одно мировоззрение». По словам Людеке, денег Форд ему будто бы все же не дал, хотя и проявил «глубокий интерес» к нацизму. Но один из американских корреспондентов, посетивший штаб нацистской партии в Мюнхене год спустя, сообщил, что в кабинете Гитлера висел большой портрет Форда и книги Форда были разложены на столе в приемной¹.

В изданной в 1924 г. книге Гитлера «Майн кампф» он отозвался с похвалой только об одном американце — Генри Форде. В первой официальной программе нацистской партии Форд ставился в пример как идеальный тип промышленника, и он же оказался впоследствии первым американцем, получившим высший нацистский орден — большой крест германского орла. Когда Гитлер в 1923 г. узнал о намерениях Форда выставить свою кандидатуру в президенты США, он, по сообщению газеты «Чикаго трибюн», заявил: «Я хотел бы иметь возможность послать в Чикаго и другие большие американские города мои ударные отряды, чтобы помочь на выборах... Мы рассматриваем Генриха Форда как вождя растущего фашистского движения в Америке»².

Все это говорит о том, что Форд на деньги для Гитлера тогда не поскупился. Действительно, 7 февраля 1924 г. вице-президент баварского ландтага Ауэр публично заявил, что за год до этого, то есть еще до мюнхенского «пивного путча» Гитлера, некий явившийся в баварскую столицу представитель Форда договорился с приближенным Гитлера Дитрихом Экхартом о финансировании нацистской партии³. Связным, судя по всему, служил Бразоль.

Посредничеством в сношениях с Гитлером дело не ограничилось. Находясь на содержании у Форда, Бразоль связал его и с Обером. Уже в 1925 г. стало известно, что Форд замешан в махинациях лиги Обера через своего доверенного человека в Женеве Фергюсона. Это лицо получало от берлинского агента лиги белогвардейца Гуманского, сообщника Орлова по фабрикации антисоветских фальшивок, «информацию» для передачи в американскую печать⁴. Возможно, что Фергюсон и был одним из тех «деятелей из США», которые в июне 1924 г. присутствовали на учредительной конференции лиги Обера в Париже на правах «частных лиц». Так или иначе, когда осенью 1925 г. связанная с Обером белогвардейская террористическая группа в южной Франции готовила по-

¹ New York Times, 20.XII 1922.

² Carlsson I. R. Op. cit., p. 240.

³ Leonard I. N. Op. cit., p. 208.

⁴ Известия, 1925, 28 июля.

кушение на Г. В. Чичерина, она, как впоследствии показал участник группы Эльвенгрэн, рассчитывала на денежную помощь от Форда¹. По показаниям другого члена лиги, сообщника Орлова Дружиловского, Форд в том же 1925 г. направил к нему своего представителя с просьбой доказать «связь одного из конкурентов Форда с Коминтерном»².

Есть основания считать, что Форд, как и Детердинг, фигурировал в то время в лиге Обера в числе так называемых «друзей лиги», то есть, согласно ее уставу, среди лиц, предпочитавших по тем или иным соображениям официально в нее не входить, но втайне ее поддерживать и финансировать. Следы отношений Обера с Фордом были, во всяком случае, замечены не менее тщательно, чем связи с Детердингом. Но факт, что такие отношения существовали на протяжении ряда лет, вне сомнений. Много позже, в годы второй мировой войны, Форд самым активным образом поддерживал в США пронацистских изоляционистов, а после войны его семья почти открыто занялась финансированием профессиональных антикоммунистов по всему миру.

2

«Национальный центр» женевской лиги в США был создан в 1926 г. До этого, как уже отмечалось, на ее международных конференциях от США участвовали лишь «наблюдатели». Выступая на митинге своих сторонников в Париже 30 октября 1926 г., Обер назвал Соединенные Штаты в числе стран, где у него свои люди. На конференции лиги в Гааге в 1927 г. уже участвовал не названный по фамилии «делегат из США».

Ясно и то, какие кадры, помимо белогвардейцев, присоединились к созданному Бразоном с благоволения Форда и ФБР американскому филиалу лиги. Связи с полицией и деньги Форда немедленно открыли старому охраннику двери к ряду уже существовавших организаций профессиональных антикоммунистов в США. Превращение антисоциалистов в антикоммунистов вслед за Октябрьской революцией произошло здесь с такой же молниеносной быстротой, как в Западной Европе. Главной из этих организаций был возникший еще в начале века «Национальный гражданский союз» (НГС).

Хотя число членов НГС после первой мировой войны не превышало пяти тысяч человек — в основном предпринимателей и близких им лиц, чиновников крупных корпораций, «желтых»

¹ Известия, 1927, 17 июля.

² Правда, 1927, 9 июля.

Оклеветанный в фальшивках, переданных Форду Орловым, известный американский журналист Г. Бернштейн привлек Форда к суду.

профсоюзников и т. д., его закулисное влияние было по-прежнему значительно. «Среди членов организации,— писал в 1922 г. американский профессор К. И. Беннет в книге «Союзы предпринимателей в США»,— всегда числились многие ведущие люди в мире финансистов. Едва ли верно, что какой-либо другой союз предпринимателей в стране так тесно связан с Уолл-стритом»¹. Даже членов исполнительного комитета НГС не осведомляли об источниках субсидий, поступавших в его кассу. После первой мировой войны все же стало известно, что к числу покровителей организации принадлежали, например, такие киты американского большого бизнеса, как глава моргановской сталелитейной корпорации Гэри, глава военно-химической корпорации сенатор Колмэн Дюпон, калифорнийский финансовый магнат Миллс, известный нью-йоркский мультимиллионер, друг иезуитов Брэди и зять железнодорожного короля Шеперд. Пост почетного председателя женского отдела НГС занимала тогда супруга самого президента США — Вильсона. В числе покровителей фигурировала и всемогущая нефтяная монополия Рокфеллеров «Стандард ойл».

Не менее тесные отношения, чем с дельцами большого бизнеса, поддерживались с полицией. Секретарь НГС Ральф Исли находился в постоянном контакте с У. Барнсом, главой ФБР, еще до Гувера. До прихода на этот пост Барнс был владельцем частного сыского бюро «Международное детективное агентство»². Бюро это, располагавшее 35 филиалами и специальными отделами по работе «в промышленности» и «среди левых»³, считалось в США вторым по значению среди коммерческих детективных агентств, специализировавшихся на штрейкбрехерских делах и слежке за рабочими по заданиям предпринимателей (первое место занимало агентство Пинкертон). В американской печати впоследствии сообщалось, что назначение Барнса главой вашигтонской охраны произошло благодаря хлопотам Исли и что Исли снабдил Барнса значительной суммой для расширения полицейских операций против коммунистов.

Особый отдел в бюро НГС занимался «изучением подрывных движений», то есть слежкой за прогрессивно настроенными людьми на заводах, в университетах и школах, среди иммигрантов-иностранцев, среди негров, в кругах журналистов и даже в церковных организациях. Барнс передавал Исли досье охраны по делам коммунистов, а Исли в свою очередь служил посредником между охранкой и руководителем «желтой» Американской федерации труда Гомперсом. В 1924 г., когда в Англии разразился скандал

¹ Bonnet C. E. Employers' Associations on the United States. New York, 1922, p. 408.

² Who was who in America, 1897—1942, p. 171.

³ Howard S. The Labour Spy. New York, 1924, p. 12.

по поводу подложного «письма Коминтерна», Барнс выступил с громовыми тирадами против американских коммунистов, заявив, что «в Соединенных Штатах свыше 600 тысяч красных, связанных с Москвой и готовых свергнуть наше правительство»¹. Когда факты о нечистоплотных махинациях Барнса просочились в печать, ему пришлось подать в отставку, но его место во главе Вашингтонской федеральной полиции занял его же помощник Эдгар Гувер, а начальником нью-йоркской полиции стал бизнесмен Гровер Уэллен. И тот и другой продолжали негласно сотрудничать с НГС. В то же время за спиной секретаря НГС в качестве его ближайшего советника стал действовать Бразоль.

Резидент женевской лиги систематически снабжал Исли «документами по советским и коммунистическим делам»². Изданные организацией НГС брошюры «Почему не надо признавать Советскую Россию», «Россия — не дружественная страна», «Очистить методистскую церковь от красных демонов» и т. д. были, вероятно, написаны Исли под диктовку Бразоля. Постепенно Бразоль вообще становился одним из активных деятелей НГС.

Бюро НГС с его обширными полицейскими контактами и влиятельными «частными» покровителями во всех отношениях подходило для того, чтобы стать главным филиалом женевской лиги в США. Чикаго, где пребывало это бюро, был одним из крупнейших промышленных центров страны и издавна районом особенно острых классовых битв. Хозяева чикагских корпораций, десятилетиями числившиеся среди наиболее агрессивных настроенных предпринимателей в США, еще более ожесточились после социалистической революции в России. Войнуствующий антикоммунизм вполне отвечал их интересам.

Помимо Бразоля активно действовал на службе антикоммунистов бежавший из России аферист-черносотенец: некто по имени Петр Афанасьев, он же «принц Кочубей» и «Питер Армстронг»³. Попав в 20-х годах в Чикаго, он назвался «экспертом» по советским делам и начал собирать вокруг себя сообщников из среды чикагских подонков. Впоследствии Афанасьев был приговорен американским судом к тюремному заключению за подделку чеков. Но еще до этого руководство его агентурной сетью в Чикаго перешло к партнеру Афанасьева Гарри Юнгу. Это тоже была колоритная фигура, но уже чисто американского типа.

¹ *Hargood N. Professional Patriots. New York, 1928, p. 97—99.*

Уитни, один из профессиональных антикоммунистов, которых Барнс снабжал «материалами», заявил публично: «Стою я во главе департамента юстиции или детективного агентства, я бы входил с провокационными целями во все радикальные организации».

² *Hargood N. Op. cit., p. 45.*

³ *Hargood N. Op. cit., p. 390—392.*

Юнг называл себя «ведущим экспертом в Америке по делам подрывных групп», то есть по рабочему движению, и занимался такими делами на строго коммерческих началах. Как и Исли в Нью-Йорке с его НГС, он возглавлял бюро, специализировавшееся на слежке за рабочими и на штрейкбрехерстве. Но бюро Юнга было не политическим объединением, а частной фирмой. Он собирал «информацию» о рабочих вожаках, подделывал такие материалы, классифицировал их и затем продавал эти досье предпринимателям оптом и в розницу за сходную цену. Что представляло из себя это торговое дело Юнга, видно из опубликованного впоследствии письма, адресованного Юнгу видным американским либеральным деятелем Рейни, бывшим одно время спикером палаты представителей конгресса США:

«У меня,— писал конгрессмен Рейни,— собраны доказательства того, что вы являетесь чем-то вроде сыщика, проникающего в дома пользующихся доверием деятелей рабочих организаций, чтобы мешать усилиям этих организаций улучшать условия жизни рабочих. Вы добываете эту «информацию», чтобы помогать «штрейкбрехерам». Из находящихся в моем распоряжении данных видно, что в районах, где нет профсоюзов, вы подстрекаете к стачкам и затем прекращаете стачки за определенную плату. По моим данным, вы занимаетесь грязной работой провокатора, направленной на то, чтобы разрушить организованное рабочее движение повсюду, где оно установило договорные отношения с предпринимателями»¹.

Вскоре после первой мировой войны Юнг расширил свой бизнес и перешел к настоящему, профессиональному антикоммунизму. Под названием «Разведывательный союз бдительных американцев» (РСБА) в Чикаго под его руководством возникла организация, продолжавшая то же коммерческое дело, но уже под «идеиной» политической вывеской. Членство в РСБА было секретным, каждый «бдительный» числился под номером, на сборищах практиковались таинственные церемонии ку-клукс-клановского образца. Фактически Юнг занимался все тем же: шпионажем за левыми и сбытом сфабрикованной информации. Сбывал он ее кому угодно. Клиентам христианского вероисповедания сообщалось, что Юнг следит за «еврейским коммунизмом», еврейским капиталистам — что он борется просто с «коммунизмом». Эта практика вполне оправдывала себя; деньги к Юнгу текли.

В Чикаго у антикоммунистов оказался свой местный Форд. Это был Роберт Маккормик, газетный король, один из самых богатых и самых влиятельных боссов города. Газета Маккормика «Чикаго трибюн» выходила миллионным тиражом и считалась

¹ *Hargood N. Op. cit.*, p. 392.

самым пошлым бульварным изданием в США. Как и Форд, Маккормик мечтал добраться до высших государственных постов. Республиканская партия в городе находилась под его контролем, и вокруг него роился целый улей боссов; уже в 20-х годах Чикаго считался бастионом крайне правых в США. Маккормик приблизил к себе Юнга, объявив его «авторитетом по вопросам коммунизма», и стал субсидировать агентуру РСБА. Дело дошло до того, что Юнгу и его союзу «бдительных» было предоставлено помещение в здании газеты Маккормика. Деньги поступали и от близких к Маккормику чикагских корпораций: треста универмагов «Сирс Рейбек», монополии сельскохозяйственного машиностроения «Интернейшнл харвестер компани», монополии жевательных резинок «Вригли» и ряда других. Престарелая дочь железнодорожного короля Гульда Эллен Шепхерд, занимавшая пост председателицы ультраправого «Национального общества дочерей американской революции», была настолько напугана «сведениями» Юнга о «предстоящей коммунистической революции» в США, что предоставила в его распоряжение тысячи долларов.

Юнг, как и Бразоль в Нью-Йорке, собирал вокруг себя и фашистов. Изданная в 1934 г. книга фашистки Элизабет Диллинг с «разоблачениями» о Коминтерне была написана с участием Юнга и не без помощи их общего покровителя газетного короля Маккормика. Примечательно, что и первая организация германских нацистов в США, возникший в Чикаго еще в 1924 г. «Тевтонский клуб», также была связана с Афанасьевым и Юнгом. Основателем этой организации, впоследствии разросшейся в крупный «Германо-американский бунд», был соратник Гитлера по мюнхенскому «пивному путчу» в 1923 г. Фриц Гиссибль. В 30-х годах листок Юнга «Бдительный» фигурировал в системе изданий, рекламировавшихся международной нацистской организацией «Вельдинст».

С женевской лигой чикагское бюро «бдительных» было связано не менее тесно, чем нью-йоркское бюро Бразоля. Юнг, разумеется, был не чета Бразолю. Это был ловкий делец, делающий из политических провокаций доходный бизнес. После второй мировой войны он продал этот бизнес вместе с собранными им досье о коммунистах новому чикагскому филиалу международной антикоммунистической организации, и архив Юнга используется его преемниками по сей день. У Юнга было больше отношения к уголовному миру, чем к политике. Но для лиги Обера такой человек был вполне подходящим агентом. Район Чикаго с его острыми классовыми столкновениями и миллионерами-ультра имел немалое значение для американской секции международного антикоммунистического штаба. Один чикагский республиканский босс Маккормик стоял целой агентурной сети.

Узлы той же сети можно было в 20-х годах найти и в других районах США. Так, в Калифорнии филиал лиги действовал под названием «Союз за лучшую Америку». В этом штате предприниматели в то время доходили до того, что пытались задуть не только коммунистическое, но даже и обычное профсоюзное движение. Во главе их стоял местный богач, владелец ультраправой газеты «Лос-Анджелес таймс» Чандлер, и антикоммунистическая агентура пользовалась его покровительством. Летом 1927 г. парижский орган женевской лиги «Красная волна» сообщил, что состоявшаяся в Санта-Круз «правительственная» (читай: полицейская) конференция выразила одобрение деятельности «Союза за лучшую Америку», «храбро сражающегося против социализма и коммунизма, добывающего прямым путем обширную информацию о подрывных действиях и передающего эти сведения нашим государственным учреждениям и национальным объединениям, помогая им таким путем улучшить свою работу». Полицейские власти Калифорнии, таким образом, даже не скрывали, что представляла собой эта организация. Их конференция постановила оказать союзу «моральную и финансовую поддержку». Сообщая об этом, беровский орган добавлял: «Бюро лиги активно участвует в снабжении информацией «Союза за лучшую Америку», как и различных других организаций в США».

Картина была повсюду одна и та же. Где бы в Америке ни возникала агентурная сеть международного объединения профессиональных антикоммунистов, она становилась под двойную опеку: полиции и корпораций.

Бразоль продолжал свою работу для лиги и после того, как Форд в 1927 г., убедившись в непригодности разоблаченных фальсификаторов и погромщиков для достижения своих политических целей, распустил содержавшуюся им агентуру. Оставаясь за кулисами, старый организатор «дела Бейлиса» по-прежнему «консультировал» провокаторское бюро НГС. В 1929 г. Бразоль участвовал вместе с Орловым в подлоге писем, якобы уличавших либеральных американских сенаторов Бора и Норриса в получении субсидий из Москвы. В 1930 г. он был замешан вместе с Исли в еще более громком деле подлога «письма Коминтерна американским коммунистам». В то же время в руках Бразоля сходились нити к фашистским вожакам в США.

По свидетельству встречавшегося с ним журналиста Карлсона, в 20-х и 30-х годах в близких отношениях с нью-йоркским уполномоченным лиги Обера находились такие махровые американские фашисты, как прогитлеровский полковник Сэнкчюэри, автор «исследования» о Коминтерне «Красная паутина» Элизабет Диллинг, известный реакционный агитатор священник Кофлин, главарь канадских нацистов Арканд, главарь «русской фашистской партии»

в США Вонсяцкий и другие¹. В конце концов Бразоль, как и другие американские участники лиги Обера, стал прямым агентом Гитлера. Во время второй мировой войны в разговоре с Карлсоном, которого он считал единомышленником, Бразоль заявил: «Наша задача отныне заключается в том, чтобы готовить руководителей тайно, держать их в тени, так, чтобы, когда нас посадят в концентрационный лагерь, они сумели бы продолжать руководить движением». К тому времени Бразоль уже явно работал для гестапо. Его старый сообщник Исли был еще в 1935 г. публично причислен к американским нацистам².

Хотя женевскому центру и удалось закрепить свои нити за океаном, махинации Рейли, Бразоля, Исли, Юнга, Афанасьева и их сообщников никаких значительных результатов до конца 20-х годов не дали. Репутация всех этих личностей была такова, что даже субсидии Форда не помогли создать в США действительно мощную, боевую организацию антикоммунистов. В 1927 г., когда скандал с белогвардейской агентурой Форда начал угрожать сбыту его автомобилей, иссякли — по крайней мере на время — и эти субсидии. Филиалу лиги снова пришлось взывать ко всем, у кого имелись чековые книжки.

В 1930 г. попытался исправить положение сам Обер. Приехав в США, он, согласно его позднему отчету, завязал «прочные отношения с важными деятелями торговой палаты штата Нью-Йорк», чтобы воспрепятствовать развитию советско-американской торговли. В результате сговора Обера с торговой палатой «желтой» Американской федерации труда и другими «американскими друзьями» была начата широкая антисоветская кампания. Заехав в Вашингтон, он принял участие в конгрессе «Международной торговой палаты», чтобы «встретиться с влиятельными американскими и европейскими деятелями и побудить их к борьбе перед лицом серьезной опасности». Можно не сомневаться, что какие-то «пожертвования» перепали лиге и по этому случаю.

Начавшийся в 1929 г. грозный экономический кризис, смертельно напугавший американских миллионеров, вновь окрылил надежды профессиональных антикоммунистов. Их руками и был подстроен сенсационный подлог «письма Коминтерна к американским коммунистам» в 1930 г., послуживший поводом для начала новой ожесточенной травли коммунистов. Лига Обера принимала непосредственное участие в этом деле. В печати, однако, международный аспект провокации отражения не нашел. Американский филиал женевского центра был закамуфлирован с немалой тщательностью. В отличие от того, что имело место в Англии, Герма-

¹ Carlson I. R. Op. cit., p. 177, 179, 207.

² Spivak I. L. America faces barricades. New York, 1935, p. 205.

пии и во Франции, в газетах о нем в это время вообще не упоминалось.

С обострением кризиса деятельность этого филиала еще более активизировалась, распространившись на высшие политические сферы. В соприкосновение с бюро Исли и Бразоля НГС вошли три известных американских политика, за каждым из которых стояли влиятельные буржуазные круги. Одним из них был реакционный конгрессмен Фиш, ставший председателем комиссии палаты представителей по расследованию деятельности коммунистов. Через Фиша нити от тайной антикоммунистической организации начали протягиваться до дверей конгресса США. Сфабрикованная ее участниками литература рассылалась по почте бесплатно со штампом конгрессмена Фиша¹. Связи с «желтыми» профсоюзами были также закреплены. Место умершего Гомперса в руководстве НГС занял вице-президент Американской федерации труда Уолл; его даже сделали президентом НГС.

В этот период активную роль среди участников жепевской лиги в США начал играть уже упоминавшийся белогвардеец Георгий Джамгаров — владелец сысского бюро «Информационная служба АБЦ», подручный начальника нью-йоркской полиции Уэлена и технический организатор подлога с американским «письмом Коминтерна». Авантюрист был назначен консультантом конгрессмена Фиша. Дело было в том, что Джамгаров на свой риск и страх — но и с помощью Бразоля — продолжал в Нью-Йорке работу тайной агентуры Форда, распущенной автомобильным королем в 1927 г. В этом и состоял его бизнес. Провал широко задуманной провокации с американским «письмом Коминтерна» не остановил ни Джамгарова, ни его заказчиков.

Уже через полгода после скандала с этой фальшивкой, в январе 1931 г., в Нью-Йорке объявила о своем существовании новая организация под названием «Комитет борьбы с коммунизмом»².

В переданном печати сообщении говорилось, что к комитету примкнуло более шести десятков «национальных, патриотических, гражданских, церковных и рабочих организаций», якобы представляющих свыше 30 млн. американцев. Цифра была смехотворна, но список примкнувших организаций был все же внушительен. В их числе назывались «Американский легион» (весьма влиятельный реакционный союз американской военщины), католический орден «Рыцари Колумба», «Ассоциация офицеров резерва», «Ассоциация военно-воздушного флота», «Союз ветеранов», «Союз бойскаутов», «Американская федерация труда», управление католической епархии Нью-Йорка, управление протестантской епископальной церкви в США, союз «Католические дочери Америки»,

¹ Riess C. Nazis Go Underground. New York, 1944.

² New York Times, 10.I 1931.

торговая палата штата Нью-Йорк и т. д. Тут же фигурировали чикагское бюро Юнга («Разведывательный союз бдительных американцев»), калифорнийское бюро «За лучшую Америку» и другие местные разветвления лиги Обера. Это был подлинный ареопаг американских реакционных организаций, начиная от мелких шовинистических объединений и кончая крупными военными и полуфашистскими объединениями. Простое сличение адресов показывало, что «Комитет борьбы с коммунизмом» помещался там же, где сыскное бюро Джамгарова «Информационная служба АБЦ». Это, возможно, и была теперь явочная квартира «национального центра» Обера в США.

На созванном этим комитетом «массовом митинге» в Нью-Йорке выступили конгрессмен Фиш, иезуитский патер Уолш и вице-председатель Американской федерации труда Уолл — все те же высокопоставленные застрельщики антикоммунистической кампании. Газеты сообщили, что в состав комитета вошли уполномоченный нью-йоркского кардинала, уполномоченный нью-йоркского протестантского епископа, представитель «Американского легиона», бывший заместитель генерального прокурора Нью-Йорка, представительница женской реакционной организации «Дочери американской революции» мультимиллионерша Эллен Шепхерд и другие лица, среди них дама по фамилии Лумис, известная как покровительница Джамгарова, а также как разъездной агент монархистов-кирилловцев и ярая сторонница фашизма¹. «Комитет по борьбе с коммунизмом» включился в кампанию за объявление Коммунистической партии США вне закона, за введение эмбарго на советские товары и против установления дипломатических отношений с СССР². Мало того. В резолюции организованного Джамгаровым митинга антикоммунистов выдвигалось требование предоставить вашингтонской охранке «полномочия для розыска, тщательной проверки и постоянного наблюдения за организациями коммунистов».

Несмотря на все усилия, организаторы кампании не добились успеха и на этот раз. В 1933 г. правительство Рузвельта, сменившего Герберта Гувера на президентском кресле, установило дипломатические отношения с Советским Союзом. Не дошло дело и до запрещения Коммунистической партии США. В 1932 и 1935 гг. Джамгаров организовал новые «антикоммунистические съезды»³, но его репутация была уже слишком подмочена махинациями с уголовным душком. В 1933 г. Джамгаров был обвинен в торговле удостоверениями для иммигрантов⁴. Его связи с полицией все же

¹ New York Times, 19.VII 1930; *Ludecke E.* Op. cit., p. 565—566.

² New York Times, 10.I 1931.

³ New York Times, 26.II 1951.

⁴ New York Times, 24.IV 1933; 7.XII 1933; 16.II 1939,

не прерывались. Когда на заводах автомобильной монополии «Дженерал моторс корпорейшн» в Флинте заволновались рабочие, местные полицейские власти пригласили Джемгарова в качестве эксперта, чтобы консультироваться с ним о способах борьбы с прогрессивными профсоюзами¹. После второй мировой войны Джемгаров вновь выплыл наружу в роли организатора очередного «антикоммунистического съезда».

Американский филиал лиги Обера был построен по тому же образцу, что филиалы в Англии, Германии и во Франции, и в своих махинациях применял такую же технику. Его руководители и агенты продолжали действовать в том же плане вплоть до середины 30-х годов, когда управление международной антикоммунистической сетью перешло в другие руки. В зависимости от политического положения в стране и на международной арене их активность то слабела, то вновь усиливалась. Но одно оставалось неизменным: связи с откровенными фашистами здесь, как и в Западной Европе, становились все крепче и крепче.

Какой из филиалов «Международной лиги борьбы против III Интернационала» совершил в 20-х и начале 30-х годов больше преступных и грязных дел — английский, германский, французский или американский?

Трудно ответить на этот вопрос. Один стоил другого.

¹ *Dunn R. W. Spying on Workers. New York, 1932, p. 26.*

Глава тринадцатая

ШПИОНАЖ ЗА КОММУНИСТАМИ КАК РЕМЕСЛО

1

Уже вскоре после основания женевской антикоммунистической лиги ее руководителям самим становилось ясно, что ни террор, ни политические провокации против руководителей революционного рабочего движения не остановят роста коммунистических партий в капиталистическом мире. Покушения и нападения на коммунистов не прекращались; бланки подложных документов со штампом «Коминтерн» фабриковались в любом количестве и по любому заказу; бульварные газеты продолжали выходить с кричащими заголовками о новых сенсационных разоблачениях «из первоисточников», о «руке Москвы». Но революционное рабочее движение в Европе и на других континентах не утихало. Обер и его подручные волей-неволей убеждались, что дело не только в энергии и преданности своему делу коммунистических руководителей, но прежде всего в самих рядовых рабочих, в пролетарской массе, продолжавшей, несмотря ни на что, пополнять ряды коммунистических организаций, в неодолимой силе марксистско-ленинских идей. Приходилось придумывать иные средства; прежде всего — пытаться проникнуть в гущу трудящихся.

Решение, к которому пришли профессиональные антикоммунисты, было типично для этих людей, выкормленных разведками, охранками и полицейскими управлениями. Их организациям повсюду была дана директива наладить постоянную слежку за рабочими на самих предприятиях.

Идея заключалась в том, чтобы каждый активный коммунист, кто бы он ни был, где бы ни проживал, чем бы ни занимался, находился под непрерывным наблюдением антикоммунистов. Ни одно крупное предприятие или учреждение не должно было ускользнуть из сети надзора.

Осуществление подобных мероприятий ставило перед международным антикоммунистическим штабом задачу, которую собственными силами он решить не мог. Его «асы» по части террора и провокаций не годились для такого дела. Здесь требовался огромный аппарат; тысячи и тысячи мелких агентов, осведомителей,

филеров, соприкасавшихся с коммунистами и левыми социалистами по месту работы.

Сама по себе идея массовой слежки за рабочими была не нова. Этот метод еще задолго до первой мировой войны широко практиковался предпринимателями в США. С течением времени в Америке возникла даже особого рода профессия — так называемых «промышленных сыщиков». Во всех крупных городах и промышленных районах действовали частные сыскные агентства, специализировавшиеся на шпионаже на предприятиях и штрейкбрехерстве. После первой мировой войны в США их насчитывали сотнями. Крупнейшие из них, правда занимавшиеся не только слежкой за коммунистами — агентства Пинкертона, Шермана, Барнса и некоторые другие, — располагали отделениями в десятках городов, содержали, по умеренным подсчетам, 135 тыс. служащих и платных агентов и ежегодно выкачивали из этого дела около 50 млн. долл. дохода¹. Некоторые из таких фирм именовали себя агентствами «инженеров в области человеческих отношений», другие — агентствами по «примирению и по урегулированию» социальных вопросов, третьи — просто сыскными бюро, но все занимались одним и тем же: работой по разложению профсоюзов изнутри, доносами на активистов рабочего движения и штрейкбрехерством; все это — на коммерческих началах, по заказу и за определенную плату.

Их опытом и заинтересовались филиалы лиги Обера. Для них важно было уже то, что на такой основе все дело могло не только окутать себя, но и приносить значительный доход.

Как американские агентства промышленных сыщиков договаривались об этой работе с предпринимателями, видно из конфиденциальных циркуляров, рассылавшихся им частным компаниям. Некоторые из них попадали в руки рабочих и публиковались в социалистической печати. Одно из таких агентств, например, извещало предпринимателей, что берет на себя следующие обязательства:

«Мы беремся: 1) организовать профсоюзы на ваших предприятиях и гарантировать, что у вас никогда не будет стачек; 2) если профсоюзы на ваших предприятиях уже существуют, мы беремся в течение не более чем 60 дней разрушить их путем внутренних склок и личных интриг, лишив их боеспособности».

Агентство Шермана, предлагая частным фирмам свои услуги, ссылалось на то, каким образом ему уже удалось покончить с одной забастовкой: «Через наших тайных агентов, в особенности тех из них, которые добились влиятельного положения в местной ор-

¹ *Buchner I. The Agent Provocateur in the Labour Movement. London, 1932, p. 40.*

ганизации (рабочего движения.— Э. Г.), мы были заранее осведомлены о каждом шаге бастующих и сумели таким путем... довести дело до ареста и судебного осуждения нескольких лиц... Местный профсоюз был разложен, и профсоюзное движение не распространялось на ту отрасль промышленности, в которой наш клиент занимает ведущее положение».

Агентство Данна рекламировало себя следующим образом: «Мы можем поместить на вашем предприятии чернорабочих, механиков, конторщиков, бухгалтеров, лиц любой профессии, которые добудут информацию о готовящихся рабочих беспорядках... Мы... сорвем стачку таким образом, что вам уже не придется пользоваться трудом организованных рабочих или других неугодных вам лиц». Некто Коч, владелец сыскного агентства в Кливленде, сумевший в ходе одной забастовки предоставить в распоряжение предпринимателей 10 тыс. штрейкбрехеров, заявил: «В промышленности (сыщиком.— Э. Г.) можно заработать больше денег, чем имея дело с уголовными преступлениями». Он же утверждал, что «владеет всеми профсоюзами в городе»¹. Агентство Бэрнса, владелец которого вскоре после первой мировой войны был назначен главой американской федеральной полиции, приобрело известность тем, что во время стачки машиностроителей в штате Иллинойс поручило своим агентам в целях дискредитации бастующих бросить бомбу. В некоторых случаях промышленные сыщики сами искусственно вызывали забастовки, чтобы расправиться с рабочими.

Махинации такого рода десятилетиями считались предпринимателями в США обычным и незаменимым средством в борьбе с рабочим движением. Агентства промышленных сыщиков, некоторые из которых разрастались в целые концерны, преследовали две главные цели: разлагать профсоюзы и срывать забастовки. Метод их работы сводился прежде всего к неусыпному наблюдению за трудящимися. Как это делалось на практике, видно опять-таки из их циркуляров и инструкций. Эти документы заслуживают особого внимания; судя по всему, профессиональные антикоммунисты в 20-х и 30-х годах почерпнули из них многое для создания своей собственной сети в разных странах, и кое-что используется их преемниками до сих пор.

В письме, направленном предпринимателям агентством «Корпорейшн оксигнери компани», действовавшим в Нью-Йорке, Чикаго, Детройте и шести других городах, говорилось:

«На протяжении свыше четверти века единственным делом нашей фирмы было изучение промышленных и трудовых вопросов. Для того чтобы выполнять эту работу, мы окружили себя

¹ Howard S. The Labour Spy. New York, 1924, p. 20—21.

мужчинами и женщинами разных профессий и национальностей, входящих в широко разветвленные организации... Наши представители работают у вас на тех же началах, что другие рабочие. Они ежедневно изучают и докладывают нам о точке зрения рабочих относительно существующих на предприятиях условий... Там, где мы сталкиваемся с организованным рабочим движением, мы стараемся использовать влияние наших представителей, чтобы распространить среди окружающих их людей надлежащие взгляды. В ходе каждой операции мы стремимся сделать нашего представителя целительной силой внутри его небольшого кружка. По мере увеличения числа его знакомых расширяется радиус его влияния...» В другом письме того же агентства пояснялось, для чего это делается: «Мы содействуем тому, чтобы потихоньку, без или почти без трений устранить агитатора и организатора (то есть честного рабочего активиста.— Э. Г.). Пользуясь нашими услугами, вы всегда будете знать, кто из ваших рабочих лоялен, на кого можно полагаться»¹.

Еще конкретнее разъяснялись приемы данного агентства в инструкции, рассылавшейся его агентом на предприятия. В ней указывалось: «Всегда пытайтесь установить, кто состоит членом рабочей организации. Немедленно сообщайте об этом в вашем ежедневном донесении. Будьте компанейским человеком. Общайтесь с рабочими во время обеденного перерыва, в цехах, в трамвае. Старайтесь разузнать, что они думают, довольны ли или недовольны своей работой. Пытайтесь узнать, вовлекают ли они других в свою организацию. Будьте всегда настороже. Не показывайте слишком много денег, но и не скупитесь. Будьте готовы израсходовать несколько центов на напитки, если это побудит человека заговорить. В организации, в которую вы входите, добивайтесь максимальной популярности. Старайтесь, чтобы вас избрали на столько постов, сколько только можно, и, чем они выше, тем лучше»².

Когда рабочие в Детройте разоблачили одного из шпииков этого агентства, в его кармане нашли следующую инструкцию: «Назовите по фамилиям рабочих, являющихся агитаторами или недовольных условиями. Вышлите фамилии всех известных вам членов братства «Индустриальные рабочие мира», красных и социалистов, работающих на вашем предприятии». До каких тонкостей доходили промышленные сыщики в США при «психологическом» инструктаже шпииков, видно из такой директивы: «Когда вы действуете среди членов братства «Индустриальные рабочие мира» (боевая организация с синдикалистским уклоном.—

¹ *Howard S. Op. cit.*, p. 16—17.

² *Dunn R. W. Op. cit.*, p. 9.

Э. Г.), надевайте изношенную одежду и обувь и не брейтесь. Имея дело с коммунистами, вы можете одеваться немного лучше, а когда вам приходится общаться с членами социалистической партии, ведите себя как человек из среднего слоя»¹.

Промышленные сыщики должны были уметь действовать под любой личиной и приспособляться к взглядам или вкусам любой группы рабочих. Как правило, их вербовали из числа детективов по уголовным делам. По некоторым данным, оплата каждого такого осведомителя составляла после первой мировой войны 10 долл. в сутки плюс издержки, но с вычетом получаемой им на предприятии заработной платы. Это считалось довольно высокой ставкой.

Стоит, наконец, привести выдержки из подробной инструкции агентам нью-йоркского сысканого бюро Шермана, располагавшего отделениями в шести других городах США. По своей дотошности этот документ, своего рода учебник для антикоммунистических конспираторов на заводах, уникален.

«Являясь нашим сотрудником,— инструктировались агенты Шермана,— вы будете именовать себя представителем... Вам дадут определенный номер, под которым вы будете известны только нам и которым вы будете подписывать свои донесения, счета и все другие документы, кроме телеграмм. Так как ваше задание должно считаться абсолютно секретным, вы должны в разговорах с кем-либо о своей профессии и занятии точно следовать всем нашим указаниям. Устав и правила нашей организации предписывают, чтобы никто, даже ближайшие друзья и родственники, ничего не знал о поручениях, которые даются нашим представителям... Все расходы по выполнению задания оплачиваются нами авансом. Получив задание, вы обязаны ежедневно составлять и пересылать нам по почте подробный письменный отчет, в котором укажете время, когда приступили к работе, когда ее прекратили, что видели и слышали в связи с данным поручением.

Если,— говорилось далее в инструкции,— вам поручено работать на заводе, с вами будут там обходиться как со всеми другими рабочими и вы будете получать зарплату в соответствии с выработкой. Ваша зарплата будет вычитаться из вашего жалования (как агента.— Э. Г.). Вы будете часто получать от нас инструкции и должны отправлять их нам обратно вместе с конвертом сразу же после того, как внимательно их прочитали и усвоили. Вы не должны оставлять их при себе дольше, чем на 12 часов... Вы ни в коем случае не должны пользоваться телефоном, если в городе, где вы работаете, не свыше 50 тыс. человек населения. В противном случае вы обязаны поехать в ближайший

¹ *Buchner I. Op. cit., p. 41.*

город на расстояние не менее чем пять миль от предместья того пункта, где работаете. Если вам придется часто говорить по телефону, вы не должны пользоваться одной и той же станцией и уж ни в коем случае открытым телефоном...

Не называйте нашей организации... При отправлении ежедневных донесений следите за тем, чтобы за вами никто не наблюдал и чтобы почтовые служащие не заметили письма, опускаемого вами в ящик... Устав и правила нашей организации запрещают вам сообщать кому бы то ни было о вашей связи с нами или с данным делом, если на то не будет особых указаний...

Система нашей работы часто приводит к необходимости иметь на том же предприятии несколько представителей, не знающих друг о друге. Поэтому, если вы приметите в них наших агентов, не подходите к ним и не говорите с кем-либо из них о вашем деле, если на то не будет особых распоряжений от вашего начальника. Ни вы, ни они не должны подавать вида, что знаете друг друга. Это правило нельзя нарушать ни в коем случае... Владелец предприятия, на которое мы вас посылаем и который нам платит, именуется клиентом. Вы никогда не должны общаться с клиентом, даже если знаете его в лицо, если на то нет определенных указаний от начальства.

Держитесь естественно, руководствуйтесь во всех ваших поступках здравым смыслом и живите в соответствии с вашим официальным заработком. Не очень умно считаться рабочим и при этом жить в хорошей гостинице и бросаться деньгами. Это сразу обратит на вас внимание и лишит вас возможности добиться успеха в вашей работе... Снимайте такое же помещение для жилья, как у любого другого рабочего, но непременно отдельную комнату. Не делите ее ни с кем другим, так как присутствие постороннего лица окажется серьезной помехой, когда вы будете писать ваши донесения и счета. При составлении донесений вы должны проявлять большую осторожность, следить за тем, чтобы за вами не наблюдали другие рабочие, квартирная хозяйка, соседи по квартире или кто-либо еще... Помните: вы должны быть последовательны, и когда вы объясняете, каким образом попали в данный город или что вы тут делаете, говорите всем одно и то же»¹.

Так еще до первой мировой войны и после нее работали сыщики из частных детективных агентств, посылавшиеся на предприятия. Это происходило, разумеется, не только в США. Такие же агентства действовали в Англии, Германии, во Франции² и в других странах, хотя и не в подобных масштабах. Ряд фактов

¹ *Dunn R. W. Op. cit., p. 11; Howard S. Op. cit., p. 51—55.*

² См., например, *Pardieu J. Dans les Bagnes industriels français. Paris, 1933.*

и документов подтверждает, что лига Обера уже с середины 20-х годов начала пользоваться их опытом. Некоторые из старых промышленных сыщиков, специалистов этого дела, вроде Гарри Юнга в Чикаго, даже перешли на ее службу. Многие правила конспирации, выработанные частными сыскными агентствами для своих шпииков и провокаторов на заводах, вполнегодились профессиональным антикоммунистам. Но они все же взялись за дело на свой лад.

2

Главной целью слежки за рабочими, проводившейся промышленными сыщиками в США, была борьба против рабочего движения, прежде всего на экономическом фронте. Монополии нанимали сыщиков главным образом для того, чтобы не допустить создания боевых профсоюзов на своих предприятиях либо же чтобы раскалывать уже созданные организации, сеять недоверие к их руководителям, выведывать профсоюзные секреты, натравливать рабочих друг на друга, удалять с предприятий активистов и т. д.

Второй, не менее важной целью были предотвращение стачек и подрыв единства рабочих, если стачка все же начиналась. Слежка за политическими организациями революционного рабочего движения велась, как правило, также прежде всего под углом зрения непосредственных экономических интересов отдельных концернов, заботившихся в первую очередь о своих собственных предприятиях. Для защиты общеклассовых политических интересов капитала клиентура промышленных сыщиков использовалась лишь во вторую или даже в третью очередь. Наблюдение за революционными рабочими организациями в государственном масштабе доверялось полиции. При этом наибольшее внимание американские монополии в тот период обращали опять-таки на организации с синдикалистским уклоном в сторону предпочтения экономической борьбы, типа братства «Индустриальные рабочие мира».

Когда созданная в середине 20-х годов международная антикоммунистическая лига Обера включила в свою программу массовый шпионаж за рабочими, вопрос был с самого начала поставлен по-иному. Руководство лиги предписывало своим «национальным центрам» в разных странах сосредоточиться не на экономическом, а на политическом наблюдении за рабочим движением — на слежке за коммунистическими партиями. Тут профессиональные антикоммунисты изъясляли перед полицией и предпринимателями готовность взять на себя значительную часть всего дела. Главное, с их точки зрения, заключалось в том, чтобы повернуться лицом к решающему фронту классовой борьбы, взять важ-

пейший прицел — на коммунистов; сделать шпионаж за ними не эпизодическим или местным мероприятием, а постоянным и повсеместным явлением, нормой в капиталистическом мире.

То, что предложения лиги Обера не остались на бумаге, а в ряде стран тогда же начали практически проводиться в жизнь, подтверждается фактами. На ее второй конференции, состоявшейся в 1925 г., делегаты уже обменивались приобретенным опытом. Представитель бельгийского центра сообщил, как организованы в его стране тайные антикоммунистические «ячейки» на предприятиях: «Ячейка создается сверху. Сам хозяин предприятия становится ее организатором и первым членом. Затем он обращается к высшим должностным лицам завода, а те в свою очередь берут на себя обязанность выбирать среди рабочих людей, на которых можно положиться».

План повсеместного создания «антибольшевистских ячеек» на предприятиях во главе с хозяевами был на конференции одобрен. Задача, указывалось в протоколе, состоит в том, чтобы дать предпринимателям возможность «внедряться в коммунистические организации», «наблюдать за коммунистами, их организациями и их поведением», раскрывать «заговоры против существующего порядка, выслеживать и уничтожать действующие коммунистические ячейки, поддерживать строгую дисциплину, вести систематическое наблюдение за каждым рабочим во время работы, внимательно следить за рабочими-иностранцами, налаживать охрану предприятия и т. д.». Все это отчасти звучало как пересказ инструкций, рассылавшихся в прошлом промышленным сыщикам в США. Но теперь ударение делалось не на профсоюзах или на синдикалистских организациях, а целиком на коммунистическом движении.

В те же директивы было включено указание, что особое внимание при налаживании слежки за рабочими надлежит обратить на женщин и даже на детей рабочих. Делегат из Франции добавил: «Как известно, женщина всегда больше верует, чем мужчина. Следует также действовать с помощью духовенства». Было предложено наладить специальные курсы для обучения агентов, входящих в тайные антикоммунистические ячейки на заводах, а также организовать «крестьянские группы» для наблюдения за железными дорогами, телефоном и телеграфом в сельских местностях¹.

Это была детально разработанная схема антикоммунистического шпионажа «снизу доверху», начинающегося в цехах и кончающегося на высшем полицейском уровне. Как осуществляли эту схему в отдельных странах, видно из следующих примеров.

¹ Internationale Presse-Korrespondenz, 31.VII 1925, S. 1585.

В мае 1927 г. в органе французского центра лиги «Красная волна» появилось сообщение об опыте создания тайных антикоммунистических «ячеек» на парижских предприятиях. Выражая «глубокое удовлетворение» по поводу «учащающихся фактов осуществления наших идей» и отмечая, что за несколько месяцев в левобережных районах Парижа уже создано 50 «контр-ячеек», журнал приводил выдержки из отчетов организаторов этого дела:

«В противовес коммунистическим ячейкам мы создаем в универмагах, банках, во всех учреждениях и министерствах, на заводах и верфях контр-ячейки, которым даются следующие задания:

1. Наблюдать за работой коммунистических ячеек и агитаторов на предприятии. Передавать нам их издания, циркуляры и листки. Осведомлять нас о развитии, формах и активности их пропаганды.

2. Противодействовать этой пропаганде всеми возможными способами. Быстро и осторожно распространять на предприятии, как в обычное время, так и в особенности во время избирательных кампаний, наши циркуляры, брошюры, листовки и т. д. ...

Нашим агентурам (то есть центрам, управляющим, осведомителям.— Э. Г.) не следует сводить друг с другом служащих или рабочих одного и того же предприятия. Контр-ячейки, таким образом, должны создаваться вне агентур, внутри предприятия, по инициативе какого-либо активиста. Факт создания контр-ячеек и их состав следует держать в тайне... Желательно, чтобы в контр-ячейки входило лишь небольшое число лиц, от пяти до десяти, по возможности распределенных по разным отделам предприятия. Когда на каком-то предприятии одновременно создается несколько контр-ячеек без того, чтобы они знали об этом, мы не должны связывать их между собой, каждая должна действовать сама за себя. Там, где контр-ячейка не возникла, обязательно необходимо, чтобы мы по крайней мере имели своего представителя...

Наши друзья поймут необходимость быстро отозваться на наш призыв. Контр-ячейка... представляет собой существенную часть огромной оборонительной стены, которую мы воздвигаем в этот момент на пути революции. Дело храбрых показать, что они способны проявить столько инициативы, ума и способностей, сколько проявляют другие (то есть коммунисты.— Э. Г.).»

Французские оберовцы сопровождали это сообщение следующим замечанием: Друзья лиги знают, что эффективная оборонительная система такого рода уже была организована с успехом в нескольких странах.

Два года спустя в органе польского центра женевской лиги журнале «Борьба с большевизмом» появилась значительно более подробная и откровенная инструкция о роли «контр-ячеек». Профессиональные антикоммунисты в Польше стеснялись таких дел значительно меньше своих французских собратьев и не считали нужным заниматься маскировкой, хотя и всячески подчеркивали необходимость сугубой осторожности.

«Вербовка рабочих в контр-ячейки,— говорилось в их инструкции,— дело чрезвычайно деликатное, требующее большого такта, знания людей и своего окружения». Главная задача — «сбирать информацию о враге». В эту графу должен быть включен сбор сведений о «достоинствах и недостатках руководителей коммунистических ячеек, о числе и силе их приверженцев». Сюда же относится «перехватывание коммунистических листовок, изданий, уведомлений о коммунистических собраниях, даже и тех, которые уже имели место, засылка наших контр-ораторов на коммунистические собрания — в случае, если можно рассчитывать на несомненные результаты. Посылать наших контр-ораторов,— добавляли авторы инструкции,— следует туда, где ячейка (антикоммунистов.— Э. Г.) уже сильна и где наш организатор может рассчитывать на достаточную помощь со стороны нескольких достаточно крепких и решительных молодых людей... По мере возможности нужно заранее обеспечить помощь со стороны дружески настроенных предпринимателей или контор по найму труда, чтобы при нужде быстро найти работу для такого члена национальной контр-ячейки, которого коммунисты раскрыли. Такой рабочий обычно либо подвергается преследованиям и нападениям со стороны коммунистов, либо дирекция увольняет его по собственной воле... либо же, наконец, увольнение происходит под напором коммунистических заводских ячеек. Это нужно предвидеть».

В буржуазной Польше тех лет коммунистическая партия находилась на нелегальном положении, и полиция не останавливалась ни перед чем, чтобы ее уничтожить. В этих условиях профессиональные антикоммунисты видели свою главную задачу в засылке провокаторов в коммунистические организации и в физической расправе с рабочими. Смертельный страх перед коммунистами окрашивал всю инструкцию польского центра лиги. На Западе компартии большей частью существовали легально. Тем не менее директивы французской агентуры в основном сходились с инструкциями польского филиала.

В США такая же работа велась теперь под покровом характерной для американских ультра «мистической» обрядности. В Нью-Йорке этим занимались бюро НГС и связанная с ним агентура Джамгарова АБЦ, в Чикаго — основанный старым про-

мышленным сыщиком Юнгом «Разведывательный союз бдительных американцев». Члены этого союза числились под номерами и имели пароли, «добровольцам», приносившим «особо ценную» информацию о коммунистах, выдавались премии. Юнг рассказывал своим подчиненным, что действует согласованно с местной и федеральной полицией, с разведками армии и флота и с другими правительственными агентствами. В выпускавшихся им бюллетенях из номера в номер печатались таинственные донесения «из первоисточников» о работе американских коммунистов.

Как мы увидим, такими же делами агенты лиги Обера занимались тогда даже в чанкайшистском Китае, где шанхайский филиал их организации с этой целью завязал отношения с местными гангстерскими бандами¹. Программа организованного в международном масштабе шпионажа за рабочими была разработана в Женеве с учетом особенностей разных стран. Допускались, как допускаются и по сей день, всевозможные «локальные» варианты. Но повсюду, будь то в Европе, Америке или Азии, действовало одно и то же основное правило: для профессиональных антикоммунистов шпионаж за коммунистами должен стать настоящим ремеслом, а по возможности — и искусством.

3

Совершенно очевидно, что дела такого рода и в таком масштабе не могли предприниматься филиалами лиги Обера без теснейшего контакта с полицией данных стран. Так это и было. Афера с подлогами «писем Коминтерна» в Англии и Америке в 20-х и 30-х годах в какой-то мере приподняла завесу над этими контактами. В обоих случаях в провокациях лиги, как обнаружилось, были замешаны высшие полицейские власти. Но эпизодическим сотрудничеством дело не ограничивалось. Уже в те годы между руководителями филиалов лиги и жандармскими ведомствами существовала постоянная связь, основывавшаяся на определенных соглашениях женевского центра с правительствами ведущих капиталистических стран.

Следует прежде всего отметить, что во всех этих странах наиболее ответственные полицейские руководители были так или иначе *лично* связаны с профессиональными антикоммунистами. Скрыть нити, почти с самого начала сплетавшие их с женевской организацией, оказалось, несмотря на тщательный камуфляж, не так просто.

Уже упоминалось, что во Франции вся организация лиги в течение 10 лет — с 1924 по 1934 г. — находилась под покровитель-

¹ См. главу 12.

ством главы «Сюртэ жепераль», а затем префекта парижской полиции Жана Кьяппа, который в 1924 г. помог провести в Париже учредительную конференцию лиги. Следы убийства Воровского, многие из которых вели во Францию, были замечены при явном участии тех же сил. Консультантом Кьяппа по «международному большевизму» годами был «теоретик» лиги царской охраны Резанов¹.

Английский филиал лиги был точно так же с самого начала неотделим от «Интеллидженс сервис». Активный деятель лиги Рейли был в то же время асом «Интеллидженс сервис». Бывший начальник английской военной разведки генерал сэр Джордж Макдоног в 20-х годах служил у нефтяного короля Детердинга, финансового покровителя лиги Обера. Начальником лондонской полиции Скотланд ярд с 1920 по 1928 г. был генерал Уильям Хорвуд, его заместителем — генерал Уиндхэм Чайлдс. Первый после своей отставки перешел на службу к тому же Детердингу, а в 1930 г. присутствовал на сборище немецких оборовцев в Берлине в качестве представителя английских антикоммунистов². Второй был замешан в афере с «письмом Коминтерна», а в последующие годы участвовал в проходивших в Лондоне переговорах представителя немецких антикоммунистов Рехберга с английскими «твердолобыми» о подготовке нового похода на Советский Союз³.

Такие же близкие отношения с полицейскими органами поддерживались лигой в США, где глава всемирной вашингтонской охраны Эдгар Гувер десятилетиями считался «американским антикоммунистом № 1». Начальник нью-йоркской полиции с 1928 г., Гровер Уэллен в 1930 г. участвовал вместе с агентами лиги Бразо-лем, Исли и Джамгаровым в фабрикации подложного американского «письма Коминтерна». Примечательно, что тот же Уэллен после отставки оказался главой правления нью-йоркского филиала французского парфюмерного концерна Коти. Одно и то же лицо опекало начальника парижской и начальника нью-йоркской полиции — миллиардер-антикоммунист.

В Германии в годы Веймарской республики ведущую роль в делах политической полиции играли три учреждения: центральная берлинская охранка, известная под названием «Государственный комиссариат охраны общественного порядка», берлинский полицейпрезидиум и мюнхенское полицейское управление. Все

¹ В 1934 г. Кьяпп вместе со своим сообщником парфюмерным магнатом Коти был замешан в фашистском заговоре и был вынужден выйти в отставку.

² См. главу 1.

³ *Vietsch E. Op. cit., p. 101.*

три учреждения сотрудничали с профессиональными антикоммунистами. Руководители «Государственного комиссариата» Вейсман, Кюнцер и Мюльайзен были в 1929 г. публично изобличены в германской печати в том, что в течение ряда лет пользовались услугами фальсификатора Орлова. Тот же Орлов был тогда назван «правой рукой» берлинского полицейспрезидента Цергибеля и начальника «полиции для иностранцев» Бартельса по делам, касавшимся «охоты на иностранных коммунистов». Год спустя на процессе по делу о массовой подделке советских червонцев немецкими и белогвардейскими оберовцами обнаружилось, что они находились под покровительством начальника мюнхенской полиции Бауэра.

Можно привести множество подобных примеров. Такое же сплетение наблюдалось в менее крупных странах. В Болгарии покровителем и сообщником агентуры профессиональных антикоммунистов был начальник софийской полиции Михальчев, в Югославии та же агентура сотрудничала с правящей жандармской кликой генерала Живковича, в буржуазной Польше — с офицерами дефензивы, в королевской Румынии — с управлением сигуранцы, в Венгрии — с полицейским окружением Хорти и Гембеша и т. д. Не менее тесные отношения поддерживались женевским центром с итальянской охранкой ОВРА и с полицией испанского диктатора Примо ди Ривера. Можно без преувеличения сказать, что почти вся жандармская верхушка капиталистического мира в 20-х и начале 30-х годов была так или иначе сплетена с профессиональными антикоммунистами.

Не только фактические данные, но и официальные документы женевской лиги в тот период подтверждают, что все это происходило не случайно. Оберовцы считали сотрудничество с полицией исключительно важной частью своей работы и осуществляли его планомерно. В опубликованном в 1929 г. пятилетнем отчете лиги указывалось: «Центры лиги не могут претендовать на то, чтобы выполнять функции особой антибольшевистской полиции... Полицейское дело относится к прерогативам государства. Тем не менее для них обязательно вступать в контакт с полицией и снабжать ее материалами об общей деятельности Коминтерна и Советов, чтобы укреплять ее уверенность при проведении особых антибольшевистских действий... Во многих случаях Постоянное бюро (руководство лиги в Женеве.— Э. Г.) имело возможность предупредить то или иное правительство о предстоящих шагах московской пропаганды и делало это так, что полицейские или законодательные меры предпринимались своевременно».

Тут же подчеркивалась необходимость поддерживать в этих же целях постоянный контакт с военными учреждениями: «Национальные центры должны снабжать военное командование

материалами о директивах Коминтерна относительно работы в вооруженных силах, о проникновении коммунистов в среду молодежи, подлежащей военной службе, о деятельности Спортинтерна¹ об инструкциях Коминтерна относительно ведения гражданской войны».

Участники лиги, таким образом, вполне довольствовались тем, чтобы играть при жандармах роль подручных и осведомителей, чаще же всего — роль провокаторов. Сколько им за это платили, сказать трудно; едва ли речь шла о крупных суммах. Но при этом представители женевского центра повсюду всячески старались подзадорить полицию, подтолкнуть ее к применению крайних мер против революционного рабочего движения. В этом отношении характерны их попытки форсировать создание особой международной антикоммунистической полиции — попытки, которые тогда в какой-то мере привели к цели.

Уже на второй конференции лиги 26—28 мая 1925 г. в Женеве предложения такого рода были, как упомянуто, выдвинуты делегатом из Германии. Три недели спустя в парижских газетах появилось сообщение о решении французского правительства принять экстренные меры против международного коммунизма. По его поручению начальником «Сюрте женераль» Кьяппом был составлен проект соглашения полицейских ведомств всех капиталистических стран на предмет создания международного «полицейского пояса» против коммунистического движения. «Проект, — указывалось в официозном сообщении, — принят. Соглашение заключено не только между европейскими государствами, но также с Китаем и Японией... В контакте с полицейскими ведомствами зарубежных стран будет проводиться строжайшее наблюдение, в частности в Париже, откуда исходили директивы коммунистов»². Тут же упоминалось, что в сделке с французской охранкой уже участвуют итальянская полиция и полицейские ведомства государств Центральной и Восточной Европы. Комментируя эти сообщения, ведущая парижская газета «Тан» называла международное полицейское соглашение против коммунистов «новым Священным союзом». Орган французских роялистов «Аксьон франсез» приветствовал создание «интернационала порядка». Именно группа «Аксьон франсез», между прочим, являлась в то время одной из главных опор лиги Обера во Франции.

В буржуазной печати впоследствии высказывалось мнение, что из проекта международного полицейского сотрудничества против коммунистов тогда ничего не вышло. Это не совсем так. В неглас-

¹ Красный Спортивный Интернационал, созданный в 1921 г.

² Temps, 21.VI 1925; L'Humanité, 22.VI 1925.

ном порядке проект был в значительной мере осуществлен, и усилия в этом направлении предпринимались самые активные.

В декабре того же года стало известно о состоявшемся где-то международном полицейском совещании с участием Кьяппа¹. 10 мая следующего года в немецкой газете «Берлинер морген-пост» появилась многозначительная статья начальника берлинской политической полиции Вейса, известного своей ненавистью к коммунистам. В статье указывалось, что прежде полиция была лишена возможности бороться, как следует, со всеми «международными преступлениями». В качестве примера приводился случай с обнаруженной в Берлине мастерской, в которой якобы изготовлялись фиктивные паспорта для нужд международного коммунистического движения. Необходимо, подчеркивал начальник берлинской политической полиции, как можно скорее облегчить работу полицейских органов в борьбе с такими преступлениями. Еще три месяца спустя офицюз венгерского фашистского правительства «А Реттел» заявил по поводу происходившего тогда в Будапеште процесса над одним из лидеров венгерских коммунистов: «В последние месяцы венгерскому правительству неоднократно приходилось ощущать отсутствие непосредственной связи с полицией других стран с целью преследования и раскрытия подпольных коммунистических организаций». Вывод опять-таки состоял в подчеркивании необходимости международного полицейского сотрудничества.

О роли женеvской лиги в этой кампании, разумеется, нигде не упоминалось. Тем не менее ее участие в махинациях Кьяппа и Вейса было несомненно.

В сентябре 1923 г., в дни, когда революционное рабочее движение в ряде стран Центральной и Восточной Европы было на подъеме, в Вене был созван международный полицейский конгресс, на который приехало свыше 130 делегатов, главным образом из европейских стран. Важнейшим предметом обсуждения явилось предложение о «постоянном и методическом сотрудничестве полицейских властей разных стран». Под названием «Международная комиссия уголовной полиции» («Интерпол») был создан центр, при котором действовали разные отделы: по соби-
ранию досье, борьбе с фальшивыми паспортами, взаимному обмену опытом и т. д.² В отдельных странах были организованы филиалы центра. Хотя официально задачей «Международной комиссии» была объявлена координация борьбы со всеми «уголовными» преступлениями, одним из ее дел на практике стала «координация» против коммунистов. Бюллетень венского центра

¹ Journal officiel (Debats), 11.XII 1925.

² *Marabuto P.* La Collaboration Policiere Internationale, Nice, 1935, p. 18—22, 154.

стал выходить под названием «Международная общественная безопасность».

Президентом «Международной полицейской комиссии» был избран венский полицейпрезидент Шобер, виднейший австрийский жандарм, начавший свою карьеру еще в дни царствования Габсбургов. Во время революции в Австрии в 1918 г. Шобер возглавлял охранку, но остался во главе полиции и при новом правительстве правых социал-демократов. Весной и летом 1919 г. он руководил разгоном демонстраций венских рабочих, чем раз и навсегда укрепил свою репутацию в лагере австрийской реакции. Вскоре после этого его даже сделали главой правительства. Есть основания полагать, что Шобер с самого начала находился в сношениях с врангелевской агентурой. Когда в Вене в сентябре 1925 г. группой белогвардейцев под начальством руководителя австрийского отделения женевской лиги Бородина готовилось покушение на советского полпреда Я. А. Берзина, Шобер стоял во главе полиции; преступники остались безнаказанными. Под крылышком полицейпрезидента действовала в Вене и принадлежавшая к сети Орлова «фабрика» антикоммунистических фальшивок белоэмигранта Якубовского.

Помимо Шобера главными вдохновителями «Международной полицейской комиссии» считались два других лица: все тот же начальник берлинской политической полиции Вейс и шеф общегерманской охранки Кюнцер. Оба были позднее уличены в связях с Орловым и Гуманским.

Фактически, таким образом, какой-то международный полицейский блок против коммунистов действовал еще до формального основания женевской лиги летом 1924 г. Но профессиональным антикоммунистам этого было мало, и они делали все, чтобы превратить такой блок в боевой, агрессивный «жандармский интернационал». Международные полицейские совещания созывались в Вене в апреле 1926 г., в Берлине — в декабре 1926 г., в Амстердаме — в июле 1927 г. (за несколько месяцев до международной конференции оберовской лиги в той же Голландии) и в Берне — в декабре 1928 г. Одним из вопросов на повестке дня оставалась борьба с коммунистами.

В июне 1929 г. во французской печати было сообщено, что между парижским префектом Кьяппом, главой лондонской полиции лордом Бингом и берлинским полицейпрезидентом Цергибелем ведутся переговоры с целью «выработки общего согласованного плана борьбы с коммунистической пропагандой». Это сообщение было официально опровергнуто. Некоторое время спустя, однако, берлинская газета «Темпо» подтвердила, что в результате этих переговоров при полицейских управлениях в Берлине, Лондоне и Париже начали действовать постоянные «бюро

связи» с участием иностранных представителей¹. Указывая, что Къяпп во время своего пребывания в Англии «положил основу международной полицейской организации», крайне правая парижская белоэмигрантская газета, нередко печатавшая информацию «русской секции» лиги Обера, добавляла, что в случае удачи этого опыта «в полицейский интернационал войдет, вероятно, и Америка». В сентябре 1931 г. это произошло, и представители американской полиции вступили во вновь созданный «Комитет связи». Международное сотрудничество жандармов было окончательно оформлено. За три с лишним десятилетия до этого об этом мечтали «зубры» европейской полиции. Теперь ликовали их наследники.

В те же годы женевская лига упорно вынашивала также следующий проект. Правительства буржуазных стран побуждались к тому, чтобы повсюду провести исключительные законы против коммунистов.

На второй конференции лиги в 1925 г. делегат из Швейцарии предложил заинтересовать в этой связи влиятельных журналистов в каждой стране — заинтересовать лично, то есть явно путем подкупа в той или иной форме. В изданном в декабре 1926 г. отчете Обера упоминалось, что «национальные центры» лиги повсюду снабжают власти информацией о коммунистах и что «некоторые правительства использовали материал лиги, чтобы обосновать проведение антикоммунистического законодательства». Четвертая международная конференция лиги, проходившая в Гааге в ноябре 1927 г., была специально посвящена обсуждению проекта антикоммунистических законов, которые должны были быть предложены всем странам капиталистического мира.

Проект был выработан специальным комитетом, составленным из адвокатов — членов лиги — из семи различных стран. По их предложению все «организации и группы», примкнувшие в какой-либо стране к Коммунистическому Интернационалу, надлежало объявить незаконными, то есть подлежащими роспуску. Государственных служащих вообще предлагалось лишить права быть коммунистами. В каждом государстве коммунистов рекомендовалось наказывать не только за деятельность на их родине, но и за деятельность на территории других государств, а также не только за уже совершенные «проступки», но и за их подготовку и за «попытку» совершить «проступок». Соответственно проекту все государства обязывались беспрепятственно выдавать друг другу коммунистов, «повинных в действиях», совершенных с целью «выполнения программы Коммунистического Интернационала». Представители английских и бельгийских антикоммунистов на

¹ Daily Worker. New York, 9.IV 1930.

конференции тут же предложили указать на необходимость прямых соглашений между полицейскими ведомствами разных стран о взаимной выдаче коммунистов.

Это был, по существу, проект законов против свободы мысли. Больше всего им заинтересовалось правительство Венгрии, страны, где в то время действовал установленный кликой адмирала Хорти режим белого террора. Венгерский министр внутренних дел Сийтовский выступил с предложением созвать конференцию европейских правительств для обсуждения согласованных антикоммунистических мероприятий. За это он удостоился похвалы лиги, не преминувшей при этом указать, что идея исходит от нее самой.

Подводя итоги работы антикоммунистов в этой области, парижский орган оберовцев «Красная волна» отмечал в 1929 г., что «можно констатировать факт более методичного подавления большевистских махинаций»: в Японии принят закон о запрещении коммунистической партии, во Франции, в Англии, Чехословакии и Италии суды проявляют в отношении коммунистов «больше энергии», в Англии и Чехословакии коммунистов больше не допускают к работе в государственных учреждениях. Далее в журнале указывалось, что некоторый прогресс достигнут и в отношении создания «межправительственного антибольшевистского союза». При этом с сожалением делалась оговорка, что «дипломатический иммунитет многих большевистских агентов мешает выполнению задачи полиции, а иногда делает ее совершенно невыполнимой».

Проекты оберовцев о «легальном» истреблении коммунистов не были осуществлены; несколько лет спустя этим делом занялось гестапо. Но их связь с жандармами не прерывалась и в странах буржуазной демократии. Где бы ни действовали филиалы женевского центра, они помогали полиции, и полиция помогала им. Созревшая в мозгу профессиональных антикоммунистов чудовищная идея опутать всех активных коммунистов в капиталистическом мире шпионской сетью не сходилась с их повестки дня, как не сходит у их наследников и сегодня.

Глава четырнадцатая

БЛОК С ОРДЕНОМ ИЕЗУИТОВ

Для профессиональных антикоммунистов в 20-х годах все зависело от успеха их махинаций в Англии, США, Германии и во Франции, где решались судьбы капиталистического мира. Главные устремления лиги Обера и сосредоточивались на том, чтобы, опираясь на поддержку влиятельных империалистических сил, пустить корни в этих четырех ведущих странах Запада, закрепив связи с правящими там кругами. Но в капиталистическом мире существовала одна сила, которая хотя и не представляла собой государство, но на практике могла рассматриваться почти как особая держава и которую руководители лиги в своих политических маневрах действительно так и рассматривали: международный клерикализм как католического, так и протестантского толка. Профессиональные антикоммунисты с самого начала пошли на союз с клерикалами. В этом отношении союз, который они вскоре после основания женевской лиги заключили с орденом иезуитов, сыграл немалую роль в ее делах.

Христианская маска была надета на лицо профессионального антикоммунизма с самого начала. Защита частной собственности, «охрана порядка» и, освящая то и другое, вера в бога — других «положительных» принципов, объединяющих эти элементы в различных странах, быть не могло. Духовенство к тому же рассматривалось как важный союзник при вербовке сторонников. Прежде чем стать в 1918 г. руководителем швейцарской штрейкбрехерской организации, сам Обер, например, был секретарем консистории кальвинистской церковной общины в Женеве и с того времени сохранял обширные контакты в кругах духовенства разных стран. Уже при основании «Международной лиги борьбы против III Интернационала» в 1924 г. при ней был создан «совещательный» комитет из духовных лиц, связывавших ее с церковными кругами разных вероисповеданий. Во главе комитета стал тот самый агент Климовича и чиновник царского Красного Креста Лодыженский, под руководством которого в 1923 г. было подготовлено убийство Воровского. В числе других участников

фигурировали секретарь Обера Марк Крамер (автор брошюры «Большевистский интернационал против религии») и «митрополит» Серафим, глава берлинской епархии белоэмигрантской православной церкви, немец по происхождению. Это был черносотенец из черносотенцев, достойный преемник Питирима, Иоанна Кронштадтского, протоиерея Восторгова и других столпов царского духовенства. В 1941 г., когда немецкие фашисты напали на Советский Союз, Серафим выступил с воззванием к белоэмигрантам, благословляя их на войну против своей родины под знаменами Гитлера.

В королевской Югославии к покровителям лиги Обера принадлежал другой беглый митрополит-черносотенец по имени Анастасий, также ставший в 1941 г. на сторону Гитлера. В Англии с местным филиалом было связано так называемое «Христианское движение протеста», основанное бывшим министром внутренних дел Джойнсоном-Хиксом, бывшим заместителем министра иностранных дел Макнилем и английским священником Гофом¹. Средства для этой организации, устраивавшей шумные антисоветские сборища с участием реакционных священников разных вероисповеданий, поступали от богатейшей судовладелицы леди Хьюстон и пивовара Пэто. В Германии с такой же организацией сотрудничал бывший духовник кайзера Вильгельма II лютеранский пастор Деринг.

Некоторые православные и протестантские церковники из окружения Обера и Лодыженского были малоизвестными или дискредитированными лицами и большим влиянием не обладали. Несравненно важнее были отношения, завязанные лигой с верховной католической церкви.

Церковь эта в 20-х годах стояла на крайне антикоммунистических позициях, участвуя во всех антисоветских заговорах. Страх перед рабочим движением переплетался в умах ее руководителей со старинной мечтой святейшего престола насадить католицизм в России.

Международное пресс-агентство Ватикана в Риме «Про део» вело беспрестанную разнузданную пропаганду против СССР. С момента, когда Пий XI в 1922 г. вступил на папский престол, идея «крестового похода» против СССР стала одним из главных двигателей всей стратегии международного католического клерикализма. Этим и воспользовалась лига Обера.

Политическим штабом международного католического клерикализма был орден иезуитов, под негласным руководством которого в разных странах действовали виднейшие католические са-

¹ Internationale Presse-Korrespondenz, 18.III 1930, S. 624; Coates W. P. A. History of Anglo-Soviet relations, p. 334.

новники и парламентарии. Политика Пия XI, как впоследствии и Пия XII, разрабатывалась в недрах этого ордена. Во главе его после первой мировой войны стояли лица, непосредственно заинтересованные в активной антибольшевистской политике.

Генералом ордена, всесильным «черным папой» был граф Владимир Ледоховский, выходец из семьи крупных галицийских и волыньских помещиков. Ледоховский представлял польскую феодальную знать — тех богатейших земельных магнатов во главе с Радзивиллами, Потоцкими, Тышкевичами и Замойскими, значительная часть владений которых веками находилась на Украине и в Белоруссии. После Октябрьской революции львиная доля этих поместий перешла в собственность крестьян, и разъяренные польские магнаты немедленно примкнули к крайнему крылу антисоветского лагеря. В ненависти к коммунизму они ни на йоту не уступали белогвардейцам. Почва горела под их ногами и в самой Польше, где крестьяне требовали проведения радикальной аграрной реформы. Возглавляя орден иезуитов, Ледоховский согласовал политику Ватикана с этими кругами. Важнейшие решения Пия XI и Пия XII принимались по совету «черного папы», не забывавшего о владениях своей семьи в Западной Украине. Антикоммунистические операции Ватикана в странах Запада были поручены специально отобранным иезуитам.

Антисоветской пропагандой среди католиков в Германии руководил в 20-х годах иезуитский патер Мукерман, попавший во время гражданской войны в России в тюрьму за выступления против Советской власти и ставший потом негласным советником руководства немецкой католической партии центра¹.

Во Франции делами этого рода ведал иезуит д'Эрбиньи, также побывавший в СССР, автор целого ряда антисоветских книг. Его ближайшим сотрудником был иезуит-белоэмигрант бывший князь Волконский. В 1923 г. д'Эрбиньи, Волконский и польский иезуит граф Тышкевич основали в Риме так называемый «Восточный институт», ставший центральным антикоммунистическим бюро при Ватикане. Позднее во главе с тем же д'Эрбиньи был учрежден «Русский коллегийум» (Руссикум) для подготовки священников славянских национальностей, специализировавшихся на антикоммунизме. Филиалом «Восточного института» во Франции стало парижское издательство «Спес», созданное иезуитами на средства католического монополиста сталелитейной промышленности Де Ванделя и его группы. Издательство занялось выпуском антисоветских и антикоммунистических книг, в том чис-

¹ Reichshandbuch der deutschen Gesellschaft, 2. Band, 1931, S. 1275. Stark Dr. J. Nationalsozialismus und Katholische Kirche. München, 1931, S. 45.

В 30-х годах Мукерман выпускал в Мюнхене специальный антикоммунистический журнал «Свет».

ле специального исследования о рабочем Париже «Красный пояс»¹. Такая литература расходилась среди членов массовой организации католиков во Франции «Национальная католическая федерация». В соседней Бельгии работа велась под наблюдением близкого к д'Эрбиньи кардинала Мерсье. То же издательство «Спес» опубликовало клеветническую книгу бывшего бельгийского генерального консула в России Жозефа Дуйе «Москва без маски». Книга раздавалась прихожанам.

В Польше руководство кампанией было передано краковским иезуитам, также владевшим крупным издательством. Здесь делом ведали известные патеры Урбан и Клишевич, а также высланный за антисоветскую деятельность из СССР католический архиепископ де Ропп, бывший член российской Государственной думы.

В США — стране с многочисленным католическим населением — одним из ведущих антисоветских агитаторов после первой мировой войны стал известный всей Америке иезуитский патер Эдмунд Уолш — основатель действующей по сей день при Джорджтаунском иезуитском университете в Вашингтоне «дипломатической школы». Десятки американских дипломатов, занявших в период 20-х, 30-х и 40-х годов важные посты в госдепартаменте США или в американских посольствах за границей, были вышколены Уолшем, остававшимся и в дальнейшем с ними в контакте².

В самом государственном департаменте с патером с этого времени играл в четыре руки всемогущий помощник заместителя государственного секретаря и одно время политический советник Эйзенхауэра Мэрфи, также выпущенный из иезуитского университета. Назначенный в 1922 г. главой иезуитской миссии, посланной Ватиканом в Советскую Республику якобы для помощи пострадавшим от неурожая, а в действительности для разведки, Уолш, вернувшись, полностью посвятил себя антисоветской пропаганде. Сферой его деятельности стали многочисленные католические организации в США, в частности насчитывавший 600 тыс. членов орден «Рыцари Колумба» и союз «Католические дочери Америки». Разъезжая по стране, Уолш яростно агитировал против признания СССР Соединенными Штатами³. На всемирном конгрессе католических журналистов он прочел доклад на тему «Большевизм и задачи католической печати». Но мало кто в Америке подозревал, что инструкции для Уолша исходили прямо из штаба за океаном.

¹ Documents politiques, diplomatiques et financiers, X. 1927, p. 421—422.

² The Encyclopedia Americana, 1940, vol. 12, p. 482.

³ Во время второй мировой войны Уолш резко выступал против военного сотрудничества США с СССР.

К середине 20-х годов, таким образом, у иезуитов уже действовала своя налаженная антикоммунистическая агентура, располагавшая широкими связями в политических кругах многих стран. На поводу у каждого из названных выше отцов-иезуитов шли католические священники, клерикальные депутаты, дельцы, журналисты. Из главного же центра в Риме делом заправляли духовные приказчики восточноевропейской земельной аристократии¹. С этой агентурой, во главе которой стоял д'Эрбиньи, и вступил в сделку Обер.

Главой «национального центра» лиги Обера во Франции был, как уже упоминалось, старый иезуитский агент Готро, доверенный человек д'Эрбиньи. Орган Французской компартии «Юманите» прямо называл его «короткополым иезуитом»² (то есть негласным светским членом ордена). Книга Готро против коммунизма была напечатана издательством «Спес», с помощью того же издательства было налажено распространение парижского журнала лиги Обера «Красная волна». Все это было не случайно.

В Бельгии покровителем местной агентуры женевого центра «Бельгийское общество политических, экономических и социальных исследований» стал тот же кардинал Мерсье, собственноручно написавший предисловие к одной из антисоветских брошюр лиги Обера.

В Соединенных Штатах иезуит Уолш сблизился с примкнувшим к лиге Обера нью-йоркским бюро НГС. Когда агент лиги аферист Джамгаров в январе 1931 г. основал американский «Комитет по борьбе с коммунизмом», Уолш публично выступил на учредительном собрании. В состав комитета вошел представитель нью-йоркского кардинала Хэйса профессор Фордхэмского иезуитского университета Мур. Католический союз «Рыцари Колумба», одним из духовных руководителей которого был Уолш, также примкнул к организации Джамгарова.

Прямое сотрудничество между профессиональными антикоммунистами и иезуитами было налажено и в Германии. Начало этому еще до основания лиги Обера было положено одним из ее будущих вдохновителей — сподвижником генерала Гофмана Рехбергом. Некоторый свет на эти отношения проливают письма Рехберга, опубликованные после второй мировой войны.

Осенью 1921 г. Рехберг вступил с представителями Ватикана в переговоры о присоединении верующих-католиков к антисоветской группировке генерала Гофмана, лютеранина по вероиспо-

¹ Позднее эта сеть была расширена и в Ватикане под иезуитским руководством учреждена специальная комиссия «Про Руссия» для «изучения коммунизма и борьбы с ним», а также для насаждения в России католицизма (*Manhattan A. The Vatican in World politics*, p. 344—345).

² *L'Humanite*, 31.I 1929.

веданию. Рехберг встретился в Мюнхене с папским нунцием в Германии Пачелли, баварским кардиналом Фаульгабером и иезуитским патером Дуром. Все это были виднейшие фигуры католического мира и доверенные лица Ледоховского; Дур был мюнхенским представителем генерала иезуитов. В то время Рехберг и Гофман намечали на пост антикоммунистического диктатора Германии Людендорфа. Осведомляя Людендорфа о своих встречах с князьями католической церкви, Рехберг писал:

«После всех этих переговоров у меня создалось впечатление, что хотя римская церковь и особенно иезуиты стремятся к свержению большевизма, антихристианского по своей природе, они, с другой стороны, все еще не могут забыть о культуркампфе Бисмарка¹... Я считаю поэтому чрезвычайно важным установить предельно хорошие отношения между вашим превосходительством и римской церковью... В связи с этим я развивал в беседах с представителями римской церкви следующие мысли. Подлинно великий вопрос нашего времени, по сравнению с которым отходит на второй план даже мировая война, это — борьба между большевизмом и цивилизацией... Если римская церковь своевременно включится в эту борьбу и открыто начнет ей содействовать, победа цивилизации над большевизмом чрезвычайно увеличит ее авторитет и особенно усилится почтение к ней со стороны освобожденного русского населения (иными словами, Рехберг от имени антикоммунистов прямо давал иезуитам согласие в случае успеха антисоветской борьбы на насильственное насаждение католицизма в России. — Э. Г.). А это имеет тем большее значение, что православная церковь в России, уступив большевизму почти без сопротивления, навсегда потеряла доверие... У меня создалось впечатление, что мне удалось оказать на католических священников, с которыми я говорил, весьма значительное воздействие в нашу пользу и что это отразится на их докладах в Риме...

Ваше превосходительство воспитано в духе взглядов старого прусского офицерского корпуса, и они дороги вашему превосходительству столь же, сколь и мне. Однако судьба предназначила вашему превосходительству роль, которая выходит далеко за узкие рамки прусских офицерских взглядов и, возможно, будет намного грандиознее роли, сыгранной вами в мировой войне... Вашему превосходительству следует подняться высоко над мелоч-

¹ Рехберг имел в виду антикатолические мероприятия, проведенные Бисмарком в Германии в 70-х годах XIX в. в союзе с протестантами, предпринявшими тогда яростную политическую кампанию против Ватикана. Одним из этих мероприятий было запрещение иезуитского ордена в Германии. Людендорф и другие руководители немецкой контрреволюции после первой мировой войны считались представителями традиционного прусского протестантизма.

ными трениями повседневной политической жизни, касаются ли они партийно-политических или же церковных дел»¹. Людендорф считал нужным ответить Рехбергу, что «относится к католической церкви совершенно беспристрастно».

Письмо Рехберга очень характерно. Его шеф генерал Гофман был исконным пруссаком-лютеранином, но, когда речь пошла о блоке против коммунизма, Рехберг был совершенно готов пасть на колени перед иезуитами. Обер был бывшим консисторским чиновником кальвинистской церкви, основателя которого католическая инквизиция с удовольствием сожгла бы на костре. Но и он шел на все, чтобы сговориться с Ватиканом против революционного рабочего движения. В последующие годы иезуиты и их ставленники продолжали деятельно участвовать в интригах лиги Обера, и в частности сотрудничать с Рехбергом. Это ясно видно из изданной в Кельне в 1931 г. брошюры немецкого иезуита Мукермана «Большевизм угрожает», в которой агент «черного папы» писал:

«Может ли Германия, может ли мир ждать, сложив руки, когда грозит нечто такое?.. Мы не можем уклониться от борьбы... Никакой пацифизм здесь не поможет... Даже ребенок может понять то, что в экономических кругах долго не хотели понимать, хотя генерал Гофман обратил на это внимание уже вскоре после войны, а известный промышленник Арнольд Рехберг вновь и вновь углублял и освещал эту мысль; разрушение рынков внешней торговли в конце концов должно привести к страшным последствиям. Тот, кто отнял бы у Англии ее колонии, несомненно довел бы ее метрополию до полного банкротства. Но тот, кто уничтожает рынки в колониях, в сущности делает то же самое, как если бы вообще отобрать колонии, а именно это и делает Москва. Устроить это дело опять-таки стоит немного. Организовать маленькую революцию можно быстро... В результате застынет торговля и вся экономическая жизнь. Арнольд Рехберг того мнения, что здесь коренится подлинная и наиболее осязаемая причина европейской безработицы... Большеизм угрожает... Дух Ленина веет над миром».

Подобная литература, в которой фантазии Рехберга и Обера подкрашивались изощренной демагогией клерикальных проповедников, в огромных количествах распространялась иезуитами и их пособниками в Германии. В сентябре 1931 г. немецкие епископы официально указали подчиненной им массовой организации «Народный союз для католической Германии», насчитывавшей в то время свыше 300 тыс. членов, считать своей «высшей и святейшей задачей оборону против большевистской и коммунистической опасности и союзов свободомыслящих». Вслед за тем при этой организа-

¹ Vietsch E. Op. cit., S. 69, 184—187.

пии было основано специальное «Католическое бюро исследований, информации и справок по большевизму, движению безбожников и свободомыслящих», занявшееся широчайшей антикоммунистической пропагандой. Так, например, только одна из выпущенных ею листовок под названием «Бог или демоны» была распространена в количестве 1,2 млн. экземпляров. Двадцати двум тысячам католических священников были разосланы схемы антикоммунистических проповедей. Вся эта пропаганда была направлена в первую очередь на верующих женщин и отсталые слои населения.

Не отставали агенты ордена иезуитов и в других странах. В Польше на улицах Варшавы и других городов в марте 1930 г. были развешаны громадные плакаты «Антибольшевистской лиги» и даже устроена «панихида по всем жертвам большевизма за 12 лет»¹. Лига, заместителем председателя которой был католический прелат по имени Около-Кулак, делала и тут все, чтобы побудить население к буйным антисоветским демонстрациям.

Старый приятель Рехберга кардинал Пачелли был назначен статс-секретарем Ватикана. В тот же день было опубликовано «громовое» антисоветское послание папы Пия XI. Месяц спустя в главном органе ордена иезуитов, римском журнале «Чивилта католика», появилась подстрекательская статья, в которой говорилось: «Приходится удивляться, что среди правительств, которые называются правительствами цивилизованных государств, до сих пор не прозвучал еще ни один голос, не пошевелился палец, чтобы предпринять попытку вмешательства, которая была бы не особенно трудной и оказала бы свое влияние... Трудно понять, как могли цивилизованные народы допустить злоупотребления русской революции еще в первые годы, когда было так легко задуть большевизм. Тогда еще можно было вернуть на путь порядка простодушные, но отнюдь не зловредные народы русской империи»².

Это был язык профессиональных антикоммунистов. Рехберг продолжал сноситься с окружением Пачелли и в последующие годы. Еще ближе к иезуитам стоял его друг, будущий рейхсканцлер фон Папен, представлявший активных антикоммунистов в берлинском «Клубе господ». Фон Папен возглавлял правое крыло правящей партии «Центр» и был главным акционером ее печатного органа «Германия». Эрих Клаузенер, глава организации «Католическое действие» в рейхе, был близким приятелем фон Папена³. Сын фон Папена учился в том самом Джорджтаунском университете американских иезуитов, под вывеской которого действовал патер Уолш.

¹ Rote Fahne, 13.III 1930.

² Civiltà Cattolica, III, 1930.

³ Dutch O. The errand diplomat. London, 1940, p. 93, 187—188, 190—191.

Была предпринята попытка включить в блок с иезуитами даже белоэмигрантское православное духовенство. На берлинском процессе фальсификаторов советских червонцев в 1930 г. выяснилось, что один из сотрудников мюнхенского филиала лиги Обера, Садатиерашвили, вел кампанию за объединение православной церкви с католической — все под тем же флагом со знаком креста и антикоммунистического топора.

Католическая церковь была нужна лиге Обера не только из-за влияния, оказываемого ею во многих странах капиталистического мира на обывателей из мелкой и средней буржуазии, и не только из-за ее близости к видным клерикальным политикам. Есть веские основания полагать, что орден иезуитов в 20-х годах помогал международной антикоммунистической лиге и деньгами, в частности во Франции, в Бельгии, Польше, Австрии, Испании, США.

В конце 20 — начале 30-х годов лига Обера решила нанести Советскому Союзу и мировому коммунистическому движению открытый удар на «религиозной» почве. Под флагом протеста против «преследования церкви в СССР» была предпринята новая кампания, проходившая одновременно в целом ряде стран с фанатичным упорством. Начало было положено в мае 1929 г., когда на ежегодной конференции лиги состоялось специальное заседание, на которое было допущено лишь небольшое число приглашенных, в частности членов бюро действовавшего при лиге «Комитета связи с христианскими церквями». Вскоре же в Женеве была издана для широкого распространения брошюра «Религиозные преследования в России. Документы и факты»¹. На этот раз в дело были втянуты не только католические, но и протестантские деятели.

19 декабря 1929 г. в Лондоне был организован митинг, на котором при большом стечении верующих в роли своего рода христианского пророка выступил Обер. Под председательством влиятельного лорда Глазго был учрежден «Христианский комитет протеста», начавший бомбардировать печать и общественность резкими антисоветскими заявлениями. Такая же организация с целью «борьбы против большевизма на социальной и религиозной основе» была создана в центре германского католицизма Кельне. Ее лозунг гласил: «Католики, подымайтесь! Защищайте свои самые священные идеалы!» В Польше иезуитский патер Урбан опубликовал в газетах письмо, в котором заявлял, что большевизм представляет собой «опасность для всего человечества» и что для католиков «настало время проявить солидарность с преследуемыми православными». То же происходило в других западных странах.

Из одного опубликованного в то же время лигой документа

¹ Еще раньше лига издала на английском и французском языках книгу некой Маруси Жирард под заголовком «Большевизм и религия».

видно, что все это делалось по прямой договоренности ее руководства с Ватиканом, в частности с генералом иезуитов Ледоховским. В документе указывалось, что Обер (как кальвинист — злейший враг католицизма!) был в Риме и вел там «важные разговоры» относительно «роли католических организаций в антибольшевистской борьбе». Такой же вопрос, говорилось далее в документе, обсуждался с представителями «больших международных протестантских организаций», центр которых находился в Женеве. Результатом всех этих переговоров явились «митинги в Швейцарии, во Франции, в Голландии, Англии, Германии, Югославии, Австрии, Болгарии и США», организованные по инициативе руководства лиги Обера ее национальными центрами. Примечательно, что в те же 30-е годы Детердинг посетил римского папу¹.

Блок профессиональных антикоммунистов с международным клерикализмом был призван расчищать им дорогу, так же как с этой целью было налажено их сотрудничество с полицией. Духовенство было нужно им главным образом потому, что под его контролем находились умы миллионов людей из мелкой и средней буржуазии, а частично даже из рабочей среды. Зная за своей спиной покровителей в лице кардиналов, «христианских» сановников и депутатов, авантюристы из лиги Обера с еще большим рвением пускались на самые грязные и преступные дела.

¹ *Roberts S. Op. cit., p. 219.*

БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКАЯ СЕТЬ

1

Если своими важнейшими бастионами в Европе профессиональные антикоммунисты в 20-х и 30-х годах считали Германию, Англию и Францию (не говоря об уже захваченной их единомышленниками Италии), то свои предмостные укрепления они строили в европейских странах, граничивших или близких к Советскому Союзу.

Здесь намечались исходные стратегические позиции для «крестового похода» империалистических держав против социалистической страны. Уже поэтому профессиональным антикоммунистам в этом районе была сразу же обеспечена всемерная поддержка со стороны западной буржуазии, лихорадочно укреплявшей антисоветские государства вдоль всей линии от Балтийского до Черного моря.

Не менее горячий прием оказали им местные правящие круги: помещики, дрожавшие от страха за свои владения, реакционные сановники, только что усевшиеся у власти и больше всего боявшиеся ее утратить, жандармы, устраивавшие повседневную охоту за «большевистскими агентами», генералы и полковники, мечтавшие о маршальских лаврах в антисоветских походах, бывшие провинциальные дельцы, внезапно превратившиеся в миллионеров.

В этом отношении положение в Польше, Румынии, Венгрии, Финляндии, Болгарии и Югославии, как и в Чехословакии, было в основном одинаково: для антикоммунистов все определялось близостью советской границы. С точки же зрения женевских стратегов, этот район одновременно представлял собой важный фланг их фронта в Германии, которому они неизменно придавали решающее значение.

Ко всему этому присоединялось другое обстоятельство — «субъективного порядка». После окончания гражданской войны в России сотни тысяч разгромленных белогвардейцев хлынули в те же соседние страны «санитарного кордона» между Балтийским и Черным морем, и многие осели там на годы. Офицеры Юденича, Булак-Булаховича, Бермондт-Авалова, Петлюры перебирались в

Польшу и прибалтийские буржуазные государства, деникинцы и врангелевцы устремлялись на Балканы. Тем самым профессиональные антикоммунисты повсюду в этом районе располагали множеством готовых на все агентов. Их местные организации кишели такими людьми, некоторые из них устраивались в жандармских управлениях и разведках соответствующих государств в качестве «специалистов по коммунизму».

Возникшую после первой мировой войны буржуазную Польшу можно было с самого начала считать не только агрессивно антисоветским, но и типично полицейским государством. Самым влиятельным учреждением в стране была дефензива — охранка, непрерывно охотившаяся за коммунистами и сочувствовавшими им людьми. Революционное движение в польских городах не утихало. Коммунистическая партия Польши накапливала свои силы в подполье, и дефензива, выросшая из старой террористической организации националиста Пилсудского — «бойовки», металась, пытаясь справиться с «красной угрозой». Уже в 1920 г., когда в Кракове стала назрывать генеральная забастовка, дефензива организовала целую сеть штрейкбрехерских банд под названием «Национальная гвардия».

Считалось, что наставником варшавской охранки был с момента ее основания присланный в Польшу глава французской разведки «Второе бюро» генерал Дюпон, занявший пост начальника французской военной миссии в Варшаве. Это было верно: генерал из Парижа был в самом деле крупным знатоком в подобных делах. Но при реорганизации дефензивы в 1920 г. Дюпон действовал не один. С ним и с Пилсудским с самого начала была связана агентура Климовича.

В буржуазной Польше у старой царской охранки были прямые и весьма влиятельные наследники. Орлов, Резанов, Заварзин и другие охранники после первой мировой войны сохранили свои дореволюционные связи с польскими реакционерами, стоявшими теперь у руля в Варшаве. Рейли поддерживал личное знакомство с И. Падеревским, главой первого правительства буржуазной Польши в 1919 г. В Польше же после войны под маской главы миссии Российского Красного Креста находился бывший начальник петербургской охранки жандармский генерал Глобачев.

Варшавский филиал агентурной сети Климовича был основан еще в 1920 г., когда Польша находилась в состоянии войны с Советской Республикой. В организацию под названием «Антибольшевистская лига» вошли сторонники дальнейшего ведения войны, ярые клерикалы и другие антикоммунисты разного толка. Официальным председателем лиги стал богатый фабрикант Поклевский-Козелл, «духовным» покровителем — высланный из Советской Республики за активную откровенно антисоветскую пропаганду

католический «архиепископ Могилева»: бывший член Государственной думы де Ропп. Но душой организации был небезызвестный варшавский адвокат Мариан Нездельский, позднее, в 1927 г., ставший защитником Коверды, убийцы советского посла в Польше Войкова, а в 1928 г. — Войцеховского, покушавшегося на советского торгового представителя в Польше Лизарева. В Варшаве, таким образом, нашелся двойник женевского адвоката Обера, защитника убийц Воровского.

Как выяснилось впоследствии, Коверда и Войцеховский принадлежали к одной и той же белогвардейской террористической группе, действовавшей в Польше в 20-е годы¹. Под диктовку Нездельского, вице-председателя «Антибольшевистской лиги», Войцеховский, бывший председатель союза белоэмигрантской молодежи в Варшаве, без всякого стеснения подтвердил на суде: «Да, я говорил, что надо убивать крупных большевиков». Когда Войцеховский был присужден к 10 годам заключения, парижский орган лиги Обера с возмущением заявил: «Это раболепство польских судей по отношению к Советам вызвало всеобщее осуждение». Позднее Нездельский добился смягчения наказания для обоих убийц². Более подходящего представителя в Польше профессиональные антикоммунисты иметь не могли.

Убийство Войкова произошло 7 июня 1927 г. За несколько недель до этого, в мае 1927 г., в Варшаве вышел первый номер органа польского филиала лиги Обера «Борьба с большевизмом», на страницах которого открыто упоминалось о «постоянной связи» организации с женевским центром. Редактором назывался один из руководителей фашистско-антисемитского союза бойскаутов Гласс. Политическим же опекуном варшавского объединения профессиональных антикоммунистов оказался не кто иной, как Станислав Грабский — ведущий деятель правой партии национал-демократов, бывший министр просвещения и брат бывшего польского премьер-министра. Статьи Грабского, автора антибольшевистской книги «Рим или Москва», печатались в варшавском органе женевской лиги из номера в номер в виде передовиц. К лагерю национал-демократов принадлежал и сам Нездельский.

Национал-демократы были самой крупной буржуазной партией в панской Польше. Грабский представлял интересы тех местных промышленников и помещиков, которые до первой мировой войны раболепствовали перед царским правительством, а после Октября закрепили свою дружбу с белогвардейцами. Их лидером считался

¹ Известия, 1927, 8 мая; 1929, 27 апреля.

² Коверда был впоследствии помилован. Все судьи по его делу были бывшими царскими судьями (см.: Известия, 1929, 27 апреля).

В годы оккупации Польши гитлеровцами Войцеховский возглавлял в Варшаве бюро русских белогвардейцев.

земельный магнат граф Адам Замойский, глава полувоенной, полуфашистской организации «Соколов» и бешеный антикоммунист. Грабский, Замойский, Нездельский были люди одного направления, правее их в Польше, помимо откровенных фашистов, не было никого. Помощь варшавскому антикоммунистическому центру оказывали и иезуиты, краковское издательство которых наводняло страну антисоветской литературой. Так как клерикалы в свою очередь оказывали большое влияние на правящие варшавские круги, то руки местных профессиональных антикоммунистов были развязаны.

Стараниями их агентуры была издана книга, открыто восхвалявшая Коверду за убийство Войкова. В июле 1928 г. организация расширилась. Было создано «центральное бюро», объединившее 45 «государственных, политических, социальных и частных» антикоммунистических организаций. При бюро была организована «особая группа по информации и охране», то есть по шпионским и террористическим делам. В заявлении бюро подчеркивалось, что между ними и женевским центром царит «полное согласие».

В последующие годы агентура Гласса и Нездельского продолжала свои попытки довести дело в Польше до варфоломеевских ночей. Вскоре после убийства Войкова в Варшаве была предпринята попытка нового покушения — на поверенного в делах СССР; покушавшимся оказался белогвардеец Трайкович. На предприятиях шла неусыпная слежка за рабочими, в печати, на собраниях и в кулуарах сейма велась пропаганда за разрыв дипломатических отношений с СССР.

Лица, занимавшиеся этими делами, представляли сравнительно небольшую кучку агентов и провокаторов, но это была чрезвычайно деятельная кучка — здесь, на берегах Вислы, еще более неразборчивая в средствах, чем такие же группы, оперировавшие в больших столицах Западной Европы. На митингах, устраивавшихся польским антикоммунистическим центром, выступали представители правого духовенства, дельцы, фашисты и вожаки правых партий, в том числе сам лидер правого блока граф Замойский. Связь с дефензивой сохранялась потом и при «санационном» режиме полковников из старой клики Пилсудского. Даже в 30-х годах, когда угроза национальной катастрофы вплотную придвинулась к границам Польши, профессиональные антикоммунисты отказывались признать, что угроза эта приближается с запада, из гитлеровского рейха, а не с востока.

Свое второе по значению предмостное укрепление вдоль линии «санитарного кордона» профессиональные антикоммунисты после первой мировой войны построили в Финляндии, где в то время у власти находились не менее агрессивные антисоветские круги, чем в буржуазной Польше. Здесь они могли опереться на такие же по-

литические силы. К руководителям этих сил Финляндии принадлежали два самых влиятельных человека в стране: командующий армией генерал Маннергейм и начальник генерального штаба генерал Валленуус; и тот и другой — непримиримые враги не только Советского государства, но и революционного финского рабочего класса.

Маннергейм, подавивший в 1918 г. революцию в Финляндии и развязавший в стране белый террор, был в прошлом генералом царской свиты. В 1919 г. он оказал поддержку Юденичу, в 20-х годах все еще мечтал о захвате Ленинграда. Валленуус числился среди близких друзей вездесущего Рейли, а также генерала Кутепова, сменившего Врангеля на посту командующего бежавшими за границу белогвардейцами¹. Резидентура профессиональных антикоммунистов в Хельсинки, которой руководили Н. Бунаков и крупный делец Р. Цейдлер, была, таким образом, и тут тесно связана с реакционными верхами страны. Как уже упоминалось, часть директивных писем, которые Рейли посылал Бунакову и в которых он проповедовал идею непрерывного антикоммунистического террора, впоследствии получила огласку.

Крах Рейли не прервал контактов между центром профессиональных антикоммунистов и финскими контрреволюционерами. Маннергейм и Валленуус были вдохновителями шюцкора (охранного корпуса) — боевой организации, еще в 1918 г. подавившей революцию в Финляндии и продолжавшей действовать в последующие годы. Отряды шюцкора, составленные из буржуазной молодежи, офицеров резерва, помещиков и кулаков, предназначались для «содействия административным властям при защите от посягательств на государство». Хотя официально шюцкор был основан в 1921 г., в действительности у него была более давняя история. Организация эта выросла из террористических дружин, созданных еще в 1905 г. и занимавшихся помимо штрейкбрехерства систематическими нападениями на рабочих. В 20-х годах численность шюцкора превышала 100 тыс. человек. Финляндия была разделена его штабом на 21 район, в каждом из которых действовали ударные отряды. Количество людей, истребленных этими бандами только в 1918 г., исчислялось в 40 тыс. человек, число расстрелянных, по неполным данным, превышало 15 тыс.

Помимо белогвардейцев к окружению реакционных верхов страны принадлежали агенты немецкой военщины, войска которой в конце первой мировой войны находились на территории Финляндии и помогли реакции расправиться с рабочими. Деньги для шюцкора поступали от финских банков и лесопромышленников. Под опекой шюцкора такие же боевые контрреволюционные группы

¹ См. главу 4.

действовали в других буржуазных прибалтийских государствах.

Шюцкор сразу же присоединился к международному сообществу профессиональных антикоммунистов. На конференции лиги Обера в 1925 г. представитель «финского центра» заявил: «Счастье Финляндии, что у нее есть человек, бывший генерал русской армии, личные и военные качества которого были как бы предназначены для того, чтобы прийти на помощь своей стране в исключительно критический момент: барон Маннергейм. Защита белой Финляндии была организована под его начальством... Гражданская гвардия (шюцкор.— *Э. Г.*)... готова положить конец любому бунту»¹.

В середине 20-х годов филиал лиги стал действовать через призывавший к шюцкору политический «Союз защиты Финляндии», на котором лежала забота о финансировании и вооружении боевых дружин². Антикоммунисты делали все, чтобы под тем или иным предлогом вновь развязать в стране белый террор.

Как и в Польше, Румынии, Болгарии, Венгрии, замыслы этих кругов в Финляндии были согласованы с планами группы Гоффмана — Рехберга в Германии. Здесь также направление было взято напрямик в сторону фашизма. Когда в 1929 г. в Финляндии были созданы фашистские банды лапуасцев, основой их программы стал террористический антикоммунизм. Руководимые старыми белыми офицерами лапуасцы потребовали от властей полного «искоренения коммунизма», ареста всех известных коммунистов, установления военно-фашистской диктатуры в стране и войны против Советского Союза в целях создания «Великой Финляндии» с границей у самого Ленинграда. Эта программа отвечала тогда столь же вожделяниям правых финских помещиков и лесопромышленников, сколь диспозициям германского генерального штаба, с которым Маннергейм поддерживал контакт еще с 1918 г. В 1930 г. реакция предприняла попытку привести лапуасцев к власти и добилась принятия сеймом большинством в две трети голосов антикоммунистического закона. Ударные отряды фашистов громили рабочие организации, поджигали типографии и пародные дома, похищали и убивали красных, грозили парламенту. Связи лапуасцев с жевевским центром проходили, в частности, через специально созданную террористическую организацию «Замок Финляндии». Парижский журнал лиги Обера открыто восхвалял лапуаских громил, заявляя, что они дают «благотворный пример» другим странам, в частности Прибалтийским.

¹ Выдержки из выступлений на международной конференции лиги в мае 1925 г. были напечатаны в журнале Обера как сообщения от «национальных центров».

² Internationale Presse-Korrespondenz, 18.II 1887, S. 398.

Это было верно. Реакционные круги Финляндии уже с начала 20-х годов делали со своей стороны все, чтобы втянуть Латвию и Эстонию в ту же сеть. На второй конференции лиги Обера в мае 1925 г. делегат из Финляндии сообщил: «Антикоммунистические центры в Латвии и Эстонии образованы по инициативе финнов (подразумевались реакционные, белогвардейские силы.— Э. Г.). Финский представитель вел в Хельсинки переговоры с министрами указанных стран».

В буржуазной Эстонии была основана своя «Антибольшевистская лига», и в 1923 г. потерпел скандальный провал местный филиал агентуры, действовавший под масками «торговой конторы» и «благотворительного» общества «Белый крест». В числе участников, которых местным властям пришлось выслать, фигурировали бывший командующий петроградским военным округом черносотенец генерал Васильковский, бывший киевский губернатор граф Игнатъев, бывший жандармский палач фон Валь, бывший генерал в штабе Юденича барон Вольф и другие.

По всей северо-западной границе Советской Республики действовали подобные агентуры, продолжавшие существовать и после краха Врангеля в Крыму в 1920 г.

2

Сильные позиции занимали профессиональные антикоммунисты после первой мировой войны и вдоль юго-западной границы СССР — в странах дунайско-балканского района. Здесь годами гнездились остатки разбитых врангелевских полков, перекочевавших сюда из Турции, и цель белогвардейцев заключалась вначале в том, чтобы подчинить себе правительства этих стран, толкнуть их вместе с Польшей и Финляндией на новую вооруженную интервенцию против СССР под эгидой западных держав.

В 1922 г., когда власть в Софии находилась в руках лидера крестьянской партии «Земледельческий союз» Стамболийского, в Болгарии был раскрыт заговор тайной организации врангелевцев, намеревавшихся захватить власть и приступить к массовым убийствам лиц, делившихся в «черных списках» на три категории: лица, которых следовало «убрать немедленно», лица, условия убийства которых еще подлежали «изучению», и лица, смертный приговор которым еще должен был быть вынесен. Убийство сотрудника советского Красного Креста в Болгарии А. М. Агеева уже было совершено. Заговор врангелевцев закончился неудачей, но планы своих они не оставили.

Осенью 1924 г., спустя всего несколько месяцев после учредительной конференции лиги Обера, ее руководство провело, как оно заявило, специальное «расследование деятельности III Интернаци-

онала на Балканах». Провокационные выводы, к которым тогда пришли эти круги, были весьма характерны.

III Интернационал, заявляло бюро женевской лиги, считает балканские страны «наилучшей отправной точкой в стремлении вызвать в Центральной Европе большевистскую революцию... Балканы в течение многих веков являлись серьезной заботой для Европы, там же началась мировая война (первая.— Э. Г.). Ныне III Интернационал пытается воскресить все ненависти, все распри и оттуда снова зажечь европейский пожар». Бюро лиги, заканчивали женевские стратеги, считает необходимым «немедленное принятие мер».

Другими словами, Балканы рассматривались штабом профессиональных антикоммунистов как важное предмостное укрепление в схватке за Центральную Европу. Пришел со стороны этих сил по Дунаю должен был отозваться в Берлине.

В Болгарии в то время вслед за реакционным государственным переворотом в 1923 г., когда был убит Стамболийский, правила фашистская клика Цанкова, опиравшаяся на офицерскую «Военную лигу», тайный черносотенный союз «Народный сговор» и македонских террористов из правого крыла «Внутренней македонской революционной организации» (ВМРО), возглавлявшихся вдохновителем бесчисленных убийств Иваном Михайловым. К тому же лагерю принадлежало несколько других правых организаций: «Союз офицеров резерва», «Союз унтер-офицеров», фашистские союзы «Родна защита» и «Кубрат»¹.

Лозунг у этих организаций был, по существу, один — антикоммунизм. Их вдохновителем был глава «Военной лиги» генерал Вылков, ставший после переворота в июне 1923 г., в ходе которого были убиты 20 тыс. рабочих и крестьян, военным министром в правительстве Цанкова. Вылков вместе с террористом Михайловым фактически и управлял Болгарией после 1924 г. Все сколько-нибудь важные посты в армии и полиции были заняты их дружками. Впоследствии было подсчитано, что за одно лишь десятилетие (1924—1934) палачами из банды ВМРО было осуществлено свыше тысячи террористических актов. Сторонников левых партий убивали прямо на улицах или в домах².

Теснейшее сотрудничество болгарских фашистов из «Военной лиги» и ВМРО с профессиональными антикоммунистами документально установлено. Делегаты из Болгарии присутствовали на первой же конференции лиги Обера в Париже в 1924 г. К этому времени Болгарская коммунистическая партия (т. с.) была уже объявлена вне закона. Когда год спустя правительство Цанкова —

¹ Internationale Presse-Korrespondenz, 25.I 1927, S. 220, 15.III 1927, S. 644,

² Ernst Henri. Hitler over Russia? New York, 1936, p. 130.

Вылкова устроило вместе с македонскими террористами новую резню коммунистов, повод к кровавой бойне был добыт с помощью специалистов женевской лиги.

Софийское правительство внезапно опубликовало фальшивку — тайный «приказ Коминтерна», в котором болгарским коммунистам якобы поручалось подготовить вооруженное восстание. В «документе» точно, по пунктам перечислялись действия, будто бы намеченные организаторами «восстания»¹. Когда в апреле 1925 г. в Софийском соборе произошел взрыв, в стране немедленно вспыхнул белый террор, проводившийся в заранее организованном порядке. Значительная часть членов коммунистической партии и левых функционеров крестьянского «Земледельческого союза» была убита. Вырезали всех, кого подозревали «в коммунизме» и кого могли обнаружить, в том числе депутатов, профсоюзных деятелей, кооператоров, журналистов и т. д. Сжигались целые деревни². Как было впоследствии доказано, «приказ Коминтерна» был сфабрикован в берлинской лаборатории Дружиловского и Гуманского, двух сотрудников Орлова.

Некоторые факты остались в то время вне поля зрения печати. Генерал Лазарев, один из руководителей «Военной лиги», был в сговоре с главой софийского центра лиги Обера белогвардейским генералом Вязьмитиновым. Позднее Лазарев открыто принимал участие в собраниях, устраивавшихся под эгидой этого центра³. К числу друзей женевской лиги в Софии принадлежали также руководитель болгарской военно-фашистской молодежной организации Троянов, видный сторонник Цанкова полковник Мусевич-Бориков, начальник полиции Михальчев. Все эти лица и еще более высокопоставленные болгарские реакционеры, осуществляя свои планы, действовали в соответствии с выработанной в Женеве программой. Только через пять лет после событий вслед за взрывом в Софийском соборе обнаружилось, на что в действительности нацеливалась тогда эта программа. Варфоломеевские ночи в Болгарии должны были стать прологом к поголовной резне коммунистов во всем дунайско-балканском районе, а может быть, и в еще более широких масштабах.

В 1930 г., во время берлинского процесса по делу о подделке советских червонцев антикоммунистами из мюнхенского центра генерала Гофмана, из показаний обвиняемых и свидетелей выяснилось, что этому центру, и в частности доверенному лицу Гофмана профессиональному шпиону Беллу, было поручено выполнить ряд заданий на Балканах. «Болгарская деятельность входила звеном в большую работу по созданию антибольшевистской лиги Черного

¹ Правда, 1927, 3 июля.

² Правда, 1927, 3 июля, 12 июля.

³ Известия, 1925, 20 сентября.

моря,— писала в дни процесса берлинская белоэмигрантская газета «Руль». — Белл утверждает, что болгарская его деятельность велась согласно директивам возглавляемого Гофманом центра». «Белл,— сообщалось несколькими днями позже,— совершил длительное путешествие на Балканы, дабы установить контакт со многими влиятельными лицами...»

Следует учесть, в какое время все это делалось. Это был период, когда Англия после провокации с «письмом Коминтерна» готовилась к разрыву дипломатических отношений с Советским Союзом; когда Коти, Кьяпп, Альбер Сарро и их сообщники предпринимали самые отчаянные усилия, чтобы заставить пойти по тому же пути Францию; когда генерал Гофман, Детердинг и Локер-Лампсон обсуждали в Лондоне детали плана нового «международного похода» на СССР, а белогвардейские контрреволюционеры в Мюнхене и Париже писали инструкции для заговоров на Кавказе; когда в Варшаве готовилось убийство советского посла Войкова, во Франции — убийство Чичерина, в Италии были арестованы все разысканные полицией коммунистические депутаты, в Финляндии разбирались головорезы для новой волны белого террора.

Массовая резня коммунистов на Балканах и в придунайских странах была частью этого «генерального» плана, задуманного стратегами профессионального антикоммунизма в середине 20-х годов. Его контуры полностью вырисовываются только в том случае, если рассматривать происходившие в то время в разных странах и как будто совершенно независимо друг от друга события в связи между собой. Вооруженное нападение на СССР, варфоломеевские ночи по всему капиталистическому миру — к этому сводилось содержание плана. Вторая его часть была неотделима от первой; обе операции были намечены как синхронизированные действия. Несомненно, что руководители женевской лиги и их ближайшие сообщники в отдельных странах сыграли свою роль не только при выработке общей схемы антисоветских действий, но и в качестве посредников между главными участниками — реакционными силами в ведущих империалистических государствах. Многие указывают на то, что третья международная конференция лиги Обера в Лондоне в 1926 г., на которой присутствовал ряд виднейших правых политиков западных стран, была посвящена обсуждению разработанного антикоммунистами «генерального» плана одновременного нападения на СССР и разгрома коммунистических партий в разных странах.

В придунайском районе особенно активное участие в разработке планов массовой резни коммунистов помимо болгарского филиала лиги Обера принимал «национальный центр» в Венгрии. Здесь, в стране, где контрреволюции после первой мировой войны удалось удушить Советскую республику, профессиональных антиком-

мунистов также сразу встретили с открытыми объятиями. Венгерские фашисты в 1919 г. за несколько недель замучили до смерти свыше шести тысяч человек, мало в чем уступали деникинцам и врангелевцам в подобных делах и охотно завязали с ними контакты. Одним из белогвардейских эмиссаров в Венгрии был бывший заместитель председателя царской Государственной думы князь Волконский.

Многие главари венгерских контрреволюционеров были сами профессиональными антикоммунистами. Так, наиболее известные из них Дюла Гембеш и граф Иштван Бетлен (после установления советской власти в Венгрии весной 1919 г.) бежали в Австрию и создали там «Антибольшевистский комитет», занявшийся подготовкой контрреволюции. Гембеш тогда же возглавлял военно-фашистскую организацию «Мове», организовавшую после свержения Советской республики массовый террор. Он же стал главарем махрово-реакционной партии «Пробудившиеся мадьяры».

В последующие годы лига Обера заключила союз также с «братством Теш» — тем тайным обществом венгерских реакционеров и реваншистов, которое стояло за спиной регента Хорти. Почти все приближенные Хорти входили в это общество, председателем которого был бывший министр внутренних дел и организатор белого террора в 1919 г. барон Переньи. К руководству «Теш» принадлежали тот же Гембеш (впоследствии премьер-министр), известный на всю страну палач-черносотенец Хеджас, начальник венгерской полиции Надосси, начальник дворцовой охраны Хорти Гергей, правые депутаты, руководители провинциальных полицейских управлений и т. д.

Все эти венгерские жандармы и палачи хорошо понимали, что, пока в окружающем мире существует революционное рабочее движение, почва будет дрожать и под их собственными ногами. Банды «Теш» и «Мове», связанные с немецкими фашистами, с террористами ВМРО в Болгарии, с усташами в Югославии, и взялись за организацию «национального центра» женевской лиги в Венгрии. Сотрудничество между этим центром и хортистами проявлялось на каждом шагу. В мае 1928 г. лига Обера потребовала выдачи правительству Хорти задержанного в Австрии руководителя венгерских коммунистов Бела Куна. В сентябре того же года хортистский министр внутренних дел Сийтовский выступил за созыв международной полицейской конференции для обсуждения проекта совместной борьбы против коммунизма — излюбленного проекта Обера¹. В ноябре на международной конференции лиги в Гааге представитель венгерского центра выступил с докладом о борьбе с коммунистами, в частности о работе полиции. Несколько лет спустя вен-

¹ Neues Wiener Journal, 1.X 1928.

герские жандармы фигурировали в числе закулисных инициаторов проходившей в Бухаресте конференции руководителей тайной полиции балканских стран, обсуждавшей все тот же вопрос о координации репрессивных действий против коммунистов ¹.

Махинации лиги Обера в придунайских и балканских странах вообще так тесно переплетались с полицейскими делами, что было трудно сказать, где начинались одни и кончались другие. В некоторых случаях агентура лиги была фактически тождественна с сетью местного жандармского ведомства. Не меньшее внимание обращалось на укрепление связей с фашистскими и военно-фашистскими союзами.

В Румынии профессиональные антикоммунисты помогали бухарестской охранке — сигуранце — и сближались с уже начинавшими злодействовать головорезами из «Железной гвардии». Здесь также в 1925 г. было опубликовано подложное письмо «одного из советских деятелей», якобы адресованное некоему «Венскому центру советской пропаганды». Фальсификатором оказался разведчик Роческу-Бизон, работавший для сигуранцы.

В Греции с лигой Обера сотрудничала политическая полиция в Афинах, возглавлявшаяся бывшим начальником английской полиции в Александрии ².

В Югославии антикоммунисты сотрудничали с такими фашистскими или профашистскими организациями, как «Народна одбрана», «Сокол» и «Четники». Роль сводников, как и всюду, выполняли врангелевцы, немалая часть которых в 20-х годах перебралась из Болгарии в Югославию. Главой «русского отдела» лиги Обера в Белграде был царский генерал и бывший начальник штаба деникинской армии А. М. Драгомиров. В числе ведущих участников фигурировали бывший член Государственной думы, глава объединения русских монархистов в Белграде Л. В. Половцев и известный черносотенный митрополит Антоний Храповицкий. Связным лиги с белградской полицией был некто Тарасевич, в сейфе которого находился «черный список» подозреваемых лиц и под началом которого действовал целый штат шпииков.

В придворных белградских кругах лиге покровительствовало высокопоставленное лицо — профашистский генерал Живкович, начальник королевской гвардии и глава тайной сербской офицерской организации «Белая рука». В Югославии эта организация играла примерно такую же роль, как родственная ей по духу и составу «Военная лига» в Болгарии, но в отличие от нее ориентировалась не на Германию, а на Францию. В свое время Живкович участвовал в убийстве сербского короля Обреновича и затем во-

¹ *Büchner J.* The agent provocateur in the labour, movement. London, p. 29.

² *Ibidem.*

шел в окружение новой королевской династии — Карагеоргиевичей. Когда в 1929 г. генерал Живкович вместе с королем Александром Карагеоргиевичем устроил государственный переворот и на несколько лет стал военным диктатором Югославии, одним из его первых дел были казни коммунистов и сторонников прогрессивного крестьянского движения. Профессиональные антикоммунисты, сотрудничавшие с «Белой рукой», ликовали. В хорватской части Югославии антикоммунисты включились в террористические банды усташей — фашистских сепаратистов, перешедших с 1933 г. под опеку гестапо и совершивших по его заданию бесчисленные убийства.

В Югославии, таким образом, профессиональные антикоммунисты делали то же, что в других странах: они перебрасывали мосты по возможности ко всем правым группировкам, как бы те ни грызлись между собой. Сербские четники считались заклятыми врагами хорватских усташей. Но антикоммунистами-террористами становились и те и другие.

И все-таки даже здесь, в странах антисоветского «санитарного кордона», переполненных бесноватыми белогвардейцами и агрессивными буржуазными националистами, международная лига профессиональных антикоммунистов не смогла добиться своих двух целей, довести дело до новой вооруженной интервенции против Советского Союза, а у себя дома раз и навсегда вырвать у народов идею коммунизма с корнем. Но ей удалось здесь, как и в Германии, удобрить почву для фашизма.

Вновь и вновь становилось ясно, что тяготение к фашизму — непреложный закон для профессиональных антикоммунистов.

СЕТЬ ОТ СТОКГОЛЬМА ДО МАДРИДА

1

Мы проследили деятельность профессиональных антикоммунистов в Западной Европе в 20-х и 30-х годах в таких странах, как Германия, Англия, Франция, государства балтийско-черноморского «санитарного кордона», — там, где классовая борьба разгоралась особенно бурно. Но профессиональные антикоммунисты стремились развертывать свою деятельность и в остальных европейских капиталистических государствах. В фашистских или полуавторитарных странах их усилия направлялись на то, чтобы активизировать действия правящих кругов, направляемые на физическое истребление деятелей рабочего движения и разрыв отношений с Советским Союзом. В государствах, где сохранялись внешние буржуазно-демократические атрибуты власти, тем же силам приходилось действовать более осторожно и выжидать событий в главных центрах капиталистического мира.

Тем не менее секции международного антикоммунистического сообщества неутомимо работали и здесь, даже в самых маленьких и «спокойных» странах, занимаясь травлей компартий. Тут тоже они повсюду были в сговоре с полицией, с фашистскими группами и с крайним, непримиримым по отношению к рабочему движению крылом предпринимателей. Тут тоже в роли посредников и подручных антикоммунистического центра нередко фигурировали проторевшие белогвардейцы, готовые на любые аферы и преступления, хотя здесь их все же было значительно меньше. Почти повсюду агентурная сеть женевской лиги была как-нибудь замуфлирована. Так, в Нидерландах ее «национальный центр» именовался «Национальным союзом против революции», в Бельгии филиал скрывался под вывеской «Национального гражданского союза», в Швеции (с 1932 г.) — под названием «Национальный союз борьбы с коммунизмом» и т. д. Организационные формы таких тайных или полусекретных объединений менялись в соответствии с местной обстановкой. В странах с устоявшимися буржуазно-демократическими формами правления базой профессио-

нального антикоммунизма стали вначале штрейкбрехерские отряды, почти повсеместно возникавшие после первой мировой войны.

Начиная с 1918 и 1919 гг. Западная Европа была захлестнута небывалой волной стачечного движения, носившего не только экономический, но и политический характер. Отзвуки Октябрьской революции слышались везде — вблизи Альп, у Дуная, у берегов Средиземного моря и Северного моря. Забастовки вспыхивали в районах, где капитал издавна считал свои позиции упроченными и где так называемый «гражданский мир» не нарушался в течение многих лет. До первой мировой войны предприниматели в таких странах полагались либо на сделки с правыми социал-демократами, либо на сотрудничество с «желтыми» профсоюзами. После Октября эта политика потерпела фиаско. Она не могла сдержать бурно нараставшую лавину рабочего движения.

Буржуазии приходилось теперь бросать в бой все свои силы, чтобы справиться с рабочими. Это привело к тому, что сразу же после первой мировой войны по всей Западной Европе начали плодиться штрейкбрехерские организации нового типа, комплектовавшиеся главным образом из офицеров, студентов, обывательских сынков и деклассированных элементов — людей, готовых не только на обычный саботаж забастовок, но и на прямые вооруженные столкновения с рабочими. Это были отряды настоящей классовой гвардии капитала, типичные зародыши войск «Железной пяты», потенциальные резервы для гражданской войны. «Желтые» профсоюзы старого типа не шли ни в какое сравнение с такими организациями. Первыми из них были банды «Гражданской гвардии» Обера в Швейцарии, «Тено» в Германии, «Гражданского союза» во Франции и ОМС в Англии. К 1921 г. такие же объединения были созданы в ряде других стран. Все они походили друг на друга как братья. Здесь и нашли свою первую опору разветвления международной антикоммунистической организации после ее создания в 1924 г.

Влияние лиги Обера сплошь и рядом зиждилось как раз на том, что к середине 20-х годов ей в какой-то мере удавалось объединить три боевые контрреволюционные и антикоммунистические силы на Западе, цели которых по существу совпадали: штрейкбрехерско-фашистские отряды предпринимателей, полицейско-жандармская агентурная сеть правительств и, наконец, террористические организации бежавших за границу белогвардейцев. Синтезом этих трех сил, в состав которых входили профессиональные антикоммунисты, и явилась женевская лига.

В Бельгии ее опорой стал «Национальный гражданский союз» — штрейкбрехерская организация, основанная в 1921—1922 гг. на средства объединения бельгийских промышленников с помощью банков и торговых палат. Члены союза рекрутировались

из крайне правых¹. Бельгийский «национальный центр» лиги обосновался в Льеже, фламандский филиал, скрывавшийся под вывеской некоего «Общества политических, экономических и социальных исследований» (СЕПЕС), — в Антверпене. Покровителем профессиональных антикоммунистов здесь стал влиятельный кардинал Мерсье, известный своей яркой враждой к Советскому Союзу. Еще в апреле 1923 г. Мерсье направил в католическую газету «Колумбия» открытое письмо, в котором призвал Лигу наций приступить к «крестовому походу» против Советской Республики, чтобы «защитить цивилизацию».

В том же году Компартия Бельгии, поддерживавшая забастовки шахтеров и железнодорожников, была обвинена властями в заговоре против безопасности государства. Впоследствии подтвердилось, что бельгийская полиция и Мерсье действовали в сговоре с агентурой женевской лиги. В отчете руководства лиги Обера за девять лет ее деятельности говорилось, что бюро (лиги. — Э. Г.) поддерживает тесные отношения с высокопоставленным бельгийским лицом, «которое проводит постоянную и энергичную антибольшевистскую работу в моральной (религиозной. — Э. Г.) области, как и в экономической сфере».

Нити от центра профессиональных антикоммунистов тянулись позднее и к брюссельской профашистской организации «Национальный легион», за которой стояли влиятельные военные круги, близкие как ко двору, так и к бельгийской колониальной олигархии. В 20-е годы Бельгия была одной из немногих стран в Европе, упорно отказывавшихся признать Советское правительство. Требуя продолжения политики непризнания, «Национальный гражданский союз» выступал за введение в Бельгии драконовского антикоммунистического законодательства. Местные миллионеры уже начинали опасаться за свои огромные владения в Конго и были поэтому особенно чувствительны к призывам антикоммунизма. Тем не менее действовать самостоятельно профессиональные антикоммунисты в Бельгии, разумеется, не могли. Все свои надежды они возлагали на фашистов во Франции и в Германии. Успех собравших в той или иной из этих стран должен был привести к осуществлению и их собственных планов.

В начале 30-х годов, явившись в Брюссель, Обер выступил перед собранием «высокопоставленных лиц из политического, экономического и морального (религиозного. — Э. Г.) мира» с речью о «большевистской опасности». К тому времени бельгийскими делами лиги заправлял старый «ас» царской охраны полковник Резанов, которому в связи с его участием в торговле подложными антисоветскими документами пришлось уехать из Франции. Но и

¹ Der Faschismus in Europa. Wien, 1929, S. 6—7.

в Бельгии Резанов впутался в такие темные аферы, что его же единомышленники, руководившие возникшей в стране новой антикоммунистической организацией «Силлак», пригрозили выступить против него «с разоблачениями»¹. Как кончил Резанов, осталось неизвестным.

В Нидерландах примыкавший к женевской лиге «Национальный союз против революции» возглавлялся бывшим главнокомандующим голландской армией генералом Снайдерсом. Орган этого союза носил характерное название: «Я буду хранить»; подразумевалась защита капиталистического строя. Поддержку профессиональным антикоммунистам в Нидерландах оказывала ультрамонархическая и штрейкбрехерская организация «Гражданская вахта», основанная военщиной и полицией для «защиты королевского дома и общественного порядка» еще в ноябре 1918 г., через несколько дней после революции в Германии, когда в Амстердаме произошли кровавые столкновения рабочих с полицией и войсками. В 1928 г. организация «Гражданская вахта» насчитывала 60 тыс. членов, многие из которых уже были завербованы профессиональными антикоммунистами. Единомышленники генерала Снайдерса занимали важные посты в руководстве правящих буржуазных партий страны, в частности ультрареакционной «Антиреволюционной партии», лидер которой, Колийн, премьер-министр в 1925—1926 гг., принадлежал к той же кальвинистской секте, что и швейцарец Обер. Своих людей оберовцы имели и в другой правящей партии — Католической. На первый взгляд, таким образом антикоммунисты в Нидерландах опирались прежде всего на военщину и церковь. В действительности важнейшим сообщником женевского адвоката здесь стал и Детердинг.

Влияние его нефтяного треста «Ройял датч Шелл», вокруг которого группировались другие колониальные монополии Гааги, Амстердама и Роттердама, распространялось на весь государственный аппарат этой страны, начиная с королевского двора и кончая полицейским управлением. Всевластный лидер «Антиреволюционной партии» Колийн, министр иностранных дел Ван Клеффенс, посол в Вашингтоне Филипс и другие высшие сановники в то или иное время входили в состав правлений нефтяной монополии.

Детердингу не было надобности вмешивать Нидерланды в свои политические авантюры в связи с кавказской нефтью. Перед местными антикоммунистами были намечены другие пути. В течение трех веков голландский капитализм питался соками своей колониальной империи в Индонезии, превосходившей метрополию по размерам в 70 раз. Нидерланды не принимали участия в антисо-

¹ XX Siecle, Bruxelles, 10.II 1933; Общее дело. Париж, 26.X 1933.

ветской интервенции в 1918—1920 гг. и не имели никаких конфликтов с Советским Союзом¹. Но с того момента, как в Азии вслед за Октябрьской революцией начался бурный рост национально-освободительного движения, голландские колонизаторы пошли по тому же пути, что и английские: они решительно примкнули к лагерю воинствующего антикоммунизма.

Для лиги в Гааге открылись все двери. В 1925 г. в столице Нидерландов велись переговоры между Детердингом и генералом Гофманом. Осенью 1927 г. там же обосновалось центральное колониальное бюро при женевской лиге, во главе которого стал бывший голландский министр финансов Тройб. Еще несколько недель спустя в городе была созвана четвертая международная конференция лиги.

Сolidная голландская вывеска была очень выгодна для профессиональных антикоммунистов. Как сам Детердинг пользовался «нефтяными» аргументами для антикоммунистической колониалистской пропаганды, видно, например, из его заявления голландской прессе, сделанного в июле 1927 г. по поводу соглашения американского концерна «Стандард ойл» с советским Нефтесиндикатом о продаже советской нефти. «Пострадают,— заявил Детердинг,— все правительства в странах, где большевики ведут революционную пропаганду... Это значит, что за деньги, которые Москва получит за краденую (национализированную Советским правительством.— Э. Г.) нефть, она сможет поддержать революционную партию в Нидерландской Индии. Правительство Нидерландской Индии (голландские колониальные власти в Индонезии.— Э. Г.) должно знать, что «Стандард ойл», который пользуется гостеприимством этого правительства, косвенно поддерживает беспорядок в Нидерландской Индии»². Детердинг одновременно бил по своим американским конкурентам и пугал голландскую буржуазию призраком коммунизма в ее заморских колониях.

В соседних странах Скандинавии колониальной буржуазии не было, особым влиянием пользовались правые социал-демократы, начавшие после первой мировой войны чередоваться у власти с консерваторами и либералами. Вся атмосфера во внешне «спокойной» Скандинавии, казалось, не подходила для проникновения туда воинствующих антикоммунистов. Тем не менее они и тут старались найти точки соприкосновения с влиятельными кругами — все на той же почве борьбы с внутренним рабочим движением.

¹ Следует, однако, упомянуть, что, когда Локкарт и Рейли в 1918 г. потерпели провал в своей заговорщической деятельности в Москве, Англия поручила представлять свои интересы в Советской Республике голландскому послу Оудендайку. Локкарт имел с ним сношения.

² De Telegraaf. Amsterdam, 19.VII 1927.

В Норвегии женевская лига завязала отношения с штрейкбрехерской организацией «Норвежская самопомощь», созданной властями и предпринимателями в дни большой стачки в стране в 1921 г. В 1925 г. женевская лига основала свой собственный норвежский филиал под названием «Союз родины». Даже здесь, в «спокойной Скандинавии», готовились на будущее террористические акты. Бывший глава ЦРУ У. Колби рассказал в своих воспоминаниях, что после второй мировой войны в Норвегии были созданы тайные вооруженные антикоммунистические группы, составлявшие, в частности, «ликвидационные списки норвежских коммунистов»¹. В Дании роль такой же агентуры выполнял якобы «неполитический» союз «Общественная помощь», основанный для содействия властям «в случае угрозы приостановки важных общественных функций», то есть в случае забастовок². В Швеции женевское бюро сотрудничало сначала с местной штрейкбрехерской организацией, возникшей при участии немецкого социал-демократа Барта, а затем с пронацистами из «Национального союза борьбы с коммунизмом»³. Тем не менее в целом успеха в Скандинавских странах лига не имела. Трезвомыслящие круги местной буржуазии и большая часть социал-демократов не выказывали желания связываться с людьми, тянувшими их в зловещие авантюры.

Характерен был опыт профессионального антикоммунизма и на родине самого Обера. Швейцария издавна считалась самой демократической среди стран капиталистического мира. В течение многих десятилетий в ее правящих кругах преобладали либеральные настроения и страна служила убежищем для революционеров-социалистов. Однако после Октября обстановка изменилась.

7 ноября 1918 г., в день первой годовщины Октябрьской революции, в Цюрихе произошли кровавые столкновения между демонстрантами-рабочими и войсками. В начавшейся вслед за тем забастовке, охватившей всю страну, участвовало 300—400 тыс. человек. С помощью полиции в швейцарских городах под названием «Гражданский союз» (или «Бюргервер») были созданы вооруженные штрейкбрехерские отряды⁴, одним из главарей которых стал адвокат Теодор Обер, сын биржевого маклера, начавший свою карьеру секретарем консистории реакционной церковной общины кальвинистов в Женеве и занимавшийся всякими другими делами⁵. «Задушить революционное движение удалось путем нап-

¹ Правда, 1978, 8 июня.

² Teno, S. 45—46.

³ Carlsson H. Nazidomen i Sverige. Stockholm, 1932, S. 200.

⁴ Brupbacher F. Zürich während Krieg und Landesstreik. Zürich, 1928, S. 121.

⁵ Так, например, он был директором «Семейного бюро», посредничавшего между частными лицами и дельцами, согласными ссудить их деньгами.

ряжения всех сил», — писал Обер много лет спустя¹. Через несколько месяцев после этих событий он же основал «Швейцарскую патриотическую федерацию», призвавшую к «борьбе с большевизмом и революционными попытками в стране». Зерна швейцарской черной сотни были посеяны. Маленькая страна, у которой не было никаких оснований участвовать в подобных авантюрах, стала одним из прибежищ профессионального антикоммунизма.

После кровавых событий в Швейцарии в 1918 г. Обер уже располагал поддержкой в местных бюрократических кругах и в деловом мире. Одним из его покровителей стал начальник женевской полиции Турретини, также отпрыск швейцарской кальвинистской аристократии. Помимо фашистского листка «Лигист» к услугам Обера был реакционный журнал «Ревю де Женев», совладельцем которого был он сам. Одновременно он продолжал сотрудничать с штрейкбрехерским «Гражданским союзом», в помещении которого и устроилось руководимое им бюро международной антикоммунистической лиги в 1924 г.

Не менее существенна для Обера была поддержка со стороны швейцарских финансовых кругов. «Важные лица, — сообщал он впоследствии, — оказали бюро (руководству лиги. — Э. Г.) щедрую поддержку, проявив столь же щедрое, как осторожное, отношение».

Так, например, большую финансовую помощь оказывал лиге крупный делец Рене Генч, собственник одного из женевских «гугенотских банков», владевший рядом промышленных предприятий в Швейцарии и за рубежом. Партнером Генча по электроэнергетическим делам в Италии был финансовый покровитель Муссолини миллионер Пирелли. Будучи видным членом Международной торговой палаты, Генч еще в начале 20-х годов помог Оберу завязать отношения с деловыми кругами в Италии, во Франции, в Англии и США. В 1931 г., выступая перед американскими бизнесменами, этот банкир обратился к ним с открытым призывом оказать материальную помощь международному антикоммунистическому движению. «Вы, — заявил Генч, — ведущие генералы экономического мира», намекая, что без этих «генералов» битва будет проиграна. Таких же покровителей-миллионеров нашел Обер и в других городах Швейцарии. В Фрейбурге во главе местного антикоммунистического бюро стал банкир Мюзи, занимавший одно время пост президента швейцарской федерации².

¹ По образцу швейцарского «Гражданского союза» была год спустя создана в Германии штрейкбрехерская организация «Тено». Как обнаружилось впоследствии, обе организации почти сразу установили друг с другом контакт.

² *Giovonoli F.* Im Schatten des Finanzkapitals. Zürich, 1938, S. 28.

Неудивительно, что влиятельные буржуазные круги в Швейцарии совершили после первой мировой войны столь резкий поворот вправо. Почва была подготовлена напряженными классовыми боями внутри страны, и профессиональные антикоммунисты сделали все, чтобы поворот этот ускорить.

Более далеко идущие планы намечались профессиональными антикоммунистами в Австрии. Эта страна была важна им из-за близости к Германии; антирабочая контрреволюция на Дунае была для них неотделима от контрреволюции в рейхе. Здесь их «естественной» опорой должен был стать издавна укоренившийся в Австрии католический клерикализм, смертельно напуганный в 1919 г. созданием Советской республики в соседней Венгрии. Большая часть руководителей правившей в Австрии с 1920 г. «Христианско-социальной партии» принадлежала к тому же крайне правому течению среди клерикалов, которое в Германии представлял фон Папен, а также держала курс на «искоренение коммунизма» и победу черной реакции во всей Центральной и Восточной Европе. Хотя австрийская компартия была в то время невелика, крупные австрийские промышленники, банкиры и католические сановики были полны страха перед революционным рабочим движением, тем более что в рядах австрийской социал-демократии действовало довольно сильное и активное левое крыло.

На второй конференции женевской лиги в мае 1925 г. делегат из Австрии сообщил: «Наш центр создан с помощью видных лиц из промышленных и финансовых кругов и интеллигенции»¹. Под «интеллигенцией» явно подразумевались католическое духовенство и его влиятельная паства. Но практическую работу по организации оберовского «центра» провели осевшие в стране белогвардейцы. Уже через несколько месяцев после конференции женевской лиги, на которой выступил австрийский делегат, в Вене был раскрыт заговор с целью убийства советского полпреда Я. А. Берзина. Главой заговора оказался царский полковник Бородин — руководитель австрийского отделения лиги Обера. Еще раньше в Вене была обнаружена фабрика антисоветских фальшивок², устроенная белогвардейским агентом Якубовичем.

Негласно всем этим проискам способствовал глава венской полиции Шобер, бывший начальник императорской австро-венгерской контрразведки. Когда на Западе был создан так называемый «полицейский интернационал» («Интерпол»), занявшийся, между прочим, координацией репрессивных антикоммунистических действий властей, Шобер был сделан его председателем³. В 1928 г. лига Обера потребовала, чтобы Австрия выдала находившегося на

¹ Известия, 1925, 19 июня.

² Известия, 1925, 17 июля.

³ Büchner I. Op. cit., S. 28—29.

ее территории руководителя венгерских коммунистов Бела Куна хортистской Венгрии.

Расчеты профессиональных антикоммунистов в Австрии были направлены на то, чтобы закрепиться в руководстве правящей «Христианско-социальной партии» и толкать ее вправо, к созданию клерикально-фашистского режима в стране и расправе с рабочим движением. Агенты лиги действовали в штабе влиятельной клерикальной военно-фашистской организации «Хеймвер» («Отечественная рать»), главарь которой князь Штаремберг стремился к диктатуре. Посредником между лигой и Штарембергом стал майор Пабст — тот самый немецкий путчист-террорист, который в январе 1919 г. вместе с шефом «Антибольшевистской лиги» Штадтлером организовал убийство Либкнехта и Люксембург. Бежав после провалившегося капповского путча в Австрию, Пабст с помощью местных профессиональных антикоммунистов попытался добиться сговора между германскими контрреволюционерами, с одной стороны, австрийскими и итальянскими фашистами — с другой¹. Но лигу в Австрии опередили гитлеровцы, уже в 20-х годах захватившие инициативу организации реакционных заговоров в свои руки. Как и в Германии, профессиональные антикоммунисты в Австрии в конце концов помогли нацистам пробраться к власти.

В довоенной Чехословакии власть находилась в руках тесно связанной с Францией и Англией группы Масарика — Бенеша. Профессиональные антикоммунисты опирались здесь на три оппозиционные крайне правые организации: чешскую партию национал-демократов, словацкую «народную партию» и союз легионеров, участвовавших в гражданской войне в России на стороне Колчака. Влиятельные группировки во всех этих организациях тяготели к фашизму.

Лидером национал-демократов был главный покровитель белогвардейцев в Чехословакии миллионер Крамарж, бывший премьер-министр, стяжавший себе славу антисоветского маньяка. До первой мировой войны Крамарж выступал за создание чешского королевства во главе с великим князем из династии Романовых. После войны он выступил за восстановление царского режима в России и за «доведение до конца» антисоветской интервенции. Крамаржа поддерживали наиболее реакционные круги пражского финансового капитала. Когда из планов новой интервенции ничего не вышло и возникла перспектива установления нормальных дипломатических отношений между Чехословакией и Советским Союзом, Крамарж открыто повернул в сторону фашизма и объединил свою партию с фашистской «Национальной лигой» Стрибрного.

¹ Rote Fahne, 17.VI 1930; *Manhattan A. The Vatican in World Politics.* New York. 1939, p. 236.

Во всех его закулисных интригах деятельно участвовал пражский филиал лиги Обера. Во главе его стоял доверенный человек Крамаржа помещик Шебек. Двое других представителей — лидер национал-демократов сенатор Дик и депутат Гайн — также сотрудничали с лигой. В то же время женевский центр был связан со словацкой клерикально-фашистской «народной партией», выступавшей за расчленение Чехословакии. Лидер этой партии прелат Глинка, впоследствии открыто ставший на сторону Гитлера, призывал на собраниях лиги к «ненависти к большевикам». На одном из таких собраний соратник Глинки ксендз Шалат заявил: «Мы должны добиваться уничтожения очага заразы у нас, мы требуем роспуска коммунистической партии!» Хотя сотрудничавшие с пражским центром лиги чехословацкие правые партии яростно враждовали друг с другом, лозунг антикоммунизма их объединял.

В 1929 г., когда чехословацкое правительство предложило другим правительствам Малой Антанты обсудить вопрос об установлении дипломатических отношений с СССР, пражские профессиональные антикоммунисты немедленно перешли в наступление. Филиал лиги направил Бенешу протест. Тогда же стало известно о меморандуме, посланном Лиге наций 37 правыми деятелями Чехословакии. В числе подписавших фигурировали сенатор Дик, глава словацких сепаратистов Глинка, архиепископ Праги Кардач, главари чешской профашистской организации «Народни табор», лидер «Панславистского союза» Адамек, ряд депутатов, сенаторов и журналистов. В меморандуме содержалось требование, чтобы Лига наций взяла на себя «совместную защиту государств от коммунистической опасности» и чтобы во всех принадлежащих к ней странах избрание коммунистов в парламент было аннулировано и в дальнейшем запрещено!

Все это также было делом рук филиала лиги. На установление дипломатических отношений с СССР чехословацкое правительство Бенеша решилось только в 1934 г. В следующем году был заключен советско-чехословацкий договор о взаимной помощи: стране стал угрожать Гитлер. Но уже несколько лет спустя дорога, проложенная антикоммунистами, привела Чехословакию прямым путем к такой же пропасти, какая потом разверзлась перед буржуазной Польшей.

Так оперировали профессиональные антикоммунисты в небольших «либеральных» и «полулиберальных» странах Западной Европы. Не была обойдена ни одна из них, свои люди у них были повсюду. При всем том на слишком рискованные авантюры профессиональные антикоммунисты в таких странах, разумеется, не решались. Их сообщники плели закулисные интриги, травили компартии и Советский Союз, подпевали крайне правым у себя дома

и фашистам в соседних крупных государствах, но на большие заговоры, как в Германии, все же не отваживались. Дело было не только в том, что в таких странах профессиональным антикоммунистам обычно не удавалось собрать на своей стороне значительные силы; здесь в путчах и заговорах им, собственно говоря, и не было нужды. Руководители лиги были уверены, что фашистский пожар, загоравшийся с помощью их старших собратьев в сердце Западной Европы, быстро перекинется и на другие страны.

Как указывают факты, во многих из государств этой зоны жевневский центр сплошь и рядом вообще предпочитал действовать через нацистских агентов. С течением времени штаб лиги Обера стал полагаться на них не меньше, чем на белогвардейцев. В 30-х годах большая часть этих агентур в малых европейских странах почти автоматически перешла на нацистские рельсы.

2

По-другому строилась работа профессиональных антикоммунистов в европейских государствах с фашистским режимом. Здесь их деятельность, по существу, сводилась к роли вспомогательной агентуры при политической полиции. Заниматься чем-нибудь другим им уже не было надобности: Италия при Муссолини была для них идеальным государством. Римский филиал жевневской лиги и стал на деле разветвлением ОБРА, фашистской охраны, составленной из бывших членов Мафии, Каморры и тех же профессиональных антикоммунистов. Во главе филиала поставили князя А. Волконского и царского генерала Н. Баратова. Представителем претендента на царский престол Кирилла Романова был один из членов семьи Врангелей. Когда в мае 1924 г., вслед за образованием лиги, Обер прибыл в Рим, князь Волконский обратился к нему на специально созванном собрании с приветственной речью.

Итальянский фашизм был связан с профессиональным антикоммунизмом с самого начала. Партия Муссолини выросла в 1919 г. из банд, нанимавшихся предпринимателями для расправы с рабочими, захватывавшими фабрики и заводы. Формировавшиеся из сыновей сельских богатеев и деклассированной черни, эти банды, так называемые «сквадристы», нападавшие на коммунистов и социалистов, делали набеги на редакции левых газет, профсоюзы, биржи труда. Коммунистов подвергали всяческим мучениям и истязаниям. Одна из таких банд называла себя «Народным антибольшевистским союзом»¹. Из вожаков этих антикоммунистических отрядов и составилось ядро чернорубашечников Муссолини.

¹ Enciclopedia Italiana, XIV, p. 853.

Ранним сообщником организации Обера в Риме стал один из главарей «сквадристов» — Роберто Фариначчи, участвовавший в 1919 г. вместе с Муссолини в основании фашистской партии и приобретший затем репутацию самого крайнего из ее лидеров. Фариначчи был в Италии тем, кем Гофман был в Германии, Локер-Лампсон в Англии, Нездельский в Польше и Обер в Швейцарии, — первым из видных профессиональных антикоммунистов. Сразу же после войны 1914—1918 гг. он возглавил «антибольшевистское движение»¹ в Северной Италии; жестокость его банд была известна всей стране. Вскоре после убийства в 1924 г. депутата-социалиста Маттеотти, которое было также совершено головорезами из старых сквадристских дружин, Фариначчи стал генеральным секретарем фашистской партии, заняв в ней положение второго после Муссолини руководителя. Было известно, что за его спиной стоит мощная итальянская военная монополия Анsaldo, финансировавшая фашистов².

Женевская лига развернула свою деятельность как раз в период, когда Фариначчи находился у вершины власти. Весьма вероятно, что он и был тем представителем «итальянского центра» на второй конференции лиги в мае 1925 г., который предложил ей заключить форменный союз с фашистской партией. Выступая под именем Марконелли, этот представитель заявил:

«Мы принесли с собой твердую веру, стальные мускулы и хорошие дубины. Мы заменили собой правительство, показавшее свою неспособность... Мы сводили счеты с вожаком рабочих организаций и в некоторых случаях изгоняли его с завода. Этот способ давал возможность ликвидировать забастовки меньше чем в один день... Мы уничтожали красные рабочие организации... Для нас коммунистическая опасность больше не существует... Господа, я говорил об итальянском фашизме и его методах борьбы потому, что считаю, что об этом нужно знать... Мы лично собой довольны. Желаю вам, господа, на нашем следующем собрании иметь возможность сказать то же самое про себя». Этот язык был понятен слушавшим посланца от Муссолини профессиональным антикоммунистам.

Когда начался процесс против убийц Маттеотти, Фариначчи не постеснялся стать одним из их адвокатов. Фашистский террор во время пребывания Фариначчи на посту генерального секретаря в Риме достиг, однако, таких размеров и вызвал такое негодование в кругах мировой общественности, что Муссолини, положение которого в то время еще было неустойчивым, был вынужден распустить отряды сквадристов, включив их в регулярную милицию

¹ Enciclopedia Italiana, XIV, p. 808.

² Vorwärts (Abendausgabe), 16.IV 1926.

чернорубашечников, а затем и уволить своего заместителя по партии. Тем не менее Фариначчи, оставшийся на крайне правом крыле фашистской организации, был вскоре включен в состав «Великого фашистского совета».

Связи женевского центра с Римом не обрывались. Хотя руководители лиги и считали Италию идеальным государством, они все же позволили себе критиковать Муссолини, когда он в погоне за дипломатическими успехами сделал вид, будто пытается улучшить советско-итальянские отношения. Но фашистская охранка ОВРА и впредь продолжала пользоваться услугами международной сети Обера для охоты за антифашистами. Осенью 1930 г. парижский орган лиги, предостерегая Муссолини против переговоров с СССР, писал: «Рим — мать латинской цивилизации... Он объявляет себя чемпионом политического и социального порядка. Фашизм стал синонимом антикоммунизма».

В Испании профессиональный антикоммунизм возник также почти сразу после первой мировой войны. Инициатором его создания была испанская полиция, учредившая в стране особый режим. Испанские коммунисты были фактически поставлены вне закона. В 1927 г. было подсчитано, что в течение четырех предыдущих лет 85 процентов всех членов коммунистической партии прошли через тюрьмы¹. В некоторых районах, как, например, в Мадриде и Бильбао, в партийных организациях числилось не более пяти человек, избежавших преследований. К каждому, кто был известен как коммунист, жандармы являлись на дом чуть ли не ежедневно. На средства полиции были созданы так называемые «свободные профсоюзы». Это были наемные банды, состоявшие из «золотой молодежи» и уголовников. В борьбе с бастующими рабочими они применяли преимущественно один метод: выстрелы из-за угла по руководителям и активистам².

Из этих корней и вырос мадридский филиал лиги Обера. Под покровительством полицейского ведомства диктатора Примо де Риверы ее «испанский секретариат» во главе с неким Л. де Андресом действовал уже в начале 1927 г. В 1929 г. он выпустил антикоммунистический сборник под названием «Борьба против красного террора»³. Публиковалось испанское издание органа лиги — «Антикоммунистическое обозрение». В действительности, разумеется, задачей мадридского центра лиги было содействие полиции при подготовке к белому террору.

Какими еще делами она здесь занималась, обнаружилось в 1928 г. в ходе судебного процесса против шайки белогвардейских фальсификаторов в Париже, в числе которых находился Резанов.

¹ Internationale Presse-Korrespondenz, 7.VI 1927, S. 57—58.

² Teno, S. 46.

³ New Leader, 15.VII 1927.

На суде был, например, рассказан следующий эпизод. В один прекрасный день испанскому посольству в Париже откуда-то сообщили, что в Испанию из Франции направляется «тайный агент из Москвы», которому поручено дать «сигнал к революции». Выяснилось, что соответствующий описанию человек действительно сел на парижском вокзале в мадридский поезд. По всей Испании полиция была приведена в боевую готовность, вокзал на франко-испанской границе оцеплен войсками, но «агента из Москвы» в поезде не было. Как оказалось, игравший роль этого «агента» белогвардеец вышел из поезда на следующей же за Парижем станции¹. Такие примитивные провокации испанской полиции служили поводом для репрессий.

Когда в 1931 г. испанская монархия пала и страна стала республикой, мадридский центр женевской лиги удвоил свои усилия. В 1932 г. на сцене появилась специальная организация по борьбе с коммунизмом, во главе которой стали фашисты Маурисио Карл и Луис Лопес Оливелла. Карл был жандармским начальником, специализировавшимся на «охоте за красными»; его перу принадлежали «исследования» «Коммунизм в Испании» и «Техника Коминтерна в Испании». Когда начался мятеж Франко против республики, Карл уже был офицером в главном штабе франкистов.

В Португалии филиал женевской лиги был основан в 1927 г. Здесь фашистский режим нуждался в оборовцах в основном для своих негласных международных связей.

Люди, заведовавшие узлами интернациональной сети лиги, были везде примерно одного типа. Они принадлежали к догестаповскому поколению профессиональных антикоммунистов, но мало в чем уступали своим преемникам, хотя находившиеся в их распоряжении средства не шли ни в какое сравнение со средствами гитлеровцев.

Так выглядела агентурная сеть профессиональных антикоммунистов в Западной Европе в 20-е и в начале 30-х годов. Разветвления в «демократических» странах отличались от филиалов в фашистских и полуфашистских государствах только тем, что первые готовились перенять опыт вторых. Фактически же фашисты и профашисты преобладали в этих филиалах и тут и там.

¹ New Leader, 15.VII 1927.

Глава семнадцатая

ЖЕНЕВСКОЕ БЮРО И КОЛОНИАЛЬНЫЕ МАГНАТЫ

1

Западная Европа рассматривалась профессиональными антикоммунистами как главный фронт, атака на котором должна решить исход всей битвы, Северная Америка до поры до времени — как резервная база. Но с самого начала руководителям лиги Обера и их союзникам стало ясно, что антикоммунизму придется без промедления открыть фронт и на третьем, самом большом по протяжению и глубине фронте — в Азии.

«Специалисты по большевизму» в женевской лиге, изо дня в день изучавшие коммунистическую печать и марксистскую литературу, с неослабным вниманием следившие под одним-единственным углом зрения за событиями в каждой стране, временами быстрее многих других буржуазных наблюдателей замечали назревавшие в мире перемены.

В начале 20-х годов в Азии происходили исторические события. Начиналась великая колониальная революция. Приходили в движение и бросали вызов капиталистическому миру целые нации, насчитывавшие сотни миллионов людей. К середине десятилетия на всем пространстве от Красного моря до Тихого океана полыхали огни народных волнений, местами переходивших в восстания. Коммунисты находились в авангарде борьбы. Национально-освободительное народное движение смыкалось с революционным рабочим движением.

Профессиональные антикоммунисты были в числе первых из тех в лагере империализма, кто учел значение этого союза. Мысль, что империалистам придется сражаться на два фронта, против рабочего класса в своих странах и против восстающих народов за тысячи километров от западных столиц, что идеи Маркса, Энгельса и Ленина распространились далеко за пределы Европы, пронизывает выступления руководителей женевской лиги с момента ее создания. В то время как многие буржуазные политики на Западе все еще уповали на старую стратегию канонерских лодок, «христианских» проповедей и обманных реформ, участники международного антикоммунистического центра уже кричали во весь голос: великие колониальные империи в смертельной опасности!

Помимо обычного страха перед коммунистами ими в этом случае несомненно руководило и другое побуждение. В кругах лиги прекрасно понимали, что среди напуганных растущим национально-освободительным движением колониальных монополистов профессиональный антикоммунизм найдет особенно щедрых и готовых на авантюры покровителей.

Прямой призыв к колониальным державам обратить сугубое внимание в их владениях на «происки большевиков» содержался уже в первом меморандуме, адресованном лигой Обера правительствам в 1924 г. На ее второй конференции в мае 1925 г. в Париже вопрос был поднят представителем голландского филиала, который заявил: «В нидерландских колониях туземные принцы образованны и понимают большевистскую опасность. Но подданные очень падки на коммунистическую пропаганду»¹. Оценка влияния освободительных идей оказалась довольно точной. Полтора года спустя на Яве вспыхнуло народное восстание, продолжавшееся три недели и потрясшее колониальную империю Нидерландов в Индонезии до основания. На следующей конференции лиги в марте 1926 г. в Лондоне по колониальному вопросу был представлен особый доклад, на этот раз от имени английского филиала. Докладчиком был директор основанной британскими монополистами «Экономической лиги» Д. Б. Уайт. Как сообщила впоследствии парижская белоэмигрантская газета, конференция «остановилась на работе Коминтерна в странах Востока... Был сделан практический вывод: необходимо создать ряд антибольшевистских центров как в Европе, так и на Востоке».

То, что доклад на эту тему был поручен англичанину, было не случайно. Английские колониялисты к этому времени были встревожены так же, как нидерландские: революционное движение в Китае и Индии угрожало всей их системе колониального грабежа. В докладе Уайта рисовалась устрашающая картина бурного развития национально-освободительного движения, вызванного «интригами Коминтерна». Правительствам в Лондоне, Париже, Гааге, Брюсселе и других столицах Запада вновь срочно рекомендовалось приступить к беспощадным репрессиям. Главная мысль, преподносившаяся властям, заключалась в следующем: так как национально-освободительное движение в колониях повсюду вдохновляется коммунистическим движением, то для подавления первого необходимо прежде всего расправиться со вторым.

После этого профессиональные антикоммунисты сами взялись за дело. В колониях они действовали так же, как везде, но с одной разницей: крови по сравнению с затраченными средствами было здесь намного больше.

¹ Известия, 1925, 19 июля.

Осенью 1927 г. при лиге Обера была создана новая агентура: «Международное колониальное бюро». Задачей бюро была объявлена «защита колоний от большевистской опасности». Местопребыванием была избрана не Женева, а Гаага — центр сплетенных друг с другом англо-голландских монополий, владевших огромными предприятиями и концессиями в Азии и Африке. «Начиная с 1928 г., — сообщило позднее руководство женеvской лиги, — были завязаны отношения между бюро лиги и важными колониальными кругами, уяснившими серьезность опасности для колоний и понявших, насколько полезно для них сотрудничество с организацией, специализирующейся на борьбе с коммунизмом». В дальнейшем, говорилось в том же отчете, «сотрудничество руководства лиги и ее центров (в отдельных странах. — Э. Г.) с важными колониальными кругами было продолжено и достигнуто серьезные результаты. Бюро лиги с самого начала предостерегало и наставляло эти круги о большевистских действиях в колониях; они имели возможность проверить точность этих сигналов и сообщений. Были приняты действенные меры защиты. Правительства разных колоний стали постоянными получателями нашей информации. В начале 1933 г. бюро опубликовало новое исследование о большевистских действиях в Азии и Африке».

Судя по конспиративному характеру всей этой затеи, можно было думать, что в «колониальном бюро» лиги Обера приняли участие мало кому известные лица из женеvского центра — субъекты обычного жандармского или фашистского толка. Дело, однако, обстояло не так. В бюро это вошли представители колонизаторской верхушки западноевропейских стран.

Его руководителем стал не кто иной, как бывший голландский министр финансов Тройб, занявший после первой мировой войны пост председателя «Союза голландских предпринимателей» в Индонезии. Одно это имя говорило о многом. Тройб, автор книги против Маркса, мог считаться одним из ведущих голландских ультраколониалистов. Его ближайший соратник Колийн, бывший премьер-министр и глава крайне правой «Антиреволюционной партии», был наиболее влиятельным буржуазным политиком в Нидерландах. Как и Тройб, Колийн, начавший свою карьеру в Индонезии, был персонально связан с нефтяной монополией Детердинга и даже принадлежал к ее правлению.

Надо учесть, что помимо английского капитала в этой монополии были издавна заинтересованы очень широкие круги голландской крупной и средней буржуазии. В период между двумя мировыми войнами голландские капиталовложения в концерн «Ройял датч» оценивались не менее чем в 300 млн. флоринов¹.

¹ *De Klerek E. S. History of the Netherland East Indies. Rotterdam, 1938. vol. 2, p. 573.*

Ни одно реакционное правительство в Нидерландах не принимало какого-либо важного решения без согласия Колийна, и дело было не только в нефти. Политику Колийна, Тройба и Детердинга поддерживали владельцы многочисленных табачных, сахарных, кофейных, каучуковых и других плантаций, захваченных голландцами на индонезийских островах. Выкачивая ежегодно свыше 800 млн. гульденов из Индонезии и извлекая 20% чистой прибыли на вложенный капитал¹, голландские колониальные пираты рассматривали эту страну как золотое дно. Стремительный рост национально-освободительного движения после первой мировой войны привел их в состояние бешенства. Рупором этих сил стала группа Колийна — Тройба.

Когда в январе 1927 г. голландские власти приступили к кровавому подавлению народного восстания на Суматре, газета Колийна «Де Стандаард» выступила с заявлением, что одних смертных приговоров, выносимых судами, мало. «Лучше,— писал орган Колийна,— атаковать всеми силами, так, чтобы пули не дырявили воздух, а каждая попадала в цель. Всякое колебание преступно». Выходившая в Батавии (Джакарта) газета тех же кругов «Хет нейвс фон ден таг» писала: «Пятьдесят виселиц на Королевской площади и несколько таких же инструментов, выставленных на показ населению в разных местах Бантама (район на западе Явы.— Э. Г.),— это окажет благотворное влияние лет на пятьдесят»². Когда некоторое время спустя голландское правительство предприняло попытку усмирить индонезийцев с помощью лицемерных «либеральных» реформ, та же группа Колийна — Тройба организовала яростную кампанию против стоявших у власти министров. Ультраколониалистские лидеры заявили, что индонезийцы не способны управлять своей страной и что опасно даже предоставлять им возможность обучаться в университетах.

С этими кругами в Нидерландах и связалась лига Обера. Контакт был, очевидно, налажен через Детердинга. Побудить ультраколониалистов присоединиться к международному сообществу профессиональных антикоммунистов было нетрудно; все, что требовалось,— это доказать, что национально-освободительное движение на индонезийских островах является всего лишь результатом «козней» коммунистов. За этим дело не стало. Когда в конце 1926 г. вспыхнуло народное восстание, орган голландского филиала лиги Обера «Я буду хранить» выпустил специальный номер, во всех статьях которого утверждалось, что дело с начала до конца «подстроено Коминтерном»³. Несколько позже стараниями

¹ Internationale Presse-Korrespondenz, 3.IV 1927.

² Internationale Presse-Korrespondenz, 7.I 1927, S. 53—54, 11.I 1927, S. 104.

³ Ik Zal Nandhaven, I. 1927 г.

того же филиала была опубликована книга бывшего чиновника голландской колониальной администрации на Яве Блумбергера, представлявшая собой сводку полицейских доносов о деятельности индонезийских коммунистов¹. То же утверждение, что коммунистическая пропаганда является единственной причиной нарушения «мира» в Индонезии, принесенного туда голландскими колонизаторами, развивалось на страницах сборника женевской лиги. Союз Гаага — Женева был заключен.

Так были завербованы голландские участники для колониального бюро международного антикоммунистического центра. Тройб и Колийн представляли наиболее влиятельную и наиболее реакционную часть голландских колониалистов. Официальное руководство гаагской агентурой было передано этой группе не только из-за ее близости к Детердингу, из кассы которого, по-видимому, потекли средства и на это дело, но и потому, что Гаага была наиболее удобным связным пунктом для колониалистов разных стран. С голландскими магнатами почти не соперничали ни английские, ни французские империалисты. Тон в бюро Тройба задавали, однако, не голландцы.

На территориях французской колониальной империи национально-освободительное движение после второй мировой войны также приобрело все более широкий размах. Особенно обострилось положение в Индокитае, в североафриканских и ближневосточных владениях Франции. Здесь коммунисты стояли в первых рядах народных сил. В важнейшей колонии — Индокитае учащались стачки, вспыхивали восстания крестьян и кули на плантациях, студенческие волнения, местами происходили вооруженные бунты против властей. В 1930 г. в результате объединения нескольких коммунистических организаций возникла Компартия Индокитая. В Сирии, Алжире, Марокко, Тунисе крепло движение арабов за независимость.

Для парижской финансовой олигархии эти волнения были самым тяжелым ударом за многие десятилетия. Сила французского империализма в XIX и XX вв. в значительной мере основывалась не столько на его промышленном и военном потенциале, сколько на его огромной колониальной империи, по размерам в 20 раз больше самой Франции. Подлинным владельцем этой империи была кучка ведущих банкиров, как и их собратья в Нидерландах, тесно связанных с видными правыми политиками, колониальными сановниками и военными.

Только после второй мировой войны, когда Франция начала истощать свои силы в войнах в Индокитае и Алжире, стало ясно,

¹ *Blumberger J. T. P. De communistische beweging in Nederlandsch — Indie, Harlem, 1928.*

каким влиянием в Париже обладала колониальная олигархия. На эти круги и стал с середины 20-х годов ориентироваться французский филиал лиги Обера. В течение нескольких лет ему удалось включить в свою сеть как богатейших колониальных дельцов, так и ряд видных политиков.

Приманкой служил тот же тезис, что и в Нидерландах: для того чтобы раздавить национально-освободительное движение, надо сначала задуть коммунистов. С конца 1927 г. — то есть через несколько месяцев после создания колониального бюро Тройба в Гааге — в парижском журнале лиги «Красная волна» появилась новая рубрика под заголовком «Большевистское завоевание Азии и Африки», и почти в каждом номере эта тема муслировалась в одной или двух статьях. «Позволит ли Третья республика своим злейшим врагам, — взывал руководитель французского «национального центра» оберовец Готро, — уничтожить свои достижения в колониях и вернуть в состояние варварства народы, которым она дарит блага своей цивилизации?» Под варварством подразумевалась независимость колониальных стран, под злейшим врагом — Коминтерн.

«Разрушение нашей колониальной империи стало сегодня одной из главных целей Москвы, — писал тот же Готро в предисловии к изданной лигой Обера брошюре «Коммунизм и Северная Африка». — ...В дни, когда на колониальной выставке отмечается столетие нашей экспансии в Африке, позволит ли Франция разрушить это дело?.. Не сформируется ли в нашей стране группа людей, стремящихся побудить правительство к действиям, исполненным решимости преградить дорогу новому нашествию варваров?» Написанная на ту же тему книга самого Готро с предисловием члена Французской Академии Луи Бертрана широко распространялась в правых кругах. В то же время в печать систематически подкидывались сфабрикованные тут же на месте, в Париже, белогвардейскими специалистами «документы» о «происках» и «заговорах» Коминтерна во французских владениях¹.

Генеральная атака профессиональных антикоммунистов началась, когда мощная волна революционного движения в 1929 г. захлестнула Индокитай. Готро и его единомышленники потребовали применения драконовских мер, в том числе даже запрещения индокитайским студентам впредь выезжать в Европу для обучения в университетах. «Индокитай начинает походить на революционный Китай. Срочно необходимо остановить его на краю пропасти», — писал журнал Готро в феврале 1930 г. Это означало: никаких реформ, ни малейших уступок индокитайцам, пустить в

¹ Такого рода фальшивки печатались, например, распространенной парижской бульварной газетой «Матэн».

ход оружие! Готро почти буквально повторял аргументы Тройба и Колийна, высказанные по поводу событий в Индонезии; у профессиональных антикоммунистов был один рецепт для всех колониальных стран: потопить в крови народную борьбу.

При этом во всех случаях подчеркивалось, что правители разных колониальных империй должны действовать не обособленно, каждый за себя, а сговориться друг с другом, чтобы сосредоточить огонь на коммунистах. «Индокитайский полуостров, — заявлял Готро, — это французский бастион общего оборонительного фронта, который должен быть, наконец, создан против угрожающего всем колониальным державам большевизма». Среди напуганных империалистов такие призывы находили отклик. Уже в мае 1929 г. парижский агент лиги Обера смог сообщить, что его усилия не пропали даром. «К счастью, мы уже не одни», — торжествовал его журнал, намекая, что лица, заинтересовавшиеся идеями профессиональных антикоммунистов по колониальному вопросу, располагают некоторым влиянием. О ком шла речь?

«Группа исполненных решимости людей», с которой Готро к этому времени установил контакт, состояла из высокопоставленных парижских сановников, известных своей непримиримостью по отношению к колониальным народам. Ультраколониалисты уже действовали на авансцене Третьей республики. Одним из их лидеров был глава правого крыла партии радикалов, бывший генерал-губернатор Индокитаея и министр колоний Альбер Сарро. Еще в 1927 г., выступая в Алжире, Сарро бросил взбудораживший всю Францию погромный клич: «Враг — это коммунизм!» Готро тотчас же посвятил Сарро ликующий панегирик.

За Сарро последовали другие. В 1929 г., когда начались волнения в Индокитае и к власти во Франции пришло правое правительство Тардье, министром колоний стал корсиканский депутат Пьетри — приятель миллиардера Коти и префекта полиции Кьяппа, двух главных покровителей лиги Обера во Франции. Когда четыре года спустя премьер-министром Франции стал третий из ее покровителей, Сарро, Пьетри вновь получил портфель министра колоний. Пост председателя комиссии палаты депутатов по колониальным вопросам в дни пребывания у власти Тардье занимал депутат Теттенже — главарь непосредственно связанной с лигой Обера фашистской банды «Патриотическая молодежь».

Мало того. Нити от Готро к тому времени протягивались еще выше — к приемной самого премьер-министра. Глава правительства Тардье был не только скрытым сторонником фашизма, но и прожженным колониальным дельцом. Еще до первой мировой войны Тардье был замешан в скандальные аферы компании «Нгоко-Санго» в Конго и железной дороги Холмс — Багдад в Сирии. Этот политик был опытейшим взяточником и аферистом. Связи с

колониальной олигархией он сохранял и в дальнейшем. За несколько месяцев до назначения Тардые премьер-министром Готро сообщил в своем журнале, что Тардые, тогда еще министр внутренних дел, лично консультировался с ним о мерах противодействия коммунизму. «Что касается министра внутренних дел Андре Тардые, которому помогает префект полиции Кьяпп,— писал Готро,— то французскому правительству в последние месяцы нельзя отказать в энергии».

Все это говорило об одном. Тардые, Сарро, Пиетри, Кьяпп, Теттенже имели прямую договоренность с профессиональными антикоммунистами. Во Франции, как и в Нидерландах, союзниками женевской лиги по колониальным заговорам стали не случайные или второстепенные лица, а видные буржуазные политики. К ним можно было причислить и весьма влиятельных руководителей французской колониальной военщины, как, например, «завоевателя Северной Африки» маршала Лиотэ, предтечи будущих оасовских генералов.

Союз был почти официально закреплен на заседании правления политического объединения французских колониалистов, «Французского колониального института», созданном 7 апреля 1930 г., через несколько недель после вооруженного восстания индокитайцев в Йенбае. На заседании присутствовали члены палаты депутатов, колониальные сановники и уполномоченные монополий. Председательствующий адмирал Лаказ, бывший морской министр, представлял самую большую из колониальных монополий Франции «Индокитайский банк», владевший большей частью крупных предприятий в Индокитае. Среди присутствовавших находились представитель пущечного короля Шнейдера-Крезе маркиз Шасселуп-Лаба, бывший французский посол в Пекине Конти, бывший губернатор Кохинхины и почетный председатель французской торговой палаты в Индокитае Утрей (из группы того же «Индокитайского банка») и другие. Это были сливки парижской колониальной биржи. Докладчиком оказался сам Готро¹.

Агент лиги Обера в Париже напрямик потребовал «объявления войны Коминтерну» в колониях и, согласно газетным отчетам, встретил со стороны присутствовавших горячую поддержку. Выступивший на заседании руководитель «Французского колониального института», член Верховного колониального совета Франции Гербранди открыто призвал к «контрнаступлению имущего класса» в колониях и заявил: «Если страны, цивилизаторский гений которых играет ведущую роль в деле укрепления порядка и мира, не перейдут в победоносную контратаку, то во вселенной воцарится хаос... Теперь, как никогда, необходимо объединиться для созидательных действий и вместе с сильным правительством мо-

¹ Le Temps, 10.IV 1930.

билизовать частную инициативу для сокрушительного наступления». В резолюции, направленной премьер-министру Тардьё и министру колоний Пиетри, колониальная олигархия Франции призывала правительство не медлить с действиями, предоставить местным властям в колониях все необходимые полномочия для расправы с коммунистами и порвать дипломатические отношения с СССР¹. Революционные движения в Китае и Индокитае, следовавшие за такими же движениями в Голландской Индии, говорилось в этой резолюции, подтвердили «серьезность опасности, угрожающей Франции и Европе». Оберовский призыв к объединению колонистов разных стран был апробирован.

Все это была игра с заранее распределенными ролями. Уже несколько недель спустя французские ультраколониалисты, вымуштрованные профессиональными антикоммунистами, перешли в атаку в зале парламента. На заседаниях палаты депутатов, посвященных событиям в Индокитае, представители реакционных партий, ссылаясь на «материалы» Готро, потребовали от правительства беспощадных мер. Председатель комиссии палаты по колониальным делам фашист Теттенже предложил образовать «союз всех заинтересованных держав» и начать «крестовый поход». Член той же комиссии Утрей, присутствовавший на докладе Готро во «Французском колониальном институте», поддержал Теттенже, подчеркнув: «Дело не в том, чтобы заниматься декламациями, надо действовать». Министр колоний Пиетри тут же объявил о полном согласии правительства с ультраколониалистами. «Угрожающий всем европейским колониям большевизм в Азии,— заявил Пиетри,— вот внешний враг. Правительство приняло решение повести против него неумолимую борьбу. Ни один из бунтовщиков или пропагандистов, который попадет в наши руки, не избежит строгого возмездия, которое началось уже год назад и будет продолжаться столько времени, сколько потребуется... Те, кто поддадутся преступникам, будут наказаны в свою очередь»².

Готро ликовал. «Мы полагаемся на просвещенную, упорную и целительную энергию правительства,— писал он в следующем номере своего листка.— ...От судьбы французской колониальной империи зависит не только процветание метрополии, но и всемирное будущее европейской цивилизации. Моральный, социальный и экономический прогресс новых континентов зависит от нашей победы над варварством». Так защита корыстных интересов толстоумов, беспощадно грабивших и истреблявших колониальные народы, демагогически выдавалась за заботу о «будущем цивилизации».

¹ Chronique Coloniale, 15.IV 1930.

² Journal Officiel, 14.VI 1930, p. 1508.

Французские колониалисты, по крайней мере наиболее ярые из них, были в свою очередь завербованы лигой Обера. Их уполномоченным в гаагском бюро стал, по-видимому, Готро. Главную роль в этом бюро почти с самого начала играли, однако, представители тех, кто владел самой большой колониальной империей в мире, — правители Англии.

2

В середине 20-х годов руководство английской колониальной политикой находилось в руках небольшой группы «твердолобых» империалистов из консервативной партии, возглавлявшейся лордом Биркенхедом. Пост министра по делам Индии занимал Биркенхед, пост его заместителя — другой консерватор крайне имперского направления лорд Уинтертон, пост министра колоний — их единомышленник Эмери, должность английского наместника в Египте и Судане — тиран Бенгалии лорд Ллойд (впоследствии тоже министр колоний) и т. д. Черчилль, ближайший личный друг Биркенхеда, ведал в правительстве финансами, но до этого был министром колоний и продолжал оказывать большое влияние на выработку имперской политики в том же духе.

Все это были люди одного толка. Сторонники Биркенхеда и Черчилля не только яростно выступали против каких бы то ни было, хотя бы незначительных, уступок национально-освободительному движению в английских владениях, но и мечтали о дальнейшем расширении Британской империи, главным образом за счет Китая, стран Ближнего и Среднего Востока, советских Средней Азии и Кавказа. Это в первую очередь и толкало их на путь агрессивной антисоветской политики. Ради осуществления своих планов они были готовы на все, даже на большую войну. В борьбе с национально-освободительным движением самые «твердолобые» в лагере тори, на поводу у которых в те годы обычно шел премьер-министр Болдуин, фактически признавали только одно средство, то, которое по их указаниям уже было применено в Индии в 1919—1922 гг., — террор.

По своим взглядам и понятиям политики из группы Биркенхеда — Черчилля были типичными империалистами XIX — начала XX в., и почти все они, так же как их собратья во Франции, в Нидерландах, были персонально замешаны в колониальных делах. Лорд Биркенхед начал свою карьеру адвокатом крупнейшей колониальной монополии Англии — концерна «Ливер бразерс», владевшего сотнями плантаций во всех частях Британской империи, и кончил ее на посту члена правления первого в капиталистическом мире сахарного треста «Тэт энд Ляйл» и южноафриканской золотопромышленной монополии «Йоганнесбург консолидейтед инвестмент». Черчилль десятилетиями был связан с огромной «Англо-

Персидской нефтяной компанией», диктовавшей политику Англии на Ближнем Востоке. Колониальный министр Эмери был директором англо-африканских золотопромышленных компаний, лорд Ллойд — акционером земельных синдикатов «Бритиш Сауз Африка компани» и «Сауз Вест Африка компани», министр юстиции в том же правительстве Болдуина лорд Перси — директором египетской нефтяной компании Детердинга и т. д.

Но дело было, разумеется, не в одних личных связях тех или иных лиц. За спиной группы Биркенхеда — Черчилля стоял, по существу, почти весь колониальный мир Сити, удельный политический вес которого в общей массе английского капитала в то время был едва ли меньше веса внутреннего промышленного капитала. Это значило немало. Политику ультраколониалистов поддерживали не только такие магнаты, как Детердинг и лорд Ливерхолм (глава монополии «Ливер бразерс»), но и собственники богатейших английских торговых домов в Индии, Китае и Бирме, владельцы горнопромышленных концессий, золотых и алмазных приисков, каучуковых, табачных и чайных плантаций, железных дорог и банков во всех уголках империи. Это означало и поддержку со стороны влиятельных военно-шовинистических, великоимперских и попросту черносотенных организаций, группировавшихся вокруг консервативной партии. Одной из таких организаций, особенно близкой Биркенхеду, был уже упомянутый выше «Антисоциалистический союз»¹. Основанный Биркенхедом в свое время специально для борьбы с рабочим движением, союз этот после первой мировой войны стал в то же время средоточием антисоветски настроенных консерваторов, взбешенных ростом революционно-освободительного движения в колониях.

Во второй половине 20-х годов к полузакрытому «Антисоциалистическому союзу» примыкали все наиболее реакционные члены английского правительства. Биркенхед был по-прежнему главным опекуном организации, Черчилль — ее членом или сторонником, министр транспорта и бывший «погонщик» (организационный секретарь) консервативной партии Эшли — ее председателем, министр военной авиации (впоследствии министр иностранных дел) и казначей консервативной партии Хор, министр почт и телеграфа Митчелл-Томсон (позднее лорд Селсдон), заместитель министра иностранных дел Годфри Локер-Лампсон (брат главного агента лиги Обера в Лондоне Оливера Локера-Лампсона) — членами исполнительного комитета.

Деятельность «Антисоциалистического союза», сосредоточившегося на борьбе против «большевистской угрозы Британской империи», проходила вначале главным образом за кулисами. Но в

¹ См. главу 8.

конце 1926 г., когда революционное движение в Китае достигло апогея, а в Индии после короткого перерыва вновь зажглись очаги народного сопротивления, Биркенхед дал своим сторонникам приказ действовать. Выступая в Лондоне на собрании консерваторов, он призвал к священной войне против большевиков, задавшихся целью довести Британскую империю «до гибели»¹. Делегация ультраколониалистских членов парламента явилась к премьер-министру Болдуину с требованием, чтобы правительство приняло решительные меры для «защиты Британской империи против большевистской пропаганды и разорвало дипломатические отношения с СССР»². Вскоре после этого лондонская газета, выражавшая взгляды наиболее «твердолобых» представителей консерваторов, выступила со специальной статьей, в которой лиге Обера выражалась благодарность за ее «замечательную службу» и «блестящую работу»³. В июле 1927 г., уже после разрыва с СССР, Биркенхед выступил на антисоветском сборище, устроенном уполномоченным лиги Локером-Лампсоном в лондонском аристократическом отеле «Савой», и предложил основать «союз защиты мирового порядка» для борьбы с коммунизмом⁴.

Хотя английские ультраколониалисты были с самого начала ярыми антикоммунистами, прямого отношения к женевской организации они до этого времени не имели. «Антисоциалистический союз» и «Экономическая лига», основанная английскими шахтовладельцами и считавшаяся официальным представителем женевской лиги, существовали тогда еще самостоятельно. После выступления Биркенхеда в отеле «Савой» положение изменилось. Английские колониалисты формально присоединились к сети лиги Обера.

4 августа 1927 г., ровно через неделю после этого выступления, в офицозе английского правительства газете «Таймс» появилось открытое письмо за подписью членов английского филиала лиги Обера, в котором лорд Биркенхед и его сторонники напрямую приглашались к сотрудничеству с международным сообществом профессиональных антикоммунистов, чтобы не «дублировать» усилия. 8 марта 1928 г. в Лондоне был созван совместный митинг «Экономической лиги» и «Антисоциалистического союза», на который прибыл Обер. Присутствовавший на митинге председатель «Антисоциалистического союза» министр транспорта Эшли произнес хвалебную речь в честь Обера, подчеркнул, что «некоторые правительства придают движению лиги Обера величайшее значе-

¹ Times, 11.XII 1926.

² Times, 15.XII 1926.

³ Morning Post, 1.I 1927.

⁴ Times, 29.VII 1927.

ние», и многозначительно добавил: «Британская империя является краеугольным камнем арки, на которой держится нынешняя экономическая система мира»¹. Английские министры-ультраколониалисты объясняли, почему они подавали руку авантюристам вроде Обера.

Вскоре же после этого «Антисоциалистический союз» и «Экономическая лига» образовали объединенный комитет, в руководстве которого каждая организация была представлена тремя членами, «депутатами палаты общин или лицами, заслуживающими наивысшее доверие». «Шаг этот,— сообщали английские оберовцы своим единомышленникам в Париже,— будет иметь важнейшие последствия. В каждой из наших колоний, мало того, в каждом уголке нашей огромной империи комитет создаст опорные пункты и ячейки для борьбы с ядом, распространяемым «антиколониалистской» организацией большевиков. Все мы заинтересованы в координации наших усилий, направленных против общего врага, Советов, будь то из соображений внутренней политики и обороны будь то ввиду общей опасности, которую представляет «антиколониалистская» работа большевиков. Мы в Англии признаем, что единственным подлинно эффективным средством успешной борьбы против III Интернационала является создание другого, еще более мощного интернационала... Враги работают день и ночь. Мы должны делать то же».

Все эти тирады заслуживали внимания потому, что теперь их авторы фактически говорили от лица английского правительства. Его представители у всех на глазах братались с главарем убийц и провокаторов из Женева.

Именно ультраколониалисты, таким образом, помогли международному антикоммунистическому центру превратить свою агентуру в Лондоне во влиятельную организацию. Имперские сановники, содействие которых было обеспечено лиге Обера с момента присоединения к ней «Антисоциалистического союза», оказывали решающее влияние на английскую политику. Для нового колониального бюро женевской лиги согласие группы Биркенхеда — Черчилля на «координацию усилий против общего врага» и создание «еще более мощного интернационала, чем Коминтерн», было, как вскоре же подтвердилось, особенно важно.

Британская империя в тот период занимала пространство, равное на суше четвертой части земного шара. В ее владениях, превышавших по площади метрополию в 176 раз, проживало свыше 400 млн. людей, принадлежавших к различным колониальным народам. Сотни миллионов проживали в полуколониальных странах, рассматривавшихся Англией как ее особые сферы влияния: в Юж-

¹ Times, 9.III 1928.

ном и Центральном Китае, на Ближнем Востоке и т. д. В борьбе с национально-освободительным движением слово английских колониалистов было тогда решающим для других. В 1928 г. это было брошено на весы тех, для кого воинствующий колониализм и антикоммунизм были одним и тем же.

Характерно, что в условиях, направленных на привлечение ведущих британских империалистов к «общему делу», участвовали профессиональные антикоммунисты не только в Нидерландах и во Франции, но и в Германии, стране, уже не входившей после первой мировой войны в число колониальных держав. Германских колониалистов, как правителей заморских территорий более не существовало; кандидаты на эту роль в Веймарской Германии только еще думали о том, как бы отхватить у Англии и Франции старые германские владения в Африке. Тем не менее Гофман и Рехберг, руководители немецкого филиала лиги Обера, выступили в роли людей, «самым бескорыстным образом» заинтересованных в сохранении и всемерном укреплении Британской империи.

Еще в июне 1927 г. Рехберг имел в Лондоне личную встречу с лордом Биркенхедом¹. Выступление Биркенхеда на антикоммунистическом сборище в отеле «Савой» вместе с Локером-Лампсоном и другими членами английского филиала лиги Обера последовало через несколько недель после этого. В статьях Рехберга, печатавшихся в правых английских и французских газетах, доказывалось так и эдак, что ударные силы Коминтерна прежде всего направлены на подрыв позиций Англии в ее колониях. «Главная цель большевистской политики состоит в том, чтобы разрушить Британскую империю», — писал Рехберг в апреле 1929 г., утверждая, что мировой «экономический и политический хаос», который последует за взрывом Британской империи, приведет к триумфу коммунистов на всем земном шаре².

Отсюда следовал вывод, что спасение в одном: Англия должна в спешном порядке железной рукой навести порядок в колониальных и зависимых странах и раз и навсегда искоренить коммунизм в Азии³.

¹ Vietsch E. Op. cit., S. 106.

² Journal des Débats, 10.IV 1929.

³ Рехберг и другие антикоммунисты в разных странах полностью поддерживали тезис английских ультраколониалистов, утверждавших, что зависимые народы, в частности индийцы, «не способны» сами обеспечить свое благополучие. Генерал Нокс, консервативный депутат, член лиги Обера и директор англо-индийской чайной компании «Моабанд ти компани», заявлял буквально: «Индия не готова к демократии. У среднего индийского избирателя столько же гражданского смысла, сколько у ребенка шести лет». Локер-Лампсон, поддерживавший постоянный контакт с Рехбергом, был также лично заинтересован в колониальном бизнесе, участвуя в англо-индийской компании по добыче марганца «Визнагарем майнинг компани».

Глава германских антикоммунистов генерал Гофман выдвигал в беседах с английскими политиками и дельцами еще более «веские» аргументы, чем Рехберг. Встретившись в 1926 г. по инициативе Обера с Детердингом и Локером-Лампсоном, он предложил англичанам от имени немецкой военщины помощь при захвате Кавказа и «оттеснении большевиков» от Индии, Ирана и Турции¹, то есть при новой колонизации Ближнего Востока Англией. Иными словами, взамен за присоединение к профессиональным антикоммунистам и поддержку их антисоветских планов британским колониалистам не только гарантировался разгром национально-освободительного движения в их владениях — предлагались и новые территориальные приобретения! Неудивительно, что группа Биркенхеда с охотой откликнулась на эти предложения.

В 1927 г., накануне создания «Международного колониального бюро» лиги Обера в Гааге, один из голландских инициаторов этого дела, скрывавшийся под инициалами «Г. О.», писал в изданном лигой сборнике: «Существование Коминтерна создает новое и чрезвычайно опасное положение в Азии и Африке... Коминтерн обладает способностью непрерывно восстанавливать свои революционные кадры и без промедления вступать в бой. До сего времени европейские державы имели дело всего лишь с местными революционными движениями, совладать с которыми было легче... Если Восток решит изгнать капитал, науку и предприимчивость Запада, он вернется к примитивному состоянию и нарушит равновесие во всем мире».

Автор тут же давал понять, на какой путь, по мнению профессиональных антикоммунистов, должны вступить правительства колониальных держав, чтобы предотвратить такое всемирное столпотворение. «Лозунги свободы, равенства и братства слишком часто применялись в Азии и Африке в абсолютном противоречии с положением вещей. Введение некоторых западных институтов (некоторых органов «самоуправления» и школ.— Э. Г.)... часто приводило здесь к противоположным по сравнению с Западом результатам. Несомненно одно: ослабить влияние колониальных держав на Востоке и в Африке было бы в нынешних условиях равносильно тому, чтобы содействовать распространению большевизма и укреплению его господства над народами, большинство которых еще совершенно неспособно управлять собой и защищаться от коммунистических интриг».

Смысл этих тирад был ясен. Стратеги «Железной пяты» напрямую заявляли колониалистам в Англии, во Франции, в Нидерландах, Бельгии и других странах, что терять силы на «демократическую» и «гуманистическую» маскировку колониальных режимов,

¹ Vossische Zeitung, 4.II 1930; см. также главы 10.

на так называемый «просвещенный» колониализм, больше не приходится; что время, когда поработенным народам можно было пускать пыль в глаза и умиротворять их туманными обещаниями реформ, прошло, чтобы больше не вернуться. Путь, который предлагали профессиональные антикоммунисты, был прост: резня и тут, в колониях, как в Европе и Америке.

Два года спустя в отчете лиги Обера вслед за лаконичным упоминанием о создании в Гааге «Международном колониальном бюро» сообщалось, что «заинтересованным кругам» разосланы «исследования общего и специфического характера о подготовке коммунистами «колониальных бунтов». Из «исследований» будто бы явствовало, что в колониальных странах готовятся вступить в действие «большие кадры европейских и азиатских профессиональных революционеров», обученных в «специальных школах», и что «принимавшиеся до сего времени меры защиты становятся недостаточными».

Тут же, в директивах «центрам» лиги в колониальных странах, указывалось, что они должны «снабжать правительства и колониальные круги имеющейся в их распоряжении информацией о подготовке Коминтерном колониальных бунтов» и «связывать их друг с другом на предмет активного сотрудничества через посредство колониального бюро в Гааге».

Тем самым расшифровывались подлинные функции этого бюро. Профессиональными антикоммунистами был создан особый штаб для шпионажа за национально-освободительным движением в разных странах, подготовка провокаций с помощью фальшивок и координации полицейских репрессий, предпринимаемых отдельными колониальными державами.

«Координация» проводилась не только на местах, но и на высшем уровне. В феврале 1930 г., когда в связи с революционными волнениями в Индокитае французский генерал-губернатор этой колонии встретился с голландским генерал-губернатором Индонезии, парижский листок лиги Обера с удовлетворением писал: «Не случайно, что оба генерал-губернатора встретились и что г-н Пиетри (французский министр колоний в правом правительстве Тардье. — Э. Г.) одобрил идею единого франко-голландского антикоммунистического фронта».

Имена членов гаагского колониального бюро лиги Обера, помимо имени его председателя Тройба, держались в тайне. Кроме агентов крупных колониальных концернов, как сам Тройб, в его состав были, по-видимому, включены «зубры» английской и французской колониальной администрации, накопившие опыт в полицейских и карательных операциях. Судя по некоторым данным, одним из английских представителей в гаагском бюро был начальник лондонской полиции в 1920—1928 гг. генерал Хорвуд.

Антисоветские провокации английской полиции после первой мировой войны происходили под руководством этого генерала, вступившего (после своей отставки) в качестве директора одного из венесуэльских нефтяных концернов в окружение Детердинга.

Когда в 1930 г. немецкие оберовцы устроили в берлинском Дворце спорта антикоммунистический митинг, в качестве представителя английского антибольшевистского течения на нем выступил генерал Хорвуд, толкуя об «угрозе» Англии на Востоке. Среди участников гаагского бюро были, по всей вероятности, и колониалисты из Бельгии, Португалии и Испании, возможно и представители из США. В каждой из этих стран в середине 20-х годов работали филиалы женевской лиги.

Штаб был создан, участие правительства обеспечено, приток средств гарантирован. В те годы можно было наблюдать, как профессиональные антикоммунисты уже на практике помогали ультраколониалистам в отдельных колониальных и зависимых странах.

Глава восемнадцатая

АЗИАТСКИЙ ЦЕНТР

1

Лондонская конференция лиги Обера, на которой было принято решение о создании особой колониальной агентуры и «национальных центров на Востоке», проходила в марте 1926 г. В том же месяце в Шанхае под либеральным названием «Лига конституционной защиты» была основана организация, объявившая своей задачей борьбу с коммунизмом по всей Восточной и Юго-Восточной Азии.

Учредителями, как сообщил парижский орган лиги Обера, явились лица, принадлежавшие к 14 европейским, азиатским и американским национальностям. Отделения были созданы «во всех главных городах Китая и в других районах Дальнего Востока», завязаны отношения «не только с различными китайскими кругами, но и с кругами в Индокитае и Голландской Индии». Несколько позднее было сообщено, что организация поддерживает «постоянный контакт» с Гонконгом, Сайгоном, Батавией и Токио. Район ее деятельности, таким образом, охватывал всю зону владений и сфер влияния Англии, Франции, Нидерландов и Японии к западу от Индии и Бирмы. Тут же указывалось, что шанхайское бюро связано с Лондоном, Нью-Йорком и Женевой и что в результате установлено «чрезвычайно полезное сотрудничество мирового антикоммунистического движения». «Будем надеяться,— говорилось в одном из отчетов из Шанхая,— что меры защиты против угрожающего всей цивилизации гигантского пожара приняты не слишком поздно». Газета парижских белоэмигрантов с восхищением оповещала своих читателей, что, создав в Шанхае «особую международную антибольшевистскую ассоциацию», лига Обера сделала «серьезный шаг вперед» в области расширения своей «деятельности на Востоке»¹.

То, что при основании азиатской агентуры международного антикоммунистического центра выбор пал на Шанхай, было не

¹ Позднее, в 1932 г., лига издала в Женеве на английском и французском языках специальную брошюру «Большевизм в Китае».

случайно. Китай после первой мировой войны был главным полем сражения между колониализмом и национально-освободительным движением, и от исхода борьбы в Китае во многом зависел ход событий в других порабощенных странах Азии. Все ведущие империалистические державы были непосредственно заинтересованы в этой борьбе.

Для Японии захват Китая был важнейшей целью всей ее внешней политики. Китай в кругах Уолл-стрита считался в будущем второй по важности сферой капиталовложений после Латинской Америки и Ближнего Востока. Для Франции схватка в Китае могла решить исход борьбы с национально-освободительным движением в Индокитае, для Нидерландов — исход борьбы в Индонезии. Для английских империалистов Китай по своему экономическому, политическому и военно-стратегическому значению уступал только Индии.

После первой мировой войны Англия, когда-то силой оружия открывшая двери в феодальный Китай, все еще занимала первое место среди колониальных держав на Дальнем Востоке. На ее долю приходилось 37 % внешней торговли Китая, 35 % железнодорожной сети, львиная часть концессий на природные богатства. Китайский бизнес считался в лондонском Сити одним из самых доходных; ежегодная прибыль крупнейшей англо-китайской монополии «Гонконгско-Шанхайский банк» в течение многих лет доходила до 50 % на вложенный капитал. В Лондоне уже давно лежали наготове планы присоединения, или по крайней мере «прикрепления», в той или иной форме Южного и Центрального Китая к Британской империи. Важнейшие морские порты Гонконг, Кантон, Шанхай и огромная долина Янцзы уже фактически находились под английским контролем. Властвовавшая в середине 20-х годов в Пекине на правах центрального правительства Китая «чжилийская клика» генерала У Пейфу также зависела от Англии.

С севера на Китай наступала Япония. Японский ставленник в Маньчжурии генерал Чжан Цзолинъ уже шел на Пекин, рассчитывая объявить себя новым богдыханом. Столкновение двух генеральских клик должно было решить, какой из империалистических держав достанется роль главного опекуна Китая. Все было подготовлено для окончательного раздела страны между Англией и Японией (с некоторыми долями участия для США и Франции), когда внезапный мощный прорыв национально-революционного движения народных масс Китая во главе с коммунистами и левыми гоминьдановцами смешал все карты в этой игре. Движение началось в Шанхае.

Вспыхнувшая в городе в мае 1925 г. после расстрела английской полицией мирной демонстрации всеобщая забастовка мобилизовала китайский рабочий класс. В 1926 г. в Шанхае произошло

169 стачек¹. Волнения распространились по всей стране; к рабочим, ремесленникам и студентам присоединялись крестьяне и мелкие торговцы. Войска созданного летом 1925 г. в Кантоне, на юге страны, народно-революционного правительства готовились к походу на Шанхай и Пекин. Ответом был сговор между Лондоном и Токио. Генеральским кликам Чжан Цзолия и У Пейфу было дано указание прекратить бои друг с другом, объединиться против национально-революционного движения и в кратчайший срок покончить с «красным Кантоном». События в Шанхае, революционном городе с 880-тысячным пролетариатом, оказывали влияние на положение в Китае, более того — на ситуацию на всем Дальнем Востоке. Империалисты были охвачены страхом, что разгоравшийся здесь пожар может охватить всю Азию. Именно в этот момент в Шанхае, фактически управлявшемся английской полицией, и был основан центр лиги Обера. Вскоре же стало ясно, для чего.

С виду главным делом «Лиги конституционной защиты» стала обычная разнузданная антикоммунистическая пропаганда. В Шанхае и других городах, занятых войсками У Пейфу, Чжан Цзолия и их союзников, устраивались митинги, на которых ораторы обращались к присутствующим на четырех языках: английском, французском, японском и китайском. В сотнях тысяч экземпляров распространялись листки с обычными фантастическими «разоблачениями о Коминтерне». Журнал лиги «Конституционалист» выходил на четырех языках, в том числе и на русском. На собраниях организации выступали известные местные дельцы и агенты властей. На все это тратились большие средства. Но главная работа профессиональных антикоммунистов в Шанхае состояла не в пропаганде. «Лига конституционной защиты», сообщал в 1926 г. парижский орган Обера, «сигнализирует нам чрезвычайный рост коммунистической партии и активизацию ее кампании, антииностранной, «патриотической» и марксистской в одно и то же время. Китайцев подняли не только против иностранцев, но и против всех их старых традиций». Для колониалистов и их агентов было ясно с самого начала, что никакая пропаганда им не поможет: Как и в Европе, для «эффективной» борьбы с коммунистами требовались иные средства.

Летом 1926 г. при шанхайской лиге был создан «чисто китайский антибольшевистский союз», объединивший «70 китайских обществ», якобы встревоженных «угрожающей китайской цивилизации опасностью». Обычная для антикоммунистов формула об «угрозе западной цивилизации» в этом случае просто перефразировалась для местных нужд. Что касалось «белых» в Китае, то для них формула лиги была еще проще: «Желтая опасность становится

¹ The China Year Book, 1928, p. 957.

ся красной». С какими именно «китайскими обществами» завязывал отношения женеvский центр, не указывалось. Тем не менее было ясно, о ком шла речь.

Сделка заключалась с существовавшими в то время в китайских городах полусекретными объединениями люмпен-пролетарских и уголовных элементов, так называемыми обществами Цин Хун-бан, которые с охотой за определенную мзду помогали иностранной полиции и китайской военщине расправляться с национально-революционным движением. Речь, в частности, шла об известной в Шанхае банде «Зеленый союз». К этой организации принадлежали профессиональные воры, гангстеры, торговцы опиумом и аферисты из игорных домов, продажные чиновники и полицейские, а также вожак из люмпен-пролетарской среды, торговавшие своим влиянием на отсталые слои рабочих. Полуколониальный режим доставлял преступному миру в Китае неисчерпаемые источники доходов, и победа национально-революционного движения означала бы, что их деятельности наступил конец. Интересы провокаторов из лиги Обера и гангстеров из «Зеленого союза» сходились: погромный антикоммунизм был нужен тем и другим. По примеру западных детективных организаций, специализировавшихся на «промышленном шпионаже», общества Цин Хун-бан повели усиленную скрытную борьбу против революционных китайских профсоюзов и других организаций, руководимых коммунистами и левыми гоминьдановцами.

В конце 1926 г. шанхайское бюро антикоммунистов рапортовало в Париж, что лига насчитывает уже 268 агентов в 163 центрах и распространяет свою литературу на китайском языке в более чем 200 городах. Под защитой полиции повсюду создавались местные разветвления. В Шанхае при главном бюро были организованы отделы по наблюдению за школами, студентами и рабочими. «Союз предпринимателей» охотно согласился на сотрудничество. В одном из отчетов отмечалось, что «атмосфера уже сейчас становится менее напряженной». Специальный «китайский секретарь» вел дела, которые было неудобно поручать агентам из «белых». К заданиям такого рода, видимо, относилась организация убийств активистов революционного рабочего движения. Еще более таинственный «финансовый комитет», учрежденный при лиге, распоряжался кассой. Весной 1927 г. шанхайское бюро сообщило в Париж, что со времени его основания установлены контакты «с сотнями сотрудников во всех частях Китая». Тут же отмечалось, однако, что коммунистическая пропаганда «имеет, естественно, большой успех в народных массах Китая» и что «контрмеры запоздывают».

К этому времени положение в Китае уже достигало наивысшего напряжения. Борьба между национально-революционным движе-

нием и объединенными силами контрреволюционеров и империалистов вступала в решающую фазу. Армия кантонского правительства продвигалась к Шанхаю, империалистические державы затевали вооруженную интервенцию. После высадки в Шанхае английских войск и создания контрреволюционного «добровольческого корпуса самообороны» в городе начались массовые казни коммунистов. Сторонники коммунистической партии были фактически объявлены вне закона. Головы казненных развешивались на улицах. Происходили те самые варфоломеевские ночи, для подготовки которых и была в действительности создана китайская организация Обера. Какие именно функции выполняла «Лига конституционной защиты» при проведении массового террора в Шанхае и других китайских городах в начале 1927 г., установить трудно, но ее непосредственное участие в этом деле несомненно. Из тех тщательно профильтрованных отрывков ее донесений, которые публиковались в парижском журнале Готро, видно прежде всего, что активную роль в работе китайского центра профессиональных антикоммунистов играли две сговорившиеся друг с другом главные силы: белогвардейцы из прежних контрразведок Колчака и атамана Семенова, организовавшие в Китае свою собственную «русскую секцию» лиги, и английская колониальная полиция.

Хотя белогвардейские генералы в Сибири и на Дальнем Востоке в свое время не успели создать такой обширный жандармский аппарат, как Деникин и Врангель, их контрразведчики, очутившись за пределами России, по примеру их собратьев на юге страны не отказались от своей профессии. Людей для пополнения их кадров было вдоволь. Основная масса белогвардейцев после разгрома армий Колчака и Семенова устремилась в Китай — частично в захваченную Японией Маньчжурию, частично в Шанхай, Пекин и во многие другие большие города Китая, где они стали влачить жалкое существование. По числу белоэмигрантов Китай после первой мировой войны стоял на четвертом месте в мире, сразу после Франции, Германии и Польши. В Шанхае, например, из 25 тыс. иностранцев 15 тыс. были белоэмигрантами, некоторые из них служили в местной полиции в качестве шпионов и жандармов. Осев в Китае, эти люди были готовы служить против коммунизма кому угодно и как угодно.

Так же как в Западной Европе и в Америке, подонки русской контрреволюции с самого начала оказались в Китае на службе профессионального антикоммунизма. Здесь белогвардейцы использовались колониальными империалистами, обладавшими богатым опытом кровавого подавления национальных народных движений, но с организованными силами коммунистов прежде не сталкивавшимися. Где бы в Китае в 20-х годах ни устраивались антикоммунистические провокации и кровопускания, черносотенцы из отря-

дов Колчака, Семенова и других шаек были тут как тут. Они-то вместе с уголовниками и подкупленными люмпен-пролетариями и составили ядро шанхайской «Лиги конституционной защиты»¹. В городе было общеизвестно, что начальник местной английской полиции Гивенс, изучавший русский язык, был окружен теми же белоэмигрантами².

В начале 1927 г. «Лига конституционной защиты» сообщила, что по указанию маршала Чжан Цзунчана, незадолго до этого захватившего Шанхай, сформирован «корпус антибольшевистских агитаторов», во главе которого поставлен бывший губернатор провинции Гуанси, генерал и он же «бывший журналист» Хо Хаймин. В очередном отчете вскоре после этого упоминалось, что «разные китайские маршалы требуют от лиги усиления ее деятельности». Маршал Чжан Цзунчан был одним из первых фашистов во всем Китае. Начав свою карьеру простым разбойником — хунхузом, этот бандит с большой дороги, завсегдатай ночных притонов, с годами достиг положения одного из сатрапов в окружении японского ставленника в Маньчжурии Чжан Цзолиня. Было известно и то, что Чжан Цзунчан сотрудничал с белогвардейцами, величавшими его «большим военачальником».

Еще в начале 20-х годов Чжан Цзунчан сформировал из бежавших в Маньчжурию остатков войск Колчака белогвардейское войско и с этого времени приобрел репутацию самого антисоветского из всех реакционных китайских генералов. Его банды из года в год занимались провокациями против СССР в пограничных районах и в захваченных ими китайских городах. Сотрудничавшая с Чжан Цзунчаном белоэмигрантская офицерская клика возглавлялась небезызвестным колчаковцем, бывшим главноуправляющим Китайско-Восточной железной дорогой, «некоронованным королем Маньчжурии» генералом Хорватом. Колчак был в свое время сам членом правления этой богатейшей железнодорожной компании, державшей на поводу китайскую администрацию в Северной Маньчжурии. После разгрома контрреволюции в Сибири Хорват, считавшийся «верховным уполномоченным» Колчака в Маньчжурии, а в действительности находившийся на иждивении японского генерала Араки, начал помогать Японии в захвате этой части Китая.

¹ К их числу принадлежал, например, бывший колчаковский контрразведчик, а затем — под именем «капитан Юджин Пик» — агент английской полиции в Шанхае Кедровский, подбросивший при обыске в копилке советского Нефтесиндиката в Шанхае летом 1926 г. подложные «документы агитотдела РКП в Шанхае», изготовленные по обычному тогда для профессиональных антикоммунистов образцу английского «письма Коминтерна» (см.: *Далин С.* Китайские мемуары 1921—1927. М., 1972).

² Internationale Presse-Korrespondenz, 18.III 1927, S. 606.

Помимо ставленников Хорвата в Китае укрывались и остатки банд другого белогвардейского вожака, атамана Семенова, считавшегося наиболее озверелым из всех белобандитов; семеновцы были попросту профессиональными убийцами¹. Сам Семенов, осенью 1924 г. бежавший в Японию, был в течение 25 лет связан с японской разведкой и террористическим обществом «Черный дракон». Когда следующей зимой Чжан Цзунчан подстроил в Нанкине очередную антисоветскую провокацию, наложив арест на пароход с советскими дипломатами, провести это дело было опять-таки поручено белогвардейцам. Профессиональные антикоммунисты в Китае копировали опыт антикоммунистов Англии и США, но здесь фальшивками и полицейскими провокациями дело не ограничивалось. В 1926—1928 гг. коммунистов в Китае убивали десятками тысяч.

Есть основания полагать, что помимо «легальной» шанхайской «Лиги конституционной защиты» в Китае еще раньше начал действовать другой, тайный филиал международного антикоммунистического сообщества, гнездившийся в Харбине — центре Маньчжурии — и находившийся под прямым покровительством Японии. Во главе этого филиала был поставлен садист Семенов. Многие указывает на то, что руку к основанию харбинского «центра» приложил еще Рейли, у которого со времени первой мировой войны были контакты в Японии, куда он приезжал в 1914 г. Во всяком случае, внедрению профессионального антикоммунизма в Китае в 20-х годах больше всего способствовали хозяйничавшие в то время в Восточной Азии английские и японские империалисты.

Официально во главе шанхайской «Лиги конституционной защиты» стояли представители крупных иностранных фирм в этом городе, прежде всего английские бизнесмены. В 1926 г. бюро организации находилось в здании, где помещались британская торговая палата, «Союз предпринимателей» и другие английские учреждения в Шанхае (улица Бунд, д. № 17). Пост председателя лиги занимал англичанин Бейтаг, владелец фирмы по спекуляции земельными участками. Подлинное руководство принадлежало двум магнатам большого бизнеса.

¹ Начальник американской военной миссии при белогвардейской армии в Сибири в 1918—1920 гг. генерал Грэйвс называл Семенова «убийцей, разбойником и развращеннейшим подлецом». Солдаты Семенова, писал Грэйвс, «ходили по стране как дикие звери, убивая и грабя людей... Если по поводу этих убийств задавались вопросы, ответ был таков: убитые были большевиками...» (*Graves W. S. America's Siberian Adventure 1918—1920. New York, 1936, p. 108*).

По собственным словам Семенова, он ночью не мог спать, если днем никого не убил.

Одним из них был известный в свое время на Дальнем Востоке английский генерал-авантюрист Ф. А. Саттон-Однорукий — человек, связанный одновременно с британской колониальной разведкой, с маньчжурским сатрапом Чжан Цзолинем и с белогвардейцами. Саттон был чем-то вроде второсортного «полковника Лоуренса» на Дальнем Востоке. Начав свою карьеру на нефтяных предприятиях группы Детердинга в Мексике, он после первой мировой войны под видом золотопромышленника появился среди колчаковцев в Сибири и присоединился к ним. Судя по его собственным словам, он рассчитывал на то, что Колчак передаст в его владение какую-то часть гигантских естественных богатств Сибири, «где,— вспоминал Саттон впоследствии,— почти каждый ручей был потенциальным золотоносным рудником... Быть может, я видел в самом себе второго Сесилия Родса»¹.

Неудивительно, что разгром Колчака привел «второго Родса» в бешенство и он стал мстить коммунистам с помощью погромщиков из «Лиги конституционной защиты». Бежав с колчаковцами из Сибири, Саттон вскоре оказался на посту «начальника арсенала» маньчжурского сатрапа Чжан Цзолиня. Стоя за его спиной, он и генерал Хорват вместе с японской разведкой действовали заодно. В 1926 г. английский генерал-авантюрист выступил с сенсационными «разоблачениями» о «тайной работе Коминтерна» в Китае, распространением которых занялась «Лига конституционной защиты». Несколько лет спустя Саттон-Однорукий фигурировал в качестве концессионера-горнопромышленника в Корее и Маньчжурии².

Другим закулисным покровителем шанхайского центра лиги Обера стал еще один богатейший английский спекулянт — Литтл, который сумел когда-то в районе Кулина, на востоке Китая, купить за 400 долл. почти всю горную местность, создать курорт и, вывесив там британский флаг, сделался чем-то вроде местного царька³.

Как Литтл, так и Саттон были в свою очередь клиентами крупнейшего английского «Гонконгско-Шанхайского банка» — монополии, еще с 1865 г. фактически диктовавшей политику Англии в Китае. Член лондонского правления этого банка генерал сэр Джордж Макдоног, в годы первой мировой войны глава английской военной разведки, а в 30-е годы президент «Китайской ассоциации» в Лондоне и «Федерации британской промышленности»⁴, принадлежал к кругу Детердинга. Нити от всемогущего англо-голландского нефтяного и колониального магната протягивались, та-

¹ *Sutton F. A. One-Arm Sutton. London, 1933, p. 78.*

² *Who's Who. London, 1935, p. 3233.*

³ *Далин С. Китайские мемуары. 1921—1927, с. 293.*

⁴ *Who Was Who, 1941—1950. London, p. 723.*

ким образом, даже в Китай. «Гонконгско-Шанхайский банк» — самый крупный колониальный банк в мире — и финансировал через своих ставленников шанхайский филиал лиги Обера. Английская же разведка оцепляла этот филиал своими собственными проволочными заграждениями.

К этому можно добавить, что послом Англии в Пекине в те годы был сэр Майлс Лампсон, в прошлом верховный комиссар английского правительства в Сибири при Колчаке¹, а советником — тот самый антисоветский «эксперт» Форин оффис О'Малли, который в 1924 г. вместе со своим сослуживцем Грегори сыграл столь зловещую роль в афере с «письмом Коминтерна». Дипломаты и агенты типа Саттона или О'Малли действовали в Китае, разумеется, не за свой риск и страх. Колониальный «Интеллидженс сервис» проводил политику лондонской ультраколониалистской группы Биркенхеда — Черчилля, и шанхайский центр лиги Обера, действовавший как в Китае, так и в других граничавших с Индией районах, с первых же дней находился под опекой этих сил.

Не менее тесно были связаны с тем же центром японские империалисты. Здесь мы переходим к пятому (после империалистических групп в Англии, США, Германии и во Франции) главному генератору профессионального антикоммунизма в капиталистическом мире в 20-х и 30-х годах.

2

Упомянув о конференции своей лиги в Гааге в 1927 г., Обер писал позднее в своем отчете: «Мы также сигнализировали, что по инициативе одного друга бюро (руководства лиги в Женеве. — Э. Г.), которого оно снабдило убедительными аргументами, одно большое заокеанское государство разработало жесткое законодательство против большевистских агентов».

Не приходится сомневаться, что под «одним большим заокеанским государством» Обер подразумевал Японию, с правящими кругами которой Рейли вступил в контакт еще в начале первой мировой войны, если не раньше. Известно, что 15 марта 1928 г. японские власти предприняли жесточайшие массовые репрессии против коммунистов. К инициаторам этого шага лига Обера явно причисляла и себя. Еще раньше мост из Женевы в Токио был проложен в Шанхае.

Среди официальных руководителей созданной в 1926 г. в этом городе «Лиги конституционной защиты» фигурировал П. К. Такаива, владелец одного из японских торговых домов в Китае.

¹ Стоит отметить, что наряду с Майлсом-Лампсоном в штапе колчаковцев в 1918—1919 гг. находилось не менее трех англичан, ставших затем участниками лиги Обера: генерал Нокс, Локер-Лампсон и генерал Саттон.

Такаива представлял в Шанхае ряд крупных японских фирм, и присутствие этого дельца в руководстве организации подтверждало факт присоединения влиятельных японских кругов к международной сети лиги Обера. Мало того. В последующие годы, особенно после захвата Маньчжурии японской армией, роль этих кругов в штабе азиатского антикоммунизма усилилась настолько, что бюро филиала женевской лиги перекочевало в помещение фирмы Такаивы. Решения этого штаба диктовались уже не столько из Женевы, сколько из Токио. Какие именно круги в Токио представлял Такаива?

Одно обстоятельство сразу же бросается в глаза при исследовании деятельности японских антикоммунистических организаций в период между двумя мировыми войнами. В Японии колониализм сыграл еще гораздо более значительную роль при рождении профессионального антикоммунизма, чем в Англии или во Франции. Процесс их взаимной связи проявлялся здесь резче, чем где бы то ни было в капиталистическом мире.

Японский колониализм был с самого начала неотделим от терроризма. Он прибегал к предельно беспощадному террору не только за рубежом, в захваченных им или намеченных к завоеванию странах, но и в самой Японии, в борьбе с противниками его политики. Вся колониальная экспансия Японии с конца XIX в. постоянно сопровождалась убийствами и покушениями на тех, кто препятствовал захватническим планам токийской военщины и миллиардеров «дзайбацу» на Дальнем Востоке, выступая за более умеренный внешнеполитический курс. По приказам ультраколониалистов убивали руководителей политических партий, сановников, министров, и это происходило так часто, что считалось нормой политической жизни страны. До конца первой мировой войны расправе подвергались главным образом неугодные военщине деятели из буржуазного лагеря. Штабом колониалистов-террористов служила организация, имя которой вошло в историю Японии, — общество «Черного дракона» («Кокүрюкай»).

Это была своего рода частная тайная инквизиция. Имена ее руководителей были известны всем в стране, в том числе, разумеется, и правительству, но все сходило им с рук. Услугами общества «Черного дракона» пользовались высокопоставленные генералы, готовившие захват Китая, руководители японской разведки, покрывавшие Дальний Восток своей агентурной сетью, крупные дельцы, заинтересованные в ограблении Маньчжурии. Организуя террористические акты через подставных лиц, главы «Черного дракона» Тояма и Уцуда пользовались полной безнаказанностью. Число совершенных по их указаниям за несколько десятилетий преступлений не поддается подсчету. Упоминая о Тояме, долготетний английский посол в Японии Крэги писал после второй ми-

ровой войны в главе своих воспоминаний, озаглавленной «Убийство как инструмент политики»:

«Большую часть своей жизни он посвятил задаче обострения внешней политики Японии, пользуясь собственными своеобразными методами. Этот вдохновитель фанатиков и убийц гордился ролью, которую играл при развязывании большей части японских войн... Выступая за то или иное шовинистическое мероприятие, он тут же намекал на возможность устранения какого-либо лица с дороги японской экспансии, улыбаясь при этом так добродушно и приятно, как если бы он предлагал вам чашку чая»¹.

На протяжении двадцати лет общество «Черного дракона» выполняло для японских империалистов роль палача. Большинство крайне правых и шовинистических организаций в стране находилось под его прямым или косвенным контролем. Тояма и Уциды помогли японской военщине подготовить войну с царской Россией, создать подрывную сеть в странах континентальной Азии, запугать отечественных либералов. Средства для «Черного дракона» поступали частично от военного министерства, частично от мощной финансовой группы Ясуда (ныне группа Фудзи), вложившей большие капиталы в Маньчжурии². Разбогатевшее во время русско-японской войны 1904—1905 гг. на сделках с правительством олигархическое семейство Ясуда было вместе с императорским двором крупнейшим акционером компании «Южно-Маньчжурской железной дороги», превратившей эту часть Китая в свое королевство.

Директора «Южно-Маньчжурской железной дороги», оказывавшие совместно с генералами квантунской армии огромное влияние на японскую внешнюю политику, занимали одно из первых мест в монополистической иерархии «дзайбацу». Тогда как такие консервативные финансовые династии, как Мицуи и Мицубиси, предпочитали действовать на государственной арене через посредство правящих парламентских партий, колониальная группа Ясуда — компания «Южно-Маньчжурской железной дороги» — нередко добивалась своих целей с помощью тайных черносотенных обществ. «Черный дракон» и был с момента своего создания орудием этого ультраколониалистского крыла японской финансовой олигархии. Такие известные японские политики-экстремисты, как генерал Тераути, генерал Танака, генерал Араки, Мацуока, Хирота, Инукай, действовали заодно с обществом, некоторые из них — по его прямым указаниям³. Рабочее движение в Японии

¹ *Craigie Robert. Behind the Japanese Mask. London, 1946, p. 159.*

² *Танин О., Иоганн Е. Военно-фашистское движение в Японии. М., 1933, с. 21.*

³ Председатель правления «Южно-Маньчжурской железной дороги» Мацуока, ставший в 1940 г. японским министром иностранных дел, заяв-

оставалось в первые десятилетия существования «Черного дракона» вне сферы его деятельности. Но как только после первой мировой войны власть имущие в Японии почувствовали приближение революционной бури, сначала в Китае, а потом и в своей собственной стране, общество «Черного дракона» открыло новый фронт, вывесив флаг боевого антикоммунизма.

Метод был все тот же: убийства и налеты. Но теперь «Черным драконом» больше всего ценилась кровь коммунистов. В организации же кровавых расправ едва ли кто-либо во всем капиталистическом мире, помимо контрреволюционных ландскнехтов в Германии и белогвардейцев, мог сравниться с японскими черносотенцами.

Первая антикоммунистическая организация, основанная в Токио еще в 1919 г. под названием «Кокусуйкай» («Общество великояпонского духа»), была создана самой японской полицией. Это была штрейкбрехерская и погромная организация типа повсеместно возникавших в то время в Западной Европе и Америке «гражданских союзов» («Тено» в Германии, «ОМС» и «Экономическая лига» в Англии, «Гражданский союз» Обера в Швейцарии и т. д.). По стране проносилась волна крестьянских рисовых бунтов и забастовок городских рабочих, в университетских центрах формировались марксистские группы. Жандармы считали, что несколько быстрых ударов положат всему делу конец.

Во главе «Кокусуйкай» стали связанные с полицией правые сановники: будущий министр внутренних дел К. Судзуки, антисоветские политики К. Хара и Т. Такономи, занимавшие посты премьер-министра и министра внутренних дел во время японской интервенции в Сибири, и другие. В качестве рядовых членов в общество вовлекались подрядчики и артельные старосты, зависимые от них сезонные и неквалифицированные рабочие, мелкие торговцы, профессиональные громилы, бродяги. Таким путем полиции удалось набрать 120 тыс. (по другим сведениям — 170 тыс.)¹ пособников, из которых и были сформированы погромные банды, приступившие к избитию стачечников, вербовке штрейкбрехеров и убийствам рабочих вожakov. Кокусуйкаевцы действовали безнаказанно; как и в Китае, участники революционного рабочего движения фактически оказывались вне закона.

Казалось, таким образом, что японская полиция перенимала опыт западноевропейской или американской, создававших для

лял: «С самой ранней моей молодости Тояма был учителем моей души. Во всех случаях, когда приходится решать важные государственные дела... я сначала иду к нему и прошу его совета» (*Kimase S. Mitsuru Toyama kämpft für Grossasien. München, 1941, S. 9*).

¹ Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии, с. 47; *Byas H. The Government by Assassination. New York, 1942, p. 211.*

борьбы с коммунистами те или иные подсобные группы. В действительности можно было подметить существенное отличие. Общество «Кокусуйкай» во многом походило на китайскую люмпен-пролетарскую организацию «Цин Хун-бан» и на союз, созданный голландскими колониальными властями несколько позже под названием «Сарикат гитау» («Зеленый союз»). Идея, заложенная во всех этих объединениях, была, по сути дела, одна и та же; отнюдь не исключено, что она исходила из одного и того же центра и даже от одних и тех же лиц. Это была идея черной сотни, идея создания террористических отрядов из люмпен-пролетариев, отсталых рабочих, деклассированных элементов, уголовников и мешан.

Начиная свою деятельность, профессиональные антикоммунисты на Дальнем Востоке и попытались просто-напросто задуть коммунистическое движение в этой части мира при помощи *наемных банд*. Только нацисты впоследствии применили ту же идею в несравненно более широких масштабах с помощью банд эсэсовцев и штурмовиков.

В 20-х годах попытки такого же рода со стороны полиции в Японии, как и в других азиатских странах, провалились. Несмотря на усилия властей, левое рабочее движение продолжало собирать силы. В 1922 г. возникла Коммунистическая партия Японии, профсоюзы охватывали уже сотни тысяч рабочих, росли зрелые марксистские кадры. Полиция оказывалась неспособной справиться со своей задачей. Тогда на сцену выступили первые профессиональные антикоммунисты Японии — террористы «Черного дракона».

В октябре 1922 г., через три месяца после создания Коммунистической партии Японии под эгидой «Черного дракона» была основана «Дружина для борьбы с большевизацией великой Японии» («Дайнихон сэкика хасидан»). В уставе организации говорилось: «Большевики подрывают основы социального порядка и несут горести человечеству. Наш союз клянется до конца препятствовать развитию большевизма... Рабочее движение издавна связано с социализмом и вследствие этого идет по ошибочному пути. Социализм прельщает рабочих. Наш союз будет стремиться к отрыву рабочих от социализма»¹. «Отрыв» осуществлялся просто: с помощью побоев. Примерно половина членов дружины состояла на жалованье у полиции или у предпринимателей. Во главе организации стоял сам вожак «Черного дракона», специалист по политическим убийствам Уцида, соединявший в себе ненависть к коммунизму с бешеной шовинистической враждой к России (Уцида еще в 1903 г. выпустил книгу под названием «О гибели России»).

¹ Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии, с. 48—49.

Дружина Уциды потерпела такой же провал, как банда «Кокусуйкай». Японские рабочие не позволили себя запугать. Именно к этому времени и относятся первые попытки японских антикоммунистов войти в контакт со своими единомышленниками в Западной Европе, чтобы изучить их опыт.

Весной 1923 г. стало известно о приезде в Европу двух японских представителей, командированных для «ознакомления с методами борьбы против коммунизма». Газеты сообщили, что представитель Японии войдет в состав комиссии по созданию международной лиги борьбы с большевизмом¹. Сведения об этом появились вскоре после убийства Воровского в Женева, в дни, когда Рейли, Климович и Обер уже вели подготовку к созданию своей организации. Встретились ли эти лица с посланцами «Черного дракона», осталось неизвестным. На первых международных конференциях лиги Обера в 1924 и 1925 гг. делегаты из Японии, по-видимому, не присутствовали. Но в конце 1926 г., вскоре после основания азиатского бюро лиги в Шанхае, Япония фигурировала в списке стран, в которых, согласно официальному органу Обера, действовали филиалы или опорные пункты лиги. Тогда же Токио был назван в числе столиц, в постоянном контакте с которыми находилось шанхайское бюро лиги, и примерно с этого времени орган Обера начал печатать более или менее регулярные донесения из Японии. Посредником между Уцидой и Обером стала, очевидно, участвовавшая в женевской лиге белогвардейская клика атамана Семенова, уже несколько лет находившаяся на изживении японской разведки и под началом «Черного дракона».

Был ли создан в Японии такой же «национальный центр» женевской лиги, как в других странах, или же функции такого центра были просто переданы обществу «Черного дракона», сказать трудно. Более вероятно второе предположение. «Черный дракон» и японское правительство едва ли допустили бы существование в стране какого-либо параллельного антикоммунистического центра. Судя по ряду фактов, Гояма и Уцида во второй половине 20-х годов действовали заодно с женевской организацией. Создание шанхайской «Лиги конституционной защиты» в 1926 г. и явилось результатом определенной сделки между англо-франко-голландским колониальным бюро оберовцев в Гааге и японскими колониалистами. Блок правительств главных колониальных держав против национально-освободительных движений в Азии был к тому времени уже сколочен. Хотя Англия, Япония и США по-прежнему вели между собой яростную борьбу за преобладание на Дальнем Востоке, в отношении «красной опасности» они действовали единым фронтом. Сделка японских антикоммунистов с западноевропейскими и американскими была частью этого сговора.

¹ См.: Правда, 1923, 20 мая.

Попытки Тоямы и Уциды вырезать японских коммунистов продолжались. Одна погромная банда сменяла другую. В апреле 1926 г., почти одновременно с созданием «Лиги конституционной защиты» в Шанхае, в Токио под названием «Кэнкокукай» («Союз государственного строительства») возникла новая организация, открыто объявившая своей задачей «уничтожение коммунизма, русского большевизма, левых партий и рабочих союзов»¹. Почетным председателем стал сам Тояма, его заместителем — бывший начальник департамента полиции министерства внутренних дел Нагата, организационным руководителем — фашист Акао, занимавшийся организацией убийств коммунистов и социалистов в Японии даже после второй мировой войны. При союзе были созданы «летучие отряды», и один из них впоследствии бросил бомбу в здание посольства СССР в Токио. При всех сменах правительств полиция продолжала укрывать убийц и громил. Но только в 1927 г., когда к власти в Японии пришел сам главарь ультраколониалистов и черносотенцев генерал Танака, профессиональные антикоммунисты почувствовали себя полностью господами положения.

Танака, вошедший в историю как один из авторов плана завоевания Азии Японией, происходил из той же иступленной офицерской среды, с которой с самого начала было связано общество «Черного дракона». Идеи этого любимца военщины и японо-маньчжурских монополий во всем сходились с замыслами Тоямы и Уциды. Министром внутренних дел в его правительстве стал тот самый черносотенец Судзуки, который в 1919 г. основал антикоммунистическую банду «Кокусуйкай». Вскоре же после прихода к власти Танаки и Судзуки стало ясно, что против японских коммунистов готовится грандиозная акция, и в числе первых, кому об этом стало известно, оказались профессиональные антикоммунисты в Западной Европе.

Парижский орган лиги Обера «Красная волна» с ликованием сообщил о назначении Танаки премьер-министром под заголовком «Хорошее правительство». В комментариях отмечалось, что японские власти уже принимают специальные меры против коммунизма. Несколько недель спустя оберовцы сообщили о «строгом наблюдении», установленном японской полицией над коммунистами, и о создании новой антикоммунистической «национальной партии» («Нихон кокуминто»). Удар, на который намекал журнал Обера, последовал в марте 1928 г., когда тысячи коммунистов и других левых деятелей Японии были внезапно арестованы по всей стране. Начались массовые облавы и полицейские погромы. С восторгом сообщая о событиях в Японии, оберовский журнал давал им

¹ Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии, с. 89.

типичное для провокаторов по призыванию объяснение: всему причиной был будто бы коммунистический «заговор против микадо», который, однако, был, к счастью, своевременно раскрыт полицией. Оберовцы тут же давали властям в Японии совет обратить особое внимание на подверженную коммунистическим идеям интеллигенцию.

Все это было только началом. В июне 1928 г. правительство Танаки обнародовало новый антикоммунистический закон, согласно которому каждому коммунисту отныне угрожала смерть или пожизненная каторга, по меньшей мере — тюремное заключение сроком на пять лет. Полный текст закона был воспроизведен в парижском органе лиги Обера.

Примечательно, что японский антикоммунистический закон был принят всего лишь через полгода после того, как вопрос о проведении именно таких законов в *международном* масштабе специально обсуждался на четвертой конференции женевской лиги в ноябре 1927 г. в Гааге — там же, где уже работало антикоммунистическое «колониальное бюро». Как сказано выше, конференции был представлен проект типового антикоммунистического закона, выработанный особой комиссией оберовских юристов семи различных национальностей; основанные на этом проекте предложения были разосланы правительствам разных стран. Закон Танаки, по существу, ничем от проекта лиги Обера не отличался. Весьма схожие меры были приняты тогда и властями некоторых других азиатских стран. Гаагское бюро не жалело усилий, чтобы повсюду побуждать колониальных жандармов к ускорению проведения подобного законодательства.

Формированием сил для истребления коммунистов в Японии общество «Черного дракона» занималось и в 30-е годы. Когда в июне 1931 г. в Осаке была основана «Великояпонская производственная партия» («Дайнихон сейсанта»), как и ее предшественники, объявившая своей целью «разгром и уничтожение коммунистического движения», но при этом также и борьбу против «засилья белой расы»¹, ее председателем оказался тот же Уцидза, а советником — Тояма. Все старые подсобные агентства и банды «Черного дракона» были объединены в новой партии, число членов которой, рекрутировавшихся из среды мелкой буржуазии и реакционной молодежи, достигало 100 тыс. человек. «Черный дракон» предпринимал тот же шаг, который профессиональные антикоммунисты в это время делали или готовили повсюду: шаг к открытому фашизму. «Сейсанта» оказалась первой и наиболее значительной фашистской партией в Японии; существующие в наши

¹ Танин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии, с. 209—211, 228, 233.

дни японские неофашистские группы выросли из нее же. Убеждаясь, что антикоммунистам и ультраколониалистам без фашизма не обойтись, Тояма шел навстречу Тодзио, как Обер и его сторонники в Западной Европе — навстречу Гитлеру.

3

Ряд данных подтверждает, таким образом, что именно террористическое общество «Черного дракона» было главным участником азиатского центра лиги Обера, представляя в нем не только японских антикоммунистов, но и японскую полицию. Покровительствовавшие шанхайской «Лиге конституционной защиты» китайские генералы Чжан Цзолинь и Чжан Цзунчан сами с давних пор опекались «Черным драконом». Хунхузские отряды Чжан Цзолиня еще в годы русско-японской войны 1904—1905 гг. формировались при непосредственном участии Уциды. То же можно было сказать об укрывавшихся в Маньчжурии и Шанхае белогвардейских кликах. Все они существовали на японские деньги. Из штаба «Черного дракона» передавались инструкции атаману Семенову, «автономистской» группе Головачева, контрреволюционной банде Курбана Галиева и т. д.¹

Когда Маньчжурия в 1931 г. была захвачена японской армией, руководство профессиональными антикоммунистами на Дальнем Востоке окончательно перешло к «Черному дракону». Делами этого рода занялись его многочисленные подсобные организации разведывательного, пропагандистского или террористического толка («Общество единомышленников против России», «Койринкай», «Красная свастика» и т. д.), на содержании которых находились все те же отпетые русские белогвардейцы. Еще накануне японской оккупации Маньчжурии группа генерала Хорвата, бывшего наместника Колчака в Харбине, объявила себя «краевым русским антикоммунистическим центром» с различными разветвлениями в Китае, в Японии, Гонконге, на острове Ява и даже в Сибири». Вскоре после этого Хорват был назначен советником японских властей в Маньчжурии. Оберовцы признавали руководство в Азии своих японских партнеров. Шанхайский филиал женевской лиги продолжал существовать, но уже не под названием «Лига конституционной защиты», а лишь на правах бюро связи, пребывавшего в помещении японской фирмы.

Все это время не прерывалась подрывная работа азиатского центра в Китае. Здесь профессиональные антикоммунисты при-

¹ Тапин О., Иоган Е. Военно-фашистское движение в Японии, с. 22.

Касаясь походов Семенова еще в годы гражданской войны в Сибири, американский генерал Грэйвс писал: «Он не смог бы продержаться в Сибири и неделю, если бы не находился под защитой Японии».

лагали все усилия к тому, чтобы сблизиться с чанкайшистской кликой, захватившей власть в стране после контрреволюционного переворота весной 1927 г. Парижский орган лиги Обера с подчеркнутым одобрением сообщал о кровавых оргиях чанкайшистов, например об истреблении свыше ста тысяч китайских рабочих и крестьян как коммунистов в 1928 г. Перепечатывая известие о том, что рабочие на китайских предприятиях, заподозренные в принадлежности к революционным профсоюзам, немедленно предаются казни, оборовцы как бы ставили это в пример другим правительствам. Основатель Гоминьдана китайский национальный герой Сун Ятсен был назван в их журнале «полусумасшедшим», зато сам Чан Кайши — «единственным способным военным руководителем в Китае». О китайских генералах старой школы, под опекой которых «Лига конституционной защиты» действовала в прошлом, не упоминалось ни слова.

Судя по некоторым данным, шанхайские агенты женевской лиги помогли чанкайшистам и при сколачивании шпионских антикоммунистических «ячеек», насаждавшихся тогда на китайских предприятиях по примеру таких же ячеек в Западной Европе и США. Вожак сотрудничавшего с шанхайской организацией люмпен-пролетарско-гангстерского «Зеленого союза» Янг-фу был после контрреволюционного переворота в Шанхае и Напкпе в 1927 г. назначен начальником особого отдела чанкайшистского штаба по работе против коммунистов¹. Характерно, что два десятилетия спустя, уже после второй мировой войны, именно бежавшие на Тайвань чанкайшисты взяли на себя главную работу по обновлению сети профессионально-антикоммунистических организаций в Азии под эгидой США.

Немало сделали агенты лиги Обера в тот период для развертывания антикоммунистического террора и в Индонезии. Верхушка голландской колониальной администрации с начала 30-х годов, когда ультраколониалистам удалось отстранить сравнительно «умеренного» генерал-губернатора Де Грефа, целиком находилась в руках близких к профессиональным антикоммунистам людей. Генерал-губернатором Индонезии в 1931 г. был назначен нефтяной магнат Де Йонг, правая рука Детердинга в правлении монополии «Роял датч». Несколько позже премьер-министром Нидерландов стал участник того же концерна, лидер ультраколониалистов и глава «Антиреволюционной партии» Колийн; портфель министра колоний был взят им самим. Во главе ведущего колониального банка в Амстердаме «Недерландше хандельс маатшappи», обладавшего фактической монополией на крупный колониальный бизнес в Индонезии, стоял другой член правления детердинговского коп-

¹ Internationale Presse-Korrespondenz, 17.VI 1927, S. 1237—1238.

черна — Ван Аальст, председателем объединения голландских предпринимателей в Индонезии до 1931 г. оставался руководитель колониального бюро лиги Обера Тройб. Другой влиятельный союз колониалистов, «Голландия в Индонезии», находился в прямом контакте с оберовской лигой, перепечатывая в своих изданиях ее фальшивки о «тайной работе» Коминтерна в колониях. Созданная голландскими властями фашистская организация «Сарикат гитау», специализировавшаяся на охоте за коммунистами, оплачивалась теми же кругами.

Коммунистов в порабощенной Индонезии того периода убивали на улицах, вешали, загоняли па верную смерть в болота девственных лесов. Гаагское колониальное бюро Тройба следило за тем, чтобы никаких послаблений не было. Какие советы давались властям, видно, например, из опубликованного в парижском органе лиги Обера летом 1927 г. «письма из Голландской Индии»: «В наших официальных кругах существует тенденция рассматривать редактируемые туземцами (то есть индонезийцами. — Э. Г.) органы печати как детские игрушки. Это серьезная ошибка, и лучше всего это доказывается значительным влиянием, которым так называемая «националистская» пресса пользуется среди населения Голландской Индии. Туземные газеты фактически переписали пыне хорошо знакомую формулу Советов: освобождение угнетенных народов под знаменем серпа и молота». В Индонезии, как и в других колониальных странах, профессиональные антикоммунисты настойчиво советовали ультраколониалистам расправляться прежде всего с интеллигенцией, в которой они видели главный источник распространения марксистских идей. В то же время они повсюду, где только могли, способствовали созданию единого фронта колониальных держав. В марте 1930 г. парижский орган оберовской лиги с удовлетворением сообщал, что генерал-губернаторы Индонезии и Индокитая имели встречу и что французский министр колоний Пиетри одобрил идею «общего антикоммунистического франко-голландского фронта».

Основными районами, на которых колониальный штаб лиги Обера сосредоточивал свою деятельность в 20-х и начале 30-х годов, были Дальний Восток и Юго-Восточная Азия. Здесь кипели главные битвы с национально-освободительным движением и здесь положение колониалистов было наиболее критическим. Работа основанного в Шанхае центра ограничивалась странами этой зоны.

В такой стране, как Индия, оберовцам делать было нечего. Английская полиция считала свой вековой опыт вполне достаточным для расправы с народными движениями собственными силами. Хотя ведущую роль в колониальном бюро женеваской лиги играли именно представители английского империализма, создать особый филиал в Индии ей, по-видимому, не позволили; в списках

«национальных центров» и опорных пунктов лиги Индия не упоминается. «Интеллидженс сервис» довольствовался своей собственной сетью. Профессиональные антикоммунисты тем не менее не упускали случая, чтобы напомнить британским колониальным властям о «призраке коммунизма», а тем самым и о самих себе. Так, например, указывая на успехи индийских коммунистов среди студентов и матросов, парижский журнал Обера пугал английское правительство летом 1927 г.: «Индия может быть большевизирована с помощью мельчайшего революционного меньшинства».

Такую же цель преследовали «донесения» антикоммунистов о «большевистской угрозе» в Афганистане, доходившие до смехотворной несуразицы. Фантазмагорнии такого рода, за гроши фабриковавшиеся белогвардейскими писаками, систематически передавались в Лондон для дальнейшего использования Локером-Лампсоном, генералом Ноксом, депутатом Эшли, лордом Биркенхедом и другими покровителями английского филиала женевской лиги. Видные сторонники тех же сил действовали в рядах таких влиятельных имперских организаций, как «Остиндская ассоциация», в которой английские колониальные набобы заседали за одним столом с индийскими махараджами.

Иначе было поставлено дело на Арабском Востоке и в Северной Африке, где колонизаторы после первой мировой войны чувствовали себя неуверенно и сами призывали на помощь профессиональных антикоммунистов. В Египте и в Сирии филиалы женевской лиги действовали уже в 1926 г. Средства для их существования явно и здесь поступали преимущественно от нефтяных компаний группы Детердинга, господствовавшей тогда среди монополий на Ближнем Востоке. На третьей конференции лиги Обера в Лондоне в 1926 г., на которой Детердинг был, вероятно, представлен своим приближенным Локером-Лампсоном, специально обсуждался вопрос о борьбе с революционным движением в мусульманских странах, и нефтяные концерны на средства явно не скупились. В Египте в финансировании антисоветской и антикоммунистической агитации участвовала и всесильная в то время англо-французская «Компания Суэцкого канала».

К услугам антикоммунистов на Ближнем и Среднем Востоке был тогда только один способ политического камуфляжа: маскировка под ислам. Издававшаяся агентурной сетью в Каире и Дамаске литература целиком строилась на утверждении о несовместимости мусульманства с коммунизмом, стремящимся якобы «уничтожить ислам во всем мире». Под этим углом зрения распространялись доносы о тех или иных арабских деятелях, заподозренных в «сношениях с Коминтерном»; в ходе травли, с явным намерением сделать их жертвами покушений, они назывались поименно. Такие местные газеты французских колониалистских

кругов, как «Ревейль дю Каир» и «Ориан де Бейрут», регулярно печатали оберовские фабрикации. Властям и тут преподносились советы обрушиться прежде всего на университетскую молодежь.

Несомненно, что некоторые арабские реакционеры уже к тому времени вступали в сношения с профессиональными антикоммунистами. К ним принадлежали такие небезызвестные лица, как сирийский эмир фашист Шекиб Арслан и египетский шериф Аббас Хильми. Арслан провозглашал в унисон с оберовскими агентами: «Большевизм несовместим с исламом». В Алжире, Тунисе, Марокко агентура женевской лиги действовала под покровительством французской полиции также уже к 1926 г. Даже в тогдашней испанской части Марокко был создан опорный пункт женевской лиги. Власти почти неприкрыто науськивали к погромам.

В статье, напечатанной в парижском органе лиги осенью 1928 г. под заголовком «Колонии в опасности — Североафриканский большевизм», говорилось, например: «Если далекие огоньки не будут потушены один за другим и очаг пожара не будет уничтожен, то пламя вскоре поглотит великолепное творение французского гения». Тут же рисовались устрашающие картины «большевизации негров» в Африке и их превращения в новый «революционный резерв» против белой цивилизации. «Хотя проникновение большевиков в гущу черных масс еще только началось, — писал тот же журнал, — недооценивать это нельзя. Азиатский опыт достаточно красноречив! Первые пионеры красных уже вступили в действие на новом поле битвы».

Какие-то нити были уже тогда протянуты и к реакционерам в Южной Африке. Весной 1928 г. парижский орган лиги сообщил о создании в Южной Африке «антибольшевистского союза» с помощью католических священников. Указывалось, что листок союза «Изиндеба забанту» будет издаваться на четырех языках — английском, зулу, коса и сото, — чтобы «легче противодействовать большевизации африканских негров». Профессиональные антикоммунисты были в числе первых, кто за четыре десятилетия до освобождения Африки занимались среди ее населения агитацией против идей социализма.

Агентуры женевской лиги были организованы и в Латинской Америке. К концу 20-х годов такие агентуры существовали в Бразилии, Аргентине, Венесуэле и Гватемале. В Мексике было налажено сотрудничество с местными клерикалами, — по-видимому, через посредство католического союза «Рыцари Колумба» в США, опубликовавшего в 1927 г. «исследование» о «тайной работе» Коминтерна в этой стране¹.

¹ Supreme Council of the Knights of Columbus Mexico. Bolshevism the menace. Boston, 1926.

Примечательно, что оберовцы обращали в то время особое внимание империалистов на революционное движение на Кубе. Указывая на распространение «революционного микроба» в Гаванском университете (где еще только пятнадцать лет спустя начал учиться Фидель Кастро), «сдерживающегося до настоящего времени полицейскими мерами», парижский представитель Обера Готро писал в 1930 г. в своей книге о «большевизме в колониях»: «Следует, однако, вспомнить о бунтах рабов, в ходе которых до 1848 г. заливалась кровью Куба... Они возобновятся и будут направлены против нынешних хозяев страны, если эти хозяева не поведут против красной горячки такой же решительной борьбы, как против желтой лихорадки». Прямо указывая на США как на подлинного властителя Кубы, Готро советовал американцам «открыть глаза».

Это писалось более чем за четверть века до кубинской революции!

«Великая стена протяжением в 2700 лье была построена две тысячи лет назад, чтобы оградить китайскую империю от монголов,— писал тот же Готро в 1927 г.— Сегодня она вновь проломлена. И другие стены обрушиваются вокруг нас...» Стены колониализма действительно обрушивались. Чтобы укрепить их, антикоммунисты предлагали для Азии, Африки и Латинской Америки в основном те же средства, что для Европы и Северной Америки, единственные, до которых эти люди могли домыслить: неустанную слежку, антисоветские провокации, подкуп предателей, постоянную травлю и прежде всего — беспощадный террор. Конечно, в соответствии с нуждами колониализма их программа в колониальных и полуколониальных странах была отредактирована иначе, чем в европейских странах или в США. Но по существу их техника на зависимых континентах не очень отличалась от их техники в странах «белой цивилизации». И тут и там все в конечном счете сводилось к идее топора.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АНТИКОММУНИСТЫ В РЯДАХ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

При исследовании деятельности профессиональных антикоммунистов в Германии в годы после первой мировой войны обнаруживается один не совсем обычный факт. К их тайной организации принадлежали и представители крайне правых кругов социал-демократов.

Понять это как будто не так легко. Хорошо известно, что правая германская социал-демократия в те годы боялась и ненавидела коммунистов как никакую другую партию, не останавливаясь ни перед чем, чтобы их сломить. Социал-демократические лидеры Эберт, Шейдеман, Носке, Вельс, Зеверинг и другие пускали в ход против революционного рабочего движения в Германии полицию и войска, сговаривались против них с контрреволюционными генералами, шли в ходе борьбы с ними на коалиции с правыми партиями. Но можно ли предположить, что многие крайне правые социал-демократы были готовы иметь дело с прямыми преступниками из круга профессиональных антикоммунистов — убийцами, фальсификаторами, первыми немецкими фашистами?

Да, можно. Факты и тут подтверждаются неоспоримыми свидетельствами.

На второй конференции лиги Обера в Женеве в 1925 г. представитель германского «центра», сообщая о работе своей организации, заявил:

«Антикоммунистические действия были осуществлены с помощью ряда социалистов, т. к. в нашей стране различие между социал-демократами и коммунистами проникает крайне глубоко, и борьбу против коммунистов можно вести на национальной основе. Надо отметить, что социалисты Германии проделали счастливую эволюцию. Они, во-первых, оценили большевистскую опасность с национальной точки зрения, а во-вторых, учли тот факт, что большевики являются их самыми опасными конкурентами»¹.

¹ Internationale Presse-Korrespondenz, 31.VII 1925, S. 1585.

Немецкие участники лиги Обера не уточняли, какую именно «помощь» оказали им правые социал-демократы и о ком из них шла речь. Но другие документальные данные позволяют ответить на оба вопроса.

Немецкие антикоммунисты типа Штадтлера, видевшие своими глазами, как происходила социалистическая революция в России, неплохо разбирались в реальностях классовой борьбы. Они понимали, что, пока за компартией идут рабочие массы, ее, несмотря на все преследования, не сломить. Штадтлер недаром назвал Ленина «политическим стратегом огромной мощи». Основатели берлинской «Антибольшевистской лиги» учитывали, что одно дело — убивать рабочих вождей, развязывать белый террор (это для них особых трудностей не представляло), другое — перетягивать на сторону антикоммунизма народ. Они понимали и то, что сами они, явные фашисты, вызывать доверие у мало-мальски сознательных рабочих не могут, а скорее сразу же отпугнут их от себя. Такая задача могла быть поручена только лицам, знавшим, как говорить с рабочими, говорить «по-социалистически». Выходило, что профессиональным антикоммунистам надо как-нибудь действовать и *изнутри* рабочего движения.

Помимо того, социал-демократия вообще представляла в Веймарской республике, особенно в первые годы, определенную силу. В ее руках были прусская полиция и другие важные звенья государственного аппарата. Какая-то сделка с деятелями хотя бы ее крайне правого крыла была очень нужна антикоммунистам. С присутней немецким реакционерам методичностью вывод был сделан немедленно.

Как выяснилось впоследствии, Штадтлером, Стиннесом, фон Глейхеном и другими вдохновителями «Антибольшевистской лиги» еще до убийства Либкнехта и Люксембург было принято решение создать при лиге для подкупа правых социал-демократов специальный замаскированный филиал под видом чисто «социалистической» организации. Денег на это было в излишке. Стиннес, Борзиг, Сименс и другие покровители Штадтлера из числа промышленных магнатов были самым непосредственным образом заинтересованы в этом деле. Кто были социал-демократы, которые пошли на это?

Нельзя, разумеется, смешивать всех воевавших тогда против коммунистической партии политиков германской социал-демократии в одну кучу. Их были сотни, если не тысячи, и подавляющее большинство руководствовалось обычной, свойственной всем реформистам враждой к коммунистам, к революционным марксистским идеям. Такие крайне правые лидеры социал-демократии, как Носке или Шейдеман, были по-своему сами профессиональными антикоммунистами. Не подлежит сомнению тем не менее, что даже

эти виднейшие социал-демократические сановники не отказывались в то время от прямых контактов с преступниками из «Антибольшевистской лиги».

У Носке, как уже упоминалось¹, была встреча с Штадтлером. Из рассказа Штадтлера видно, что, хотя Носке уклонился от прямого соучастия в убийстве Либкнехта и Люксембург, он фактически дал убийцам — своим же подчиненным из штаба Гвардейского кавалерийского стрелкового корпуса — зеленый свет. Он же помог сообщникам Штадтлера, Рехберга и Пабста создать антикоммунистическую штрейкбрехерскую организацию «Тено», пост почетного председателя которой он продолжал занимать и после своей отставки из правительства. Когда генерал Гофман и Рехберг в сентябре 1919 г. приступили к секретным переговорам с англичанами и французами о походе против Советской Республики, Носке участвовал в их заговоре². Оба возлагали большие надежды на Носке. В письме от 29 марта 1919 г. Гофман настоятельно рекомендовал Рехбергу «не упускать из виду вопроса о Носке». К Рехбергу Носке даже приходил на квартиру³.

Гофман поддерживал связь и с главным лидером социал-демократической партии Филиппом Шейдеманом, ставшим через месяц после убийства Либкнехта и Люксембург рейхсканцлером. Шейдеман сообщил потом в своих мемуарах, что познакомился с Гофманом еще в 1918 г. и «в последующие годы неоднократно встречался с ним в частных компаниях. Чем чаще я виделся с генералом Гофманом, тем больше я сознавал, какой это был умный и смелый человек. Немало удивления вызвало то, что Гофман в один из послевоенных годов, когда в Берлине все еще было неспокойно, появился на массовом социал-демократическом митинге и тут же без всяких колебаний вмешался в дискуссию»⁴. Так писал Шейдеман о человеке, который, стремясь утопить в крови рабочее движение в Германии и во всей Европе, плел один заговор за другим.

Совершенно очевидно, что крайне правые лидеры германской социал-демократии оказали в те годы немало услуг профессиональным антикоммунистам. Ни в одной другой стране Запада они не доходили до того, что делалось их собратьями в Германии. Тем не менее ни Носке, ни Шейдеман, ни другие верховные

¹ См. главу 9.

² *Vietsch E.* Op. cit., S. 182—184.

³ *Ibid.*, S. 62.

⁴ *Scheidemann Ph.* Memoiren eines Sozial-Demokraten. Berlin, 1928, Bd. 2, S. 222—225.

Как мы увидим, митинг был подстроен социал-демократическим филиалом при «Антибольшевистской лиге». Несколько лет спустя, в 1926 г., парижская белогвардейская газета рассказала, что Гофман обратился тогда к социал-демократам с прямыми призывами против коммунистов.

руководители немецкой социал-демократической партии к тайным антикоммунистическим организациям, конечно, не принадлежали, им в этом не было нужды.

То же можно сказать о некоторых влиятельных социал-демократах — богачах, о которых в то время было известно, что они субсидируют антиспартаковские вооруженные банды. Они тоже действовали по собственной инициативе. Одним из них был, например, крупный спекулянт Георг Скларц, компаньон бывшего русского социал-демократа Парвуса, нажившего перед первой мировой войной состояние торговлей оружием на службе Крупна в Турции и на Балканах. В годы войны Парвус стал издателем ультрашовинистического берлинского журнала «Глоке» («Колокол») и одним из закулисных вдохновителей крайне правого крыла социал-демократической партии. На судебном процессе в Берлине 19.I.1920 Скларц признал, что зимой 1918/19 г. «лица, назвать которые он не хочет, предоставили в его распоряжение значительные суммы для борьбы с большевизмом» и что эти суммы были переданы для соответствующего использования¹. Данных, указывающих на то, что Скларц и Парвус были связаны с «Антибольшевистской лигой», однако, нет².

Занимавшаяся такими же махинациями по финансированию контрреволюционных банд и непосредственно связанная с Штадтлером фирма биржевика и председателя «Совета бюргеров» С. Маркса также имела доступ к социал-демократическим верхам. Главой ее наблюдательного совета был не кто иной, как бывший заместитель председателя реформистского объединения германских профсоюзов и будущий рейхсканцлер Густав Бауэр.

Штадтлер и его сообщники пользовались услугами ведущих реакционных социал-демократических политиков где и как только могли. Но когда они приступили к созданию социал-демократического филиала при своей лиге, они привлекли к этому делу таких деятелей, которых можно было просто купить за деньги. Оказалось, что таких в наличии вполне достаточно.

Зимой 1918/19 г., тогда же, когда уже готовилось убийство Либкнехта и Люксембург, в Берлине объявило о своем существовании некое новое общество под туманным названием «Строительство и становление, общество для практического просвещения народа и повышения национальной трудовой энергии». Организация начала миллионными тиражами издавать продававшиеся за гроши брошюры «для рабочих» и созывать по всей стране собрания. В течение нескольких лет было устроено свыше 400 таких

¹ Fischer A. Die Revolutionskommandatur. Berlin, 1922, S. 7—10.

² Факт, однако, что некоторые из опекавшихся Парвусом социал-демократических журналистов стали работать для профессиональных антикоммунистов.

собраний. Брошюры распространялись в местных организациях социал-демократической партии при содействии Центрального совета германских профсоюзов. Под столь же непонятным названием «Фирн» («Вечный снег») издавался также «социалистический» журнал. Вся эта литература с бешенством обрушивалась на большевизм и германских коммунистов. Так, одна из брошюр называлась «Злоупотребление революцией», другая — «Марксизм и большевизм», третья — «Правда о России» и т. д. Ничем, кроме фразеологии, эти листовки от погромных изданий «Антибольшевистской лиги» не отличались.

В то же время, как потом подтвердилось, общество «Строительство и становление» в негласном порядке щедро раздавало субсидии любой социал-демократической организации, стоявшей или переходившей на агрессивные антикоммунистические позиции. Деньги получали профсоюзные объединения, областные комитеты социал-демократической партии, секретарь берлинской социал-демократической организации по имени Вушик и многие другие. Кто занимался этими делами в обществе «Строительство и становление»?

Отнюдь не заурядные, второстепенные деятели германской социал-демократии или какие-нибудь отщепенцы-одиночки. Стоит назвать хотя бы некоторых из них.

Во главе организации стоял Карл Эрдман — довольно известный социал-демократ, не выделявшийся до того времени какими-либо особенно правыми взглядами. Его первым заместителем был Эрвин Барт — член редакции центрального органа социал-демократической партии «Форвертс», он же известный в Германии и за рубежом специалист по организации штрейкбрехерских групп. Директором издательства общества был Арно Франке — бывший член редакции «Форвертс», впоследствии фашист, еще до прихода Гитлера к власти автор ярых антисоветских книг.

Среди видных «литературных сотрудников» общества фигурировали:

Эрих Куттнер, депутат, член редакции «Форвертс», припимавший в январе 1919 г. участие в уличных боях в Берлине на стороне контрреволюции; впоследствии — редактор журнала Парвуса «Глоке»¹;

Август Винниг, бывший профсоюзный лидер, бывший сотрудник журнала Парвуса «Глоке», в 1918 г. уполномоченный кайзеровского правительства в Прибалтике, организатор контрреволю-

¹ Куттнер выступал на организованных обществом социал-демократических собраниях на тему «Что значит для нас большевизм» и получал за это крупные суммы (Der Deutsche, 1.III 1926).

Позднее он порвал с Эрдманом и, чтобы спасти собственную репутацию, обрушился на него с обвинениями в коррупции.

ционной «Железной дивизии», расправлявшейся с рабочими в Прибалтийских странах совместно с русскими белогвардейцами;

Альберт Зюдекум, один из виднейших идеологов правого реформизма в Германии, в кайзеровские времена горячий сторонник колониальной политики, олицетворявший, по словам Ленина, «тип самодовольного, бессовестного оппортуниста и социал-шовиниста»¹;

Макс Шиппель, депутат, старейший германский ревизионист и социал-шовинист;

Вольфганг Гейне, другой идеолог ревизионизма, в 1918 г. министр юстиции в прусском социал-демократическом правительстве, ответственный за преследования тысяч революционных рабочих;

Конрад Хениш, в годы первой мировой войны руководитель журнала Парвуса «Глоке», в 1918 г. министр культуры в том же прусском социал-демократическом правительстве;

Рудольф Виссель, министр экономики в социал-демократическом правительстве Шейдемана;

Александр Шлике, профсоюзный лидер и министр труда в том же правительстве.

К кругу сотрудников общества принадлежали также профсоюзный лидер Ф. Бролат, социал-демократический писатель-полуфашист Э. Никиш, бывший социал-демократический председатель Центрального совета рабочих и солдатских депутатов М. Коэн-Рейс, бывший член редакции «Форвертс» и бывший прусский премьер-министр Г. Штребель, член той же редакции А. Циклер и даже бывший вождь русских эсеров Виктор Чернов!² Всего список включал свыше 35 известных социал-демократических политиков.

Это не была какая-то группа заштатных лиц. Речь явно шла о влиятельных деятелях правого крыла этой партии. Здесь были и старые лидеры германских ревизионистов, боровшиеся за «пересмотр» марксизма еще против Бебеля на стороне Бернштейна (Зюдекум, Гейне, Шиппель); и ученики крайнего социал-шовиниста, прямого изменника социализму Парвуса (Хениш, Винниг, Куттнер); и старые профсоюзные бюрократы, продолжавшие играть важную роль в социал-демократических партийных организациях (Шлике, Бролат, тот же Винниг). Бросалась в глаза «личная уния» с редакцией «Форвертс» (Штребель, Барт, Франке, Куттнер, Циклер). Люди были разных поколений и разных реформистских «школ», но для всех было характерно одно: принадлежность к крайне правому, наиболее антикоммунистическому крылу социал-демократии.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 119—120.

² Erdmann K. Schamlose Politiker. Berlin, 1926, S. 8, 15—16.

Из позднейших признаний Эрсмана выяснилось, что даже сам социал-демократический рейхспрезидент Веймарской республики Фриц Эберт, также вышедший из рядов профсоюзной бюрократии, поддерживал контакт с обществом «Строительство и становление». Эрсман сообщил, что 12 марта 1920 г. Эберт послал ему приветственную телеграмму, в которой говорилось: «Я желаю обществу «Строительство и становление» и в будущем самых больших успехов»¹. Едва ли могло быть представлено более убедительное подтверждение того, что высшее руководство социал-демократической партии, которое не могло не знать о подлинном происхождении общества Эрсмана, даже не думало ему противодействовать.

Так или иначе, но все эти деятели вскоре же после германской революции 1918 г. стали оплачиваться какой-то неизвестно откуда появившейся на свет организацией. Ответ на вопрос, откуда шли деньги, был дан через семь лет после создания общества «Строительство и становление», когда вокруг него разыгрался целый скандал.

В марте 1926 г. в берлинских газетах появились сообщения, что глава общества «Строительство и становление» Карл Эрсман уличен в коррупции. Центральный орган социал-демократической партии «Форвертс», из редакции которого вышли ближайшие соратники Эрсмана, внезапно обвинил его в том, что он субсидировался предпринимателями и пытался предлагать взятки партийным функционерам².

Эрсман немедленно поднял перчатку и сам перешел в наступление. Он без всякого стыда подтвердил, что «в интересах борьбы с большевизмом» и с целью примирения рабочих с капиталом получал для своей организации деньги со стороны. «Нужные для моей деятельности значительные средства,— писал он,— поскольку они не шли из моего собственного кармана, я брал, когда надо было, от самого черта... И на эти средства велась пропаганда за идеи, составляющие программу моего общества «Строительство и становление». Те предприимчивые круги, которые осознали дух времени и принесли финансовые жертвы для нашей работы, заслуживают глубокой благодарности»³.

Эрсман сообщал, что он не только раздавал «чеки» социал-демократическим и профсоюзным организациям, но то и дело получал от них самих просьбы о дотациях. Это касалось не только местных организаций. Весной 1920 г., накануне парламентских выборов, его общество повело с известным лидером социал-демократической партии, прусским премьер-министром Адольфом Брауном переговоры о субсидии для партийного избирательного фонда

¹ *Erdmann K. Op. cit., S. 17.*

² *Vorwärts, 26.III 1926.*

³ *Erdmann K. Op. cit., S. 7.*

в размере миллиона марок (огромная сумма по тому времени — еще до волны инфляции). Со стороны общества Эрдмана было поставлено только одно условие: чтобы социал-демократическая партия стала в дальнейшем на еще более агрессивные антикоммунистические позиции и приняла лозунг: «Враг стоит не только справа, но и слева!» Браун в конце концов получил сумму в 250 тысяч марок. В ходе разгоревшейся перебранки руководству германской социал-демократической партии пришлось это подтвердить. Судя по дальнейшей политике социал-демократов, условие общества «Строительство и становление» было фактически принято.

Ни «Форвертс», ни Эрдман не разъяснили, однако, кто был тот «черт», от которого Эрдман получал деньги на покупку правых социал-демократов. Не было сказано, каким именно «предпринимательским кругам» он приносил благодарность за их «финансовые жертвы». Между тем ответ не подлежал сомнению. Речь шла о том огромном «Антибольшевистском фонде», который в начале января 1919 г., после встречи Штадтлера с Стайнесом и 50 другими промышленными магнатами Германии, был предоставлен в распоряжение «Антибольшевистской лиги». В рассказе Штадтлера об этой встрече содержалась следующая фраза: «Так называемый «Антибольшевистский фонд» был открыт... даже для касс социал-демократической партии».

Так и родилось общество «Строительство и становление».

Налицо ряд других данных, подтверждающих эти сведения. Так, например, книга самого Эрдмана «Профессиональные союзы, система советов, демократия» была в 1919 г. издана «Генеральным секретариатом для исследования большевизма», то есть той же «Антибольшевистской лигой». Ее же издательством в том же году была опубликована брошюрка другого участника общества «Строительство и становление» М. Коэна-Рейса «Строительство Германии и идея Советов»¹.

Наконец, еще раньше обнаружилось, чем в «частном» порядке занимался первый заместитель Эрдмана, член редакции «Форвертс» Э. Барт. Разъезжая по Швейцарии и Швеции, он инструктировал местных антикоммунистов относительно методов работы

¹ Тот факт, что общество «Строительство и становление» и «Антибольшевистская лига» представляли собой одну и ту же организацию, получил тогда же довольно курьезное подтверждение. Вышедшая в 1920 г. клеветническая брошюра директора издательства общества будущего нациста Л. Франке «Правда о России» была в результате типографской оплошности напечатана с двумя обложками, текст и шрифт каждой были совершенно одинаковы, но на одной была проставлена фирма издательства общества «Строительство и становление», а на другой — фирма «Лига культуры» (одна из маскировочных вывесок «Антибольшевистской лиги»).

пштрейкбрехерских организаций¹. В Швейцарии этим делом занимался не кто иной, как будущий глава «Международной лиги борьбы против III Интернационала» Обер. По-видимому, Обер затребовал к себе Барта из Берлина как эксперта. Тот же Барт выступил в феврале 1919 г. в Берлине с докладом «Марксизм и большевизм» на большом митинге для социал-демократов, на котором с яростной антикоммунистической речью к рабочим обратился будто бы случайно появившийся генерал Гофман². Очевидно, и это было подстроено работавшими рука об руку контрреволюционными профессиональными антикоммунистами и реакционными социал-демократами из общества «Строительство и становление».

Подлинные масштабы работы этого филиала германской «Антибольшевистской лиги» так никогда до конца и не были выяснены. Несомненно только, что никакого отпора в верхах социал-демократической партии эта организация до 1926 г., когда факты выплыли наружу, не встречала. Вернее сказать, что — как видно из приветственной телеграммы Эберта Эрдману — ей молчаливо разрешалось делать свое дело. Бесспорно и то, что профессиональные антикоммунисты связывали с этим предприятием немалые надежды.

Едва ли можно предположить, что они всерьез рассчитывали на действительное проникновение в рабочую массу. Конечно, этим силам было крайне желательно завербовать как можно больше рабочих в погромные антикоммунистические отряды, которые они формировали еще задолго до того, как Гитлер стал создавать свои банды штурмовиков. Но Штадтлер, Стиннес и их сообщники все же понимали, что переманить на свою сторону хотя бы какую-то значительную социал-демократическую часть рабочего класса им не удастся. Как-никак, это был кровно враждебный класс, которого они смертельно боялись. Не случайно издававшаяся обществом «Строительство и становление» литература поражала своим убожеством, писалась находившимися на службе антикоммунистов социал-демократами. Авторам приходилось настолько кривить душой, что даже им это оказывалось не под силу. Помимо басен о «большевистских зверствах», призывов к поддержанию «порядка», клеветы на коммунистов и т. п., этим продавшим себя людям действительно нечего было сказать рабочим. Они вывертывались как могли.

В брошюрах общества говорилось, например, что, хотя социализм по идее вещь хорошая, спешить с ее осуществлением, как этого хотят коммунисты, крайне опасно: произойдет катастрофа. Рабочим не надо «злоупотреблять революцией», не надо басто-

¹ Teno, S. 45—46.

² Barth E. *Marxismus und Bolschewismus*. Berlin, 1919.

вать, не надо требовать национализации промышленности, зато надо объединиться с имущими классами для борьбы с коммунизмом. В брошюре «Злоупотребление революцией» глава общества К. Эрдман писал, набрасываясь на «немецких ленинцев»: «Их сторонники и поклонники, которых они с бешенством натравливают на человечество, считают, что они могут зверски убивать и уничтожать все, что жизнеспособно, на чем нет их штампа, что не подчиняется их воле... Пролетариат должен сам себя защитить от этих могильщиков, уничтожающих все возможности здорового экономического существования и естественного развития, должен сам это сделать, говорю я... Пусть рабочие не позволят запугать себя преступным террором, которым занимаются гиены на политическом поле битвы... Тут не помогут никакие попытки казаться другим, никакие трогательные жалобы или прикрасы. Нет, надо признать: в стране развелся сброд»¹.

Это было почти неприкрытое подстрекательство к контрреволюционному террору, к убийствам коммунистических руководителей и функционеров. Псевдосоциалистический филиал «Антибольшевистской лиги» толкал массы на то же кровавое дело, которое ее черносотенные руководители уже осуществляли своими собственными руками. Правые социал-демократические наемники были достойны своих хозяев. Ничего, кроме отвращения, подобная пропаганда у честных, пусть и недостаточно сознательных, рабочих вызвать не могла; она годилась только для люмпен-пролетариев и уголовников. К ним, собственно, она и адресовалась.

Но у того же филиала «Антибольшевистской лиги» была еще одна важная цель. Профессиональные антикоммунисты метили на то, чтобы мало-помалу подвести под свой скрытый контроль крайне правое крыло социал-демократической партии и с его помощью толкнуть эту партию так далеко в обрыв антикоммунизма, как только возможно.

Штадтлер, Эрдман и их соратники явно считали, что с помощью миллионов Стайнеса это может удался. Видимо, они надеялись, что захваченная изнутри социал-демократическая партия рано или поздно станет таким же орудием в их руках, как правые партии, контролировавшиеся ими из «Клуба господ» или «Кольца». Эта идея и скрывалась за требованием «духовной переориентации» социал-демократической партии, которое по указанию общества «Строительство и становление» преподносилось партийным функционерам взамен субсидий. На языке профессиональных антикоммунистов такая «духовная переориентация» означала превращение социал-демократической партии в чисто реакционную организацию с «социалистической» маской. Не следует за-

¹ Erdmann K. Der Missbrauch der Revolution. Berlin, 1919, S. 6—9, 14.

бывать, что и Гитлер собирал своих сторонников под знаменем «национал-социализма». Какая участь в конечном счете ждала честных социал-демократов от руки этих сил, стало ясно после января 1933 г.

Добиться цели организаторы общества «Строительство и становление», разумеется, не сумели. Подкупить наиболее развращенную и беспринципную часть деятелей правого, точнее, крайне правого крыла германской социал-демократии удалось, но даже эта столь «блестяще» задуманная операция закончилась скандальным провалом: пропикшие на страницы печати взаимные разоблачения рассорившихся друг с другом продажных реформистов дискредитировали перед всей страной как тех, так и других. Общество «Строительство и становление» пришлось прикрыть, некоторые из его участников, в том числе сам Эрдман, были вынуждены покинуть партию, другие, как Винниг или Франке, без колебаний перебежали к фашистам, остальные были «прощены» центральным правлением партии и остались в ее рядах. Как можно было не простить их, когда они знали столько секретов, касавшихся высшего партийного руководства!

Так или иначе, германское рабочее движение в целом не оправдало ожиданий «Антибольшевистской лиги». Подавляющая масса членов социал-демократической партии вообще не была затронута этими махинациями. Хотя на организацию «Строительство и становление» были израсходованы миллионы и ее литература издавалась огромными тиражами, никакого существенного эффекта эта «операция» не имела.

Социал-демократический вариант профессионального антикоммунизма все же несомненно представляет собой любопытный феномен. Политически ничего необъяснимого в нем нет. Стремление кровных врагов рабочего движения внедриться в него было вполне понятно. В царской России та же идея еще в начале века вдохновляла «аса» охраны Зубатова. Но дело было не только и даже не столько в кровных врагах социализма. Случай с обществом «Строительство и становление» показал, что в бюрократической иерархии социал-демократической партии существовала какая-то прослойка влиятельных правых деятелей, готовых за почти не замаскированное вознаграждение или даже за прямую мзду перейти в услужение к самым грязным, преступным врагам рабочего класса. Продать свою совесть и честь таким людям ничего не стоило. Разумеется, на этот путь их подталкивали и их собственные политические взгляды. Но где проходит грань между реакционной политикой и личной продажностью, сказать трудно.

Необходимо отметить, что эти явления касались в то время только германской социал-демократии. В социал-демократических партиях других стран ничего похожего на аферу организации

«Строительство и становление» в подобных масштабах не имело места, общественность, по крайней мере, об этом не узнала. Сообщение германских делегатов на международной конференции лиги Обера в 1925 г. о сотрудничестве их филиала с крайне правыми социал-демократами и прозвучало тогда поэтому как нечто новое и неожиданное. В других странах профессиональные антикоммунисты предпочитали тогда действовать в рабочем движении по испытанному американскому рецепту: через шпионов и провокаторов¹.

Только после второй мировой войны метод прямого сговора с ультраправыми реформистами и создания специальных антикоммунистических организаций внутри рабочего движения был применен профессиональными антикоммунистами в широком международном масштабе, в частности в США, в Англии и в рамках международного профсоюзного движения. Особенно далеко в этом направлении пошли американцы. В 20-х годах пальма первенства оставалась у германских «специалистов». Им было дано доказать на практике, что профессиональный антикоммунизм перед границами рабочего движения не останавливается.

История общества «Строительство и становление» показала и то, как методически работали эти силы в Германии. Они старались проникнуть и закрепиться повсюду. На одном участке политической сцены они сражались с монархической военщиной, с правыми партиями, с дворцовой кликой Гинденбурга, с фашистами. На другом — наводили мосты к крайне правым социал-демократам. Цель и тут и там была одна: нанести смертельный удар революционному рабочему движению.

¹ См. главу 1.

Руководители «желтой» «Американской федерации труда» в США С. Гомперс и М. Уолл принадлежали к объединению профессиональных антикоммунистов «Национальный гражданский союз», но к социал-демократам, даже правым, себя не причисляли.

Часть 3

**«АНТИКОМИНТЕРН»
ГЕББЕЛЬСА**

Глава двадцатая

УПАДОК ЛИГИ ОБЕРА

К 1934 г. международное объединение профессиональных антикоммунистов, действовавшее сначала в виде опекаемой империалистами тайной агентуры Климовича, затем под флагом женеvской лиги Обера, насчитывало 14 лет своего существования. За это время оно, казалось, разрослось в довольно крупную организацию. Законспирированные «национальные центры» и филиалы женеvской лиги оперировали теперь в большинстве стран капиталистического мира и в главных из них располагали довольно густой сетью. Еще в 1929 г. «секретариат русской секции» лиги опубликовал своего рода циркуляр на французском языке, в котором сообщалось:

«В настоящее время лига укрепляется и растет изо дня в день. У нее свои центры почти во всех странах Европы, в США, в некоторых странах Южной Америки и на Востоке, а также весьма значительное число корреспондентов. Она представляет собой генеральный штаб антибольшевизма в противовес Коминтерну...»

Хотя в этих словах звучало явное хвастовство, отрицать, что «штаб» профессиональных антикоммунистов за полтора десятка лет добился некоторых успехов, не приходилось.

Во второй половине 20 — начале 30-х годов список связанных с женеvской лигой союзов и центров включал около полсотни организаций. В том числе можно было назвать:

«Лига защиты немецкой культуры», Берлин;

Центр, созданный генералом Гофманом, Мюнхен;

братство «Кольцо», Берлин;

«Католическое бюро исследований, информации и справок по большевизму, движению безбожников и свободомыслящих», Мюнхен — Гладбах;

«Экономическая лига», Лондон;

«Антисоциалистический и антикоммунистический союз», Лондон;

«Национальный гражданский союз», Нью-Йорк;

«Информационное агентство АБЦ», Нью-Йорк;

«Комитет по борьбе с коммунизмом», Нью-Йорк;

«Разведывательное объединение» американских «бдительных»,
 Чикаго;
 «Гражданский союз», Париж;
 общество «Восстановление Франции», Париж;
 «Общество политических, экономических и социальных исследований» (СЕПЕС), Льеж;
 «Международный центр для активной борьбы против коммунизма» (СИЛЛАК), Брюссель;
 союз «Огненные кресты», Париж;
 «Антибольшевистская лига», Варшава;
 «Союз защиты Финляндии», Хельсинки;
 организация «Замок Финляндии» (лапуаское движение), Хельсинки;
 общество «Родна защита», София;
 союз «Я буду хранить», Амстердам;
 общество «Гражданская вахта», Гаага;
 «Русская секция» лиги, Сент-Жюльен;
 Австрийский центр лиги, Вена;
 союз «Норвежская самопомощь», Осло;
 союз «Общественная помощь», Копенгаген;
 «Национальный союз борьбы с коммунизмом», Стокгольм;
 швейцарская «Патриотическая федерация», Женевы;
 «Испанский секретариат» лиги, Мадрид;
 Чехословацкий центр лиги, Прага;
 союз «Народни табор», Прага;
 союз «Народный сговор», София;
 союз «Кубрат», София;
 «Внутренняя македонская революционная организация» (ВМРО), София (крыло Михайлова);
 братство «Теш», Будапешт;
 союз «Народна одбрана», Белград;
 «Лига конституционной защиты», Шанхай;
 «Зеленый союз», Шанхай;
 Маньчжурский центр лиги, Харбин;
 Общество «Черного дракона» («Кокурюкай»), Токио;
 «Общество великояпонского духа» («Кокусуйкай»), Токио;
 «Дружина для борьбы с большевизацией Великой Японии» («Дайнихон сэкина Хасидан»), Токпо;
 «Союз государственного строительства» («Кэнкокукай»), Токио;
 «Зеленый союз» («Сарикат гитау»), Джакарта;
 Египетский центр лиги, Каир;
 Сирийский центр лиги, Дамаск;
 «Антибольшевистский союз», Йоганнесбург;
 Бразильский центр лиги, Рио-де-Жанейро;

Аргентинский центр лиги, Буэнос-Айрес;

Венесуэльский центр лиги, Каракас;

Гватемальский центр лиги, Гватемала;

«Лига благоденствия», Лондон, Мельбурн, Веллингтон¹.

Судя по количеству организаций и охваченным странам, это действительно была широко распространенная сеть, хотя, разумеется, далеко не всем ее узлам можно было придавать большое значение. В некоторых небольших странах оберовские «национальные центры» существовали больше на бумаге, объединения горстки прожженных русских белогвардейцев и таких же местных маньяков и ультра. В фашистских государствах центры лиги, как уже говорилось, могли считаться не более чем подсобными органами полиции. Тем не менее организации Обера все-таки удалось собрать кое-какие силы, особенно в главных капиталистических государствах. Это было в самом деле нечто вроде ядра тайного «белого интернационала».

Многие известные всему миру ведущие деятели реакции в разных странах, которых ранее никто не связывал друг с другом, теперь фактически работали заодно и действовали по сговору. Таким путем нередко координировались и синхронизировались антикоммунистические интриги, исходившие от самых различных группировок: шахтовладельцев и нефтяных монополий в Англии, контрреволюционеров и реваншистов в Германии, антирабочих организаций и «желтых» профсоюзов в США, колониальных кругов и правых церковных групп в разных странах Запада. Детердинг и генерал Гофман, Форд и Коти, Локер-Лампсон и фон Папен, Рейли и Кьяпп, митрополит Серафим и патер Ледоховский, Крамарж и Грабский, профессор Тройб и маршал Чжан Цзунчан — все эти столпы мировой реакции были так или иначе, прямо или косвенно, вовлечены в ту же сеть или связаны с ней.

Это не означало, что они были во всем согласны между собой и всегда шли в ногу. Противоречия, споры, острые конфликты разгорались и в их среде, и довольно часто; интересы стоявших за ними групп сплошь и рядом сталкивались, и каждая группа, следуя закону империалистов, пыталась выигрывать за счет другой. Но все они сходились в одном: в доходившем до мании стремлении уничтожить, истребить коммунизм на всей планете.

В том же отчете лиги в 1929 г. руководство с гордостью заявляло, что женеvское бюро стало «сердцем», вливающим «горячую антибольшевистскую кровь» в жилы действующих повсюду организаций. В заключительной части приводилась телеграмма, посланная еще в сентябре 1918 г. тогдашним голландским посланником в Петрограде Оудендайком своему правительству: «Немед-

¹ Список неполный.

ленное истребление большевиков — это самая важная из всех задач нынешнего дня, не исключая даже войны (еще продолжавшейся в то время первой мировой войны.— Э. Г.). Если большевизм не будет вырван с корнем немедленно, он распространится в той или иной форме на всю Европу и на весь мир. Единственный способ устранения этой опасности — совместные действия держав».

Несколько месяцев спустя парижский орган лиги «Красная волна» повторил призыв бесноватого Оудендайка своими словами. Журнал заявил: «Карфаген должен быть разрушен,— неизменно повторял Катон старший, кончая так все свои речи. С большевизмом должно быть покончено,— должны сегодня повторять государственные деятели».

В следующем отчете, опубликованном в 1933 г., женеvское бюро подчеркивало, что ему, помимо расширения своей организационной сети, удалось «завязать постоянные отношения с крупнейшими французскими и английскими экономическими организациями, так же как с швейцарскими, голландскими, американскими, канадскими деловыми кругами». Добавлялось, что рассылаемый из Женевы более чем 800 видным деятелям делового мира в Европе и Америке бюллетень бюро «Экономическая информация ЭИА» пользуется успехом и что «известные журналисты» «вдохновляются информацией бюро». Указывалось, что архивы бюро содержат «досье» (о компартиях.— Э. Г.) в 40 странах. Когда в 1932 г. в Женеве собралась конференция по ограничению вооружений, лига распространила через члена своего бюро, проживавшего в Женеве французского сенатора Экарда, меморандум об угрожающем военном значении советской пятилетки.

Обер и его сообщники шумели по-прежнему. На деле этот темный швейцарский адвокат подходил к финалу своей карьеры.

Уже к концу 20-х годов, когда капиталистический мир стал корчиться в судорогах самого страшного экономического кризиса в своей истории, стало ясно, что ни одно из главных начинаний профессиональных антикоммунистов, предпринятых на Западе после Октябрьской революции в России, не принесло (за исключением Германии, Италии и Японии) по-настоящему того, чего они хотели.

Силы эти ставили прежде всего на террор. В 20-х годах их агентами в ряде стран — в Германии, Венгрии, Польше, Болгарии, Финляндии, Румынии, Швейцарии, Италии и других — был совершен ряд индивидуальных и массовых террористических актов. Своим чередом действовали полиция и фашисты. Число жертв белого террора в капиталистических странах только за семь лет (1925—1931 гг.) превысило три миллиона человек¹. Ряд руково-

¹ Данные председателя МОПР Феликса Кона на январь 1933 г.

дителей компартий были убиты, тысячи функционеров сидели за решеткой. Тем не менее число коммунистов в мире продолжало непрерывно увеличиваться, их партии крепили, завоевывая доверие масс. На земле не было теперь уголка, где бы не горел огонь коммунистических идей.

В то же время сорвался и план лиги Обера возобновить в широких масштабах белый террор внутри Советского Союза. Контрреволюционные организации белогвардейцев на советской территории если и существовали, то год за годом слабели или совсем исчезали. Даже наследникам Рейли и Савинкова становилось ясно, что внутри СССР никто больше не может помешать народу строить социализм.

Профессиональные антикоммунисты делали ставку на систематические подлоги, рассчитывая так забросать грязью коммунистическое движение на Западе, чтобы довести дело до объявления его вне закона. Фабрики фальшивок были основаны во всех больших и даже в некоторых малых странах. Фальсификаторы были разоблачены, организаторы подлогов дискредитированы. Там, где буржуазные правительства пытались запретить существование коммунистических партий, как в государствах Восточной и Юго-Восточной Европы или в Азии, эти партии продолжали действовать в подполье. В 1929 г. сам Обер публично обратился к правительствам капиталистических стран с яростным вопросом: «Мы спрашиваем всех: почему они терпят существование коммунистических партий?»

Антикоммунисты ставили на разрыв дипломатических отношений между буржуазными государствами и Советским Союзом и на новую вооруженную антисоветскую интервенцию, вслед за которой намечалась кровавая расправа с рабочим движением в самих странах Западе. Потерпел фиаско и этот план.

Англия, порвав в 1927 г. дипломатические отношения с СССР в результате подстроенной лигой Обера провокации, была вынуждена восстановить их в 1929 г. Франция и Германия, которые также намечались в качестве участников «крестового похода», сохраняли отношения с Советским Союзом. Соединенные Штаты, в течение 16 лет не признававшие СССР, признали его в 1933 г. В конце концов самому Оберу пришлось прийти к выводу, что пускаться в войну против Советского Союза было бы до поры до времени опасно прежде всего для самих антикоммунистов. «Пусть нас поймут правильно,— неожиданно объявил он в 1929 г.,— мы не проповедуем здесь вооруженную интервенцию против Советов. Но предшествующие страницы (отчета лиги.— Э. Г.) объясняют в достаточной степени, как можно перейти в наступление без того, чтобы нарушить международный мир и тем сыграть на руку большевикам».

Это означало: соблюдайте осторожность! Напасть на Советский Союз прежде, чем для этого будут собраны достаточные силы и, главное, прежде, чем тыл Запада будет полностью обеспечен расправой с коммунистами и другими левыми, значит — давали понять женевские стратеги — навлечь на капиталистический мир такую лавину народных движений, в какой антикоммунисты легко могут потонуть.

В этом вопросе многие участники лиги Обера тогда явно держались точки зрения Детердинга, выступавшего лишь за «частичную операцию» на Кавказе, а не точки зрения Рехберга, продолжавшего и после смерти генерала Гофмана в 1927 г. требовать «общего» «крестового похода». Внимательно следя за СССР, профессиональные антикоммунисты не могли не ощутить рост могущества социалистической державы. Они понимали, что для вооруженного нападения на СССР у империалистов пока не хватает сил. Хотя идея «крестового похода» по-прежнему оставалась их конечной целью, в своих публичных заявлениях они были вынуждены ограничиваться призывами к разрыву дипломатических отношений с СССР, к бойкоту советских товаров и к демонстрациям против «религиозных преследований» в СССР.

Вся стратегия профессиональных антикоммунистов, разработанная с таким рвением после убийства Воровского и создания женевского центра, оказывалась, таким образом, в основном непригодной. Что бы ни предпринимали эти силы, жизнь наперекор им двигала дело коммунизма вперед. Они не могли разрушить революционный «Карфаген».

Мало того. У Обера и его сообщников возникали и другие проблемы. Несмотря на субсидии со стороны ряда завербованных «деловых людей», женевскому центру и его филиалам уже не хватало и денег. Дело объяснялось просто. С начала острого экономического кризиса в 1929 г. магнаты монополий стали предпочитать платить прямо фашистам, сколачивавшим крупные боевые партии, чем законспирированным группам профессиональных антикоммунистов. Обер несколько раз предпринимал попытки вновь получить деньги от Форда и других хозяев американского большого бизнеса, но детройтский автомобильный король, убедившись в невыгодности для себя подобных связей, закрыл им доступ к своей кассе.

Детердинг, другой главный покровитель женевской лиги, в 1936 г. вышел в отставку с поста генерального директора нефтяного треста «Ройял датч Шелл», переселился в Германию и полностью переключился на финансирование нацистской партии. Наполеон, парижские белоэмигрантские миллионеры Рябушинские, Третьяковы, Нобели, Манташевы, Лианозовы сами за истекшие годы порядком постарели и постепенно переставали верить в

возможность свержения Советской власти. У лиги Обера все еще оставались те или иные другие денежные источники, но сравниться с прошлыми ресурсами они не могли. Между тем без постоянного притока средств профессиональные антикоммунисты существовать не могли.

Ко всему этому присоединялось еще одно обстоятельство, может быть самое знаменательное, — обстоятельство чисто внутреннего порядка. Постепенно вымирали или выдыхались те кадры, которые фактически основали международную организацию профессиональных антикоммунистов.

Что касается бывших агентов царской охранки и белогвардейских контрразведок, то проведенные в эмиграции полтора десятилетия лет не утихомирили их, не примирили с исторической действительностью, а, наоборот, еще больше ожесточили. Но та же история брала свое. Жандармы «со стажем» окончательно равлялись при жизни. Они по-прежнему конспирировали, буйствовали, напивались до бесчувствия и, где могли и как могли, распространяли антисоветский яд. Но, сталкиваясь с постоянными неудачами и разочарованиями, год за годом теряли уверенность и в своих организациях и в самих себе.

Почти все корифеи старой агентурной сети Климовича уже не были на сцене. Бесноватый Рейли кончил свою жизнь еще в 1925 г., Климович, судя по всему, в последующие годы также вышел из строя, Заварзин доживал свой век в Париже, составлял на чьи-то средства учебники для нового поколения профессиональных антикоммунистов. Престарелый Резанов занимался в Бельгии непрерывными дризмами со своими единомышленниками. Судьба Орлова остается неизвестной; возможно, что он под той или иной маской продолжал выполнять поручения для «Интеллидженс сервис» или для германской разведки, или для тех и других¹.

Из старых «кадров», участвовавших еще в организации убийства Воровского, в строю оставались только руководители женеvского центра: швейцарский адвокат Обер и царский офицер Лодыженский, выдвинувшийся в лиге на первое место после краха Рейли и ухода Климовича. Старое, помнившее Октябрьскую революцию и гражданскую войну в России, ядро распадалось, прорехи в кадрах заполнялись более свежими авантюристами разных национальностей фашистского толка. Дряхлевшие провокаторы уже не в состоянии были держать организацию в своих руках. Так, ее политическим неудачам сопутствовало внутреннее разложение.

Раздумывая о причинах своих провалов, профессиональные антикоммунисты в первой трети 30-х годов приходили к заклю-

¹ Во время второй мировой войны он бесследно исчез.

чению, что для того, чтобы продолжить свое существование, им необходимо искать новые точки опоры.

Здание международной антикоммунистической организации поддерживалось со дня ее основания четырьмя столбами. Первым была полиция. Почти во всех странах, как мы видели, филиалы женевского бюро создавались и действовали под ее прямым покровительством. В 20-х годах лига Обера оказала немалые услуги охранкам главных капиталистических держав, устраивая по их поручению грязные дела, браться за которые самим жандармам было слишком рискованно. Теперь махинации женевского центра террористов и фальсификаторов уже не имели для полиции такого значения, как в годы, следовавшие за антисоветской интервенцией.

Коммунистическое движение на Западе укреплялось, несмотря на все подвохи и провокации, и прежние методы борьбы с ним оказывались примитивными. Приходилось придумывать новые. Контакты оберовцев с полицией сохранялись, но полагаться в прежних масштабах на ее покровительство в преступлениях против рабочего движения они во всех странах уже не могли.

Второй опорой женевской лиги повсюду служили реакционные политические организации разного толка: «твердолобые» в Консервативной партии, откровенные черносотенцы, контрреволюционеры, реваншисты, ультраколониалисты и т. д. В реестре женевского бюро такие организации проходили под рубрикой «Патриотические союзы» и рассматривались как главный источник антикоммунистических кадров. Если полиция помогала устраивать провокации и укрывать виновных, то «патриотические союзы» доставляли исполнителей и активных сторонников. Но и здесь к началу 30-х годов положение изменилось. Напуганные экономическим кризисом и активизацией рабочего движения, сторонники реакционных организаций повсюду начинали переходить к открытым фашистам. Становилось ясно, что без фашизма и вне его профессиональный антикоммунизм уже не дееспособен.

Фашисты заявляли, что построить настоящий барьер против коммунизма могут они и только они. В Германии правые всех разновидностей шеренгами вливались в партию Гитлера. Во Франции главные сообщники Обера — Коти и дельцы из «Реддресман франсэз» сами формировали фашистские отряды и готовились к путчу. В Англии «твердолобые» и колониалисты из «Антисоциалистического и антикоммунистического союза» явно начинали держать курс на Гитлера, Муссолини и других фашистов на материке. Такой же поворот совершали правые в США, в Восточной и Юго-Восточной Европе и даже в таких небольших странах, как Бельгия, Нидерланды и Швейцария, на родине самого Обера.

Фашисты быстро шли в гору, и профессиональные антикоммунисты, обычно подчеркивавшие свою готовность сотрудничать со всеми буржуазными партиями, сами начинали толкать своих сторонников к фашизму — открытой террористической диктатуре наиболее реакционных и агрессивных кругов империалистов.

Это происходило не только в Германии, где их агенты с 1930 г. не жалели усилий, чтобы сблизить правые немецкие партии и военные союзы с Гитлером. Во Франции оберовцы были соучастниками при рождении фашистских «Огненных Крестов». Уже весной 1929 г. парижский орган лиги открыто взял под защиту фашистов, заявив, что коммунисты называют фашистами «все группы, защищающие порядок и общественное единство». В Финляндии профессиональные антикоммунисты содействовали фашистам-лапусам, в Австрии — фашистам «Хеймвера», в Испании — ультраправым экстремистам, позднее устроившим франкистский переворот и т. д. Подтверждалось, что антикоммунизм с какой-то неизбежной последовательностью ведет к фашизму и что поддерживавшие лигу Обера реакционные силы почти повсюду совершают поворот к фашизму.

Такой же крутой поворот совершала к началу 30-х годов и западная военщина — та, из среды которой после первой мировой войны вышло много руководителей и покровителей профессиональных антикоммунистов: генерал Гофман, капитан Эрхардт и майор Пабст в Германии, генерал Бальфурье и маршал Льяйтей во Франции, фельдмаршал Маннергейм и генерал Валлениус в Финляндии, генералы Вылков и Лазарев в Болгарии, генерал Снайдерс в Нидерландах, маршал Чжан Цзунчан в Китае, генералы Врангель, Бискупский, Скоропадский и Кутепов в рядах белой эмиграции и другие. В Германии к нацистам переходил любимый ученик Гофмана генерал В. фон Рейхенау — в будущем один из приближенных Гитлера. Почти все реакционное ядро старого офицерского корпуса в капиталистическом мире, до смерти напуганное ростом революционного рабочего движения, стремилось вместе с правыми политиками в фашистский лагерь и также тянуло за собой профессиональных антикоммунистов.

Оставалась четвертая и самая важная опора этих сил: крупный капитал. Именно отношение монополий окончательно решило вопрос для женеvских руководителей. Ближе к середине 30-х годов положение на решающем участке международной классовой борьбы, в континентальной Западной Европе, становилось таким, что антикоммунизм старого типа уже не мог удовлетворить финансовую олигархию. Ни индивидуальный террор против рабочих руководителей, ни подлоги для дискредитации компартий, ни обычная полицейская слежка за коммунистами, ни, наконец, кампания за разрыв дипломатических отношений с СССР уже

ничего существенного в соотношении сил не меняли. Теперь крупному капиталу требовались более радикальные меры.

Правые немецкие монополисты и их партнеры в других странах считали, что спасти капитализм можно только двумя путями: путем полного разгрома рабочего движения оружием тоталитарной диктатуры, а в дальнейшем — путем войны против Советского Союза с целью уничтожения очага социализма. И то и другое означало одно: фашизм. На сторону фашизма открыто или тайно и становились теперь почти все старые финансовые покровители Обера: Детердинг, Коти, Форд, промышленные короли Рура. Еще до того, как Гитлер пришел к власти в Германии, стало ясно, что правое крыло международной финансовой олигархии стремится передать оперативное руководство антикоммунизмом «полноправным» фашистам, причем гитлеровского, то есть самого агрессивного, толка.

Все дороги профессиональных антикоммунистов вели к тому же перекрестку. Вдобавок сама международная обстановка складывалась теперь так, что серьезные надежды они могли возлагать только на свои силы в Германии. Взять штурмом всю Западную Европу, как они вначале мечтали, не удалось. Ни в одной большой стране Запада, кроме рейха, — ни в Англии, ни во Франции, ни даже в США — у них не оказалось реальных шансов на то, чтобы задушить рабочее движение. В Германии же Гитлер открыто провозглашал свою решимость уничтожить коммунизм, притом не в одном лишь рейхе, но и в Советском Союзе и во всей Европе. Позиции профашистских антикоммунистов в Германии значили теперь на деле больше, чем силы всех других оберовских организаций, вместе взятых. По сравнению же с нацистской партией работа женевской лиги казалась кустарщиной.

Антикоммунизм уже не мог существовать без нацизма. И дело было не только в этом. Неопровержимые факты доказывают, что нацисты пришли к власти в Германии при прямом содействии организации профессиональных антикоммунистов.

МОСТ К ГИТЛЕРУ

1

Дорогу к гитлеровской партии открыли лиге Обера первые профессиональные антикоммунисты в Германии. Прежде всего надо назвать двух из них (и тот и другой участники организации убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург): основатель «Антибольшевистской лиги» в Берлине в 1918 г. Эдуард Штадтлер и миллионер Арнольд Рехберг.

Произведенная еще в марте 1919 г., вслед за убийством спартаковских вождей, реорганизация «Антибольшевистской лиги» в полуполициальную организацию, сосредоточивавшуюся на пропаганде¹, разумеется, не означала отказа профессиональных антикоммунистов в Берлине от тайной деятельности. Штадтлер и его друзья тут же приступили к созданию новой боевой антикоммунистической организации с еще более широкими политическими замыслами. Их новое сообщество, основанное летом того же 1919 г., носило для непосвященных невинное название «Июньский клуб», с 1924 г. измененное на «Немецкий клуб господ» (НКГ), и под этой вывеской вошло в историю Веймарской республики.

Ни для марксистских, ни для буржуазных исследователей сегодня нет сомнений, что «Клуб господ» сыграл в 20-х и начале 30-х годов важнейшую роль в фашизации Германии сверху. Об этой организации упоминается в десятках книг, в свое время о ней говорила вся мировая печать. Но самое важное в истории ее происхождения осталось для многих неизвестным. Можно считать доказанным, что основателями «Клуба господ» и его вдохновителями до конца его существования были вожаки прежней «Антибольшевистской лиги», к которым присоединилось еще одно лицо: Франц фон Папен.

Факты сводятся к тому, что за фасадом «Клуба господ» действовало тайное братство, называвшее себя «Кольцом тысячи» или просто «Кольцом». Это братство, в которое входили сотни лиц, в том числе виднейшие реакционные деятели рейха, и двигало

¹ См. главу 9.

всей организацией. Только учитывая эту закулисную структуру «Клуба господ» и зная состав «Кольца», можно понять, каким образом «Клуб» сумел в 1919—1933 гг. наложить свой отпечаток на политику германской реакции. В то время как генерал Гофман и «немецкий национальный центр» лиги Обера пытались действовать из Мюнхена, «Кольцо» в гораздо более широких масштабах оперировало в Берлине. Уже после второй мировой войны западно-германский автор Я. Штеккер в книге о германских политиках подтвердил, что «Клуб господ» был создан для борьбы со спартаковцами¹.

Подлинным главарем «Кольца», а через него и «Клуба господ», был не кто иной, как Штадтлер. Рассказывал, что после ухода с поста главы «Антибольшевистской лиги» «кружок фон Глейхена»² стал «средоточием его политической деятельности», Штадтлер пишет в своих воспоминаниях: «Сам я был в кружке наиболее активной политической фигурой, и так как ввиду моей деятельности как антибольшевистского фюрера меня называли «человеком, который придет», я наряду с фон Глейхеном стал в кружке главным определяющим лицом».

Официально Штадтлер занимал должность редактора-издателя органа «Кольца» и «Клуба господ» «Гевиссен» («Совесть») (впоследствии «Ринг» — «Кольцо»). Фактически же бывший шеф «Антибольшевистской лиги» руководил организацией, направляя ее по своему руслу. В изданной «Кольцом» брошюре «Революционная опасность в 1921 г.» он в устрашающих тонах заявлял, что «большевистская угроза в Германии» не устранена, что Маркс был «первым большевиком», а Ленин — «ужасающе последовательный, ни перед чем не останавливающийся марксист», «политический стратег огромной мощи», что против коммунистов нужно мобилизовать бюргеров, христиан, крестьян, ремесленников и предпринимателей, с рабочими же — установить общность на расовой основе. В другой брошюре Штадтлер писал: «...мы должны силой, я тоже это говорю — силой диктатуры преградить дорогу анархо-большевистской волне... Надо мобилизовать несколько тысяч интеллектуалов, которые, как люди, распознавшие большевизм во всем его духовном величии... справятся с этой большевистской опасностью, развязав крупные гениальные политические силы».

Под «гениальной силой» этот палач, конечно, подразумевал самого себя, под «несколькими тысячами интеллектуалов» — со-общников «Кольца».

¹ *Stöcker J. Männer des deutschen Schicksals. Berlin, 1949, S. 104—106.*

² Под таким названием — по имени друга Штадтлера и официального основателя «Клуба господ» барона Генриха фон Глейхена-Руссурма — «Кольцо» временами упоминалось в печати.

Ближайшим соратником Штадтлера в этой организации был член-учредитель «Антибольшевистской лиги» барон Генрих фон Глейхен, считавшийся идейным вдохновителем «Клуба господ». «Кольцо» нередко выступало под его именем. Это был черносотенец более высокого пошиба, чем авантюрист Штадтлер. Фон Глейхен, лощеный прусский аристократ с философскими амбициями, бывший офицер генерального штаба, входящий в привилегированные светские салоны, пользовался известностью в качестве автора теории господства «элиты» — олигархии капитала, дворянства и высшей бюрократии. Друзья фон Глейхена гнездились во всех министерствах и во всех буржуазных партиях Германии. Через него же от «Кольца» тянулись нити к генералам рейхсвера.

Негласным финансовым патроном «Кольца» был Арнольд Рехберг — второй из трех зачинателей профессионального антикоммунизма в Германии (Штадтлер, Рехберг, Гофман). Это после второй мировой войны подтвердил западногерманский исследователь личного архива Рехберга фон Витч. Оказалось, что Рехберг, открыто выступавший в журнале «Кольца» со своими статьями, предоставлял в распоряжение «Кольца» «значительные суммы» и что руководители сообщества были поэтому «в немалой степени заинтересованы в платежеспособности Рехберга»¹. Помимо него финансовым покровителем организации вначале — когда она еще именовалась «Июньским клубом» — была та же группа миллиардера Стиньеса, которая в свое время оплачивала «Антибольшевистскую лигу».

Ставленниками Рехберга в «Клубе господ» были официальные заправилы этой организации братья Вернер и Бодо фон Альвенслебены. Оба брата, сыновья кайзеровского царедворца, были известны в берлинском обществе как промотавшиеся кутилы и герои скандальных походов. В то же время они давно находились в услужении у профессиональных антикоммунистов. Барон Вернер фон Альвенслебен, которому в юности пришлось убраться из Америки из-за неуплаченных долгов, был в 1918 г. послан Гофманом на оккупированную немцами Украину в качестве адъютанта командующего германскими войсками фельдмаршала Эйхгорна, а затем назначен кайзеровским «послом» при гетмане Скоропадском. На этом посту он сблизился с белогвардейской кликой, перекочевавшей затем под покровительство Гофмана и Рехберга в Германию. Из документов, прочитанных фон Витчем, ясно, что официальный глава «Клуба господ» Бодо фон Альвенслебен попросту находился на содержании Рехберга; он даже «часто стоял у дверей Рехберга, чтобы найти выход из кое-каких частных затрудне-

¹ Vietsch E. Op. cit., S. 129—130.

О «Кольце» как о замаскированном центре профессиональных антикоммунистов фон Витч ничего не говорит.

ний». Рехберг финансировал и основанный Альвенслебенами позднее антисоветский «Германский союз защиты западной культуры». Влиятельная берлинская монархическая газета «Крейццейтунг», орган «твердолобой» прусской военщины, также издавалась Альвенслебенами на деньги группы Рехберга. Половина ее акций находилась в руках связанного с семьей Рехберга концерна «Виптерсхалль», но официальными держателями акций были Альвенслебены¹.

Конечно, в кассы «Клуба господ» текли вклады от многих состоятельных членов, в частности от крупных землевладельцев, но важнейшие денежные нити все же шли через руки сообщника Штадтлера, соучастника в убийстве Либкнехта и Люксембург Рехберга.

Оба немецких черносотенца располагали теперь сильным союзником. К 1919 г. к старым руководителям тайной организации германских профессиональных антикоммунистов присоединился еще один: человек, имя которого стало в Германии гораздо более широко известно, чем имена Штадтлера и Рехберга. Это был ведущий депутат католической «партии Центра» Франц фон Папен. Вхождение фон Папена в «Кольцо» предreshило в 20-х годах многое.

О феерической карьере фон Папена, как и о «Клубе господ», существует целая литература. Известно, что фон Папен, вестфальский юнкер по происхождению, во время первой мировой войны в чине офицера генерального штаба и военного атташе в Вашингтоне выполнял поручения кайзеровской разведки по организации в США диверсий, за что со скандалом был выслан из страны². В последние годы войны фон Папен продолжал работать начальником штаба 4-й турецкой армии³. Вернувшись в Германию, он вскоре после революции 1918 г. стал лидером правого крыла «партии Центра» и — вместе с рурским стальным магнатом Клеппером — владельцем ее газеты «Германия»⁴. Именно тогда, еще в 1919 г., он вступил в «Кольцо» и стал одним из учредителей «Клуба господ»⁵. Вся его дальнейшая карьера проходила под сенью и с помощью «Кольца».

В «Клубе господ» фон Папен принадлежал к числу наиболее активных и неутомимых членов. НКГ был его трибуной. Здесь он плел свои сложные, хитроумные интриги. С главой НКГ фон Альвенслебеном, которого он в своих воспоминаниях называет «нашим заслуженным президентом»⁶, он находился в приятельских

¹ Vietsch E. Op. cit., S. 94.

² Shirer W. The rise and fall of the Third Reich. New York, 1960, p. 164.

³ Reichshandbuch der deutschen Gesellschaft. Berlin, 1938, S. 217.

⁴ Papen F. Der Wahrheit einer Gasse. Innsbruck, 1952, S. 136.

⁵ Oswald Dutch. The Errand Diplomat. London, 1940, p. 88—91.

⁶ Papen F. Op. cit., S. 138.

отношениях. Его речи писались членом НКГ Эдгаром Юнгом¹, принадлежавшие к «Клубу» депутаты рейхстага поддерживали его при каждом случае. Но, помимо «Клуба господ», фон Папен имел влияние и на «Кольцо». Это признание одного из основателей «Кольца», В. Шотте, подтверждает английский биограф фон Папена О'Датч. Шотте писал, что фон Папен, как консерватор, был солидарен с символом «Кольца» и что свою политику он формулировал как на собраниях «Клуба господ», так и на собраниях «Кольца». С Рехбергом, финансовым патроном «Кольца», фон Папена тоже связывала личная дружба². Он восторженно поддерживал выдвинутый Гофманом и Рехбергом план «крестового похода» против СССР и на закрытых заседаниях «Клуба господ» нередко выступал с докладами на эту тему. По его соображениям, план этот должен был в конечном счете привести к созданию под главенством Германии «Средней Европы», включающей немалую часть СССР.

Отсюда, несомненно, и та поразившая многих в то время быстрота, с которой этот бывший офицер-разведчик, ничем, кроме политической ловкости рук, не выделявшийся, появился на арене большой германской политики и пошел вверх. Его поддерживали те, кто уже с 1918 г. входил в самую преступную группу в лагере германской контрреволюции. Он был своим среди профессиональных антикоммунистов.

Четверка Штадтлер — фон Глейхен — Рехберг — фон Папен и основала «Клуб господ». Сделано это было без шума. В организацию, замаскированную под видом надпартийного, светского кружка, принимались только избранные, привилегированные лица, люди с положением, влиянием и деньгами. Вступительный взнос был чрезвычайно высок. Не все члены «Клуба господ» входили в «Кольцо», но все должны были принадлежать к «элите» общества; рядовые погромщики не допускались. Это был настоящий союз «Железной пяты». Фактически «Кольцо» и «Клуб господ» были одна и та же организация, но именно «Кольцо», братство профессиональных антикоммунистов, господствовало над «Клубом господ». Это и определяло политику клуба. Своим философским наставником его члены считали Освальда Шпенглера, автора наущившей книги «Закат Запада» и одного из самых реакционных буржуазных мыслителей того времени.

Штадтлер рассказывает, что на собрании под его председательством, предшествовавшем основанию «Клуба господ» (тогда еще «Июньского клуба»), присутствовало около ста человек, в том

¹ Нюрнбергский процесс. М., 1960, т. 5, с. 406.

² Сам фон Папен в своих воспоминаниях, опубликованных после второй мировой войны, ни о Рехберге, ни о Гофмане, ни тем более об Обере не упоминает.

числе «ведущие деятели» «Антибольшевистской лиги», «кружка фон Глейхена» («Кольца»), рейхсвера, «Совета бюргеров» и «вольных (террористических.— Э. Г.) корпусов». В клуб вступили, например, известный путчист Капп, путчист Эрхардт (главарь террористической организации «Консул» и сообщник генерала Гофмана по мюнхенскому центру лиги Обера), лидеры крайне правой «Германской национальной народной партии» граф Вестарп, Хергт и Шпан (друг Гинденбурга), реакционный руководитель католических профсоюзов Штегервальд, расистский писатель Меллер ван дер Брук (автор книги, в которой он выступил с требованием превращения Веймарской республики в «фюрерское государство»), будущие министры в кабинете фон Папена фон Гайль и фон Браун и другие высокопоставленные реакционеры. Среди них фигурировал даже престарелый Ф. В. фон Лебелль — тот самый начальник имперской канцелярии кайзера, который до первой мировой войны покровительствовал «Союзу борьбы против социал-демократии»!

За количеством членов «Клуб господ», однако, не гнался. В 1943 г., спустя 14 лет после своего основания, он насчитывал всего 520 членов¹. Такие же «клубы» — фактически филиалы берлинского центра — в виде закрытых светских обществ были созданы в 13 других крупных городах Германии. Повторялась структура «Антибольшевистской лиги». В каждом районе в организацию вовлекали сливки местной буржуазии. Вся сеть контролировалась «Кольцом».

Это было действительно тайное братство, напоминавшее масонский орден, но только составленный главным образом из черносотенцев. Характерно, что в «Кольце» соблюдался некий полумистический ритуал. Каждый член обязывался посвятить «кровь, богатство и деятельность» целям организации, борьбе против коммунизма. Один из них, издатель консервативного «Прусского ежегодника» и бывший секретарь известного германского империалистического политика Фридриха Наумана, В. Шотте, впоследствии писал, что «Кольцо» оказывало «магическое влияние» на его участников. Действовал «тайный свод правил». Все это практиковалось, несмотря на то что к организации принадлежали не какие-то юнцы с головами, набитыми фашистской псевдоромантикой ку-клукс-клановского толка, а солидные буржуазные деятели — депутаты парламента, сановники, бывшие и будущие министры, бароны и предприниматели. Тем не менее они покорно слушались укаски «магической» палочки кучки проходимцев — профессиональных антикоммунистов. Такова была германская буржуазная «элита» 20-х годов.

¹ Meyers Neues Lexikon, 1967. Berlin, Bd. 7, S. 496.

На что метило «Кольцо»? Сохранившиеся документальные свидетельства позволяют с полной ясностью ответить и на этот вопрос. Теперь речь шла уже не столько о терроре, как у старой «Антибольшевистской лиги», сколько о более широких замыслах: о превращении Германии в авторитарное антикоммунистическое государство, то есть о захвате власти.

«Кольцо» и «Клуб господ» действовали по обдуманному плану. Привлечение членов и сторонников производилось с таким расчетом, чтобы организация располагала своими людьми во всех буржуазных партиях и во всех важных государственных учреждениях. В каждой партии или государственной организации членам «Кольца» или «Клуба господ» предписывалось постараться занять ключевые позиции¹. В конечном счете в избранный час координированные действия заговорщиков в парламенте или за парламентской сценой должны были привести к переходу власти в их руки. Как отмечает биограф фон Папена, за время своего существования «Клуб господ» был причастен к нескольким таким заговорам.

Первым из них был капповский путч в марте 1920 г., менее чем через год после основания «Клуба» (тогда еще «Июньского клуба»). Список виднейших участников путча (например, Капп, Эрхардт, Рехберг, ряд других) почти совпадает со списком известных членов «Клуба» и «Кольца». Провал авантюры не обескуражил заговорщиков. Уже несколько лет спустя клика «Клуба господ» поставила перед собой три цели: сделать фельдмаршала Гинденбурга президентом республики, сделать фон Папена рейхсканцлером и сблизить старые германские правые партии с нацистами. Как известно, достигнуты были все три цели, и в немалой доле — в результате махинаций «Кольца».

Установлено, что план привести Гинденбурга в президентский дворец исходил в 1925 г. из стен «Клуба господ», членом которого был сын Гинденбурга полковник Оскар фон Гинденбург — заурядный субъект, фактически руководивший отцом.

В особой дружбе с ним был фон Папен². От фон Глейхена и братьев Альвенслебенов также тянулись нити к фельдмаршалу. Соседями Гинденбургов по имению были помещики, принадлежавшие к «Клубу господ». Кампания в пользу Гинденбурга была орга-

¹ *Niekisch E. Gewagtes Leben. Köln — Berlin, 1958, S. 132—133; Bracher K. D. Die Auflösung der Weimarer Republik. Stuttgart, 1957, S. 354.*

² После избрания Гинденбурга фон Папен послал ему телеграмму, в которой сообщал, что, несмотря на свою принадлежность к «партии Центра», он голосовал не за выдвинутого ею кандидата В. Маркса, а за Гинденбурга (*Kaufmann W. H. Monarchisten in der Weimarer Republik. New York, 1953, S. 208*).

низована теми же кругами¹. Его кандидатура была выдвинута правыми партиями, в руководстве каждой из которых сидели эмиссары «Клуба».

Все действительно говорит за то, что решение сделать Гинденбурга президентом, сыгравшее такую зловещую роль в истории Веймарской республики, было приято германской реакцией не просто по наитию или благодаря случайному стечению обстоятельств, а по плану, задуманному в первую очередь именно профессиональными антикоммунистами.

После избрания Гинденбурга возглавлявшаяся его сыном дворцовая камарилья продолжала играть в четыре руки с «Клубом господ». Фон Папен уже не отходил от президентского дворца. «Кольцо» было непосредственно связано с сердцевинкой государственного аппарата. Главный шаг по дороге к Гитлеру был сделан.

2

Связи с президентским дворцом и с лидерами правых партий в середине 20-х годов сразу же укрепили позиции «Кольца» в стане германской реакции. Шутить с «Кольцом» уже не решались. Профессиональные антикоммунисты учитывали, однако, что одни лишь политические связи их к цели не приведут. Они знали по опыту, что без прямой помощи со стороны дельцов большого бизнеса никакие заговоры в Веймарской республике не удаются, а их же помощью имеют несомненные шансы на успех. Денег Рехберга для целей Штадтлера и фон Папена было недостаточно; как в 1918—1919 гг., требовался сговор с верхушкой германской промышленной олигархии. В условиях стабилизировавшейся Веймарской республики добиться такого сговора было не так просто.

Миллиардера Стайнесса, в свое время так щедро финансировавшего «Антибольшевистскую лигу», уже не было в живых. После его смерти в 1924 г. его гигантский концерн расхватили по кускам другие монополисты. Германские дельцы пока не выказывали особой охоты поддерживать отчаянных авантюристов типа Штадтлера. Ситуация для профессиональных антикоммунистов в Германии в 20-х годах была в этом отношении вначале вообще сложнее, чем для их собратьев в Англии, во Франции или в Америке. Здесь не было крупных монополий, непосредственные частные интересы которых толкали бы их, как Детердинга в Англии, на безумные антисоветские авантюры. Немецкие фирмы не владели до Октябрьской революции огромными нефтяными концессиями в России, немецкие банкиры не были, как французские капитали-

¹ Шотте В., один из основателей «Кольца», впоследствии назвал Гинденбурга в своей книге о «новом государстве» «человеком, посланным богом».

сты, заинтересованы в уплате царских долгов или в борьбе против национально-освободительных движений в колониях. Напротив, насущные деловые интересы германской промышленности настоятельно побуждали ее к расширению торговли с Советским Союзом, а следовательно, и к укреплению нормальных отношений с социалистической державой.

Такую позицию и занимали в 20-х годах многие ведущие монополии в Германии, особенно в обрабатывающей промышленности. В борьбе с революционным рабочим движением в самой Германии они продолжали полагаться на правую социал-демократию и на рейхсвер. В этих кругах поддерживали политику Ратенау, Штреземана и Секта, позднее и Шлейхера, вызывавшую бешенство у «последовательных» антикоммунистов. «Германское правительство мы спрашиваем, — грозно писал Обер в 1929 г., — почему оно продолжает проводить политику сближения с Советами, сторонники которых много раз проливали кровь в городах рейха? Мы спрашиваем всех, почему они терпят существование коммунистических партий...» Этот вопрос был адресован не только немецким министрам и политикам (рейхсканцлером в то время был социал-демократ Г. Мюллер, министром иностранных дел — Г. Штреземан), но и монополистам.

Тем не менее в Германии и после Сталина были дельцы, продолжавшие поддерживать крайних антикоммунистов: те, для кого главным были не деловые интересы немецкой промышленности, а чувства неиссякаемой ненависти к рабочему движению, панический страх перед социализмом. На берлинском процессе по делу и подделке советских червонцев сообщник Гофмана и Рехберга Белл заявил, что в возглавляемом Гофманом центре «участвовали выдающиеся деятели германской торговли и промышленности», от которых были получены десятки тысяч «политических денег». Назвать эти лица Белл, однако, отказался, имея, по-видимому, все основания поостеречься. Кое-какие имена в то или иное время все же выплывали наружу.

Содействие Рехбергу оказывал компаньон его брата, крайне правый калийный магнат, владелец концерна «Винтерсхалль» А. Ростерг, впоследствии сделавший немало для Гитлера. Одним из акционеров того же концерна был тот самый кельнский банкир Курт фон Шредер, в квартире которого 4 января 1933 г. Гитлер, Гесс и Геринг встретились с фон Папеном, чтобы договориться о передаче Гитлеру власти. Еще одним совладельцем концерна «Винтерсхалль» был военный монополист Гюнтер Квандт, на вдове которого впоследствии женился Геббельс. Это была влиятельная финансовая группа, и она продолжала покровительствовать профессиональным антикоммунистам все 20-е годы, когда ряд других дельцов от них отошли.

В таинственных международных разъездах Рехберга по «антибольшевистским делам» его иногда сопровождал депутат рейхстага от партии Гугенберга М. Кленне — владелец большой строительной фирмы в Руре и бывший директор концерна Круппа. Достаточных оснований считать, что Кленне был посредником между Рехбергом и Круппом, однако, нет. Налицо другие факты. Как акционер оружейных заводов «Берлин — Карлсруэ индустриверке», Рехберг несомненно был связан с генеральным директором этого крупного концерна фон Гонтардом, уже тогда близким к нацистам. Среди других единомышленников Рехберга фигурировали уполномоченный рурского стального концерна Ганиелей Э. Гугенхеймер и собственник «Берлинской биржевой газеты» депутат барон Г. фон Рихтгофен. Почти все эти лица были прямо или косвенно заинтересованы в производстве вооружений. Факт этот, несомненно, весьма показателен. Не только в Германии, но и во всех капиталистических странах профессиональные антикоммунисты всегда находили поддержку прежде всего среди тех капиталистов, предприятия которых зависели от войн и гонки вооружений.

Оставался на содержании тяжелой промышленности и сам Штадтлер. В 20-х годах он «между делом» публиковал брошюры и статьи, в которых открыто воспевал монополистов как предопределенных судьбой спасителей Германии¹. В 1925 г. им была издана специальная работа «Предприниматель как фюрерская личность». Выдвигая идею диктатуры промышленной олигархии, Штадтлер, как и Рехберг, вербовал для «Кольца» богатых покровителей. Но главным союзником профессиональных антикоммунистов в стане германского монополистического капитала стал после Стайнесса другой известный могильщик Веймарской республики — глава государственного «Имперского банка» Яльмар Шахт.

Карьера, которую сделал этот «финансовый чародей» германской буржуазии, описана, как и карьера фон Папена, в десятках книг. Менее известно, как она началась. В 1919 г., когда Шахт был сравнительно молодым, второразрядным банкиром, он был привлечен Гофманом и Рехбергом к тайным переговорам, которые оба вели тогда с интервенционистскими кругами Англии и Франции с целью создания антисоветской коалиции. По поручению Рехберга Шахт составил план «спасения Европы от угрозы банкротства», в котором предлагал укрепить экономику западноевропейских стран путем широкого использования природных богатств России. Общее руководство этим делом, связывавшимся, разумеется, со свержением Советской власти, предоставлялось Англии;

¹ В брошюре, выпущенной издательством «Кольцо», он так и заявлял: «Только дальновидный класс предпринимателей может выполнить миссию спасения».

Германии отводилась роль делового организатора¹. Это и был экономический раздел пресловутого плана Гофмана. В своих изданных после второй мировой войны мемуарах Шахт обо всем этом умалчивает.

Шахт был в то время директором берлинского «Национального банка», возглавлявшегося миллионером Рихардом Виттингом. В начатых Рехбергом переговорах участвовали трое представителей этого банка: председатель наблюдательного совета Виттинг, его заместитель военный фабрикант фон Гонтард и член правления Шахт. Виттинг был известен как один из наиболее активных сторонников Гофмана, и именно Виттинг, обладавший немалым влиянием в берлинских деловых и политических кругах, помог Шахту сделать карьеру. «Национальный банк» впоследствии слился с «Дармштадтским банком», а позднее — с «Дрезденским банком». Выросший из этого объединения под названием «Дрезденский банк» новый банк, второй по величине в Германии, стал главным финансовым оплотом немецкой реакции; при Гитлере его стали называть «банком СС»². Шахт, назначенный в 1923 г. главой государственного банка, не афишировал свою дружбу с Рехбергом, но за кулисами действовал с ним и с «Клубом господ» заодно, потворствуя их планам. Так как в роли полновластного хозяина государственных финансов и распорядителя кредитов он обладал огромным влиянием, это на практике значило немало. Назначение фон Папена рейхсканцлером в 1932 г. произошло, вероятно, не без содействия Шахта.

Силы берлинских профессиональных антикоммунистов росли. Прокладывая фон Папену дорогу к власти, «Кольцо» в то же время не упускало возможностей проводить прямые антикоммунистические действия, направленные либо против германской компартии, либо против СССР.

14 марта 1930 г. на тайном заседании «Клуба господ» было принято решение создать под предлогом «религиозных преследований в СССР» специальную организацию для борьбы с большевизмом. Собрание, на котором присутствовало 150 человек³, выглядело как смотр сил германской реакции. Председательствовал фон Папен⁴. Попавший в руки журналистов список ораторов и

¹ Peterson E. N. Hjalmar Schacht. Boston, 1954, p. 29—30.

² Интересно, что, когда Гофман в 1926 г. поехал в Лондон на свидание с Детердингом и другими английскими покровителями лиги Обера, его поездка, как было сообщено впоследствии, финансировалась Дрезденским банком. Во время приезда Детердинга в Германию в следующем году он встретился с руководителями того же банка (Rote Fahne, 11.I 1930; 22.I 1930; 14.VI 1930).

³ Rote Fahne, 23.III 1930.

⁴ Frankfurter Zeitung, 24.III 1930.

гостей наделал немало шума. Среди них оказались такие высокопоставленные лица, как бывший рейхсканцлер Лютер, председатель «Германской национальной народной партии» граф Вестарп, бывшие министры Гесслер, фон Кейделл и фон Раумер, бывший генеральный уполномоченный кайзера Вильгельма II фон Берг, бывший комиссар кайзеровского правительства в Прибалтике граф Кейзерлинг, несколько высших чинов католической и протестантской церквей и т. д. С главным докладом на собрании выступил белогвардеец И. Ильин, вожак «русской секции» лиги Обера в Берлине¹. Уже один этот факт указывал на то, как потом подтвердилось, что «Клуб господ» действовал не один, а по сговору с союзниками за рубежом.

Выступая перед собравшимися, фон Папен заявил, что «счастливы видеть», как обе христианские церкви «совместно вступают в борьбу против большевизма»². Мюнхенский банкир Крамер-Клетт, банк которого, как потом обнаружилось, хранил личные деньги Гитлера, предложил учредить «фонд борьбы с большевизмом» с основным капиталом в 10 млн. марок, пополняя его в дальнейшем из церковных средств³. Бывший военный министр Гесслер посоветовал передать руководство делом «сильному человеку». Главой комитета по созданию новой антибольшевистской организации был избран фон Папен.

24 июня 1930 г. организация под названием «Германский союз защиты западной культуры» была основана. Официальным руководителем стал клевет Рехберга Вернер фон Альвенслебен, бывший германский посол у «гетмана» на Украине. Деньги и на этот раз шли от Рехберга. 16 ноября 1930 г. в берлинском Дворце спорта был устроен митинг, на котором в присутствии 10 тыс. бюргеров и реакционеров с антикоммунистическими призывами выступили наряду с представителями германских церквей лица, прибывшие из-за границы. Одним из них оказался бежавший из Советского Союза «православный епископ» Серафим, немец по происхождению, впоследствии ярый гитлеровец и глава берлинской «православной епархии».

В качестве другого «гостя» собравшимся был представлен бывший начальник лондонской полиции сэр Уильям Харвуд. Рассказав о «подрывной деятельности» коммунистов в Англии и английских колониях и призвав к «объединению для борьбы с общим врагом цивилизации», британский жандармский генерал заявил: «Англия, с мечом бога в руках, готова наказать врагов западной культуры... Скажу без колебаний, что совместное участие в

¹ Мы вернемся к этому лицу, сыгравшему впоследствии важную роль в делах профессиональных антикоммунистов, в 23-й главе.

² Rote Fahne, 19.III 1930.

³ Правда, 1930, 22 марта.

борьбе против большевизма может создать связь между английской и германской нациями и лечь в основу прочной дружбы между ними»¹.

Лозунг Харвуда был подхвачен немецкими участниками собрания. Близкий к иезуитам князь Левенштейн объявил: «Германия — это передовой заслон крепости, противостоящей Советскому Союзу. Пусть Польша осознает, наконец, единство своей судьбы с Германией». Председатель собрания фон Альвенслебен подвел итог в следующих словах: «Ввиду опасности затопления большевизмом вековой европейской культуры Германия должна взять на себя руководство борьбой за самоутверждение Запада». Профессиональные антикоммунисты выдвигали эту мысль за два года до прихода нацистов к власти.

Созванный «Клубом господ» митинг «Германского союза защиты западной культуры» походил на международную сходку оберовцев. Ильин, епископ Серафим, Харвуд, фон Альвенслебен несомненно принадлежали к женевской лиге. Но самым интересным было то, что на собрании присутствовал и с речью выступил сам Обер. Несколько лет спустя он подтвердил, что митинг в Берлине был «организован германским центром лиги».

Уже через несколько недель после этого митинга в парижском органе женевской лиги «Красная волна» была напечатана восторженная статья об активизации антикоммунистических сил в Германии. Подчеркивая, что это «будет иметь последствия для германской политики» и что государственных руководителей надо «толкать к решительным действиям», журнал писал: «Мы во Франции можем только с надеждой следить за этим делом... Есть действительная необходимость в том, чтобы восстановить между Парижем и Берлином духовную антанту, отрицанием которой служит германо-советский сговор». Здесь французские профессиональные антикоммунисты в свою очередь предвосхищали Лавала и Петэна.

Сомневаться не приходилось. «Клуб господ» действовал по прямому соглашению с лигой Обера, и подлинным вдохновителем «Германского союза защиты западной культуры» за спиной фон Папена был сам Обер. Он и будущий рейхсканцлер Германии на глазах у всех подавали друг другу руки.

Основание «Германского союза защиты западной культуры» было только эпизодом. Когда субсидии от Рехберга иссякли, союз исчез со сцены. Но эпизод этот показал, с какими силами «Кольцо» было связано за рубежом Германии.

Главное внимание немецкие профессиональные антикоммунисты по-прежнему уделяли плану захвата власти в собственной

¹ Rote Fahne, 18.XI 1930.

стране. В том же 1930 г. «Кольцо» перешло в наступление. Фон Папен и Штадтлер били тревогу. Рейхсканцлером в марте стал католический депутат Брюнинг, в штабе рейхсвера все нити в руках собирал генерал Шлейхер. Ни тот, ни другой не были членами «Кольца» или «Клуба господ». Несмотря на проводившуюся ими реакционную политику, они держались в стороне от профессиональных антикоммунистов. Брюнинг был в «партии Центра» прямым соперником фон Папена; Шлейхер, прожженный реакционный интриган, но опытный в военном деле генерал, не был сторонником военных авантур против СССР, сходясь в этом отношении с точкой зрения наиболее трезвых умов рейхсвера из школы Секта. К тому же, уже годами играя с парламентариями в демократическую игру, Шлейхер сам метил в верховные правители Германии. В кругу фон Папена было решено опередить его.

Из ряда фактов видно, что одним из главных инициаторов разнузданной кампании против Брюнинга в лагере немецких правых, начавшейся уже в 1930 г., стал Штадтлер. Бывший шеф «Антибольшевистской лиги» занимал к тому времени видное положение не только в «Кольце», но и в реакционных партийных и военных организациях. Его террористическое прошлое засчитывалось ему в этих кругах в особую заслугу. Штадтлер был весьма влиятельным членом центрального правления партии Гугенберга (с 1932 г. также ее депутатом рейхстага) и членом руководства союза «Стальной плем», в который входило все правое немецкое офицерство. Соучастник убийства Либкнехта и Люксембург мог теперь действовать по самым различным каналам. В то время как фон Папен плел интриги в кулуарах рейхстага и в президентском дворце, Штадтлер начал кампанию за объединение правых сил для прямой атаки на Брюнинга.

Уже в 1930 г. массовым тиражом была издана его книга «Зельдте — Гитлер — Гугенберг! Фронт освободительного движения»¹, в которой выдвигалась идея боевого союза всех правых, включая нацистов, для свержения Брюнинга. Год спустя появилась новая книга Штадтлера «Справится ли Брюнинг?». Рейхсканцлер обвинялся в ней в том, что Германия под его руководством угрожает «свалиться в большевистский хаос». Книга заканчивалась словами: «Вон Брюнинга!» Фюреры объединенного фронта Зельдте — Гитлер — Гугенберг, писал Штадтлер, «должны теперь силой довести дело до момента, когда станет необходимым дать приказ к новому нападению». Штадтлер уже не считал нужным сдерживать тон.

¹ Seldte — Hitler — Hugenberg! Die Front der Freiheitsbewegung. Berlin, 1930.

Зельдте был главой союза «Стальной плем».

В том же 1931 г. брошенный им и его единомышленниками лозунг был претворен в жизнь. Профессиональные антикоммунисты были в числе главных инициаторов созыва собрания представителей правых партий и организаций в Гардбурге, на котором было решено создать объединенный «Гардбургский фронт» и начать штурм республики; Гугенберг и Зельдте открыто вступали в блок с Гитлером. Восемь месяцев спустя Брюнинг пал, и Гинденбург передал власть фон Папену.

Такого правительства, какое в июне 1932 г. составил фон Папен, в Веймарской республике еще не бывало. Из 10 министров 7 или 8 были членами «Клуба господ» и, вероятно, «Кольца». Не было ни одного министра, кого бы «Клуб» не поддерживал. Это был настоящий триумф профессиональных антикоммунистов. «Кольцо», продолжение «Антибольшевистской лиги», формировало германское правительство!

Так, в 20-х и начале 30-х годов работали профессиональные антикоммунисты в Германии: дергая ниточками из-за кулис, прячась за пирмой «светских» клубов и правых союзов, проникая во все поры государства, вплоть до дворца президента республики. Нельзя отрицать, что и в этот период, как в первые месяцы после Ноябрьской революции 1918 г., в дни убийства Либкнехта и Люксембург, им удалось осуществить многие из своих злобных планов и сыграть немаловажную роль в германской политике. Но в 1932 г., в момент, когда участники их организации пробрались в правительство, стало ясно, что их задача выполнена только наполовину: осуществить свой главный замысел, уничтожить рабочее движение в Германии, они, как оказалось, своими силами, без нацистов, несмотря на наличие правительства фон Папена, все же не могли. Рабочий класс и его партии, за которых на выборах в ноябре 1932 г. голосовало свыше 12 млн. избирателей, оставались грозной силой.

Между тем именно на разгром рабочего движения была по-прежнему направлена вся деятельность клики Штадтлера. В своей третьей книге за два года, «Пруссия снова прусская», он прямо потребовал нанести удар по рабочему классу и разогнать «марксистское, демократическое, еврейское» правительство социал-демократов в Пруссии, в ведении которого тогда еще находилась берлинская полиция. Это уже был чисто фашистский язык.

Сговор с Гитлером был теперь срочно необходим «Кольцу» уже потому, что, несмотря на поддержку Гинденбурга, положение правительства фон Папена было крайне неустойчивым; не только в самой стране, но и в рейхстаге у него не было твердого большинства. Только правительственный блок с нацистами, ставшими к тому времени самой большой партией в рейхе, мог предоставить министрам из «Клуба господ» возможность сделать то, что им

хотелось: покончить с парламентским строем и разгромить рабочее движение. В том же направлении профессиональных антикоммунистов толкали теперь и другие причины.

Старые разногласия между ними и нацистами по внешней политике к 30-м годам сошли на нет. То, что разделяло Гофмана и Гитлера в начале 20-х годов, теперь уже не имело силы. Гофман тогда не хотел свергать Веймарскую республику до антисоветского «крестового похода», так как опасался, что преждевременный фашистский переворот в Германии оттолкнет от нее державы Антанты и даже, возможно, повернет их против нее. Теперь преемники Гофмана уже не только не опасались фашистского переворота, а сами страстно стремились его ускорить. К 1933 г. они, в сущности, стояли на тех же позициях, что Гитлер. С одной стороны, они были убеждены, как был убежден и Гитлер, что Запад теперь не будет мешать нацистам брать власть в свои руки, а быть может, в интересах своей собственной антисоветской политики даже охотно пойдет на сговор с фашистской Германией.

С другой стороны, антикоммунисты теперь как огня боялись новой волны революционного рабочего движения: с 1929 г. на Германию обрушилась страшная, небывалая безработица. Сами они, как и их собратья в Англии, США и во Франции, массовой политической организации для расправы с этим движением создать не смогли. «Клуб господ» оставался сборищем черносотенной «элиты». Главари «Кольца», как и другие германские реакционеры, приходили к выводу, что только гитлеровцы сумеют справиться с рабочими. В этом на исходе 1932 г. их решение полностью совпадало с решением большей части генералов рейхсвера и магнатов Рура. Фон Папен был готов разделить власть с Гитлером. Известно, что он неоднократно предлагал Гитлеру пост вице-канцлера в своем правительстве, но получал отказ: фюрер категорически требовал первого места для самого себя.

Стоит отметить, что германские антикоммунисты не только заблаговременно проверили, правы ли они в своей уверенности в благожелательном отношении влиятельных сил на Западе к германскому фашизму, но и помогли убедиться в том же самим нацистам.

В 1931 г. в Лондоне внезапно появился начальник внешнеполитического отдела штаба Гитлера Альфред Розенберг. С кем именно встретился посланец Гитлера в Англии и о чем велись переговоры, осталось невыясненным. Но в печати в те дни промелькнули сообщения, что в качестве посредника между Розенбергом и таинственными «английскими кругами» (по другим сведениям — в качестве секретаря или «связного» Розенберга) фигурировал не кто иной, как старый разъездной эмиссар Гофмана,

Рехберга и Обера Джордж Белл¹. По утверждениям английских газет, Розенберг и Белл договаривались в Лондоне с влиятельными кругами об оказании содействия нацистам. Как мы увидим, Белл впоследствии помог нацистам и в другом важнейшем для них деле, за что поплатился смертью от их же рук².

Так или иначе, начиная с 1930 г. профессиональные антикоммунисты делали все, чтобы ускорить сговор фон Папена с Гитлером. Роль, которую сам фон Папен, «Клуб господ» и Шахт сыграли в январе 1933 г., хорошо известна. Человеком, который весной 1932 г. впервые свел Гитлера с фон Папеном, был ставленник Рехберга, постоянный осведомитель Геббельса, шеф-интриган «Клуба господ» Вернер фон Альвенслебен. Встреча произошла на квартире фон Альвенслебена. Это впоследствии подтвердил сам фон Папен³. И тот же фон Альвенслебен в решающий день провел интригу, которая дала последний толчок к созданию правительства Гитлера — фон Папена.

Биограф фон Папена рассказывает, что утром 29 января 1933 г. фон Альвенслебен внезапно явился к сыну — адъютанту президента Гинденбурга — и сообщил ему, что его, Альвенслебена, приятель генерал Шлейхер, встревоженный перспективой образования кабинета Гитлера — фон Папена, готовит на завтрашний день переворот. Из Потсдама на Берлин будут будто бы двинуты войска, Гинденбург, его сын, Гитлер и фон Папен будут арестованы. Во всем этом, как впоследствии признал брат Вернера Бодо, не было ни слова правды. По мнению биографа, фон Альвенслебен был послан к Гинденбургу самим фон Папеном, чтобы запугать президента⁴. Но эффект бомба фон Альвенслебена возымела. Во дворце Гинденбурга началась паника. С тем же вымысленным сообщением фон Альвенслебен явился на квартиру Геббельса, где находился Гитлер⁵. День спустя Гинденбург назначил Гитлера рейхсканцлером, фон Папена — вице-канцлером. Игра была как будто выиграна, и выигрышную карту из рукава опять подбросило «Кольцо».

Проверяя события тех лет, действительно трудно усомниться, что без помощи сообщников из «Кольца» Гитлер достиг бы тогда власти. То, что Альвенслебен, обманув Гинденбурга, содействовал

¹ *Roberts Glyn. The most powerful man in the world: the life of Sir Henry Deterding. London, 1938, p. 311—313.*

Вспомним, что Розенберг уже в 1919 г. находился в контакте с Рехбергом и в 1921 г. получил от него деньги на издание гитлеровской газеты «Фелькишер беобахтер».

² См. главу 23.

³ *Papen F. Der Wahrheit einer Gasse. Innsbruck, 1952, S. 195.*

⁴ По утверждению Датча, все документы, относившиеся к этому эпизоду, были уничтожены.

⁵ *Bracher K. Op. cit., S. 722, 498, 248, 162.*

назначению нацистского фюрера рейхсканцлером, давно известно. Но о том, что Альвенслебен при этом в качестве представителя «Клуба господ» принадлежал к числу ведущих профессиональных антикоммунистов и действовал по их прямому поручению, знали не все.

Плата, которую профессиональные антикоммунисты за это от него получили, была не та, которую они ожидали. Нацисты разгромили рабочее движение в Германии, отправили в лагеря или вынудили к эмиграции половину всех членов германской компартии и на 12 лет устранили ее с открытой политической арены. Штадтлер и его ближайшие сообщники были опьянены тем, что делало гестапо. То, о чем они мечтали на протяжении 15 лет, начиная с 1918 г., было, казалось, достигнуто. Уже в 1934 г. Штадтлер и фон Папен вступили в нацистскую партию. Еще раньше фон Папен стал писать в газете Гитлера о необходимости защиты «христианской цивилизации» против «врага с востока» — коммунизма.

Но в том же году Гитлер, пытаясь замести следы всех темных дел, начал расправляться с теми, кто помог ему сесть в седло. В «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г. ряд влиятельных членов «Клуба господ», в том числе Вернер фон Альвенслебен, Юнг и другие ближайшие сотрудники фон Папена, были убиты штурмовиками. Фон Папен сам едва избежал смерти. Тем из группы «Кольца», кто остался жив, было суждено раствориться в массе нацистов и вместе с ними нестись навстречу расплате.

Профессиональные антикоммунисты рассчитывали управлять фашизированной Германией вместе с Гитлером. Но гитлеризм не слился с профессиональным антикоммунизмом, а поглотил его.

Убийство Либкнехта и Люксембург, капповский путч, массовый белый террор, избрание Гинденбурга президентом, приход к власти фон Папена, образование «Гарцбургского фронта», назначение Гитлера рейхсканцлером — на каждом из этих этапов на пути к полной фашизации Германии (и, как мы увидим, вскоре же еще на одном — в деле организации поджога рейхстага) профессиональные антикоммунисты играли свою роль, и немалую. Германская секция лиги Обера сделала все, что могла, чтобы бросить свою страну в пропасть. И именно эта секция — уже под чисто нацистским руководством — стала тогда же подлинным центром всей международной антикоммунистической агентуры, подчинив Гитлеру и самому Обера.

ПРОДАЖА ЖЕНЕВСКОГО БЮРО

Путь, который избрали профессиональные антикоммунисты, неотвратимо вел к фашизму. 30-е годы не оставляли в этом никакого сомнения. Профессиональные антикоммунисты повсюду двигались в одном и том же направлении. Переход к открытому фашизму, уже готовившемуся ринуться на Европу, становился теперь для них чем-то вроде закона; это обнаруживалось, как мы видели, в одной стране за другой. Но в первую очередь это касалось главного очага фашизма — Германии.

Здесь стоит подробнее коснуться *прямых* отношений между нацизмом и профессиональным антикоммунизмом. Необходимо учесть, что отношения эти зародились еще в первые годы существования нацистской партии. Гитлер был с самого начала, задолго до «операций» «Клуба господ» в 30-х годах, многим обязан международной антикоммунистической агентуре. Роли переменялись после его прихода к власти, когда гитлеровцы сразу поглотили эту агентуру.

О субсидиях, которые уполномоченный генерала Гофмана Арнольд Рехберг в 1924 г. предоставил Розенбергу и благодаря которым Гитлер получил возможность издавать свою собственную газету «Фелькишер беобахтер», уже упоминалось¹. Но этим дело тогда не ограничилось. Важную и по сей день не полностью раскрытую роль в руководстве нацистской партии в 1920—1923 гг. сыграло другое лицо, появившееся в Мюнхене в 1920 г. и сразу же ставшее правой рукой Гитлера: Эрвин фон Шойбнер-Рихтер. Подобно Рейли, Штадтлеру и Рехбергу, эту темпую личность можно считать одним из ведущих профессиональных антикоммунистов на Западе после первой мировой войны, и поэтому на его участии в рождении гитлеризма стоит остановиться.

¹ Розенберг с того времени продолжал поддерживать отношения с Рехбергом, через которого впоследствии получил доступ к Детердингу. Вполне вероятно, что Розенберг был прямым членом мюнхенского филиала международной антикоммунистической организации, возглавлявшейся с середины 20-х годов Гофманом.

Как и Альфред Розенберг, Шойбнер-Рихтер был родом из Прибалтики. Его друг и биограф П. Леверкюн¹, называющий его «немецким полковником Лоуренсом», иначе говоря, «чудо-шпионом», дает понять, что именно он, вступивший в нацистскую партию в 1920 г., толкнул Гитлера на большие политические дела и снабдил его для этого денежными средствами. Последний факт был подтвержден тогдашними баварскими властями. По их данным, Шойбнер-Рихтер располагал «огромными суммами», которые передал нацистам², возможно еще до получения ими субсидий от Рехберга и в значительно больших размерах. Можно предположить, что без Шойбнера-Рихтера и этих денежных средств Гитлер едва ли смог бы в те первые годы, когда его партия насчитывала всего 3 тыс. членов (в 1921 г.), построить свою организацию и из трактирных уголков выйти на широкую политическую арену.

Шойбнер-Рихтер был также посредником между Гитлером и сделавшимся союзником фюрера генералом Людендорфом, а может быть, и связным с самим Рехбергом, доверенным лицом Людендорфа. Судя по данным того же Леверкюна, он подговорил Гитлера на «пивной путч» в Мюнхене в ноябре 1923 г., вслед за которым должен был начаться поход фашистов на Берлин. Шойбнер-Рихтер был в те дни секретарем боевой организации заговорщиков «Кампфбунд» и имел прямой доступ к ультрареакционному мюнхенскому штабу рейхсвера.

Накануне «пивного путча» Гитлер находился на «квартире» Шойбнера-Рихтера. В день выступления Шойбнер-Рихтер шагнул в первом ряду путчистов рядом с Гитлером. Тогда же он был убит³.

Из биографии Леверкюна и других источников⁴ можно сделать вывод, что этот «немецкий Лоуренс», или, вернее, немецкий Рейли, мог тогда считаться не только казначеем Гитлера, но вообще его подлинным вдохновителем. Не случайно, что соперничавший с ним Геринг терпеть его не мог.

Кто же такой был Шойбнер-Рихтер?

Кое в чем его карьера напоминает карьеру Рейли. Он начал с того, что еще в первые годы века участвовал в делах контрреволюции в России. Выходец из немецкой буржуазной семьи, Шойб-

¹ *Leverkuehn P. Posten auf ewiger Wacht. Aus dem abenteuerlichen Leben des Max V. Scheubner — Richter. Essen, 1938.*

² *Aktienvermerk des Bayrischen Staatsministeriums des Ausseren, 15.XI 1923, Deuerlein, Der Hitlerputsch, S. 386—390.*

³ Вдова Шойбнера-Рихтера позднее годами работала в мюнхенском штабе Гимmlера.

⁴ *Bullock A. Hitler. A study in tyranny. London, 1952, p. 72. Переработанное издание той же книги вышло в Лондоне в 1969 г.; Shirer W. L. The rise and fall of the Third Reich. New York, 1960, p. 67.*

нер-Рихтер принимал участие в карательных операциях царских войск и в 1905 г. был одним из организаторов отрядов так называемой «самообороны контрреволюционеров». Это, по-видимому, наложило печать на всю его жизнь: как у других лиц этого толка, ненависть к социализму стала манией и у него. Переехав незадолго перед первой мировой войной в Мюнхен и перейдя в германское подданство, он тотчас же включился в сеть кайзеровской разведки. В годы войны он был послан ею под видом германского консула в Эрзеруме в район русско-турецкого фронта, где занимался диверсиями против тех же русских войск, в которых раньше служил.

В 1918 г. он был командирован той же германской разведкой в штаб немецких оккупационных войск в Риге «Оберост», пытавшийся в то время создать в Прибалтике агрессивный антибольшевистский бастион. С этой целью здесь был организован немецкий «добровольческий корпус». Под видом заведующего пресс-бюро штаба «Оберост» Шойбнер-Рихтер связался со скопившимися тут же белогвардейцами. Связи эти вскоре же оказались настолько тесными, что в 1920 г. Шойбнер-Рихтер решился пойти еще дальше: вступить в прямой контакт со штабом самого Врангеля, выехав в Крым. До этого дело не дошло, Врангель к тому времени уже готовился к бегству, и Шойбнер-Рихтер до Крыма не доехал, застряв где-то на Балканах.

Тем не менее еще на пути ему явно удалось наладить контакт с врангелевской охранкой, агентурная сеть которой была разбросана по всем балканским странам. Все говорит за то, что Шойбнер-Рихтер тогда и включился в сеть врангелевской охраны, получив от ее шефа Климовича определенные задания для работы в Германии, где начинали нарастать антикоммунистические силы. В том же 1920 г. Шойбнер-Рихтер явился в Мюнхен. Его прибытие сюда, его сближение с Людендорфом и его появление в качестве фактического начальника штаба Гитлера — все это, таким образом, было отнюдь не случайно.

Есть сведения и о том, откуда он получал деньги для Гитлера. В числе главных финансовых покровителей Шойбнера-Рихтера его биограф называет великую княгиню Викторию Федоровну, жену проживавшего в Германии претендента на царский престол Кирилла Романова. Тогда же Шойбнер-Рихтер стал во главе «коммерческой» организации собравшихся в Мюнхене белогвардейцев, замаскированной под вывеской «хозяйственного общества Ауфбау» («Строительство»). В роли почетного председателя этой организации фигурировал Людендорф, пост президента занимал царский генерал Бискупский, в прошлом — однополчанин Врангеля по 1-й кавалерийской дивизии, пост начальника «украинского отдела» — небезызвестный атаман Полтавец-Острица. Действи-

тельным же руководителем общества был его «директор» Шойбнер-Рихтер¹. Вполне вероятно, что «Ауфбау» было просто мюнхенской ветвью агентурной сети Климовича — еще до того, как лига Обера в 1924 г. учредила в Мюнхене свой немецкий «национальный центр» во главе с генералом Гофманом.

То, что организация Шойбнера-Рихтера и Бискупского финансировала нацистскую партию, подтверждается рядом других источников². Вместе с сообщником Гитлера Отто Штрассером Шойбнер-Рихтер принадлежал к «Июньскому клубу» (преобразованному позднее в «Клуб господ»). Он же вместе с Бискупским был в 1922 г. организатором тайного съезда русских монархистов в баварском городке Рейхенгалле, проходившем под тем же маскировочным названием, что у «общества Ауфбау», — «съезд хозяйственного восстановления России»³.

Характеризуя в те дни программу общества «Ауфбау», Шойбнер-Рихтер выступил за свержение Советского правительства, «работающего в тесном единении с III Интернационалом»⁴. Было известно и его объяснение причин поражения белогвардейских контрреволюционеров в гражданской войне в России. Белые армии, заявил Шойбнер-Рихтер, потерпели поражение потому, что не были достаточно беспощадными: всех коммунистов надо было вешать, искоренять.

Это был язык профессиональных антикоммунистов, из агентыры Климовича. Было ясно, что Шойбнер-Рихтер — их связной⁵. Нет никакого сомнения, что его роль в становлении нацистской партии была действительно исключительно важной и что он рассчитывал на победу фашизма не только в Германии. Борьба Гитлера, заявил он однажды, решит судьбу не только Германии, но и Европы, быть может судьбу всего мира.

Позднее Гитлер в финансовом содействии профессиональных антикоммунистов уже не нуждался, так как получал достаточно денег от германских монополий. Но его личный контакт с ними сохранялся. Весной 1922 г. он выступил перед избранными членами «Июньского клуба», встретив у них «радушный прием»⁶. После «пивного путча» в 1923 г. он вновь получил «пожертвования» от Рехберга, что помогло ему удержать в своих руках

¹ Vorwärts, 7.IV 1926.

² Bullock A. Op. cit., 1952, p. 72.

³ Наживин И. Среди потухших маяков. Берлин, 1922, с. 183—192.

⁴ Münchner-Augsburger Abendzeitung, 11.VII 1922.

⁵ Другим связным с нацистами в 20-х годах был некий Немирович-Данченко, служивший у Врангеля в Крыму в отделе печати, а в Германии подвизавшийся в качестве сотрудника гитлеровской газеты «Фелькишер беобахтер».

⁶ Deutsches Volkstum, 1.IX 1932, S. 696.

грозившую развалиться нацистскую партию¹. У Гитлера и Геббельса были встречи и с агентом берлинского филиала лиги Обера Гуманским². 10 декабря 1931 г. Гитлер был приглашен в «Клуб господ». Многие другие факты говорят о том же: профессиональные антикоммунисты не только помогли Гитлеру в 1933 г. прийти к власти, но еще десятком лет раньше дали ему возможность стать на ноги.

Конечно, те же силы в 30-х годах сливались с фашистами и в других странах. Так, например, в США основанная в начале 1933 г. старым сообщником Рейли и Бразоля Джемгаровым антикоммунистическая организация ориентировалась теперь на некий штаб в Берлине. Изданная американской антикоммунисткой Елизабет Диллинг клеветническая книга «Красная сеть», обвинявшая в симпатиях к большевизму даже христианские церковные организации, была составлена после ее нескольких поездок в гитлеровскую Германию и внесена нацистами в «почетный список»³. Основанная в августе 1933 г. бывшим врангелевским контрразведчиком «графом» Анастасием Вонсяцким «Русская фашистская национально-революционная партия» была создана после переговоров «фюрера» Вонсяцкого с Геббельсом, Розенбергом и германской военной разведкой⁴. Глава английского филиала лиги подполковник Дж. Бэйкер Уайт был позднее приглашен в качестве гостя на съезд нацистов в Нюрнберге. В своей книге «Возвращение Довер — Нюрнберг» он не постеснялся заявить, что Гитлер «передал в его руки огромные силы и что он пока не злоупотребил ими»⁵.

Такие же сообщения приходили в то время из других стран. Члены старой Женевской лиги в этих странах явно требовали равнения на фашистский Берлин. Все они ждали теперь от Гитлера — и уже только от него — осуществления их давнишней мечты: войны против Советского Союза и истребления коммунистов за его рубежом. Различия между профессиональными антикоммунистами и нацистами окончательно стирались.

Фашизм считал антикоммунизм своим орудием и был прав. Либеральная буржуазия в Европе повсюду сама сдавала оружие. Моновластический капитал толкал в ту же сторону.

Одновременно все это означало и нечто другое. Профессиональным антикоммунистам приходилось теперь менять и свои дипломатические установки: на место англо-французской ориента-

¹ *Roberts Glyn*. Op. cit., p. 304.

² *Rote Fahne*, 17.III 1929.

³ *Carlsson J. R.* Under Cover. New York, 1943, p. 142—144.

⁴ *Ibid.*, p. 177—178.

⁵ *Facts about the Economic League*. London, 1959, p. 9.

ции, большей частью господствовавшей в их кругах при Климовиче и Рейли, приходила ориентация прогерманская. Интересы «третьего рейха» становились их интересами. Выводы в бюро Обера были сделаны¹.

В октябре 1934 г., спустя 20 месяцев после прихода Гитлера к власти, в Женеве было проведено совещание некой «Международной комиссии по созданию международного антимарксистского института». Одним из главных участников был Обер. Кто были другие члены комиссии, какие лица и от кого они прибыли тогда в Женеву, сообщено не было. Но вскоре же стало известно, что на совещании была принята новая программа борьбы с коммунизмом и постановлено создать некий «Международный институт морального, экономического и социального действия».

Что скрывалось за этой замысловатой вывеской, выяснилось после выхода в свет своего рода манифеста Обера, изданного от имени «Международной комиссии» под заголовком «В поисках нового порядка». Речь, по-видимому, шла о выступлении Обера на очередной конференции женевской лиги, и в нем содержалось не более, не менее как открытое признание официальным шефом профессиональных антикоммунистов основных идей нацизма. Мало того. Здесь же намекалось на необходимость реорганизации всей международной антикоммунистической агентуры на новых началах и под новым руководством.

Заявление Обера начиналось с апологии гитлеровского лозунга «нового порядка», то есть идеи государств, самовластно управлять которыми призвано привилегированное, избранное меньшинство, фашистская «элита». Обер безоговорочно отрекался от формальной буржуазной демократии, о своей «преданности» которой многие антикоммунисты в разных странах прежде так настойчиво твердили, и ставил свою подпись под нацистской «фюрерской доктриной». «Повсюду, — заявлял он, — надо содействовать возвышению лучших, обеспечить развитие элит и искать руководителей». Эти слова были как бы скопированы из «Майн кампф». Обер подчеркивал при этом, что предлагаемые им новые «принципы» политики

¹ Что касается самого Обера, официального главы женевской лиги, то для него это едва ли было неприятной неожиданностью. По происхождению уроженец французской Швейцарии, Обер и раньше отличался прогерманскими взглядами. В 1915 г., в самый разгар первой мировой войны, он опубликовал в Женеве брошюру, в которой довольно прозрачно проявлял симпатии к кайзеровскому рейху. Для женеваца это было более чем странно. Отнюдь не исключено, что в те годы он был связан с германской разведкой, центр которой находился именно в Швейцарии. Надо отметить, что такой же ориентацией в период между двумя войнами придерживалась та часть белогвардейской эмиграции, которая стояла за прогерманского претендента на царский престол Кирилла Романова в противовес сторонникам Николая Николаевича Романова, который был профранцузской ориентации.

профессиональных антикоммунистов не являются лишь плодом его личных рассуждений, а приняты «Международной комиссией», собравшейся в октябре 1934 г. в Женеве. Отмечая, что только «воинствующие» элиты, то есть фашистские партии, могут вести нацию и что они нужны в интересах борьбы против мирового марксизма, он продолжал:

«Время благоприятствует этой борьбе. Но для того, чтобы ее предпринять, нельзя обойтись без операционной базы. В этом состоит назначение «Международного антимарксистского института», его разветвлений и филиалов, которые будут в дальнейшем созданы в разных странах... Это будет центр по сбору информации. Это будет рабочий центр, деятельность которого в результате международного сотрудничества публицистов, экономистов, политиков, писателей, людей искусства, профессоров, представителей свободных профессий получит широкий размах... Это будет центр, дающий толчки и побуждающий к действиям, центр, источающий жизненную энергию для воинствующей элиты... Элита найдет в нем постоянный опорный пункт, никогда не иссякающий источник информации, руководства, советов, подбадривающей поддержки, подкреплений. Это будет боевой центр, следящий за движениями марксистского противника, готовый к быстрому контрудару, и не только к контрудару, но прежде всего к «атаке».

Акцент был поставлен на таких словах, как «центр, дающий толчки и побуждающий к действиям», «боевой центр», «готовый к атаке». Время для проведения варфоломеевских ночей против коммунистов в международном масштабе наступает наконец — в этом была суть всех рассуждений Обера. Старый сообщник антикоммунистических террористов был счастлив, что нашел для этого дела, наконец, достаточно мощных покровителей и организаторов. Перед ними он и становился на колени.

«Марксизм,— говорилось далее в обращении Обера,— противник, силы которого группируются в международном масштабе. В борьбе с ним поэтому нельзя обойтись без международного сотрудничества. Международной концентрации сил марксистской интеллигенции и марксистских организаций, подкрепленной с 1934 г. созданием «единого фронта», необходимо противопоставить такую же концентрацию сил... Задача представителей каждой страны состоит в том, чтобы организовать воинствующую элиту, учитывая особые традиции, обычаи и дух их нации. Каждому овощу свое время. Первоочередная задача — это создание института... Мы очертили задачи, требующие выполнения. Придут другие, дело которых — разъяснить их лучше, яснее, с более точным определением надобностей и затруднений...»

Кто были эти «другие», Обер в опубликованном тексте обращения к своим сообщникам в разных странах снова не уточнял.

Но этого и не требовалось. Не только идеология «нового порядка», но и вся концепция нового международного «боевого центра» антикоммунизма прямо указывала на местопребывание этого центра: на Берлин.

Зачем Женевской лиге понадобился новый «институт с разветвлениями и филиалами в разных странах», если она сама уже в течение десятка лет располагала такой сетью? Почему открыто предлагалось сосредоточить огонь антикоммунизма не столько в сторону «большевизма», как это всегда делала Женевская лига с момента своего основания, сколько в сторону «международного марксизма»? Ответ был ясен. Главным для германского фашизма в данный момент была подготовка к захвату других стран в Западной Европе. Фашизация этих стран должна была произойти под флагом борьбы против «мирового марксизма».

Между Обером и нацистами заключалась сделка. Берлин предоставлял Женеве средства, аппарат гестапо и политическую поддержку фашистов во всем капиталистическом мире. Лига Обера передавала нацистам свои старые, вышколенные кадры профессиональных антикоммунистов и контакты с влиятельными «друзьями лиги» в каждой стране.

Сделка была как будто взаимовыгодна. Как выяснилось уже в 1935 г., Женевская лига была фактически превращена в подсобное бюро нового берлинского центра, созданного под названием «Антикоминтерн» и поставленного под прямое руководство Гейбельса. Для того, чтобы замаскировать эту перестройку, и был основан «Международный антимарксистский институт», в который влилась старая организация Обера.

Для гитлеровцев эта вывеска была вдвойне выгодна. Литература и инструкции от нацистов к фашистам и профашистам других стран пересылались теперь во многих случаях через Женевский передаточный пункт¹. Берлинский орган «Антикоминтерна» «Контр-Коминтерн», в котором гитлеризм проповедовался совершенно открыто, переиздавался в Женеве на французском языке под названием «Антикоммунистическое обозрение». В качестве адреса издательства было помечено старое бюро Обера. В журнале провозглашался лозунг: «Антибольшевики всех стран, соединяйтесь!» Изданный берлинским центром «Антикоминтерна» своего рода директивный сборник о международном рабочем движении был переиздан в Лондоне с помощью английского филиала Женевской лиги. Организованная лигой в мае того же 1934 года в Лондоне антикоммунистическая выставка была в значительной мере укомплектована материалами берлинского «Антикоминтерна».

¹ Шпильгаген Ф. Шпионы и заговорщики в Испании. М., 1937, с. 146—151.

Официально Обер сохранял пост президента женевской лиги и даже добавлял к этому звание президента «Международного антимарксистского института». Но даже в самой Женеве всем делом заправляли теперь новые, отобранные Берлипом люди — некто Фредерик де Дисбах и некто Генри Э. Джованна (очевидно, подставные имена).

В 30-х годах гитлеровцы нуждались как раз в таких завуалированных организациях и транзитных пунктах. Можно утверждать, что именно международный аппарат лиги Обера в немалой степени послужил основой для создания международной фашистской сети Гитлера — Геббельса — Розенберга (так называемого «коричневого интернационала»). Профессиональные антикоммунисты сделали немало, чтобы научить фашистов во всем мире своему ремеслу. Мы увидим, какую важную услугу они оказали Гитлеру в самой Германии уже через несколько месяцев после его назначения рейхсканцлером.

Сомнений не оставалось. Берлин покупал международный антикоммунистический центр как какую-то фирму. Какое вознаграждение от нацистов получили Обер и его «правая рука», старый белогвардеец Лодыженский, осталось неизвестным. Но нацисты явно вкладывали немалый капитал в это дело и предоставляли старым антикоммунистам возможность значительно расширить их международную сеть. Сотни новых агентов в разных странах с гестаповскими квалификациями включались в организацию, обновлялся весь технический аппарат. Но все уже находилось под другим контролем. Формально шефом оставался Обер. Фактически центр из Женевы переезжал в столицу Германии. Управление делами передавалось ставленнику Геббельса — Адольфу Эрту, которому годом раньше удалось сыграть немаловажную роль в самых темных нацистских делах¹.

Подготовленные профессиональными антикоммунистами и разведками западных стран, кадры террористов, провокаторов и политических шулеров в разных столицах в организованном порядке переходили на службу к тем, кто уже готовился приступить к белому террору в мировом масштабе. Что значило бюро Обера по сравнению с эсэсовцами и гестаповцами! Только Гитлер и Гиммлер, считали отныне реакционеры во всех странах, могли справиться с задачей уничтожения мирового революционного движения. Профессиональный антикоммунизм был сродни фашизму с момента своего зарождения после первой мировой войны, но долго старался не очень афишировать это родство. Теперь оберовцы повсюду открыто, с восторгом вливались в ряды фашистов.

¹ См. следующую главу.

В Берлине, например, близкий к женевской лиге «Клуб господ», переименованный в конце 1933 г. в угоду нацистскому мещанству в «Немецкий клуб», считал отныне своей главной задачей содействие личным контактам между деловым миром и руководителями нацистской партии. С целью финансирования таких встреч и самого клуба был создан специальный фонд, в правление которого вступили глава СС и гестапо Гиммлер, глава штурмовиков Рем и фашистский банкир Курт фон Шредер. В Лондоне, Париже, Нью-Йорке, Мадриде и других городах филиалы лиги Обера становились посредниками по связи с местными фашистскими организациями и нередко попросту подсобными агентами резидентов гестапо.

В сентябре 1938 г. Обер праздновал свое шестидесятилетие. Женевский орган берлинского «Антикоминтерна», подчинившего себе женевское бюро, приветствовал его по этому случаю как «одного из предтеч в антикоммунистической борьбе». Когда в апреле следующего года в Женеве под видом 13-й международной конференции лиги Обера состоялся тайный слет агентов «Антикоминтерна», тот же журнал, подчеркивая «заслуги Обера и его сотрудников», писал: «Благодаря всем им противники коммунизма на протяжении 15 лет располагали аппаратом связи для координации своих усилий. Лига, которая имеет своих корреспондентов во всех странах и работает сегодня в сотрудничестве с другими антикоммунистическими институтами и организациями, действительно универсальна».

Нацисты ясно дали понять, что штаб международного профессионального антикоммунизма переместился в Берлин.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АНТИКОММУНИСТЫ И ПОДЖОГ РЕЙХСТАГА

1

Уже вскоре после перехода лиги Обера под прямой нацистский контроль выяснилось, кто по указанию Геббельса стал ее новым шефом. Им оказалась мало известная личность по имени Адольф Эрт. Примечательно, что это лицо сыграло немалую роль не только в истории международной организации профессиональных антикоммунистов, но — начиная с 1933 г. — также в самой секретной истории нацизма.

В конце 20-х годов, еще за несколько лет до своего перехода к нацистам, Эрт принадлежал к руководившему этим звеном берлинскому филиалу лиги Обера¹.

Надо учесть, что так называемая «русская», то есть белогвардейская, секция этого филиала не прекращала своего существования после скандального провала ее вдохновителя фальсификатора Орлова и его сообщников Гуманского, Бельгарда, Зиверта и прочих в 1929 г. Орлов исчез тогда с горизонта германской столицы и кончил неизвестно где и как в годы второй мировой войны. Но основные кадры обособившихся в Германии царских и врангелевских офицеров, черносотенцев разного толка и бежавших из Советской России контрреволюционеров немецкого происхождения Веймарская республика не тронула. Наиболее известным из этих лиц был И. А. Ильин, бывший реакционный профессор Московского университета по философии права, выдворенный в 1922 г. из Советской Республики. Этот «образованный» черносотенец стал советником Эрта, будущего руководителя нацифицированной лиги Обера.

Ильин был антикоммунистом до мозга костей. Очутившись в 1923 г. в Берлине, он немедленно включился в местный кружок высших врангелевских офицеров и сделал испуганную антисоветскую пропаганду своим постоянным занятием. Под его руководством в Берлине стал выходить монархический журнал «Рус-

¹ Не смешивать с берлинским «Клубом господ», который был отдельной организацией с особыми заданиями.

ский колокол». Он же стал вдохновителем сборников под названием «Белое дело», в которых участвовали Врангель и его ближайшие соратники — герцог Г. Н. Лейхтенбергский, князь А. П. Ливен и генерал А. А. фон Лампе. В числе сотрудников фигурировали также генерал П. Н. Краснов, пытавшийся в октябре 1917 г. по поручению Керенского захватить революционный Петроград, миллионер В. Рябушинский, князь Н. Б. Щербатов и другие видные монархисты.

Ильин открыто называл себя и своих единомышленников «фашистами» и заявил: «Дух фашистов — патриотичный, волевой и активный». Проповедуя идею диктатора как «художника власти», он славил Колчака, как «национального героя». Ильина же можно считать подлинным автором известного «тезиса», много лет спустя вошедшего в обиход в международных антисоветских кругах, — «Лучше не существовать, чем сосуществовать»; он писал: «Лучше не жить, чем стать красным». На то, что Ильин находился в прямом контакте с агентурной сетью Климовича в Белграде, указывает и факт, что его книга «Родина и мы» была в 1926 г. опубликована «Издательским отделом Общества галлиполийцев», то есть врангелевским центром в Белграде.

Участием во внутренних делах белогвардейцев Ильин, однако, не ограничивался. Под вывеской основанного им в 1923 г. «Русского научного института» в Берлине, в котором были собраны такие звезды антикоммунизма, как Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, А. А. Кизеветтер и С. Н. Прокопович, Ильин повел бешеную антисоветскую агитацию среди немцев, выступая с лекциями в десятках городов по всей Германии. Им же на немецком языке была издана книга «Яд, дух и сущность большевизма». К концу 20-х годов Ильин стал в Германии настолько известным как антикоммунистический агитатор, что его стали называть «профессором по большевистским ужасам».

Ильин, разумеется, не мог сравниться с другим агентом берлинского филиала лиги Обера, «чудо-фальсификатором» Орловым; подлоги не были его специальностью. Но оба делали одно и то же дело и, вероятно, координировали свою работу. Когда Орлов в 1929 г. был изобличен в фальсификациях, Ильин, очевидно, стал во главе «русской секции» лиги в Берлине. В ноябре 1930 г. парижский орган Обера «Красная волна» писала о нем: «Ильин — один из лучших знатоков большевизма, а также один из главных пионеров антикоммунистического движения в Германии, где он ведет борьбу с упорством, преданностью делу и умом».

К этому времени Ильин завязал прочные связи с влиятельными реакционными кругами немецких церковников, примкнувших тогда к развязанной лигой Обера международной кампании

«против религиозных преследований в СССР»¹. Самое активное участие в этой кампании принимала организация под названием «Союз немецких церквей», в которую входили сотни стоявших на правых позициях пасторов и церковных старост по всему рейху. «Союз» располагал большими средствами. Под его управлением действовало издательство массовых публикаций «Эккард», и в его же сеть входило «Русское евангелическое пресс-бюро», специализировавшееся на антисоветской пропаганде. Заведующим этим пресс-бюро со второй половины 20-х годов и был Адольф Эрт.

Биография этого человека в какой-то мере известна. Карьера Эрта напоминает карьеру нацистов Альфреда Розенберга и Эрвина Шойбнера-Рихтера. Отпрыск проживавшей в Саратове семьи немецких сектантов-меннонитов, Эрт каким-то образом в самом начале первой мировой войны очутился в Германии, где после прохождения учебы поступил на службу к немецким эмигрантам из России². Мennonиты были одной из самых консервативных немецких сект в России. Ее члены были с самого начала на стороне контрреволюции, в их колониях организовывались боевые кулацкие отряды и даже готовились кадры для содействия германским интервентам и белогвардейцам. Многие меннониты служили в войсках Врангеля³. На процессе подделывателей червонцев в Берлине в январе — феврале 1930 г. было установлено, что генерал Гофман и Детердинг рассчитывали использовать меннонитов для задуманного ими похода против СССР.

Осенью 1930 г. несколько тысяч озлобленных коллективизацией меннонитов выехало из СССР в Германию, где их руководители стали заядлыми антисоветскими агитаторами. В непосредственную связь с ними вступили Эрт и Ильин. Судя по всему, Ильин тогда и сблизился с Эртом. В числе авторов опубликованной в 1930 г. близким к Эрту издательством «Эккард» «Книги страданий христиан в России» фигурировали Ильин и несколько его ближайших сотрудников-белогвардейцев. Год спустя то же издательство опубликовало книгу Ильина «Против безбожия»⁴.

¹ См. главу 14.

² *Ehrt A. Das Mennonitentum in Russland* (Dissertation). Berlin, 1931.

³ Воинствующий атеизм. М., 1931, с. 105—107.

⁴ Ильин сблизился тогда и с другой ультрареакционной немецкой церковной организацией — «Кольцом Лютера», во главе которого стоял бывший придворный проповедник кайзера Вильгельма II Бруно Деринг, в то время консервативный депутат рейхстага. На собрании этой организации в феврале 1930 г., на котором Ильин выступил с буйной антибольшевистской речью, присутствовали кронпринц и другие сыновья бывшего кайзера, монархическая знать, правые депутаты, глава фашистского объединения «Штальгельм» и белогвардейцы. Был провозглашен лозунг: «Для христианства настал час борьбы» (*Rote Fahne*, 25.II 1930).

С этого момента Эрт и Ильин действовали сообща. В 1931 г. издательство «Эккард» выпустило новую книгу объемом в 576 страниц под заголовком «Мир на краю пропасти. Политика, экономика и культура в коммунистическом государстве» (сборник «исследований» Ильина и одиннадцати его белогвардейских сотрудников). Редактором книги был сам Ильин, предисловие было составлено Врангелем. Парижский орган лиги Обера немедленно назвал этот сборник «монументальным» трудом.

Ильин явно был вместе с Эртом и в последующие дни, когда тот по поручению из Женевы предпринял попытку расширить берлинский филиал лиги путем объединения всех антикоммунистических организаций и групп в рейхе¹. Но все это происходило еще до прихода Гитлера к власти. Эрт уже был полноправным профессиональным антикоммунистом. В его брошюре «Тотальный кризис — тотальная революция», опубликованной тем же издательством «Эккард» в начале 1933 г., он еще пытался провести какое-то различие между протестантской религией и фашизмом, хотя и признавал, что нацизм «объединяет самые активные, самые молодые и самые доверчивые силы нации»².

В те же дни, однако, Эрт перескочил с церковных на нацистские позиции. Факты доказывают, что уже именно в начале 1933 г. он вместе с другими профессиональными антикоммунистами оказал гитлеровцам бесценную услугу.

2

Выше уже говорилось о различных тесных контактах профессиональных антикоммунистов с нацистами, в том числе и самим Гитлером, начиная с 1919 г. и о том, как в январе 1933 г. берлинская агентура лиги Обера помогла Гитлеру с помощью «Клуба господ» захватить власть³. Это, однако, было не все. Есть все основания считать, что те же силы приняли прямое участие в той чудовищной провокации нацистов в феврале 1933 г., которая позволила им укрепиться у власти: в поджоге рейхстага.

Хотя в самом начале 1933 г. Эрт, по-видимому, еще не был членом нацистской партии, у него уже очень скоро наладились отношения с одним из ее главных лидеров — с Геббельсом. Это подтверждается рядом данных.

Еще в 1932 г. издательство «Эккард» опубликовало сенсационную книгу Эрта и некоего Швейкарта под заголовком «Взбесившаяся преисподняя. Обзор большевизации Германии». Книга

¹ Der Spiegel, 17.VIII 1955, S. 255—257; DIZ — Die Tat. Frankfurt-am-Main, Sonderausgabe, vol. XII. IX. 1954.

² Ehrt A. Totale Krise — totale Revolution? Berlin, 1933, S. 6.

³ См. главу 21.

была полна самой дикой антикоммунистической клеветы, причем Эрт прямо ссылаясь на своего белогвардейского сообщника Ильина: «В основном,— говорилось в тексте,— мы следуем анализу Ивана Ильина»¹. «Теоретический» орган нацистской партии «Национальсоциалистиче монатсхефте» немедленно стал рекламировать книгу, назвав ее «глубоким» исследованием. Но это было только начало.

Как известно, поджог рейхстага был совершен 27 февраля 1933 г. На следующий же день правительство Гитлера издало закон о чрезвычайном положении, на основании которого в стране начались повальные аресты активистов коммунистической партии. Против коммунистов было выдвинуто обвинение в заговоре с целью захвата власти, сигналом к чему якобы и должен был служить поджог рейхстага. Было объявлено, что в руках властей множество документов, подтверждающих факт заговора и намерение коммунистов развернуть в стране бешеный красный террор.

Никаких таких документов гитлеровским правительством после поджога рейхстага опубликовано не было: их не существовало. Но в сентябре того же 1933 г. в Берлине внезапно появилась на свет новая, сверхсенсационная книга Эрта «Вооруженное восстание. Разоблачения о попытке коммунистического переворота накануне национальной революции». На обложке изображался горящий рейхстаг. В книге утверждалось, что к концу февраля 1933 г. у коммунистов все было готово для переворота, что за поджогом рейхстага должно было последовать убийство Гитлера и Геринга, что коммунисты готовились пустить в ход ножи, «пропитанные керосином тряпки» для поджогов и кипятки для обливания полиции и что были разработаны планы для взрыва железнодорожных мостов, уничтожения электростанций и т. д.² Из Германии огню мировой революции предстояло перекинуться на основные западные страны. Добавлялось, что в деле замешаны Коминтерн и советские учреждения в Германии³.

Делался вывод: «Германия вышла вперед в борьбе против мирового врага и тем самым взяла на себя миссию, от которой уже не откажется, пока ее не выполнит. Пусть другие народы... последуют германскому примеру. Уничтожение Коммунистического

¹ Ehart A., Schweikart J. Entfesselung der Unterwelt. Berlin — Leipzig, 1932, S. 12.

² Правда, 1933, 14 сентября.

³ Насколько примитивно были сострипаны эти «разоблачения», было видно хотя бы из следующей детали. В книге фигурировали снимки «советских орденов», пожалованных за «убийства германских колонистов» в СССР. Один из этих снимков в действительности изображал царскую кокарду, снятую с фуражки должностного лица того времени (Правда, 1933, 3 октября).

Интернационала — задача наций во всем христианском и цивилизованном мире». Это был старый призыв международной организации профессиональных антикоммунистов.

В день опубликования «разоблачений» Эрта газета Гитлера «Фелькишер беобахтер» заполнила восторженным сообщением о них всю первую полосу под заголовком в несколько строк: «Вот доказательство! Как Красный фронт намеревался уничтожить рейх незадолго перед приходом Гитлера к власти. Правительство Гитлера в последнюю минуту спасло Германию и Европу от мирового пожара». Книга Эрта, добавляла нацистская газета, написана в ходе поисков «чистой правды», выдержана в «деловом и научном духе» и заслуживает широчайшего распространения в стране и за рубежом. К 1934 г. было распродано шесть изданий. Напечатаны были также издания на английском, французском, испанском, шведском и голландском языках.

При первом же чтении книги Эрта становилось ясно, что вся провокация с поджогом рейхстага и «коммунистическими документами» была организована в типичной манере профессиональных антикоммунистов. Аргументация то и дело напоминала «письмо Коминтерна» и другие подлоги профессиональных антикоммунистов в 20-х годах. Варила та же кухня. Эрт без стеснения копировал своих предшественников. Было очень похоже на то, что в афере и на этот раз участвовали и белогвардейские «эксперты» по таким делам. Через Ильина Эрт был с ними тесно связан¹.

Мало того. Участие профессиональных антикоммунистов в нацистской провокации не ограничилось составлением ее сценария. Когда гитлеровцы после поджога рейхстага перешли к массовым арестам коммунистов, оказалось, что у них были заранее заготовлены списки партийных активистов. Кто составлял эти списки?

На заседании Международного военного трибунала над главными немецкими военными преступниками в Нюрнберге 18 марта 1946 г. Герингу был задан вопрос, были ли у нацистов уже до пожара готовы списки коммунистов для последовавших арестов. Геринг ответил: «У нас были списки коммунистических деятелей, подлежащих аресту. Эти списки были составлены совершенно независимо от поджога германского рейхстага». Затем он добавил: «Я еще раз подчеркиваю, что решение об этих арестах было принято задолго до этого. Однако распоряжение о выполнении этого решения и о немедленном аресте последовало в эту ночь»².

¹ В 1934 г. Эрт продолжил свой подлог новыми антикоммунистическими «разоблачениями» в книге «Террор. Кровавая хроника марксизма в Германии». Это была стряпня того же сорта, очевидно подготовленная теми же «специалистами».

² Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. М., 1960, т. 5, с. 17.

Едва ли у гитлеровцев до прихода к власти уже действовал специальный аппарат, занимавшийся кропотливым составлением списков коммунистических активистов; гестапо еще не существовало. Но именно такой аппарат уже годами действовал у профессиональных антикоммунистов в разных странах, в частности в Германии.

Достаточно вспомнить о «картотеке» Орлова в его берлинской «лаборатории». Составление таких «черных списков» считалось одной из первейших обязанностей каждого филиала Климовича и лиги Обера с целью заблаговременной подготовки белого террора. Все указывает на то, что Эрт и его сообщники предоставили тогда в распоряжение гитлеровцев свои списки. Новорожденное гестапо и потом не обошлось без содействия с этой стороны.

Иными словами, профессиональные антикоммунисты приложили руку ко всей афере с поджогом рейхстага. Сказать с полной уверенностью, что она вообще была их собственной идеей, разумеется, нельзя. У крупных преступников типа Гитлера, Геринга и Геббельса было достаточно дьявольской хитрости, чтобы самим измыслить подобную провокацию. Тем не менее не подлежит сомнению, что профессиональные антикоммунисты были в этом случае по меньшей мере их прямыми советниками, помощниками, а может быть, и вдохновителями. Техника «операции» была так или иначе взята у них.

Это подтверждается и тем, что Адольф Эрт, начавший свою карьеру в качестве строго «религиозного» человека, уже в 1933 г. стал прямым агентом Геббельса. Когда на суде в Лейпциге Димитров потребовал вызова Эрта, как автора книги «Вооруженное восстание», в качестве свидетеля, ему было отказано. Геббельс охранял своего человека¹. Он понимал, что Димитров тут же его разоблачит.

3

Возникает вопрос: кто в то время свел Эрта и вообще профессиональных антикоммунистов с Геббельсом?

Хотя связи с этими кругами у нацистов существовали с давних пор, вопрос в данном случае касается прямых нитей, тянувшихся лично к Геббельсу. Обнаружить их не представляет затруднений.

Как уже неоднократно упоминалось, после гражданской войны из Советской России в Германию выехала целая группа фашистствовавших немцев. В Мюнхене находились Альфред Розенберг, Эрвин Шойбнер-Рихтер, Арно Шикеданц, в Берлине в числе таких лиц помимо Эрта фигурировала некая Мелита Видеман, родом из

¹ Правда, 1933, 3 декабря.

Петербурга, внучка известного в городе в царское время директора немецкой коммерческой школы. Переехав после Октября в Германию, Мелита Видеман сначала занималась изданием брошюр по домашнему хозяйству, а затем присоединилась к профессиональным антикоммунистам и нацистам. Когда Геббельс в 1927 г. завел в Берлине свою газету «Ангриф», она стала у него секретарем редакции¹. В то же время она поддерживала личный контакт с Эртом. Позднее, когда тот по поручению Геббельса возглавил берлинский «Антикоминтерн», он сделал ее главным редактором публиковавшегося этой организацией под маркой издательства «Эккард» журнала «Ди акцион». Почти несомненно, что именно эта белогвардейская дама первоначально и свела Эрта с Геббельсом².

В том, что Геббельс принял предложенный ему группой Эрта план гигантской антикоммунистической провокации, не было, разумеется, ничего удивительного. Именно подобные вещи и были ему по душе. Помимо Гитлера, Геббельс был самым хитрым из всех нацистских вожаков. Его единомышленник Розенберг назвал его «Мефистофелем нашего когда-то столь прямолинейного движения»³. Ни Геринг, ни Гиммлер, ни Гесс, Борман, Розенберг или Риббентроп не имели, как и сам Гитлер, университетского образования и все они не очень разбирались в вопросах рабочего движения. Геббельс кое-что об этом знал и притом, как изобретатель «науки лжи», был настоящим знатоком искусства политического обмана. Провокация с поджогом рейхстага была как бы придумана для фашистского Мефистофеля.

Геринг, президент рейхстага, подземный ход из здания которого вел к его дому, был главным исполнителем «операции», но задумал ее, по всей вероятности, все же Геббельс. На том же заседании Нюрнбергского трибунала американский обвинитель Джексон, сославшись на заявления главы берлинских штурмовиков Карла Эрнста, прямо назвал не только Геринга, но и Геббельса автором поджога.

Переход Эрта в штаб Геббельса становится тем самым вполне понятным, хотя, в какой именно момент это произошло, сказать

¹ Der Spiegel, 6.II 1967, S. 64.

² Не исключено, что были и другие посредники. Соавтором Эрта по книге «Взбесившаяся преисподняя. Обзор большевизации Германии» в 1932 г. был некто Ю. Швейкарт. В ставшем после войны достоянием гласности дневнике Геббельса упоминается, что он выдал Швейкарту сумму в 40 тыс. марок (*Heiber H. Joseph Goebbels*, 1965, S. 177).

Не идет ли речь об одном и том же лице и не означает ли это, что Геббельс еще раньше финансировал Эрта? Возможно, что посредником был также немецкий профессиональный антикоммунист Штадтлер, который тоже вступил в нацистскую партию только после ее прихода к власти.

³ Lang S. Alfred Rosenberg. Chicago, 1949, S. 177.

трудно¹. Бесспорно, во всяком случае, что с этого времени, то есть еще с 1933 г., агент берлинского филиала старой лиги Обера оставался одним из наиболее доверенных лиц нацистского министра пропаганды. Формально руководя созданным Геббельсом «Антикоминтерном», всосавшим в себя женевскую лигу, Эрт отныне выполнял указания своего фашистского шефа, и только его.

Можно лишь добавить, что к поджогу рейхстага приложил руку из числа профессиональных антикоммунистов, очевидно, не только Эрт. Тянулись и другие нити. Установлено, что самим поджогом «сверху» непосредственно ведал Геринг. Но кто подобрал для Геринга технического исполнителя — слабоумного голландца Ван дер Люббе?

По данным, опубликованным еще в том же 1933 г. немецкими антифашистами в «Коричневой книге», Ван дер Люббе еще в апреле 1931 г. случайно познакомился с подобранным его на улице в Берлине или Потсдаме небезызвестным немецким агентом Георгом Беллом. Агент этот оставался с голландцем в контакте и даже возил его в Мюнхен, где познакомил с несколькими видными нацистами, в том числе с Розенбергом и Ремом. В середине февраля 1933 г. Ван дер Люббе приехал в Берлин, вновь вступил в непосредственный контакт с нацистами и взял на себя вместе с штурмовиками Эрнстом и Хайнесом дело поджога. После поджога обо всем этом рассказал нескольким лицам сам Белл².

Месяц спустя Белл был убит гестаповцами на австрийской территории в нескольких километрах от германской границы. Еще несколько недель спустя мертвым в своей квартире был найден консервативный депутат рейхстага Оберфорен, автор «Записки» о предыстории поджога, которому Белл также сообщил о своем участии в деле. Хотя официальная версия гласила, что Оберфорен покончил самоубийством, было очевидно, что и здесь речь шла об убийстве.

Следует учесть, что Белл принадлежал к тому же кругу, что и Эрт. В 20-х годах он был главным разъездным агентом мюнхенского филиала лиги Обера и доверенным лицом главы этого фи-

¹ По данным ставшей впоследствии известной «Записки» депутата рейхстага из правой партии Гугенберга Оберфорена, подложные «коммунистические документы» были подброшены в здание ЦК Компартии Германии во время произведенного там берлинской полицией обыска 24 февраля 1933 г., то есть еще за три дня до поджога. На заседании гитлеровского правительства, однако, консервативные министры, в том числе фон Папен и Гугенберг, настойчиво возразили против использования фальшивок, тогда как Геббельс, по утверждению Оберфорена, предлагал другое. Он настаивал на том, чтобы эти материалы оказались «найденными» в здании ЦК КПП (Braunbuch über Reichstagbrand und Hitlerterror. Basel, 1933, S. 78—80, 116).

² Braunbuch über Reichstagbrand und Hitlerterror, S. 54—61.

лиала генерала Гофмана¹. Все эти данные едва оставляют место для сомнений. В феврале 1933 г. оберовцы действительно оказали огромную услугу Гитлеру и Герингу. Рейли гордился бы Эртом и Ильным.

Чтобы замести следы своего участия в деле, Эрт сразу же после этого переименовал свое церковное издательство «Эккард» в «Издательство нибелунгов», что было еще одним признаком его «нацификации». Издательство стало отныне публиковать чисто фашистскую литературу. Теперь в руках Эрта были большие, почти неограниченные средства.

Вначале он действовал формально от имени созданного им в том же 1933 г. «Объединенного союза антикоммунистических организаций в Германии», в который были включены три открыто существовавшие до этого в рейхе группировки: связанный с самим Эртом «Союз евангелической прессы», руководимый иезуитами «Католический исследовательский институт по вопросам большевизма и свободомыслия» и «Русский научный институт» Ильина. От имени этого «объединения» и была в сентябре 1933 г. опубликована провокационная книга Эрта «Вооруженное восстание». Но уже вскоре затем все организации профессиональных антикоммунистов в Германии и за ее рубежом, в том числе и сама лига Обера, были слиты Эртом в единый «Антикоминтерн», управлявшийся им из кабинета в геббельсовском министерстве пропаганды.

Очевидно, Эрт вместе с приближенным Геббельса Таубертом и вел в 1934 г. от имени Геббельса переговоры с Обером о переходе женевской лиги под нацистский контроль. Швейцарский адвокат, которому срочно требовались деньги, встретил его с распростертыми объятиями. Это видно из восторженного отзыва Обера на книгу Эрта «Вооруженное восстание», опубликованного в сентябре 1933 г.

«Эту книгу,— писал Обер,— должен прочесть каждый, кто хочет составить себе беспристрастное мнение об одной из главных причин победы Адольфа Гитлера, а именно: страшной возможности захвата власти германской коммунистической партией. В изложении д-ра Эрта ничего не преувеличено, мы можем это засвидетельствовать, ибо мы уже долгие годы с напряженным вниманием следили за политическим развитием в Германии... Победа Гитлера спасла Германию от большевизма, как приход к власти

¹ См. главу 10. Не исключено, что какую-то роль в деле поджога сыграл тогда и тот самый Штадтлер, который еще в январе 1919 г. принимал участие в составлении плана убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург, а позднее руководил «Клубом господ». В 1933 г. Штадтлер был членом рейхстага от партии Гугенберга и противником лидера умеренного крыла этой партии Оберфорена. Через несколько месяцев после поджога рейхстага Штадтлер официально перешел в нацистскую партию.

Муссолини спас от этого Италию. Тем самым сказано, какое сильное впечатление производит книга даже на тех, чья повседневная задача — следить за большевизмом и бороться против него. Пусть государственные люди, пусть министры внутренних дел и полиции, а также министры иностранных дел и внешней торговли прочтут ее и обдумают».

С не меньшим восторгом приветствовали Эрта, а через него и Геббельса профессиональные антикоммунисты в других странах капиталистического мира. Их финансовый покровитель во Франции мультимиллионер Франсуа Коти писал в своей газете по поводу книги Эрта: «Если бы национал-социалисты не задушили своевременно коммунистический заговор и коммунисты стали бы властителями Германии, то террор III Интернационала буйствовал бы сегодня в двух третях или трех четвертях европейского континента. Это было сделано как раз вовремя. Победа штурмовиков над «террористическими группами» в начале нынешнего года избавила Европу от страшного испытания»¹. Ближайший сотрудник Ильина белогвардеец Н. С. Тимашев выражался в связи с изданием книги Эрта «Террор» в 1934 г. еще яснее. Подчеркивая «всемирно-историческую заслугу» нацистов «в деле борьбы против коммунизма», он добавлял: «Но дело сделано только наполовину». Этим явно ставились на очередь действия против Советского Союза.

Разъезжая в последующие годы по разным странам, Эрт повсюду ревизовал или даже создавал заново филиалы геббельсовского «Антикоминтерна». Он же наряду с Розенбергом, Шикеданцем, Мелитой Видеман и другими фашистами из прибалтийцев опекал оставшихся в Германии белогвардейцев.

Так вступал в действие гитлеровский международный союз профессиональных антикоммунистов «Антикоминтерн».

¹ Ami du Peuple, 28.XI 1933.

Глава двадцать четвертая

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ СЕТЬ

1

«Антикоминтерн» Геббельса — третье по счету международное объединение профессиональных антикоммунистов — не был похож на их предыдущие организации, ни на агентуру Климовича, ни на Женевскую лигу Обера. Это уже не было добровольное сообщество лиц, находившееся на содержании тех или иных миллионеров и зависевшее от негласного покровительства полицейских органов в разных странах мира. Теперь речь шла об определенном поддомственном учреждении, разветвлении огромного государственного аппарата, распоряжавшегося им как любым другим казенным учреждением.

К услугам этой организации были отныне практически неограниченные государственные средства, на нее же по указанию свыше работали тайная полиция, разведка, в случае надобности — даже воинские части. При этом во главе всего дела стоял один из самых влиятельных государственных министров, он же — человек с репутацией крупнейшего мастера провокаций и фальсификаций в мире. Выше его был только сам глава партии и рейха, полубог германского фашизма.

Ни один штаб профессиональных антикоммунистов не располагал в прошлом такими материальными и политическими средствами, как действовавший с октября 1933 г. под управлением Геббельса «Антикоминтерн». Средствами этими новая организация стала пользоваться повсюду, и не только в пределах Германии. С середины 30-х годов цепь «Антикоминтерна» охватывала все без исключения капиталистические страны, где только находились представители «третьего рейха», и в ряде этих стран смыкалась с цепью гестапо.

Неофициально правой рукой Геббельса по таким делам был некий Эбергард Тауберт, нацист с ноября 1931 г., штурмфюрер СА, ловкий конспиратор, все время менявший фамилию. Так, в разные годы, организуя те или иные провокации, он называл себя д-р Эрвин Коль, Менцель, д-р Беккер, д-р Рихтер, Леман, Симон,

А. Гилен¹. Это тоже была характерная фигура во вкусе Геббельса: прирожденный авантюрист и ничем не гнушавшийся интриган. Но непосредственным руководителем «Антикоминтерна» был все же Эрт².

Существует документ, подтверждающий, что «Антикоминтерн» был с самого начала государственным учреждением нацистского рейха. 8 декабря 1936 г. Геббельс направил другим гитлеровским министрам, гаулейтерам, а также Риббентропу (тогда еще послу Германии в Лондоне) циркулярное письмо, в котором говорилось дословно:

«Организация Антикоминтерн, которая с целью маскировки внешне выступает как частное объединение (Объединение германских антикоммунистических союзов), в действительности, однако, представляет собой одно из учреждений моего министерства, ставит своей задачей в качестве полуофициальной антибольшевистской организации в Германии организовать мировое антибольшевистское движение под немецким руководством. В ходе выполнения этого поручения она недавно в первый раз созвала со всего мира своих связанных на закрытое международное рабочее совещание в Фельдафинге близ Мюнхена...

Я указываю на то, что делом этим, как антибольшевистской пропагандой, руководит мое министерство. Это особенно относится также к проведению всемирного антибольшевистского конгресса. Заведующим в моем министерстве и одновременно в имперском управлении НСДАП (нацистской партии.— Э. Г.) является правительственный советник д-р Тауберт. По своему служебному положению он начальник шефа (официального.— Э. Г.) Антикоминтерна. Прошу все переговоры вести не прямо с Антикоминтерном, а с моим министерством. Прошу также всю корреспонденцию с Антикоминтерном вести через меня. Хайль Гитлер. Д-р Геббельс»³.

Из того же письма Геббельса явствовало, что на тайном сборище в Фельдафинге были разработаны «общие планы действий в борьбе отдельных групп населения против большевизма в международном масштабе» и постановлено провести подготовительную

¹ Der Spiegel, 18.X 1950, S. 15.

После войны бежавший вначале из Германии Тауберт вскоре вернулся и перешел на службу к американцам по тем же международным антикоммунистическим делам. Перемену профессии это для него не означало.

² По некоторым данным, Эрт в годы войны куда-то «исчез». Если это верно, то его исчезновение было, несомненно, связано с тем, что подготавливая дела с поджогом рейхстага он знал во всех деталях и, возможно, кому-то проболтался. То же, как упоминалось, случилось с другим нацистским агентом, участвовавшим в этом деле,— Г. Беллом.

³ Neues Deutschland, 30.VIII 1958.

работу по созыву открытого всемирного антибольшевистского конгресса.

Иначе говоря, став главой международного объединения профессиональных антикоммунистов, Геббельс сразу же перешел в наступление, очевидно с благословения самого Гитлера. Ни денег, ни полицейских средств гитлеровцы отныне для таких целей не жалели. Результаты обнаружились уже в ближайшее время.

Ряды профессиональных антикоммунистов пополнялись тысячами новых активных участников, которых либо командировали из рейха, либо же нанимали прямо на месте. Одновременно закреплялись связи с местными фашистскими организациями. В ряде случаев антикоммунистические организации становились неотделимыми от гестаповских и от филиалов управлявшегося Розенбергом «Внешнеполитического управления» нацистской партии. В середине и конце 30-х годов все как будто указывало на то, что перед организацией Геббельса открываются широкие возможности.

Позднее выяснилось, что на тайной сходке в Фельдаффинге присутствовали 44 делегата из более чем 20 стран и что на ней было создано «международное бюро», официальным секретарем которого был сделан давно проживавший в Германии отставной шведский офицер Нильс фон Бар. Было решено, что бюро, возглавляя «воинствующую международную организацию», будет время от времени собираться в разных странах¹. Сборище было устроено в непосредственном контакте с гаулейтером нацистской партии в Мюнхене и с местным отделом министерства пропаганды. Лозунги «Антикоминтерна» гласили: «Большевизм — это мировой враг № 1», «За единый фронт всех народов, культур и религий против Коммунистического Интернационала!» На происходившем одновременно с участием Гитлера съезде нацистской партии в Нюрнберге была организована большая антикоммунистическая выставка. Всем посольствам и консульствам Германии за рубежом было дано указание всемерно содействовать операциям «Антикоминтерна».

Как на практике осуществлялась личная уния между «Антикоминтерном» и гитлеровским министерством пропаганды?

Ключевой фигурой в этой унии с начала до конца оставались все те же Тауберт и Эрт. С того момента, как Эрт помог Геббельсу придумать и организовать провокацию с поджогом рейхстага, человек этот, судя по всему, стал для нацистского лидера незаменим. То же можно сказать о Тауберте. Если Геббельс считался «серым кардиналом» при Гитлере, то Тауберт, прозывавшийся в нацист-

¹ New York Times, 23.III 1937, p. 10; 10.IX 1936, p. 1; Das Volk, XII. 1936, S. 409.

ских кругах «доктором Анти», вплоть до самого конца войны вполне мог претендовать на такую же роль при самом Геббельсе. Его боялись и ему подчинялись. Более беззащитного, совершенно неразборчивого в средствах человека трудно было сыскать даже в этой среде.

Дело было не только в иезуитских качествах Тауберта, поражавших даже гитлеровского «Макиавелли», но и в личных отношениях нацистской верхушки. Геббельс и Розенберг, начальник внешнеполитического управления нацистской партии и нечто вроде ее штатного «философа», не выносили друг друга. Поскольку в ведение Розенберга входили не только контакты с зарубежными прогитлеровскими группами, но с 1944 г. также и дела фашистской администрации на оккупированных территориях Советского Союза и в других странах Восточной Европы (в частности, отношения с белогвардейцами), а в геббельсовском министерстве пропаганды существовал свой особый отдел «восточных территорий», то склока между двумя нацистскими главарями приобретала характер острого ведомственного соперничества. Для Геббельса склоку вел Тауберт¹.

Он располагал чрезвычайными полномочиями. Помимо поста руководителя «Антикоминтерна» Тауберт занимал в министерстве пропаганды должности шефа отдела «восточных территорий», главы большого пропагандистского агентства «Винета» и главного референта в «Управлении психологической войны». В то же время он был заседателем в так называемом «Народном суде», возглавлявшемся палачом Фрейслером, беспрерывно выносившим антифашистам смертные приговоры².

Ряд организаций Геббельса был замаскирован под вывеску частных фирм. К его услугам была армия шпионов и агентов в Германии и за ее рубежом, ему же подчинялись специальные чиновники в гитлеровских «комиссариатах» в оккупированных областях³; в ту же сеть входили кинокомпании и радиостанции. Тауберт был автором одного из самых злостных антикоммунистических и антисоветских фильмов. Роль связного с Гиммлером в штабе Эрта выполнял эсэсовский капитан Ридвег.

Нацистская литература за те годы подтверждает, что Тауберт с помощью Геббельса оказывал влияние даже на высшие звенья гитлеровского аппарата. Так, например, созданный в сентябре 1936 г. очередной съезд нацистской партии в Нюрнберге был подготовлен при непосредственном участии «Антикоминтерна». Глав-

¹ Dallin A. Deutsche Herrschaft in Russland 1941—1945. Düsseldorf, 1958, S. 43.

² Frankfurter Rundschau, 20.VIII 1955.

³ DIZ—Die Tat, Frankfurt-am-Main, Sonderausgabe 12, IX. 1954.

ным лозунгом этого съезда, на который в качестве гостя был приглашен будущий глава французских коллаборационистов Лаваль, была «борьба с большевизмом». Миссией Гитлера было официально объявлено «спасение мира от большевизма»¹.

В те же дни «Антикоминтерн» в «сообществе с экспертами со всего мира» издал под названием «Мировой большевизм» толстый том на тему о «подрывной работе большевиков и попытках Коминтерна организовать перевороты во всех странах»; книга содержала 400 «фотографий, карт и наглядных таблиц». Это была своего рода энциклопедия антикоммунистических инсинуаций и подлогов, призванная служить пособием для фашистов в разных странах. Для следующего нацистского съезда в Нюрнберге в сентябре 1937 г. была подготовлена специальная антикоммунистическая выставка, открытая генералом Мельчиори, представителем итальянского министра пропаганды Альфieri².

Так Тауберт и Эрт год за годом продолжали стоять за спиной Геббельса. Пойманный после войны американцами (и вскоре же отпущенный ими на волю), Тауберт на допросе без стеснения признал: «С момента основания министерства пропаганды я нес ответственность за пропагандистскую борьбу против коммунизма»³. Карьера, которую при Гитлере сделал этот начальник — штаба международного объединения профессиональных антикоммунистов, была действительно «блестящей».

Как действовал руководимый им «Антикоминтерн»? Состав примкнувших к нему за пределами Германии организаций держался, разумеется, в тайне, но явно не ограничивался филиалами старой лиги Обера. Геббельс, Тауберт и Эрт повсюду создавали новые агентуры.

Какое-то представление о первоначальном составе организации можно получить из списка авторов статей в изданном Эртом в 1936 г. сборнике «Мировой большевизм». Многие указывает на то, что эти статьи представляли собой в действительности «причесанные» соответствующим образом доклады или отчеты, представленные в 1934 г. участниками тайного сборища в Фельдафинге, на котором официально и был учрежден «Антикоминтерн». Вот список этих докладчиков: А. Эрт (Германия), Т. Обер (Швейцария), Нильс фон Бар (Швеция), Гиацинто Тревисонно (Италия), Карл фон Винклер (Австрия), Франц Дорош (Венгрия), Карл Вахабен (Чехословакия), А. Братиану (Румыния), полковник А. Муссевич (Болгария), Душан Милосевич (Югославия), П. Акулов и А. Хризохидес (Греция), Л. Л. Оливелла (Испания), Ватанон

¹ New York Times, 7.IX 1936; 9.IX 1936; 10.IX 1936; 12.IX 1936.

² New York Times, 6.IX 1937.

³ Der Spiegel, 17.VIII 1955, S. 11—13.

(Финляндия, главный редактор), В. Скаржинский (Польша), Т. Грин (Англия), Г. Уильямс (США), Ч. Валтазар (Бельгия, «Симак»), Э. Энгберт (Нидерланды), представитель «Лиги имперской славы» (Австралия), Хуан Баррето (Мексика), М. Окожима (Япония), Хи Чунгин (Внутренний Китай), Ф. Александров (Китай, Маньчжурия), Лам Юхо (Монголия), Ишан Оглы (Китай, Синьцзян), берлинский профессор Г. Ешке («от Турции»), Мохамед Куршин Алам (Иран), Мир Гулам Рассул (Афганистан), Джавад Али (Ирак), Хабибур Рахман (Индия), Т. И. Чау (Таиланд), Н. Такурашвили (белогвардеец в Лондоне), Тахир Шакир (по-видимому, басмач), ряд ренегатов, бежавших из СССР.

Не подлежит сомнению, что немалая часть вышеприведенных имен, опубликованных в сборнике «Антикоминтерна», представляла собой псевдонимы. Столь же вероятно, что в ряде случаев речь шла не о «делегатах» из стран за пределами Германии, а о постоянно проживавших в рейхе на иждивении нацистов иностранных фашистах. Под некоторыми именами, несомненно, скрывались командированные за границу гестаповцы. Тем не менее ясно, что Геббельс, пользуясь щедрыми дотациями гитлеровской казны, сумел уже в середине 30-х годов построить широкую международную агентурную сеть. В последующие годы и во время войны она как будто продолжала расти.

2

Примечательно, что особую активность «Антикоминтерн» с самого начала стал проявлять в англосаксонских странах: тех, где в то время — накануне войны — разжигание антикоммунизма и антисоветизма было срочно нужно Гитлеру и его дипломатии.

В США почти все антикоммунистические организации вскоре же после учреждения «Антикоминтерна» стали проводить своего рода мобилизацию — явно по указаниям из Берлина и на немецкие средства. Центральное руководство перешло в руки вновь созданной «Американской секции Международного комитета борьбы с мировой угрозой коммунизма», то есть прямого филиала «Антикоминтерна». Под заголовком «Коммунизм в Германии» филиал этот стал наводнять страну переведенной на английский язык книгой Эрта «Вооруженное восстание», составленной из фальшивок. Книга рассылалась и раздавалась бесплатно, рекламировалась на митингах, в газетных статьях и лекциях.

В предисловии говорилось: «Ценность этого немецкого документа, как наглядного урока для других стран, побудила наш комитет передать его руководителям общественного мнения повсюду в США». Тут же давалось понять, что содержащейся в книге «документацией» необходимо пользоваться как доводом против

объявленного тогда (в 1933 г.) правительством Рузвельта дипломатического признания Советского Союза Соединенными Штатами»¹.

Но еще примечательнее были подписи под этим предисловием — список ведущих членов «Американской секции Международного комитета борьбы с мировой угрозой коммунизма». Обнаружилось, что речь идет все о тех же старых кадровых вожаках профессионального антикоммунизма в США, которые уже годами работали с Бразоном, Рейли и другими уполномоченными лиги Обера за океаном.

Так, например, председателем «Американской секции» оказался долгодетный сообщник Бразоля Ральф Исли, глава «Национального гражданского союза». Рядом с ним подписывались неистовый антикоммунистический конгрессмен Гамильтон Фиш, владелец агентства по шпионажу за рабочими в Сан-Франциско Гарри Юнг, глава «Федерации за лучшую Америку» Ф. О. Джонсон, бывший военный разведчик А. Э. Стивенсон, президент ультрареакционного союза «Американская коалиция» Дж. Б. Тревор, «главнокомандующий» «Военным орденом мировой войны» Д. Р. Делафильд и другие известные фашисты и полуфашисты в США. Иначе говоря, агентуре Геббельса и Эрта действительно удалось собрать под своим флагом главарей американских ультра.

Это вскоре подтвердилось тем, что за сценой той же группировке стал покровительствовать бывший благодетель Рейли и Бразоля миллиардер Генри Форд. Роль посредника сыграл в этом случае известный американский фашист и ярый сторонник гитлеровцев Чарльз Линдберг, принятый Фордом на службу в автомобильный концерн². Хотя сам Форд продолжал держаться в тени, его близость к лагерю прогерманских «изоляционистов» уже не составляла секрета.

Обнаружилось и другое. Деятельность «Антикоминтерна» направлялась теперь уже не столько на разжигание антикоммунизма вообще, сколько на прямую поддержку внешней политики гитлеровского рейха. Новое международное объединение профессиональных антикоммунистов действовало целиком в интересах Германии.

На сторону нацистов переходили и другие ведущие антикоммунисты в США. Собственница темного «Патриотического исследовательского бюро» в Чикаго Элизабет Диллинг повела яростную кампанию против президента Рузвельта, доказывая в своем бюллетене, что «коммунисты и евреи правят Соединенными Штатами». С помощью конгрессмена Фиша бюллетень Диллинг бесплат-

¹ *Carlsson J. R. Under Cover. New York, 1943, p. 456—457.*

² *Sward K. The legend of Henry Ford. New York, 1948, p. 460, 462.*

но рассылался по почте¹. В 1936 г. та же Диллинг, неизвестно на какие средства, издала в Чикаго книгу «Красное прошлое Рузвельта и его подоплека». Конгрессмен Фиш в свою очередь рекламировал книгу Гитлера «Майн кампф», которую в США распространял нацистский агент Фирек². Бразоль в 30-х годах неоднократно ездил в Германию, последний раз в 1939 г., когда имел несколько бесед с «высокопоставленными нацистами»³ (вероятно, с Геббельсом).

Профессиональные антикоммунисты делали тогда все, чтобы дискредитировать Рузвельта и помешать вступлению Америки в войну. Нити от них тянулись к главной, «респектабельной» организации американских изоляционистов, комитету «Америка прежде всего», в который входил ряд высокопоставленных лиц. Диржируемая из Берлина кампания против Рузвельта затихла только после нападения Японии на американский флот в Пирл Харборе и вступления США в войну с Германией, когда американским властям пришлось принять меры против профашистских организаций у себя дома.

Такие же задания в интересах гитлеровской Германии выполняла агентура «Антикоминтерна» в середине и конце 30-х годов в Англии. Старый лондонский филиал лиги Обера полностью перестроился на эту работу. Как уже говорилось, его руководитель консервативный депутат Дж. Бэйкер Уайт присутствовал в качестве гостя на одном из съездов нацистской партии в Нюрнберге. Уже в мае 1934 г. в Лондоне тем же филиалом была устроена антикоммунистическая выставка по «материалам» Эрта⁴. Позднее книга Эрта была выпущена на английском языке под заголовком «Красная паутина» и с предисловием Уайта.

Заведующий отделом пропаганды лондонского филиала Д. М. Сазерлэнд сообщил в одной из своих статей в берлинском органе «Антикоминтерна», что под воздействием его организации «некоторые дальновидные лица потребовали от правительства (Англии.— Э. Г.), чтобы оно предложило Советскому правительству распустить Коммунистический Интернационал». Черчилль, говорилось в статье, также потребовал, чтобы Москва «вырвала Коминтерн с корнями»⁵.

В числе сотрудников того же берлинского журнала оказались Мюриэл Бьюкенен — дочь английского посла в Петрограде в дни первой мировой войны — и известный английский профашистский генерал Дж. Фуллер. В августе 1938 г., за год перед войной, жур-

¹ Riess K. Nazis go underground. New York, 1944.

² New Republic, 18.IV 1942.

³ Carlsson J. R. Op. cit., p. 207.

⁴ New York Times, 27.V 1934.

⁵ Das Volk, III. 1937, S. 559, 568.

нал Эрта поместил фотографию Фуллера с подписью «Борец против мирового большевизма».

Был установлен также личный контакт с такой влиятельной фигурой, как промюнхенский министр иностранных дел Англии в 1935 г. сэр Сэмюэл Хор. Издательство «Антикоминтерна» предложило Хору издать его антибольшевистскую книгу «Четвертая печать» на немецком языке, и Хор сразу согласился. Больше того. Из Берлина были вновь закреплены связи со старым покровителем лиги Обера в Англии нефтяным магнатом Детердингом. В 30-х годах Детердинг переселился в Германию, где приобрел себе поместье в Мекленбурге и продолжал сноситься с нацистами. В октябре 1935 г. Розенберг отмечал в своем дневнике, что имуществу Детердинга в рейхе нацистскими властями были предоставлены налоговые скидки¹. Хотя Детердинг к тому времени уже не возглавлял нефтяную монополию «Шелл», он по-прежнему пользовался немалым влиянием на правые круги в Англии, стремившиеся к соглашению с Германией за счет Советского Союза.

Не меньшее значение в те годы имел прямой контакт между английским филиалом «Антикоминтерна» и действовавшей тогда влиятельной прогерманской организацией консервативных сановников и дельцов «Англо-германское содружество» — твердыней мюнхенцев. Президентом «содружества» был бывший руководитель консервативной фракции в парламенте и бывший председатель могущественной «Флотской лиги» лорд Маунт Темпл. Тот же лорд председательствовал в «Антисоциалистическом и антикоммунистическом союзе» — организации, входившей в лондонский филиал «Антикоминтерна». Маунт Темпл принадлежал к числу тех высокопоставленных англичан, которые незадолго перед войной ездили в Германию к Гитлеру. Другим видным членом «Англо-германского содружества» был генерал и консервативный депутат сэр Альфред Нокс — тот самый представитель английского правительства при штабе Колчака в 1918 г., который еще в начале 20-х годов принадлежал к лиге Обера в Лондоне.

В Англии, таким образом, дело обстояло так же, как в США: скрытое ядро «мюнхенцев», действовавших в пользу сговора с Гитлером, и здесь состояло из кадровых профессиональных антикоммунистов, выполнявших теперь директивы берлинского «Антикоминтерна».

В других странах Британской империи аппарат Геббельса тоже опирался на местных ультра. Так, в Южной Африке в их числе фигурировал главарь «серых рубашек» Х. Фервурд (впоследствии премьер-министр ЮАР). Дидерихс, один из руководителей тайной

¹ Kurzer Tätigkeitsbericht des Aussenpolitisches Amtes, X. 1935, S. 17; Seraphim H. G. Das politische Tagebuch Alfred Rosenbergs. Göttingen, 1950.

расистской организации «Брудербонд», стоявшей за ширмой правившей в стране «Националистической партии», был в те годы даже командирован в Германию на выучку в специальной школе «Антикоминтерна»¹. В Канаде в обновленную антикоммунистическую сеть входила фашистская банда А. Арканда «Патриотический орден Гоглю».

В Испании законспирированный центр «Антикоминтерна» начал действовать еще до мятежа Франко в июле 1936 г. В феврале этого года Тауберт объезжал страну, сговариваясь с фалангистами. Бюллетень «Антикоминтерна» посылался в Испанию через бюро Обера в Швейцарии². Есть все основания полагать, что Тауберт еще до контрреволюционного заговора Франко помог наладить его связи с Берлином, в частности через Геббельса. В апреле 1939 г. Франко лично послал приветственную телеграмму официальному генеральному секретарю «Антикоминтерна» Нильсу фон Бару.

В 1937 г. Тауберт под именем А. Гилена издал в Берлине «Красную книгу» об Испании, наполненную обычными фантазмагориями о «коммунистической угрозе». В 1939 г. последовала «Записка о вмешательстве большевизма и демократий в Испании», в которой заявлялось, что Коминтерн «ведет в Испании войну против Европы». Уполномоченный «Антикоминтерна» в Испании, именовавший себя Л. Л. Оливеллой, был непосредственно связан с франкистской охранкой и с Х. А. Примо де Риверой, основателем фашистской партии «Испанская фаланга». В Севилье стала действовать организация под названием «Движение против III Интернационала».

Во Франции нити «Антикоминтерна» тянулись к фашистской организации полковника Де ля Рока «Огненные кресты», пытавшейся в 1934 г. устроить государственный переворот. В сборнике Эрта «Мировой большевизм» была перепечатана статья Де ля Рока «Коммунистически-социалистический заговор» и от редакции говорилось: «Де ля Рок взял на себя инициативу разоблачить подоплеку губительной деятельности коммунистов во Франции... Движение «Огненных крестов» под лозунгом «Соппротивление и контратака» противостоит уличному террору коммунистов и социалистов, жертвой которого пали уже многие из его борцов. Для иностранного наблюдателя решает не содержание (программа? — Э. Г.) этого движения: каждая страна должна мобилизовать свои особые силы против Интернационала и делает это по-своему...»

Другими словами, «Антикоминтерн» отнюдь не запрещал фашистам какой-либо страны за пределами Германии проповедовать

¹ National Guardian, 2.I 1964.

В 60-е годы Дидерихс стал министром экономики ЮАР.

² Шпильгаген Ф. Шпионы и заговорщики в Испании, с. 146—148.

шовинизм на свой лад: лишь бы он сводился к тому же воинственному антикоммунизму и антисоветизму. Впоследствии выяснилось, что Де ля Рок уже в 1935 г. посылал своих людей на учебу в школу «Антикоминтерна» в Германии. В годы оккупации Франции гитлеровцами немалая часть сторонников «Огненных крестов» быстро превратилась в коллаборационистов.

В Бельгии к сети «Антикоминтерна» помимо старой антикоммунистической организации «Силлак» примыкала основанная немецким агентом (и будущим эсэсовцем) Леоном Дегреллем фашистская партия «рексистов». Дегрелль также посылал своих подчиненных в школу Эрта. В Нидерландах такую же функцию выполняло «Национал-социалистское движение» Мюссерта, ставшего в годы войны, подобно партии Дегрелля, открыто служить гитлеровским оккупантам. Здесь было также организовано специальное бюро «Антикоминтерна», обслуживавшее местную прессу. В Швеции были завязаны контакты с военными кругами. В Швейцарии все дела для Геббельса продолжал вести Обер. Здесь же работала для них фашистская организация Жоржа Ольтрамара «Национальный союз».

Ни малейшего труда, разумеется, и даже не слишком много денег стоило «Антикоминтерну» построить свои филиалы в государствах придунайского района и странах бывшего «санитарного кордона», позднее захваченных вермахтом. Для профессиональных антикоммунистов здесь как будто должна была начаться долгожданная райская жизнь: все они готовились стать важными немецкими чиновниками с правом преследовать и грабить кого угодно.

В Австрии еще в 1936 г. была учреждена «Антибольшевистская лига». При основании присутствовал сам тогдашний австрийский министр внутренних дел¹, принадлежавший еще к католической партии Шушница. Лига под таким же названием функционировала в Венгрии. В Чехословакии был установлен контакт с фашистскими организациями «Национальное объединение» Крамаржа и Стрибржного, «Чешское фашистское общество» генерала Гайды и «Словацкая народная партия» Глинки и Тисо. В Югославии то же было сделано с хорватскими сепаратистами вокруг журналов «Идейе» и «Балкан». В Белграде на средства из Берлина возник «Югославский антимарксистский комитет».

В Польше почти все население в середине 30-х годов понимало, что смертельная опасность стране грозит со стороны фашистской Германии. Тем не менее аппарат Геббельса и здесь нашел верных агентов. Главным из них стал старый сподвижник Пилсудского, черносотенный профессор Студницкий, служивший немцам еще

¹ New York Times, 24.XI 1936.

в годы первой мировой войны. Другим эмиссаром «Антикоминтерна» сделался руководитель варшавского «Института научного исследования коммунизма» Я. А. Регула. При помощи таких элементов в Варшаве незадолго перед нападением гитлеровцев обосновалась организация под названием «Антибольшевистский фронт».

Нельзя не упомянуть и о том, что Эрт тогда же попытался подготовить создание своего филиала даже на советской территории! В числе «представителей» от отдельных стран, присутствовавших на учредительной конференции «Антикоминтерна» в Баварии в 1934 г., фигурировали субъекты, называвшие себя уроженцами Грузии, Азербайджана, Северного Кавказа, Западной Украины, Туркестана, Белоруссии, Карелии, Крыма и даже «Урала», названного «турецкой областью». Разумеется, все это были бежавшие из СССР белоэмигранты, давно находившиеся на содержании у нацистов. Никакой связи со своим народом они, разумеется, не имели. Тем не менее «Антикоминтерн» уже готовил в их лице будущих резидентов-палачей на захваченных гитлеровцами советских территориях.

Позднее, уже во время войны, Тауберт и Эрт, вероятно, имели какое-то отношение к основанному тогда в Германии так называемому «Антибольшевистскому блоку народов», в который вошли антисоветские ренегаты: лидер бендеровцев Я. Стецко, грузинский гестаповец М. Кедиа, друг Розенберга А. Никурадзе и другие¹. Все это были заведомо конченные люди. Но все они до последнего момента мечтали о том, чтобы под охраной эсэсовских штыков участвовать при разделе СССР и развязать на захваченных территориях новый небывалый по свирепости белый террор. Это для них и было смыслом жизни.

Нет нужды подробно воспроизводить весь список филиалов «Антикоминтерна»². С помощью нацистских денег они плодились

¹ *Dallin A.* Op. cit., p. 609, 89, 111; *Hirsch K.* Die Blutlinie. Frankfurt-am-Main, 1960, S. 73.

«Русское» отделение блока существует на Западе под названием НТС по сей день.

² В Латинской Америке достаточно назвать следующие организации: «Аргентинская социальная оборона против коммунизма» в Буэнос-Айресе, основанная в 1937 г.; Центр социального строительства и обслуживания» в Венесуэле под руководством известного антикоммуниста Ортего Мартинеса; «Чилийское антикоммунистическое движение» (*Eisenberg D.* The regeneration of fascism. London, 1963, p. 154). На сборище антикоммунистов в Гейдельберге в 1937 г. приехали антикоммунисты из 15 стран (позднее к ним присоединились лица еще из 5 стран); было основано «Мировое движение молодежи против коммунизма»; еще раньше такая же организация учреждена для работы среди женщин. Средств в штабе Эрта действительно не жалели.

в капиталистическом мире в это время как грибы. Стоит, однако, особо упомянуть о стремительном наступлении, предпринятом «Антикоминтерном» в двух районах за пределами Европы: на Ближнем Востоке и в Восточной Азии. Здесь контакты с реакционными прогерманскими элементами были установлены очень быстро, и это было не случайно.

На Арабском Востоке «Антикоминтерн» действовал не только в политических, но и в определенных военно-стратегических интересах гитлеровского рейха. В числе его агентов здесь были такие фигуры, как сирийский эмир Шекиб Арслан (громогласно заявивший в 1935 г., что «большевизм несовместим с исламом»), египетский шериф и вождь правой «Национальной рабочей партии» Аббас Хильми и немецкий агент в Ираке Джелудад Али.

Прогитлеровская пропаганда этих кругов велась под флагом правоверного мусульманства; распространялись прокламации, напечатанные зелеными чернилами¹. «Ближневосточный центр» «Антикоминтерна» называл себя «Арабским союзом». С такими же лозунгами выступал в Иране некто Мохамед Куршин Алам, заявивший в сборнике Эрта в 1936 г., что под сенью панисламистского движения «восточная стена ислама могла бы стать достаточно протяженной и мощной, чтобы противостоять натиску большевизма».

Еще указывало на то, что «Антикоминтерн» в этих районах следовал прежде всего прямым указаниям гитлеровского генерального штаба: с целью подготовить почву для запланированного прорыва вермахта из Северной Африки через Египет, Ближний Восток и Иран в направлении к Закавказью и Индии.

С не меньшей спешкой действовал «Антикоминтерн» в Восточной Азии. Его агент в Китае «Хи Чунгин» докладывал: «Чан Кайши и другие руководители Гоминьдана своевременно учли большевистскую угрозу и поднялись на борьбу. Никто не может отрицать их заслуги». Здесь Геббельс опять играл в четыре руки с вермахтом. В 30-х годах при Чан Кайши, как известно, бесценно находились германские военные миссии, занимавшиеся реорганизацией его армии и помогавшие ему планировать походы против китайской Красной Армии. В бюллетене «Антикоминтерна» в 1937 г. печатались антикоммунистические фальшивки, изготовленные лигой Обера еще в 1927 г. по случаю нападения китайских властей на советское посольство в Пекине.

В том же 1937 г. филиал «Антикоминтерна» в Маньчжурии в контакте с фашистской организацией «синерубашечников» Сэ-чоу устроил в этом районе «боевую антикоммунистическую неделю». Тогда же в Синцзяне, во Внутренней Монголии и в приле-

¹ Roberts Glin. Op. cit., p. 345.

гающей к ней Нинся-хуэйской провинции были созданы конференции и решено было созвать антикоммунистический съезд монгольских мусульман.

В этих районах на «Антикоминтерн» по-прежнему работали и белогвардейцы. «Маньчжоу-Го», — сообщал на учредительной конференции «Антикоминтерна» в сентябре 1934 г. агент Эрта в Токио М. Окоджима, — предоставляет исключительно важные возможности для борьбы против коммунизации всего Дальнего Востока»¹. Здесь «Антикоминтерн» в соответствии с инструкциями из Берлина расчищал почву уже для японских милитаристов.

В самой Японии был заключен союз со старым фашистом Бин Акао, открыто называвшим себя «японским Гитлером»². Его организация, состоявшая главным образом из профессиональных уголовников, оплачивалась финансовыми магнатами и владельцами увеселительных учреждений. За ширмой, как и в дни существования лиги Обера, и теперь стоял все тот же японский террористический центр — «Черный дракон».

К сентябрю 1939 г. «Антикоминтерн» готовил свое открытое выступление в Азии: созыв «Антикоминтерновской конференции азиатских наций» в Токио. Участвовать должны были делегаты из Японии, Пекина, Шанхая, Маньчжоу-Го, Цзинаня, Калгана, Бомбея, с Филиппин и Гавайских островов. Целью ставилось создание «Комиссии Антикоминтерна для Азии» для обеспечения «идеологического сотрудничества» между Японией, Маньчжоу-Го, Китаем, Монголией, Филиппинами, Таиландом, Индией, Бирмой и Индокитаем. По сути дела, район этот совпадал с объявленной японскими милитаристами подвластной им «сферой процветания» в Азии. В то же время Геббельс явно рассчитывал попытаться взять все реакционные силы в Азии и под свой собственный «идеологический» контроль. Но до этого дело не дошло. Токийским милитаристам вскоре стало не до геббельсовских авантур.

3

Подводя итоги, нельзя не отметить одно обстоятельство.

Действовавшее в 30-х и 40-х годах под руководством из Берлина третье международное объединение профессиональных антикоммунистов в основном сохраняло за собой позиции старой лиги Обера в Западной Европе и США, но на Ближнем Востоке, на Дальнем Востоке, в Африке и в Латинской Америке сумело соз-

¹ Харбинское время, 1937, 25 ноября.

² Japan Year Book, 1937, p. 1224, Japan Biographies and Who's Who, 1961, p. 20—21.

дать более широкую агентурную сеть, чем эта лига¹. Ясно, во всяком случае, что за 11 лет своего существования «Антикоминтерн» сделал для гитлеровцев немало.

Подлинный контроль над всей этой организацией с самого начала находился в руках немецких фашистов. «Антикоминтерн» действовал полностью в их интересах. Если в начале 20-х годов профессиональные антикоммунисты во всем мире работали главным образом для французских империалистов, а в середине того же десятилетия — для английских антисоветских кругов, то теперь все их сообщество было орудием германского фашизма.

Руководителем всего дела оставался Геббельс. По поводу запланированного нацистскими вожаками расчленения Советского Союза между нацистскими вожаками имелись разногласия. Тауберт, поддерживавшийся Геббельсом, покровительствовал банде украинских фашистов и в феврале 1944 г. даже просил Геббельса предложить Гитлеру учредить нечто вроде украинского марионеточного правительства под названием «Украинский национальный совет»². В окружении Розенберга действовала своя белогвардейская клика. Фактически старая «русская секция» лиги Обера сама перешла под прямой немецкий контроль.

В статье «Мировое антибольшевистское движение», напечатанной в Информационном бюллетене «Антикоминтерна» 8 сентября 1936 г., заявлялось, что антибольшевизм «стал сегодня решающим фактором европейской политики» и что «Антикоминтерн» располагает всеми предпосылками для того, чтобы решить задачу уничтожения большевизма». Под «предпосылками» понимался Адольф Гитлер. Крушение Гитлера было одновременно и концом «Антикоминтерна». Третье международное объединение профессиональных антикоммунистов было сметено с международной сцены вместе с нацизмом.

Но, как обнаружилось в послевоенные годы, профессиональные антикоммунисты оружия не сложили. Двери перед ними открыл на этот раз американский империализм.

¹ Можно утверждать, что действовавший в те годы «Коричневый интернационал», создание которого автор данной работы тогда приписал начальнику «Внешнеполитического управления» нацистской партии Розенбергу (*Ernst Henri. Hitler over Europe?* London, 1934, p. 139—191), был в не меньшей мере плодом усилий Геббельса, Тауберта и Эрта.

² *Dallin A. Op. cit.*, p. 622—623, 638.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы наблюдали за действиями профессионального антикоммунизма на протяжении полувека: с начала нашего столетия — до второй мировой войны, от царской охранки (самого реакционного и самого преступного контрреволюционного аппарата эксплуататорских классов своего времени) до организованного фашистского террора — самого чудовищного явления нашей эпохи.

Профессиональный антикоммунизм, ростки которого появились на Западе еще в XIX в., быстро охватил все государства капиталистического мира, вступившего в период общего кризиса своей системы. В самых различных странах начались бешеные атаки на революционное рабочее движение, за которыми явно стояли влиятельные силы капитализма. Становилось ясно, что операции профессиональных антикоммунистов — немаловажная часть *мировой* классовой борьбы.

На протяжении трех десятилетий после Октябрьской революции не проходило ни одного года, по сути дела, ни одного дня без того, чтобы профессиональные антикоммунисты тем или иным способом сознательно не отравляли международную атмосферу. При этом все резче проявлялась не только антиобщественная, но и античеловеческая сущность этих сил. Обнаруживалось, что везде и повсюду за ними стояли самые зловещие, самые авантюристические элементы капиталистического общества.

Где бы уже в 20-х годах ни готовились реакционные заговоры и антидемократические выступления — в Германии, Италии, во Франции, на Балканах, в Польше, Испании, Португалии, — профессиональные антикоммунисты припимали в них активнейшее, нередко руководящее участие. В их тайные или полусекретные организации входило немало всем известных политиков и сановников капиталистического мира, оставивших свой след в современной истории.

Когда в начале 30-х годов мировой горизонт начал покрываться грозными тучами и германский фашизм стал прямо угрожать Европе, профессиональные антикоммунисты стали делать все, что-

бы усилить и приблизить эту угрозу. Когда в конце того же десятилетия послышались раскаты грома, предвещавшие небывалую трагедию в жизни человечества, те же круги попытались изо всех сил ускорить катастрофу. Их международный союз, существовавший с 1920 г., в 1934 г. перешел под прямой контроль нацистов. На стороне фашизма они оставались до последних его дней.

Умер ли профессиональный антикоммунизм после разгрома гитлеризма? Нет, этого не произошло. Напротив, причастные к нему организации и группы после войны вновь перешли в атаку в сговоре с инициаторами «холодной войны». Гитлера и Геббельса не было, но профессиональный антикоммунизм продолжал жить. Нить профессионального антикоммунизма, тянувшаяся с начала 900-х годов, не прервалась.

Я собирал материалы на эту тему в течение ряда лет, но многое даже не записывал: не думал, что буду действительно об этом писать. Находясь в разных странах за рубежом — в Германии, Англии, во Франции, в Бельгии и других, — я видел своими глазами, как действовали профессиональные антикоммунисты и как их происки нередко оставались почти незамеченными.

Данная работа кончается 1945 годом. Но достаточно новейших документальных материалов, чтобы убедиться, что, например, та «частная» международная организация, которая в 20-х, 30-х и 40-х годах под руководством сначала жандармского генерала Климовича и «чудо-шпиона» Рейли, затем под управлением швейцарского адвоката Обера, защитника убийц Воровского, и, наконец, под контролем Геббельса и его помощников объединяла профессиональных антикоммунистов, возобновила свое существование после второй мировой войны и под разными флагами действует и сегодня. Она и ее нынешние операции — тема для дальнейших исследований.

Мимоходом стоит упомянуть, что даже старое женевское бюро Обера, влившееся в 1934 г. в геббельсовский «Антикоминтерн», в 1948 г. попыталось проявить признаки жизни. От имени этого бюро было официально сообщено, что оно все еще действует в Швейцарии, что к нему примыкают «национальные центры» в отдельных странах и что пост ее президента по-прежнему занимает Теодор Обер (которому к тому времени было 70 лет), а пост генерального секретаря — старый агент врангелевской охраны Жорж Лодыженский. Тогда же, в 1948 г., Обер издал новую антикоммунистическую книгу под заголовком «Коминтерн и СССР. Подготовка коммунистической революции. Вчера и сегодня».

Это были те же лица, которые за 24 года до этого стояли у колыбели женевской организации. О том, что она в свое время была вплетена в сеть нацистского «Антикоминтерна», не упоминалось,

разумеется, ни словом. Зато специально указывалось, что цель лиги — «бороться против тоталитарного коммунизма за либеральную демократию в рамках закона в каждой стране»¹. «Либеральная демократия» вместо фашизма, деятельность «в рамках закона» вместо практики заговоров и подготовки войн! Подтверждалось, что для этих кругов «идеологическая» вывеска не имеет, по существу, никакого значения и может в любое время перекрашиваться в какие угодно тона применительно к обстановке, лишь бы в силе оставалась подлинная цель — борьба против коммунизма.

Конечно, дело было уже не в старой женевской организации. Попытка одряхлевшего Обера начать все сначала не имела никаких шансов на успех. Речь явно шла о желании как-нибудь заполучить новые денежные подачки взамен гитлеровских субсидий. Обер и его уже едва державшиеся на ногах компаньоны были на Западе забыты и навсегда сошли со сцены. Но не такова, как уже сказано, была судьба руководимого Таубертом и Эртом нацистского «Антикоминтерна».

Уже через несколько лет после войны выяснилось, что Тауберту по настоянию его новых покровителей в США и ФРГ было разрешено восстановить и даже расширить его старую организацию, получившую теперь название «Международный комитет информации и социального действия» (КИАС)². Под именем Гилена Тауберт стал ее генеральным секретарем. Человеку, который в течение 14 лет был близким помощником Геббельса, не дали выйти в отставку. Вдохновителям «холодной войны» были срочно нужны профессиональные антикоммунисты.

Разумеется, в последней четверти века их организации и агенты выступают как будто иначе, чем перед второй мировой войной. Новые международные условия, новое соотношение сил в мире требуют от них новой стратегии и новой тактики. Но из их прошлого, несомненно, можно извлечь некоторые уроки для настоящего.

Важно прежде всего одно. За их действиями — как в национальных, так и в международных масштабах — необходимо наблюдать не только время от времени, не только в моменты острых политических ситуаций, а постоянно, день за днем. Разглядеть их под маской не всегда легко.

Есть откровенные антикоммунисты, не боящиеся прямо высказывать свою ненависть к социализму и даже хвастаться ею. Таков, например, известный реакционный американский сенатор Барри Голдуотер, в 1964 г. кандидат республиканской партии в президенты, который заявил в своей книге «Совесть консерватора»: «Мы должны объявить международное коммунистическое движение

¹ *Annuaire des organisations internationales*. Geneve, 1948, p. 356.

² *Europa — Taschenbuch*. Bonn, 1961, S. 145.

незаконным в сообществе цивилизованных наций. Поэтому мы должны отказаться от дипломатического признания всех коммунистических правительств, в том числе и правительства Советского Союза, и тем самым дать понять всему миру, что такие правительства мы не считаем ни законными, ни постоянными»¹. В другой раз Голдуотер сказал: «Лишь бы бороться против коммунизма! Как будет вестись эта борьба — это не имеет никакого значения»².

Но Голдуотер не типичен. Не всякий профессиональный антикоммунист очевиден как таковой. Он может носить любую личину — маску либерального деятеля, не заинтересованного в политике бизнесмена или журналиста, «гуманиста» и т. п.

Но в действительности за сценой он остается фанатичным антикоммунистом, вся жизнь которого посвящена только одной цели. Некоторые из таких лиц доходят в этом отношении до мании.

Мало того. Дело не только в кадровых участниках организаций профессиональных антикоммунистов. Вокруг них обычно негласно собирается множество общеизвестных буржуазных деятелей, в том числе активистов тех или иных партий, сановников вплоть до министров, владельцев газет и журналов, дипломатов, военных. Как и до второй мировой войны, более или менее невидимые нити связывают их с полицией, охранками, разведками, диверсантами, агентами. Как и тогда, им отчисляются субсидии монополий, прежде всего военно-промышленных концернов, заинтересованных в обострении международной обстановки и продолжении гонки вооружений. И, наконец, в глубокой тайне профессиональный антикоммунизм по-прежнему поддерживает контакт с фашистскими силами.

Надо дать себе отчет в том, что, пока существует капитализм, профессиональный антикоммунизм никогда не сойдет со сцены и не выйдет из-за кулис. Характерно, что профессиональные антикоммунисты прибегают ко все более изощренным методам борьбы, блокируясь со своими союзниками в лагере агрессивного империализма. Рост могущества мировой социалистической системы удваивает их фанатизм.

В настоящее время профессиональные антикоммунисты в разных странах предпринимают отчаянные попытки сорвать разрядку международной напряженности, любой ценой вернуть капиталистический мир к наиболее острой форме «холодной войны» и в критический момент довести дело до третьей мировой войны. Наблюдается нечто вроде экстренной глобальной мобилизации этих сил, действующих при этом в тесном контакте с военно-промышленным комплексом.

¹ *Goldwater B. The Conscience of a Conservative. New York, 1964, p. 123.*

² *Bell J. Mr. Conservative: Barry Goldwater. New York, 1963, p. 76.*

Активность профессиональных антикоммунистов проявляется теперь прежде всего в трех направлениях.

Их главные организации в таких странах, как США, Англия, ФРГ, Франция, Япония, Италия, предписывают своим членам и скрытым соучастникам вести безостановочную бешеную кампанию против нормализации отношений с социалистическим сотрудничеством, против прекращения гонки вооружений, в особенности же против достижения окончательной советско-американской договоренности об ограничении и прекращении гонки вооружений. Как по команде, известные правые и даже «либеральные» политики один за другим выступают с паническими заявлениями о мифической «советской военной угрозе» и за быстрое создание новых, еще более чудовищных видов оружия массового уничтожения. Почти повсюду всем этим движет та же рука.

Во-вторых, профессиональный антикоммунизм теперь явно начинает раздувать неофашизм, притом в самых различных странах капиталистического мира. Эта операция также проводится подспудно. В каком-то новом варианте повторяется маневр начала 30-х годов, когда профессиональные антикоммунисты повсюду поворачивали в сторону гитлеровских и пронацистских организаций. На этот раз фашистов к тому же подталкивают на путь терроризма, а также на сговор с влиятельными милитаристскими кругами, замышляющими государственные перевороты.

Многое из того, что в последнее время наблюдается в этой области, в частности в Западной Европе, исходит все от тех же сил. Так, например, как уже упоминалось, крупная фашистская организация «Итальянское социальное движение» (ИСД), насчитывающая сотни тысяч членов и непрерывно устраивающая террористические акты, в мае 1978 г. приняла участие в 11-й ежегодной конференции «Всемирной антикоммунистической лиги» в Вашингтоне¹, очевидно, получая определенные инструкции. Здесь же глава ИСД Джорджо Альмиранте, бывший член правительства Муссолини, встречался с рядом известных крайне правых политиков США.

Подъем неофашистской волны замечается и в других странах Запада, например в ФРГ. Делается все для того, чтобы накалить атмосферу напряженности и тем самым приблизить к власти наиболее реакционные антикоммунистические круги.

Но еще большее значение, несомненно, придается теперь профессиональными антикоммунистами третьей «глобальной операции» с их стороны. Где бы они сейчас ни действовали, ими делается решительная ставка на сговор капиталистических держав с маоистским Китаем. Это становится чуть ли не их главной «но-

¹ Washington Post, 31.V 1978.

вой» идей. Внедряют ее как в правящие, так и в самые реакционные круги разных стран.

Не случайно, например, что один из главных авторов так называемой «китайской карты» западной дипломатии, Э. Бжезинский, — давнишний профессиональный антикоммунист. В ФРГ во главе сторонников альянса с Китаем становится лидер крайне правых Ф.-Й. Штраус. На тех же позициях одновременно оказываются неонацисты. План и в этом случае все тот же: добиться максимального нагнетания международной напряженности, чтобы в конечном счете попытаться развязать третью мировую войну.

Так профессиональные антикоммунисты продолжают действовать в наши дни. Свое оружие они не сдают, как бы окружающий их мир ни двигался к разрядке и мирному сосуществованию, и не сдадут до конца. В историческом поединке двух социальных систем роль этих сил — роль кандидатов на функции, описанные Джеком Лондоном в его романе «Железная пята», — определена раз и навсегда.

Приписывать профессиональным антикоммунистам какие-то особые таинственные силы нет нужды; их силы равны ресурсам правого крыла современного монополистического капитализма. С его помощью и по его указаниям они в первой половине века сделали все, чтобы приблизить вторую мировую войну. Стремясь уничтожить социалистическое содружество, они будут делать все, чтобы открыть двери третьей. Сейчас они упорно пытаются объединить правые силы во всем мире и гальванизировать фашизм.

Лип, породивших профессиональный антикоммунизм, давно нет в живых. Их политические внуки в капиталистическом мире остаются на сцене, опираясь на сменивших нацистов новых покровителей, на новых хозяев. Их организации стремятся приноровиться к современной обстановке, найти новые методы для своих махинаций, укрепить свои связи с верхушкой крупной буржуазии во всех странах. Один маневр сменяется другим.

И все-таки профессиональные антикоммунисты неотвратимо осуждены историей, которой они тщетно пытаются ставить палки в колеса.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
За сценой	
От прошлого к настоящему	9

Часть 1 ВОСКРЕСШАЯ ОХРАНКА

Глава первая.	
«ОСОБЫЙ ОТДЕЛ» ЦАРСКОГО ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ	28
Глава вторая.	
ЖАНДАРМСКАЯ ШКОЛА АНТИБОЛЬШЕВИЗМА	35
Глава третья.	
РОЛЬ АНТИБОЛЬШЕВИСТСКИХ «СПЕЦИАЛИСТОВ» ОХРАНКИ РЕЗАНОВА И ОРЛОВА	44
Глава четвертая.	
МНИМАЯ ЗАГАДКА СИДНЕЯ РЕЙЛИ	55
Глава пятая.	
НОВАЯ АГЕНТУРА КЛИМОВИЧА. УБИЙСТВО ВОРОВСКОГО	63
Глава шестая.	
ОСНОВАНИЕ ЛИГИ ОБЕРА	74

Часть 2 ЛИГА ОБЕРА

Глава седьмая.	
АТАКА НА КОМИНТЕРН	86
Глава восьмая.	
ЛОНДОНСКИЙ ЦЕНТР	101
Глава девятая.	
ГЕРМАНСКОЕ ЗВЕНО: УБИЙЦЫ ЛИБКНЕХТА И ЛЮКСЕМБУРГ	117
Глава десятая.	
ФИЛИАЛ ГЕНЕРАЛА ГОФМАНА	138
Глава одиннадцатая.	
СОЮЗ С ФРАНЦУЗСКИМИ ФАШИСТАМИ	159

Глава двенадцатая.	
ПОД СЕНЬЮ ФОРДА И ФБР	173
Глава тринадцатая.	
ШПИОНАЖ ЗА КОММУНИСТАМИ КАК РЕМЕСЛО	189
Глава четырнадцатая.	
БЛОК С ОРДЕНОМ ИЕЗУИТОВ	207
Глава пятнадцатая.	
БАЛТИЙСКО-ЧЕРНОМОРСКАЯ СЕТЬ	217
Глава шестнадцатая.	
СЕТЬ ОТ СТОКГОЛЬМА ДО МАДРИДА	230
Глава семнадцатая.	
ЖЕНЕВСКОЕ БЮРО И КОЛОНИАЛЬНЫЕ МАГНАТЫ	244
Глава восемнадцатая.	
АЗИАТСКИЙ ЦЕНТР	261
Глава девятнадцатая.	
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АНТИКОММУНИСТЫ В РЯДАХ СОЦИАЛ-ДЕМО- КРАТИИ	283

Часть 3
«АНТИКОМИНТЕРН» ГЕББЕЛЬСА

Глава двадцатая.	
УПАДОК ЛИГИ ОБЕРА	296
Глава двадцать первая.	
МОСТ К ГИТЛЕРУ	306
Глава двадцать вторая.	
ПРОДАЖА ЖЕНЕВСКОГО БЮРО	324
Глава двадцать третья.	
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ АНТИКОММУНИСТЫ И ПОЛЖОГ РЕЙХСТАГА	334
Глава двадцать четвертая.	
ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ АНТИКОММУНИСТИЧЕСКАЯ СЕТЬ	345
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	360

Эрнст Генри

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ АНТИКОММУНИЗМ

К истории возникновения

Заведующий редакцией А. В. Никольский

Редактор Т. Г. Климова

Младший редактор Т. В. Гуничева

Художник Л. Т. Рябыкина

Художественный редактор Е. А. Андрусенко

Технический редактор Ю. А. Мухин

ИБ № 2373

Сдано в набор 06.11.80.

Подписано в печать 27.02.81. А00020.

Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1.

Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая.

Услови. печ. л. 21,39. Учетно-изд. л. 23,98.

Тираж 100 тыс. экз. Заказ 671.

Цена 95 коп.

Политиздат.

125811, ГСП, Москва, А-47,

Миусская пл., 7.

Орден Ленина

типография «Красный пролетарий».

103473, Москва, И-473,

Краснопролетарская, 16,